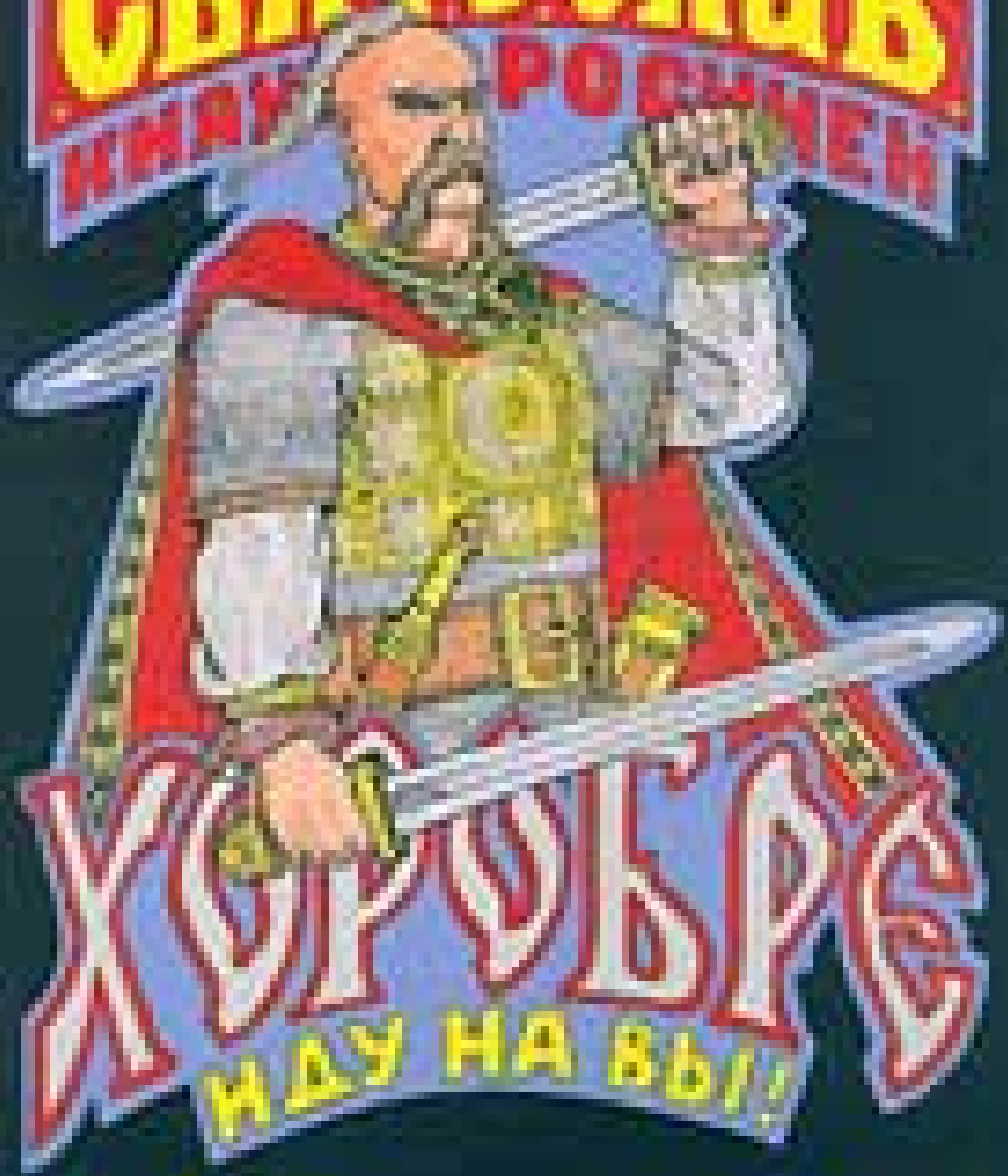

ОЗАР

СВЯТОСЛАВ

СВЯТЫЙ РАДОСЛАВ

ПОБЕДА

НАШ НА БЫ

Лев Рудольфович Прозоров (Озар Ворон)

Святослав Хоробре: Иду на Вы! (Загадки И Коды Древней Руси)

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

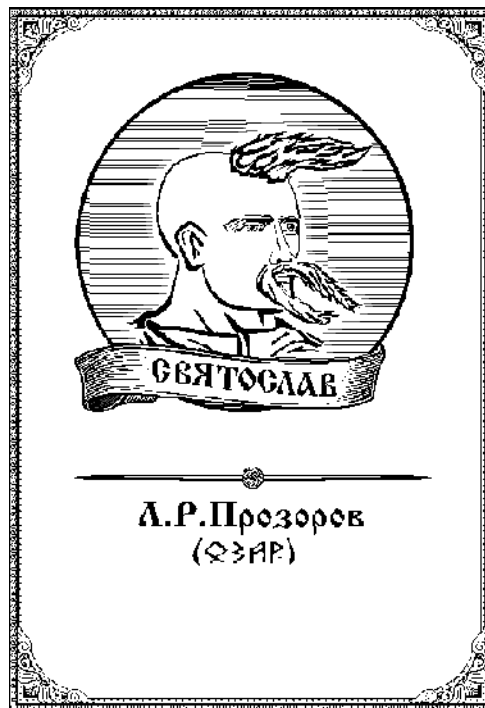
Маленькая страна Македония подарила мировой истории Александра Великого. Весь мир знает римлянина Юлия Цезаря. Однако мало кто за пределами России знает воина, сравнимого с Александром и Цезарем, а как правитель и человек безмерно превосходящего их — великого князя Киевского Святослава Игоревича, прозванного Храбрым. Даже враги почти-тельно называли "царствующим на север от Дуная" и сравнивали с древним героем Ахиллом. Все — и враждебные князю-язычнику монахи-летописцы, и прямые его враги византийцы — волей или неволей говорят об удивительном, невероятном для шкурных наших времен бескорыстии великого князя, которое распространялось на самую жизнь.

В 962 году князь Святослав Храбрый, сын Игоря из рода Сынов Сокола, одержал свою первую победу. Благодаря ей наших пращуров не продали в Кордове или Венеции с табличкой "Sklave" на груди. Не уморили голодом в замковых подземельях. Не заставили забыть речь и имя своего народа. Он воин — и выбирает наиболее опасного врага, опасного настолько, что войну с ним можно уподобить поединку с драконом, исполином-людоедом или другим чудищем из древних легенд. Он князь — и направляет оружие против смертельного, старого недруга Руси. Он жрец — и поднимает меч на воплощенную Скверну, земное подобие бесовни Кромешного мира, ожившее оскорбление Северных Богов. На Хазарский каганат. Держава-вампира, полтора столетия пившая все соки из соседей и данников, рухнула в один, 965 год. Не Дон, а Волга стала при нем восточным рубежом Русской земли. Святослав подвел своим походом черту под вековым противостоянием Руси и Хазарии, под двумя столетиями хазарского ига. Чудо-Юдо погибло, почти на тысячу лет отодвинулось его воцарение. Посвящением, испытанием была для юной Руси схватка с чудовищным каганатом. Мы сумели пройти через него. Благодаря Святославу.

Содержание

#1.....	.0006
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	0006
#3.....	.0008
1. ЯЗЫЧЕСКАЯ ДЕРЖАВА. РОД И РОДИНА.....	0009
2. НА МОРЕ-ОКЕАНЕ, НА ОСТРОВЕ РУЯНЕ.....	0021
3. БОГИ И ЛЮДИ РУСИ.....	0051
4.УБИЙСТВО В ДРЕВЛЯНСКОЙ ЗЕМЛЕ. " КНЯЗЬ УЖЕ НАЧАЛ!..".....	0074
5. ДЯДЬКА АСМУНД; СУМЕРКИ СЕВЕРА.....	0086
6. ЦАРЬГРАДСКАЯ ЖАРА И ТЕНЬ С ЗАПАДА.....	0097
7. КАРФАГЕН ТРЕТЬЕГО РИМА. ИДУ НА ВЫ!.....	0119
8. ПЕРВОЕ ИГО.....	0132
9. БОЙ НА КАЛИНОВОМ МОСТУ.....	0141
10. СЫНЫ СВЕТА, ЖИТЕЛИ ТЬМЫ. СЕРЕДИНА ЗЕМЛИ МОЕЙ.....	0153
11. "СВЯТОСЛАВ, ЦАРЬ БОЛГАРАМ".....	0167
12. "ЧУЖОЙ ЗЕМЛИ ИЩЕШЬ".....	0186
13. ГРОЗА НАД ВИЗАНТИЕЙ. МЕРТВЫЕ СРАМУ НЕ ИМУТ.....	0205
14. ДЛИННЫЕ СТЕНЫ ДОРОСТОЛА.....	0238
15. "ПУСТЬ ДЕТИ НАШИ БУДУТ ТАКИМИ, КАК ОН".....	0255
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ.....	0272

**Лев Рудольфович Прозоров (Озар Ворон)
Святослав Хоробре: Иду на Вы!**

ПРЕДИСЛОВИЕ

История этой книги недлинная, но одновременно и непростая. Все началось с небольшой лекции, которую автора попросили написать для Русской молодежи. Автор написал. Впоследствии он стал редактором отдела критики и публицистики в "Луче", единственном журнале удмуртской республики, выходящем на русском языке (притом, что русские составляют большинство населения республики). Там он и опубликовал свою лекцию, уже в качестве статьи. Это стоило ему работы в журнале — нашлись патриоты Хазарии и Византии, которые сочли, что жизнеописание Русского князя оскорбляет их чувства. Редактора "Луча" В. И. Емельянова, буквально затравили звонками, как анонимными, так и от местного "Общества еврейской культуры", и он, испугавшись, уволил автора. В дальнейшем один предприниматель, прочитав статью, предложил автору написать в той же манере и на ту же тему целую книгу, предлагая издать ее. Автор охотно согласился — Святослав был и остается его любимым героем Русской и мировой истории, идеалом воина и правителя. С другой стороны, автору надоело видеть, что полки книжных магазинов делят книги высокоученых русофобов вроде Петрухина, Тишкова и Скрынникова, в которых славяне превращаются в дикарей, облагодетельствованных хазарскими, скандинавскими и византийскими культуртрегерами, и книги дилетантов, в азарте "патриотического" мифотворчества превращающих историю всей земли, вплоть до Латинской Америки, в "историю древних русов" (Петухов, Асов). Эта книга является, по сути, первым жизнеописанием Великого Князя, созданным человеком, с одной стороны, профессионально изучавшим его эпоху, а с другой — не чуждым (как автор смеет надеяться) по духу Святославу Игоревичу.

Однако на сей раз возникли сложности с научным рецензентом книги и одновременно научным руководителем автора, В. В. Пузановым, который счел "некорректным" ответ автора фальсификаторам Русской истории. Издатель счел критику резонной и предложил "отредактировать" книгу. Что ж, его право. Возможно, через какое-то время — хотя очень нескоро — появится "отредактированная", адаптированная для интеллигентов версия книги. Если когда-нибудь появится. А пока автор предлагает эту книгу в ее первоизданном виде вниманию Русских людей. Он также объявляет, что ищет спонсора и издателя для книги "Святослав".

Слава Роду!

12 септя (августа) 2003 г. от н.х.л.

Озар

ПОСВЯЩЕНИЕ.

Винаяке — Попутнику, чей смех на закате рассыпался в небе путеводными звездами.

Всем, кто делит со мною тяготы и радости Пути.

БЛАГОДАРНОСТИ.

Роду Всеотцу за этот мир. Макоши Пряхе — за долю и недолю.

Перуну Метателю Молний — за силу и решимость. Волосу Отцу Могил — за

знание, память и слово.

Предкам — за кровь в моих жилах, и нашу землю.

Доброславу — за Коловрат.

Сэру Гилберту Кийту Честертону — за логику и стиль.

И. Я. Фроянову, А. Г. Кузьмину и А. Л. Никитину — за открытия и идеи.

В. С. Залазаеву — за идею и возможность создания этой книги.

Моему руководителю, В. В. Пузанову — за терпение и терпимость.

Стрюю, Вадиму, Беде, Змею и Арьядеву — за участие и хорошие советы. Огневеду — за астрологическую консультацию.

Стихотворцам, в особенности из творческого общества "Солнцеворот" и объединения "Равноденствие", а равно и Светобору из Зуевки — за отличные стихи.

Всем, кто помог создать и издать эту книгу.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ.

Убежденный христианин, мусульманин или иудей может испытать неприятные ощущения при чтении этой книги. "Кто предупредил, тот не виноват!", как говорили викинги.

Гуманистов, либералов и интеллигентов убедительно просят не читать эту книгу.

*Тень Святослава скитается невоспетою...
Н. Гнедич.*

*Как изменился лик Земли!
Мы лишь поем о великанах,
О тех героях, что ушли,
Оставив сталь свою в курганах...
А. Аринушкин "Пророчество"*

*На нем лежит, как символ посвященья,
Арийской чистоты последняя печать.
Он — Бог Войны, он — призрак отомщенья,
Мы смотрим на него, и... глаз не оторвать.
С. Яшин.*

1. ЯЗЫЧЕСКАЯ ДЕРЖАВА. РОД И РОДИНА.

*Не надо обманчивых грез,
Не надо красивых утопий;
Но Рок поднимает вопрос:
Мы кто в этой старой Европе?*

*Случайные гости? Орда,
Пришедшая с Камы и с Оби,
Что яростью дышит всегда,
Все губит в бессмысленной злобе?*

*Иль мы — тот великий народ,
Чье имя не будет забыто,
Чья речь и поныне поет
Созвучно с напевом санскрита?
В. Я. Брюсов "Старый вопрос".*

1. "Племена" или Держава?

*Я знаю — далеко в былом
Тот мир, что я искал.*

А. Аринушкин.

Маленькая страна Македония подарила мировой истории Александра Великого. Весь мир знает римлянина Юлия Цезаря. Однако мало кто за пределами России знает воина, сравнимого с Александром и Цезарем, а как правителя и человека безмерно превосходящего их — великого князя Киевского Святослава Игоревича, прозванного Храбрым.

Более того, сейчас и из русской памяти его пытаются вычеркнуть, вытеснить. Выходят книжки по Русской истории, где нашему герою уделяются две-три странички, если еще не строчки. А то нет и того, как в неведомо зачем переизданной дореволюционной детской книжке "Моя первая русская история", где за Ольгой сразу идет Владимир. Слово и не было Святослава Храброго, которого даже враги почтительно называли "царствующим на север от Дуная" и сравнивали с древним героем Ахиллом.

Есть сочинители похитрее: "Да-де, был такой разбойник-гуляка, на соседей набеги устраивал, ничего, кроме грабежа, и знать не знал. И погиб по-глупому, в одном из своих налетов.

Что здесь скажешь? Знать, и тысячу лет спустя кому-то страшно и ненавистно его имя. Знать, и сегодня не дает кому-то спать его слава.

Впрочем, что один человек, даже такой, как Святослав Храбрый. В иной нынешней книге прочтешь, что и Руси-то, оказывается, в его времена не было. Не было державы. Были одни "племена", с которых брали дань чуть менее дикие норманны.

Чем же была на деле страна, в которой родился наш герой?

Как ни удивительно — историки не знают, была ли Русь той поры государством. Просто потому, что не знают, что же, собственно, такое — государство.

Сталкивается столько определений государства, столько его трактовок и версий его появления, что перечисление их само по себе составило бы главу, а изложение — книгу. Русь называют "варварской державой", "суперсоюзом племен", "протогосударством"...

Проще говоря, историки на наш вопрос ответа не знают. Так не проще ли, чем вникать в дебри их споров, обратиться к современникам? Как смотрели они на наших предков? Кого видели в правителях Руси — племенных вождей или правителей державы?

Западная Европа Средневековья относилась к титулам более чем серьезно. Серьезнее она относилась только к господу богу и христианской вере. За неправильное употребление титула там вызывали на поединок, отправляли на плаху, объявляли войну. Так вот, с самого начала, с сообщения Бертинских анналов о посольстве "народа Рос" к императору франков, Людовику Благочестивому в 839 году, правителя русов именуют "королем". Через сто с лишним лет, в "Хронике Продолжателя Регинона", княгиню Ольгу, Елену в крещении, назовут "королевой Еленой". И далее, вплоть до "короля Полоцкого" и "короля Суздальского" хроники Генриха Латвийского. Вождей племен — скажем, куршей, ливов, половцев — "королями" никто не величал (а забавно читать в хрониках про "сеньора ливов" или "половецких баронов"). Больше того, иных правителей заведомых государств, христиан-католиков из Чехии или Польши, именовали всего лишь "дюками" — князьями.

Восточные авторы тоже называют русских князей не "раисами" — главами, старейшинами — а "царями" или даже каганами — титул императорский! И поясняют: "ар-Рус, так же, как аль-Хазар и ас-Серир — это название государства, а не людей и не города". "Ас-Серир" — это княжество в Предкавказье, а "аль-Хазар" — Хазарский каганат, уничтоженный нашим героем. То есть оценка Руси-государства относится, самое позднее, ко временам его детства. Каким государством был каганат, мы еще расскажем, а сейчас нам важнее, что он, несомненно, был государством.

Не признавала за русскими правителями достоинства государей, именуя их "архонтами" (старейшинами), лишь надменная Византия. Так она и за болгарским царем, и за эмиром Египта, и даже за кайзером Священной Римской империи германской нации отказывалась признавать царский титул. Византийцы именовали свою страну Восточным или Вторым Римом, а себя — ромеями, римлянами. Соседи называли их греками, а название Византия вошло в историческую литературу с легкой руки итальянских книжников заката Средневековья. Ромеи смотрели на вещи просто: есть их Империя. И есть варвары, среди коих с горем пополам выделяли франков, остальные же были в византийских глазах почти равны — будь то вождь племени или могучий правитель.

Впрочем, когда припекало, византийский чиновник мог величать русского князя "царствующим". А проповедник Илларион при сыне Святослава писал о нем и его отце, Игоре:

"Не в худой и не в неведомой земле владычествовали, но в Русской, что ведома и слышима всеми четырьмя концами земли".

Как видно, и он считал языческую Русь не сбродом "племен", а едва ли не

мировой державой.

Итак, современники почти единодушно почитают Русь X в. державой, сопоставимой с Хазарским каганатом и королевствами Запада.

Могут сказать: "Мало ли что думали современники! Где единая система управления? Ведь иными землями до XII века правили не наместники киевского князя, а князьки из местных знатных родов! Где аппарат? Ведь князь вынужден был сам по полгода объезжать земли с дружиной, собирая дань! Где, наконец, внешняя по отношению к обществу власть? Вот, в договоре вашего Святослава: "а со мною бояре и русь вся". Стало быть, вместе с князем заключали договор не только бояре, но и все русы! А значит, власть не отделялась от общества. Какое же это государство?"

Ответим: точно то же самое было в державе франков. И не при Хлодвиге, в годы основания. И не при Карле, в годы расцвета. А при потомках Карла, при том самом Людовике Благочестивом. Так же правили в своих землях "племенные герцоги". Так же по полгода колесил по стране король или император, собирая дань и творя суд. Всей разницы, что он ездил летом, а не зимой. Так по римским дорогам удобнее ездить как раз летом, а у нас и поныне в иные края иначе, чем по речному льду, не доедешь. И точно так же собирались на законодательные собрания "все франки". И даже саксы так же бунтовали против франков, как древляне или вятичи против русов, даже успешнее. Саксы добились-таки независимости, усадили на престол державы восточных франков свою, Саксонскую династию. Древлянам такое и не снилось!

Но кто же усомнится, что захватившие пол-Западной Европы, отбившие натиск сарацинских орд франки — Держава? Кто махнет рукой и примется плести про "племена"?

Кстати, а о каких "племенах" речь?

Летопись действительно упоминает древлян, дулебов, уличей, словен, кривичей, полян, вятичей, северу, тиверцев... Только племенами их не называет. Это уже ученые XIX века приложили к летописи этнографический термин. И приложили весьма неудачно. Древляне, вятичи и прочие — не племена. Летопись их упоминает в одном ряду с западнославянскими лютичами и поморянами. И земли они занимают примерно такие же. Но лютичи — не племя. И поморяне не племя. Это, выражаясь суконным языком этнографической науки, союзы племен. Лютичи, к примеру, это ратары, хижане, чрепняне, доленчане и еще с полдюжины племен помельче. Не меньше, наверно, племен входило в союзы древлян или кривичей. В союз вятичей, по археологическим данным, входило шесть племен. Вот только союзы племен сложились у восточных славян так давно и прочно, что про отдельные племена памяти не осталось. Совсем. Видно, к началу летописания никто про них и не помнил.

А союз племен — это явление принципиально новое. Не родовое, а политическое, территориальное. Отсюда уже шаг-два до государства. И действительно, в союзах, упоминаемых летописью, есть и "княжение свое", и "законы отцов своих". Не обычаи, тут же отдельно упомянутые, именно законы! И отношения между этими княжениями не сводились к пресловутым распрям. Еще до Рюрика "жили мирно поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты".

Как назвать всех этих древлян, вятичей и тиверцев, не на ученом жаргоне, а живым русским языком? Опять обратимся к летописцу. В один ряд с ними

он ставит литву, немцев, свеев-шведов... верно, читатель. Народы! А по-древнерусски — "земли". "Послала нас к тебе Древлянская земля" — не "племя"!

Поэтому договоримся, читатель — не будет в этой книге "восточнославянских племен". Да, привычно. Но не всякая привычка во благо. Эта — вредна вдвойне. Она искажает истину. И позволяет нам смотреть на предков свысока. "Племена" — что-то папуасско-ирокезское, шкуры и каменные топоры. Тем паче, что сейчас немало охотников поддержать этот взгляд. Вспомните фильм "Тринадцатый воин". Славяне-"вендели" изображены размалеванными дикарями, размахивающими палицами и каменными топорами (в эпоху викингов!), обитающими в пещерах людоедами. При этом они ездят верхом в седлах со стремями (где ж они коней в пещере держат?), и растаскивают городьбу поселка викингов-колонистов железными крючьями на веревках. В фантастическом романе "Возвышение Криспа" Гарри Тертлдава, историка, специалиста по истории Византии, изображен фантастический двойник этой державы, Видесс. К северу от его границ, за рекой Астрис (Истр-Дунай), обитает страшное племя кубратов. Эти одетые в шкуры бородачи живут в юртах, не умеют возделывать землю и угоняют видесских крестьян. Столица кубратов — город Плискава, а правит ими каган(!) Маломир. Его послов зовут Глеб и Бешев.

Это все фантастика. А вот что пишут в серьезной научно-популярной книге "Викинги" Ф. Уингейт и Э. Миллард:

"В VII-X веках Восточная и Юго-Восточная Европа подверглась нашествию... кочевых народов, пришедших из степей. В их числе были печенеги, славяне авары, болгары и мадьяры"!

Книжка эта выпущена в издательстве "Росмэн" и "может быть рекомендована школьникам в качестве учебного пособия по истории". Хорошо пособие! Начитавшись подобной литературы, один юный испанец недавно писал своим русским сверстникам: "Вы до 1700 (!) были кочевниками, а потом пришли викинги и дали вам государственность". Судя по дате, к викингам парень отнес Петра I. С такими "пособиями" скоро и русские школьники будут смотреть на языческую Русь, как на какую-то первобытную орду диких "племен".

Летопись никаких "племен" не знает. Были княжества-"княжения". Были "земли" и населявшие их народы, объединенные в державу русов предками нашего героя. Державу, на которую и Восток, и Запад смотрели, как на равную себе.

2. Страна Городов.

*Город над городом, ряд над рядами,
Стены в сажень — тараном тарань,
А в стенах дары завалили дарами
Киев, Суздаль, Тьмутаракань.
Вся Русь от Корчева до Онеги,
От Волги до Ильменя, от Югры до Карпат
Раскинулась в праздности, холе и неге
Среди посадничьих крепких палат.
С. Наровчатов. "Василий Буслаев".*

Лет десять-пятнадцать назад в редкой книжке про Киевскую Русь нельзя было прочесть, что скандинавы называли Русь Гардарик — Страна Городов. Пишут об этом и нынче, но редко кто преминет заметить, что-де слово "гард" в скандинавских наречьях обозначало вовсе не город, а просто огороженное поселение, хутор.

Так что же — "Страна Хуторов"? Чем же тогда Русь отличалась в глазах скандинавов от их родины? Хуторов там было побольше, чем на Руси. И еще — Новгород по-скандинавски Хольмгард. Киев — Кенугард. Пожалуй, найдутся охотники утверждать, что в IX-X вв. эти русские города были, мол, не более чем "огороженными местами". И мнение Титмара Мезербургского, называвшего Киев "соперником Константинополя", "знатокам" не указ. Что им какие-то современники и очевидцы! Они, спустя тысячу лет, лучше знают, — не мог быть Киев соперником столице Византии, и точка! Вот только сама эта столица в сагах называется... Микльгард.

Константинополь, мегаполис раннего Средневековья, Восточный Рим, который его жители называли попросту Городом, не признавая других во вселенной — хутор?!

Загадку слова "гард" мы разрешим позже. Пока же "на предстоящее обратимся", как писали летописцы, когда им случалось, закончив отступление, возвращаться к основной теме.

Могут сказать что, мол, скандинавы могли понимать в городах?! В Скандинавии их было — буквально по пальцам перечесть. Это так. Но ведь саги складывали в годы походов викингов, когда скандинавы осаждали Париж и Лондон, а Страной Городов отчего-то назвали не Францию и не Англию. Даже не Италию, до которой реже, но тоже доплывали.

Баварский Географ родился, как очевидно из прозвища, в цивилизованном по тем временам краю, не то на границе бывшей Римской империи, не то в пределах ее провинции. Он перечисляет города восточноевропейских славян. Для каждой земли Географ называет двух-, а то и трехзначное число. Он тоже не знает, что такое город?

Араб Ибн Русте пишет, что у русов "много городов". Неужели представитель цивилизации, породившей Багдад и Каир, не мог отличить города от "огороженной деревни"?

Вывод, кажется, ясен. Опять свидетельство современников-иноземцев вносит ясность в путаницу историков. Люди разных народов, стран и вер, люди, безусловно, знакомые с городами, единодушно утверждают, что у русов во времена Святослава были города. Притом в количестве, производившем впечатление не только на полудиких скандинавов, но и на более чем цивилизованных арабов.

Несколько слов о двух важнейших городах той эпохи, двух столицах Руси — Новгороде, с которого началась династия Рюриковичей, династия, к которой принадлежал наш герой, и стольном Киеве.

В книгах часто можно прочесть, что в Новгороде не открыто следов поселения до середины X века. Делается вывод, что и сам город возник не раньше, а значит, все сообщения летописей о событиях в северной столице Рюриковичей в IX — начале X веков недостоверны. Тут сразу возникают два встречных

вопроса. Во-первых, какой процент густо застроенной территории исторического центра Новгорода изучен археологами? Во вторых, в северной Руси города часто перемещали с места на место. Мы можем это уверенно сказать о Смоленске и Полоцке. Белоозеро за свою историю вообще побывал едва ли не на всех четырех берегах давшего ему имя водоема. Не всякий решался строиться на месте города, уничтоженного пожаром, войной или моровым поветрием. Некоторые ученые считают, что первоначальным Новгородом было Рюриково Городище чуть выше по течению Волхова. Другие выдвигают любопытное предположение — будто бы речь в древнейших статьях летописи шла не о Новгороде, а о Невгороде — том, что мы сейчас зовем Ладогой. Ладожское озеро называлось в Средневековье Нево-морем. Тем более, что Константин Багрянородный называет в X веке на севере Руси некий город Немогард, обычно в нем и видят Новгород. Другое дело, что Ладога под этим самым именем известна русским летописям с самого начала, и в сагах скандинавов она зовется Альдегой — явная переделка славянского названия.

Что до самого Новгорода, то он, как считают ученые, сложился из трех поселков разных народов, превратившихся в городские районы — по-древнерусски "концы". Поселок кривичей стал Людиным концом, поселок словен ильменских — Словенским, а поселок балтского племени нерева — Неревским. У каждого "конца" был свой символ. Воин в доспехе, шлеме, с копьем и четырехугольным щитом символизировал Людин конец, хищная птица клевала рыбу на эмблеме Неревского, на гербе же Словенского красовался неведомый "лютый зверь" в пятнах и с длинным хвостом, с приподнятой передней лапой, очень похожий на "барсов", что и тысячу лет спустя украшали вышивки русского Севера. Остальные два "конца" — Загородный и Плотницкий — появились много позже.

Киев тоже вызывает немало споров. Недавно отмечали его 1500-летие, сейчас же говорят, что и он возник чуть ли не в X веке, и происходит его название не от имени князя Кия. Легенду о Кие и его двух братьях считают какой-то книжной выдумкой, а их имена — производными от названия города и его частей. Вместо этого нашли в каком-то документе имя хазарского полководца Ахмада бен Куйя, то есть Ахмада сына Куйи. Вот папа-то этого хазарина, этот, извините, Куйя, и основал-де Киев. Я отнюдь не шучу, читатель — это можно прочесть в серьезных научных трудах. Чем это лучше "воплей, будто русские — этруски", я, признаться, не очень понимаю. Разве что унижение славян и приписывание всех их деяний иноземцам считается в наше время признаком научности. Естественно, ни в каких источниках нет и намек на то, что Киев основали хазары, что сам Ахмад или его отец когда-либо приближались к днепровским берегам. Более того, мусульманская армия Хазарии, — а Ахмад, судя по имени, мусульманин — состояла из наемников, так что отец полководца мог быть мирным персидским или хорезмийским подданным, возможно, гончаром, башмачником или земледельцем.

Легенду же о Кие, Щеке и Хориве записал армянин Зенобий Глак. И записал он ее в VII веке! То есть еще до возникновения Хазарского каганата даже в далекой Армении слышали про Киев и его основателя. Впрочем, недавно мне довелось прочесть, что летописец, монах Киево-Печерского монастыря, просто-де переписал эту легенду у Глака и приспособил ее к Киеву. В ответ попросту расскажу одну историю. Дело было в той же Печерской обители, во време-

на, когда там записывали "Повесть временных лет". Известный праведной жизнью монах Агапит захворал. Князь Владимир Мономах прислал к нему лекаря. Армянина. Больной долго вглядывался в лекаря, наконец, спросил, кто он, и, получив ответ, гневно закричал: "Да как ты смел келью мою осквернить и меня за мою грешную руку брать? Изыди, иноверец и нечестивец!". Другой печерский монах, записавший эту историю, удовлетворенно завершает: "И армянин, посрамленный, ушел". И специалист по истории Руси пытается убедить нас, что в этом монастыре могли читать книги тех, чье присутствие оскверняло? Использовать предания "иноверцев и нечестивцев" для рассказа о прошлом родного города?! Пусть Кий с братьями — сказка. Но почему нельзя признать за предками способность хотя бы сказки сочинять самостоятельно? Поистине, удивительные люди — историки.

Однако города — это не просто укрепленные поселки. Города — это прежде всего ремесло. В последнее время из книжки в книжку кочует рисунок рукоятей мечей так называемого каролингского типа. И подпись — мол, "мечи были предметом массового ввоза на Русь". Это правда, но лишь отчасти; точнее, это полуправда, та самая полуправда, что подчас хуже лжи.

Да, мечи этого типа начали изготавливать в империи франков, при династии Каролингов, откуда и название — "каролингский тип", или короче — каролинги. На Руси их называли Каралужными или Харалужными. На плоскостях — по древнерусски "голоменях" — клинков стоят имена оружейников, хозяев мастерских — "Ульфберт" и "Ингельред". Основатель династии, император Карл, особым указом в 805 г. запретил продавать мечи славянам. Продавали! Араб Ибн Фадлан пишет про русов: "Мечи у них франкские". Да, все правда... но не вся правда.

Как не одна Русь покупала такие мечи — их покупали и немцы, и скандинавы, и итальянцы — так и на Руси их не только покупали. Ковали и сами, причем русские мастера создали свой, легко узнаваемый тип каролинга. Клинок и рукоять ("черен") были длиннее. Перекрестье ("крыж") было не прямым, как на каролингах франкской работы, а дугой, с выгнутыми к клинку концами. Так же, дугой, обращенной к рукояти, был изогнут внутренний край набалдашника-противовеса, венчавшего рукоять ("яблока"). Все отличия сводились к одному — из изначально пехотного меча сделать оружие всадника! Таким мечом можно было не только рубить или резать, но и сечь с седла. Не зря после боев с войском нашего героя в Болгарии византийские мародеры собирали мечи "россов", а за четверть века до того в Закавказье местные мусульмане в поисках мечей разрывали могилы русов, умерших от заразы. Нужно помнить, какой оправданный ужас внушали тогда людям моровые поветрия, чтоб оценить этот факт! И византийцы, и мусульмане были преимущественно всадниками, и их не интересовали бы так настоящие франкские клинки, плохо приспособленные для верхового боя.

О производстве русами "отличных мечей" пишет Персидский Аноним в IX веке. Арабский таможенник Ибн Хордадбег сам говорил через переводчиков-славян с русскими купцами, и осматривал привезенный ими товар "из отдаленнейших славянских земель": "заячьи шкурки, шкурки черных лисиц и мечи". Не только "предметом ввоза" были мечи на Руси — русы сами ковали их и продавали, продавали в страну дамасских клинков! И там находили их "отличными". Это не могла быть транзитная торговля. Помимо всего, что уже

сказано, представьте только, как вздорюжал бы меч, вывезенный из державы франков контрабандой (вспомните приказ императора Карла!), и провезенный через всю Восточную Европу. Меч трудно назвать удобным в транспортировке, легким товаром. Он тяжел, он остр и боится ржавчины. Да и исходная цена была не мала — до 4 кг. золота, по подсчетам итальянского исследователя Ф. Кардини.

Если всех приведенных доказательств покажется кому-то мало, приведу еще одно. На двух мечах стоят славянские имена мастеров. Это знаменитый "Людота коваль" времен моего героя. И второй — сороковые годы X столетия, времена его отца, Игоря Рюриковича. На клинке имя — "Славимир".

Вот они, кузнецы-русы X века. Их имена будут более чем уместны в этой книге. Ведь победы моего героя, победы его воинов — это и их победы. Это Славимир с Людотой и иными, ныне безымянными, отковали мечи, что прикончили чудовище нашей истории, Хазарский каганат; раздвинули к Волге и Крыму русские пределы; одним блеском гнали по Болгарии византийских прихвостней; рубили дорогу на Царьград... жаль, не дорубили.

Итак, в русских городах X века ремесленники ковали мечи, не уступавшие, по мнению современников, ни франкским, ни арабским. Да и не только мечи — Ибн Русте называет прекрасными кольчуги славян, а французская поэма "Рено де Монтабан" рассказывает, как заглавный герой приобретает "великолепную кольчугу из Руси", вследствие чего приобретает среди воинов императора Карла славу непобедимого. И мечи, и, тем более, кольчуги, подразумевают очень высокий уровень ремесла. Как мы видим, высоко ценили ремесло русов и чужеземцы.

3. "Русские письмены" и иные диковины.

*Молчат гробницы, мумии и кости.
Лишь слову жизнь дана.
Из тьмы веков на мировом погосте
Звучат лишь письмена.*

И. Бунин.

Мы невзначай коснулись еще одной темы. Заметили? На клинках — надписи. По-славянски. До крещения Руси. Значит, уже тогда и те, кто ковал мечи — ремесленники! — и, тем паче, те, кто эти мечи покупал, были грамотны. На самом деле, о грамотности русов сохранилось немало свидетельств. Ибн Фадлан пишет, что на могиле сородича русы установили столб с его именем и именем "царя русов". Другой араб, Аль Недим, видел некий "пропуск", начертанный русским воеводой для посла иноземцев "на куске белого дерева".

Однако я сейчас вовсе не хочу вдаваться в долгий спор о древнеславянской письменности; о том, какими это "чертами и резами" писали и гадали славяне, по сообщению черноризца Храбра, в те поры, когда "книг не имели". Обратимся к простым и ясным свидетельствам грамотности на Руси времен нашего героя. Славимир и Людота не были исключением. На знаменитой "гнездовской корчаге" середины X столетия тоже найдена славянская надпись. Одни ученые считают, что на корчаге написано "гороухца" — горчица, другие —

что безвестный рус, скорее всего, купец или приказчик, оставил потомкам свое имя и надпись следует читать "Гороух пса", то есть "Гороух писал". Так или иначе, перед нами еще одно свидетельство грамотности простого, не знатного человека языческой Руси. Наконец, в Новгороде найдена, в слоях X века очень любопытная вещь. Это деревянная бирка — своеобразная пломба для мешка с княжьей данью. Можно сказать, юридический документ! Бирка-пломба помечена личным знаком старшего сына и наследника нашего героя, Ярополка. Сборщик дани, как все люди языческого Севера, был не чужд поэзии, и внес ее даже в столь прозаичный предмет. Надпись гласит: "Мечничь мех в тех мештах", то есть "этим помечены мешки мечника (княжеский сборщик податей)". Какая, однако, игра звука в оригинальной надписи! Она напоминает короткие стихи — висы скандинавских скальдов. Это еще одно доказательство того, что и скандинавы, и балтийские славяне, предки новгородцев, принадлежали к единой балтийской культуре. Имя этого поэта на государевой службе стоит на той же бирке — Полтвец. Для неграмотных он, рядом со своим званием, вырезал на бирке-пломбе изображение меча. Итак, мы встречаем четыре славянских кириллических надписи еще до крещения Руси.

Да и следует ли называть эти надписи кириллическими? Не будем придирааться к мелочам — вроде того, что имя Кирилл "просветитель славянства" получил на смертном одре, всю же жизнь прожил, как Константин. Интереснее иное — в житии Кирилла-Константина говорится, что проезжая через Херсонес-Корсунь — древний город близ теперешнего Севастополя — в составе посольства к хазарам, Константин видел там Евангелие и Псалтырь, написанные "русьскими письмены". Молодой Константин сличил письмо с привычным ему, различил гласные и согласные буквы, и вскоре бегло читал на новом для него языке, чему удивлялись, как божьему чуду. Почему-то на иных исследователей мысль о грамотности далеких предков наводит что-то вроде суеверного ужаса, и оттого уже не первый век делятся попытки увидеть в "русьских" письменах жития то "сурьские" — сирийские, то готские, то еще бог весть какие. Оснований в источниках для этого пересмотра — никаких. И готы, и сирийцы названы в житии своими именами, да и мало кто в Восточном Риме не знал сирийского языка, уж во всяком случае его знал Константин, уже побывавший послом в арабском халифате. Вот славянские языки он знал плохо, тут ему помогал лучше знавший их брат, Мефодий. Более того, нам известно ни много, ни мало — 26 списков жития. И во всех их черным по белому написано именно "русьскими". Только крайней, мягко говоря, предвзятостью исследователей я могу объяснить такое нежелание видеть не просто лежащее перед глазами, но и многократно повторенное!

С. Высоцкий указывает, что "русьским письмом" в Средневековье звали именно то письмо, которое мы зовем "кириллицей", славянским же — глаголицу. Кирилл и Мефодий, как известно, создали славянскую письменность, то есть... то есть глаголицу! И действительно, созданное проповедниками христианства письмо мы ожидали бы увидеть сначала в богослужебных книгах, в церковных надписях, а не на пломбе, глиняной корчаге или голомени меча (кстати, кузнецы очень неохотно принимали христианство. Не зря молитва св. Патрика призвана защитить христианина "от чар друидов и кузнецов"). И именно там мы встречаем глаголицу! Тот самый "черноризец Храбр" в своем труде "О письменах" как раз и сообщает, что после "черт и рез" славяне стали

пользоваться греческим письмом "без устройства", приспособивая его к нуждам своего языка. От такого письма, очевидно, и произошло то, что мы называем "кириллицей", а люди Средневековья, гораздо более разумно, русским письмом. Вряд ли русы— язычники, оставившие свои имена на дереве, железе и глине, хотя бы слышали о Кирилле. Так что охотники рассуждать, скольким-де мы обязаны "солунским братьям", не иначе, пишут глаголицей. Именно она пошла от "славянской письменности", созданной Мефодием и Кириллом. Я же пишу эту книгу, читатель, буквами, восходящими к "русским письменам" язычников Горуха, Славимира, Полтвеца и Людоты.

Нам в этой книге не раз придется столкнуться с одним малопочтенным пристрастием христианствующей нашей интеллигенции. Они постоянно стараются сделать из святых деятелей то государственных, то культурных. Заслуг перед Христом им, видимо, маловато. Отчего страдает память предков, которых изображают бескультурными дикарями, и, что не менее важно, страдает истина. Еще раз замечу — христианство и церковь в данном случае не при чем. Это именно христианствующая интеллигенция носится с "государственным гением" Ольги и Владимира, и с изобретенной-де Мефодием и Кириллом письменностью. Церковное житие, как мы помним, честно указывает, что не просто письмо, но даже книги, более того, богослужебные христианские книги "русским письмом" существовали уже во времена "солунских братьев". Титул "просветителей славянства" в традиции церкви всегда носил сугубо религиозный смысл. И сами братья видели свою миссию именно в этом — в несении славянам "света евангельской истины" любыми способами. Мало кто знает, что святой Мефодий принимал деятельное участие в составлении так называемого "Закона судного людям". В этом документе, помимо прочего, говорится, что село, в котором произошло языческое жертвоприношение, или хотя бы была принесена присяга языческими Богами, должно быть целиком продано в рабство. Сохранились гневные проповеди святого к властям только что крещеной им Великой Моравии требованием неукоснительно соблюдать именно эту статью "Закона...". К чести новокрещенных моравских князей и витязей, к проповедям этим они отнеслись так, как от веку кадровый офицер-фронтник встречает истерично-кровожадные распоряжения комиссара (политрука, шарфюрера и т.п.) из интеллигентов. То есть, оправившись от легкой брезгливой оторопи, козырнули и... не выполнили. Иначе с Моравией произошло бы то же самое, что и с родиной "солунских братьев". Мало кто знает, что в VI-IX веках славяне заселяли Балканы почти целиком. Не только на землях теперешних Болгарии и Югославии, но даже на Пелопоннесе обитали славянские народцы милингов и езеричей, называвшие родной полуостров Мореей. Вспоминая о тех временах, Константин Багрянородный напишет в X столетии: "Ославянилась, оварварилась целая страна". Не сохранилось, однако, ни малейшего упоминания, что славяне-язычники творили грекам-христианам хоть какие-то утеснения по религиозному или национальному признаку. Ну разве что мешали истреблять соплеменников, оставшихся верными религии предков. На том же Пелопоннесе Константин упоминает город Майну с округой, где до конца IX века — до времен нашего вещего Олега! — эллины чтили Олимпийцев. В конце этого столетия Балканы и Пелопоннес вернулись под власть Второго Рима. И уже сто лет спустя о славянах Морее вспоминают в прошедшем времени. Что с ними стряслось? "Закон судный людям". И

святой Мефодий.

Кажется, геноцид относится к разряду преступлений против человечества. Кажется, подобные преступления не имеют срока давности. Кажется, идеология, вдохновляющая геноцид, должна отвергаться людьми, ну хотя бы сородичами истребленных...

Впрочем, все это, видимо, действительно только кажется; и славянофилы, так любившие поминать "злым католика" бодричей, лютичей и пруссов, ни словом не помянули тех, что с благословения православного святого, равноапостольного Мефодия, деревнями продавали арабам и персам. Что ж, помянем их хоть здесь, читатель.

Сагудаты. Рунхины. Драговиты. Струменцы. Смоляне. Верзичи. Баюнич. Велегестичи. И, наконец, милинги с езеричами. Десять сгинувших славянских народов. Помни, читатель — не "Mein Kampf" — "Закон судный людям". Не Гитлер и Розенберг — Кирилл и Мефодий.

Помни. Есть вещи, которые нельзя забыть — и остаться людьми.

Впрочем, мы отвлеклись. Итак, на Руси времен нашего героя была письменность, были грамотные люди. Не среди князей даже или жрецов — ремесленники, купцы, служилый княжий люд. Вовсе не обязательно христиане — все имена языческие, да и двое — кузнецы, люди, как уже говорилось, неохотно оставлявшие древних Богов Огня и Железа. В слоях IX-X веков русских городов найдены роговые и костяные "писала" — стержни для письма. Они украшены изображениями медвежьих голов и многоликих славянских Божеств. И писали ими явно не христиане. Если мечи и кольчуги — это уровень ремесла, уровень цивилизации, то грамотность, грамотность простых людей — это уровень культуры.

Я писал эту главу не за тем, чтобы рассказать, пусть вкратце, о жизни, быте и культуре наших предков. Ради этого стоит написать книгу, и не одну. Некоторые уже написаны, одна из лучших — "Мы — славяне" Марии Семеновой. Серьезных ошибок там немного, собственно, три — главы про Велеса и Темных Богов; рассуждения о бороде и волосах — мы коснемся этой темы; и кое-что в главе, посвященной мечу. Как не жаль огорчать поклонников русского фэнтези, не сохранилось сведений, чтобы славяне называли свои мечи особыми, "личными" именами, чтобы вообще одушевляли их так, как норманны и западные рыцари. Не было русских Эскалибуров и Дюрендалей. Меч чтили, им дорожили, как символом свободы, как священной, ценной, дорогой, воплощающей чуть ли не душу владельца-воина, но все-таки — просто вещью. Своей души, своей личности в глазах русов и славян меч не имел. В остальном же замечательная книга Семеновой безукоризненна, и я охотно рекомендую ее читателю.

Также не для того писалась эта глава, чтобы в очередной раз напомнить, что и три века спустя в ином западном романе можно было прочесть: "Жил благородный рыцарь, и был он так образован, что даже умел читать". Чваниться перед другими народами — занятие, конечно, недостойное. Есть только одно занятие гнуснее — чваниться перед собственными предками. К сожалению, об опасности этого, худшего чванства у нас вспоминать не принято. А ведь оно не только хуже — оно распространеннее. Человек, доказывающий, что русские основали Трою и открыли Америку — безобидный смешной чудаки. Ему не доверяют писать учебники. Их доверяют тем, кто упорно втаптыва-

ет в грязь свой народ, своих предков, чтобы хоть на таком фоне себя, убогих, почувствовать кем-то!

Если читатель сумеет освободиться от этого чванства, от навязываемой всей нашей жизнью привычки смотреть на людей далекого прошлого, как на слабоумных дикарей — эта глава написана не зря. Отличия Руси от других стран были не признаками какой-то "отсталости", они были именно отличиями. Впрочем, и отличий этих много меньше, чем порой кажется отягощенным дипломами невеждам. Конечно, очень легко посмеяться дикости предков, читая в летописи, как в XIII веке князь Владимир Василькович "взем соломы в руку от постели своея". Вот, мол — даже князя спали на соломе! Легко, особенно, если не знать, что в том же веке в Британии лорд Отерарсее получил поместье "за службу по изысканию подстилки для королевского ложа: летом — сена и травы, зимой — соломы".

Что до другого — ну да, держали говорящих сорок для потехи вместо попугаев — в небедных домах. Вместо кошек — зверьков тогда редких и стоивших дороже лошади — часто держали домашних ласок или ужей. Простонародье в натопленных избах ходило нагишом — вы не пробовали отстирать сажу с льняной белой ткани без мыла и порошка в холодной воде? А обереги, которыми были расшиты славянские одежды, в доме, у печки, под защитой предков и домашних божков, были уже не нужны. Не от дедушки же домового защищаться!

Ну и что? А в Англии иные бойцы до XI века выходили на бой с каменными топорами. А в Германии XIII века могли снять с человека скальп. Не бандиты, и не сатанисты, а судебные исполнители. Среди бела дня, при всем честном народе, на площади торгового города, перед ратушей и христианским собором. В полном соответствии с буквой закона — такая казнь там полагалась вторично попавшемуся на воровстве.

Не могу сказать, что осуждаю немцев — сам, будучи обворован, испытывал схожие чувства и желания. Но, положив руку на сердце, мне как-то симпатичнее наши, родные особенности, как-то ближе не стыдящиеся своих тел перед родичами славяне, чем законное скальпирование солидными бюргерами какого-нибудь бродяжки.

В основном же глава эта писалась, чтоб дать — очерки, очертания русской державности, цивилизации и культуры времен моего героя. Надеюсь, мне это удалось. Итак не "племена", а Держава. Не хутора и огороженные тыном деревни — Страна Городов, с искусными ремесленниками. Восток и Запад признавали ее равными себе во всем — от державного устройства до ремесла, исключая разве только веру. Среди ее жителей, даже не самых знатных, богатых и образованных, было немало грамотных.

Впрочем, надо думать, глава эта породила у читателей немало вопросов. Почему разделяли "русскую" и "славянскую" письменность? Откуда за сто с лишним лет до пресловутого "крещения Руси" взялись Евангелие и Псалтырь "русьскими письмены"? В двух словах на эти вопросы не ответишь. Что ж, постараюсь ответить в двух главах. Тем паче, что это будет еще и рассказ о предках нашего героя, о рождении Державы. Рассказ о том, откуда пошла есть Русская земля...

2. НА МОРЕ-ОКЕАНЕ, НА ОСТРОВЕ РУЯНЕ...

*Будем думу думать вместе с облаками,
Доверяясь чутко четырем ветрам.
Расплескалось небо зыбкими волнами,
Просквозило Солнце Святовитов храм.*

*То встает из пепла властная Аркона,
Чтоб напомнить миру об иных летах,
Где превыше Правды не было закона,
Где сердцам славянским был неведом страх.*

*Развернись, виденье, лейся, жар небесный
Не смолкайте, ветры, чтобы сердце вдруг
Осветилось чистой и высокой песней,
Чтобы каждый русич вспомнил, чей он внук.
Светобор.*

1. В тени Магометова гроба.

*И встали все под стягом,
И мыслят: "Как нам быть?
Давай пошлем к варягам,
Пускай придут княжить.
Ведь немцы тороваты,
Им ведом мрак и свет,
Земля ж у нас богата,
Порядка только нет"*

А. К. Толстой "История государства Российского от Гостомысла до Тимашева".

Откуда есть пошла Русская земля... этот вопрос еще печерский монах-летописец поставил в подзаголовок своему великому труду — "Повести временных лет". Так откуда же, кто создал эту Державу "от финских хладных скал до пламенной Тавриды"? Летопись говорит так: три северных народа — словене ильменские, кривичи и меря — прогнали собиравших с них дань варягов, но захлебнулись в усобицах. "Восста род на род, и не бысть в них правды". Устав от резни, три народа послали за море, к варягам-руси, со словами:

"Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет. Придите княжить и володеть нами по праву".

И откликнулись три брата — Рюрик, Синеус, Трувор. "И от тех варягов прозвалась Русская земля".

А кто такие эти варяги-русь? На вопрос этот сейчас во многих книжках, и популярных, и сугубо научных, отвечают с "легкостью необыкновенной". Имя "русь", оказывается, "не было племенным. Оно обозначало "гребцов" — дружину, участвующую в походе на гребных, весельных судах. Это слово звучало по-

шведски как "ротс", а эстонцы — потомки летописной чуди — до сих пор называют Швецию Роотси. Чудь первая встретилась с этими "гребцами" на Варяжском море и передала их имя славянам. Те и называли варягов, приходящих в Восточную Европу на гребных судах, русью". Это пишет В. Петрухин в книжке "Славяне", выпущенной знакомым нам издательством "Росмэн", в одной серии с "Викингами". Помните — там еще славяне оказались "кочевым племенем", заодно с аварами и печенегами "пришедшим из степей". Знаменательное соседство...

И все вроде бы складно... да только вот незадача — сами-то "гребцы" себя как называли? Эстонским прозвищем? А ведь напрямую из "ротс" слово "русь" не выведешь. Все завоеватели давали завоеванным землям именно свое имя. Скажем, шотландцы англово сассенахами зовут. Но англы, завоевав Британию, называли ее не Сассенахией, а именно Англией. То же с Францией, Нормандией, Данло... вот других примеров — не единого. И еще — они, "гребцы" эти самые, Петрухина, видать, не читывали. Свое имя именно за племенное считали, а не за род войск или профессию. В договорах с Византией X века: "Мы от рода русского". Послы, что к Людовику Благочестивому за сто лет до того ездили, говорили, что "они, то есть их народ, зовутся Рос". С Роотси этим эстонским тоже не все ясно. Эстонцы этим словом то шведов, то ливов зовут, карелы — финнов. И притом — мало ли как за тысячу с лишним лет значения слов меняются? В XVIII веке, скажем, пруссаки — немцы. А за каких-то полтыщи лет до того пруссами звали племя в Прибалтике, которое не то что немцами не было — ненавидело немцев лютой ненавистью, воевало с ними насмерть. За такой срок — и как смысл слова изменился, а тут вдвое больше прошло. Не убеждает.

Тем более, что и само-то словечко, "ротс" это самое... я про это нарочно напоследок припас. Неудобно. Стыдно просто. Историк все-таки. Коллега. В общем, не звучало оно по-шведски. Вообще никак не звучало. Не было такого слова. Ни в каких источниках оно не отразилось. Об этом еще Генрик Ловмянский в книге "Норманны и Русь" писал. А русский перевод той книги как раз Петрухин комментировал. Хотелось бы верить, что не знал, но...

Неудобно-то как...

Пуще того. Другой историк, А. Назаренко, недавно в актах немецких IX века слово Ruzzi нашел, в смысле русские. Про купцов. А слово это, по точной науке лингвистике, из "ротс" образоваться не могло. Только из "русь". То есть уже тогда купцы-гребцы эти себя не шведским, а славянским словом называли, в полном соответствии с таможенником арабским, Ибн Хордадбегом. Помните, тот, что меха да мечи русские в 40-е годы того столетия досматривал? Так он русских купцов прямо "одним из племен славян" именует. И Петрухин об этом тоже знает. Цитирует в другой книжке даже. Ох... вы простите, уважаемый читатель, что я сейчас так путано... простите, вам не доводилось у коллеги, знакомого за карточным столом прилюдно из рукава пачку козырных тузов вытянуть? И как ощущения? Кто бы в такой ситуации остался спокоен, пусть первый кинет в меня камень.

Можно, конечно, сказать, что он не один такой. Целая школа, неонорманистами себя называют. Так ведь это не легче, это хуже, когда компанией — и с тузами. Это даже статья другая!

И название ша... то есть школы не очень понятное. "Нео", как известно,

означает "новый". Так вот все, что мы у Петрухина и многих других прочли, слово в слово можно было прочесть не у "новых", а у самых что ни на есть старых норманистов — Миллера, Шлецера, Тунманна — в XVIII еще веке. И прочие доводы те же, один к одному. Варяги — это-де общее название скандинавов, значит, и русь — норманны. Имена русов — скандинавские, "русские" названия порогов у Константина Багрянородного — тоже. Да и послов русских Людовик Благочестивый принял за "свеонов" (eos gentis egge Sveonorum).

Не будем говорить про клинические случаи, когда из этой теории пытались вывести неполноценность славян перед норманно-тевтонскими "сверхчеловеками" (помните юного испанца из первой главы?). По-моему, теория эта обидна как раз для скандинавов. Воля ваша, но нет ничего "сверхчеловеческого" в том, чтобы за два века от призвания варягов до крещения напроочь раствориться в этих самых "неполноценных" холопах и данниках, позабыв буквально все, вплоть до родной речи и Богов. Между прочим, члены королевской семьи франков, на которых любят кивать неонорманисты, до X века говорили между собой и заключали дипломатические соглашения на германском языке, а романским наречием подданных почти не владели. Это через полтысячи лет после завоевания франками Римской Галлии! Для сравнения представьте Дмитрия Донского, пишущего к Михаилу Тверскому или Олегу Рязанскому письмо на шведском языке, норманнскими рунами. А ведь франки по сравнению с завоеванными были сущими дикарями, уж, казалось бы, кому, как не им, у римлян учиться... да, первое негерманское имя появилось у франкских государей еще век спустя, в третьей династии, и не было оно ни римским, ни галльским. А у нас первое бесспорно славянское имя возникает в третьем поколении первой династии. Это имя — имя нашего героя. Святослав. Да неужто норманны были беспамятней франков? Великолепная самобытная культура, прекрасный эпос, религия с развитым культом, пантеоном и мифологией — и от всего этого, за каких-то неполных два века — ни следа?! Нет, эта теория — сплошной поклеп на скандинавскую гордость. Это их, а не славян, она изображает неполноценными.

Но, еще раз — оставим в покое клинику. Почтенные немцы, создавшие в заснеженном Санкт-Петербурге теорию, как просвещенные норманны цивилизовали диких славянских мужиков, были истинными учеными. Для своего, XVIII, века.

А теперь представьте: вы берете с полки книгу по географии и читаете там, скажем, что южнее Австралии суши нет, а Амударья впадает в Каспийское море. Или книжку по химии, где современный автор повествует про флогистон Шталаля. Или геолог рассуждает о полой Земле по Цеприцу. Или астроном пишет, что метеоритов не может быть, "оттого, что на небе нет камней". Правда, странно? Поневоле заглянешь в выходные данные — уж не первого ли апреля выпущен том? Научные теории имеют свойство меняться. И в этом нет ничего странного. Со временем появляются новые данные, новые факты, и теория, основанная на устаревшей информации, вынуждена уйти. Это жизнь науки. Порой, при сохранении данных, приходится пересматривать выводы. На небе действительно нет камней, но метеориты все-таки падают. Это факт, наука не может не признавать факта и оставаться наукой.

А норманнская теория неизменна. В книгах Петрухина и его поде... э-э-э, единомышленников мы, слово в слово, встречаем те же доводы и доказатель-

ства, той же почти трехсотлетней теории. Некоторые подновления погоды не делают. Так, Тунманн выводил проигрышную партию пятым тузом из рукава эстонское "роотси" от Рослагена (побережье шведского Упланда), но выяснилось, что название это возникло в XIV веке. Тогда и произошла некрасивая история со словечком "ротс". Его попросту выдумали, чтоб спасти теорию, как спасают. В остальном же — неподвижность. Так что же — неужели норманнская теория — не наука?

Но, быть может ученые немцы из Петербурга — гении? Может, они прозрели почти на три века вперед все открытия, находки, источники и создали сверхустойчивую теорию? Может, они уже тогда знали все, что нам известно о той эпохе, и делали выводы на основе этого мистического знания?

Отчего бы и нет... я тоже человек, читатель, мне тоже хочется верить в сказку, в чудо. Мне приятно было бы думать, что в столице моей страны два с лишним столетия назад жили три величайших гения моей, исторической науки, совершивших неповторимое. И пусть они немцы, что ж с того? Разве мы меньше ценим Беллинсгаузена или Даля из-за их немецких корней?

Было бы...

Увы, читатель, чуда не произошло. Полнейшая незыблемость доводов и выводов норманнизма еще заметнее на фоне полнейшей же перемены наших знаний о том периоде. Шлецер считал славян совершеннейшими дикарями, живущими в лесах "жизнью зверей и птиц". К смущению своего почитателя Карамзина, почтенный немец даже утверждал, что славяне платили варягам дань белками оттого, что "не имели орудий" для охоты на медведей.

Сейчас мы можем уверенно говорить, что славяне находились на том же уровне материальной культуры, что и скандинавы. Кое в чем незначительно опережали, кое в чем незначительно уступали. Но воинов в "железных нагрудниках" и шлемах с забралами, сходящих с многомачтовых кораблей к испуганным лесовикам в звериных шкурах, что мерещилось современникам Шлецера, конечно, не было.

Тунманн полагал, что славяне пришли к Ильменю с юга, от Дуная, через заселенные финской "чудью" земли. Логично было предположить, что и название для приходящих-де с севера скандинавских "находников" они позаимствуют у туземцев.

Сейчас выяснено, что Приильменье заселили (притом — примерно одновременно с финскими племенами) выходцы из вендского Поморья. Там их предки встречались с датскими и шведскими соседями за тысячи верст от ближайшего финна. Естественно, им не было никакого смысла называть их финским или эстонским словом, как украинский крестьянин не стал бы называть татарина-крымчака удмуртским "бигер" или марийским "суас".

Считалось, что в древнерусском языке очень много норманнских заимствований. Князь, смерд, гридень, вира, вервь — все эти слова считали норманнскими. Понятное дело, не могло же двухвековое господство иноязычного племени не оставить следов в языке. Датчане, лет пятьдесят хозяйничавшие на части английской земли, и то обогатили английский язык 10% корней. Один такой корень мы сами нынче нередко употребляем, называя благополучный исход "хэпи-эндом", или распевая на именинах приятеля "Хэпи бесдэй ту ю!", или подбирая на Новый Год открытку с надписью "Happy New Year!". Шутка Судьбы — слово для счастья принесли в английский язык кровожадные за-

воеватели, датские викинги.

В XIX веке И. И. Срезневский произвел ревизию "заимствований". Выяснилось, что часть из них встречается в языках иных славянских народов, причем в краях, куда живой скандинав отроду не забредал, другие — превосходно объясняются из славянских корней. Например, русское "гридь" — дружина — нашло подобие в хорутанском "грида" — ватага, гурьба. Производное от него "гридень, гридин" — дружинник, воин — в чешском "грдина" — герой, богатырь. Достоверных заимствований Срезневский насчитал... 10 слов. Не 10 % корней — 10 слов. И то иные — "тиун", "щеляг" — могли быть заимствованы через посредство западных славян. У тех же поляков были "тивун" и "щелонг", с теми же значениями старосты-управителя и серебряной монеты.

И так далее, и так далее, и так далее... рухнули или рушатся едва ли не все современные норманнской теории научные представления о прошлом нашего народа...

Была в Средние века такая легенда: в городе Мекке, в тайном покое гроб пророка Магомета висит. Без цепей, без опор, силой неведомой держится.

В городе Мекке не был, не знаю. А в науке нашей висит такой, без соседей, без опор, тень непроглядную наводит на начало величайшего в мировой истории государства, на происхождение нашего народа. Норманнская теория звать.

Силы же, ее держащие, вполне ведомы. Не место и не время говорить обо всех их. Но одну читатель уже узнал. Эта та же сила, что мешают игроку спокойно сказать: "Я проиграл, господа", и выложить на стол проигранную ставку, заставляя вместо того подтирать на картах очки и тянуться к манжете за запасным козырем. Остальные тоже имеют не больше отношения к науке. Возьму на себя смелость сказать — Шлецер, настоящий ученый, по-немецки острый и честный ум, в наше время не был бы "неонорманнистом".

Что наше время — уже в XIX столетии честным ученым в Магометовом гробу становилось душно и неуютно. Не зря же М. П. Погодин, почитавшийся за столпа норманнизма, цитировал Гельмольда —

"Маркоманнами называется обыкновенно люди, отовсюду собранные, которые населяют марку. В славянской земле много марок, из которых не последняя наша Вагирская провинция, имеющая мужей сильных и опытных в битвах, как из датчан, так и из славян"

— и восклицал:

"Чуть ли не в этом месте Гельмольда, и чуть ли не в этом углу Варяжского моря заключается ключ к тайне варягов и руси".

Что значит — истинный ученый! Ведь он почти угадал... но, — увы, пойти дальше не успел или не посмел. В его время норманнизм уже неотвратимо превращался из научной теории в Магометов гроб, неохотно отпускавший свои жертвы. Новому же поколению постояльцев, в отличие от великана Погодина, в гробу уютно и просторно. Они ревниво защищают его от посягательств извне. Я бы сказал, что они прижились... но разве в гробах — живут?

Не будем, читатель, уподобляться некромантам и искать в гробу ответ на наши вопросы. Как говорил Шергин — "живой живое и думает".

Русь — варяги, говорите? Хорошо, пусть.

А кто такие варяги?

2. Варяги — незамеченная загадка.

*Я пью за варягов, за дедов лихих,
Кем русская сила подъята,
Кем славен наш Киев, кем грек приутих,
За синее море, которое их,
Шумя, принесло от заката.*

А. К. Толстой "Змей Тугарин"

Читатель, любящий историю! Боюсь, вам при чтении этой главы придется позабыть многое из прочтенного. Оттого, что историки — не говорю уж о писателях — обращаются со словом "варяги" с великолепной безответственностью. Походя бросают фразы вроде "варяжский конунг", или говорят о "варяжском витязе Харальде Суровом" или "варяжских наемниках Рагнаре и Эймунде", при том, что ни в летописях, ни в сагах вы не найдете словосочетания "варяжский конунг". Саги о Харальде, Эймунде и Рагнаре их нигде не называют ни варягами, ни верингами... зато у читателя складывается устойчивая иллюзия, что слово "варяг" — просто синоним слову "норманн". Такое, мол, как пишут в словарях, "древнерусское название скандинавов".

Вот только не было в обычае в Средние Века выдумывать какое-то особое название для народов одного корня или одного края. Когда возникала нужда назвать их одним словом, брали имя одного из них, с которым лучше были знакомы. На Руси не так давно, века два тому, говорили не "европеец", а "немец". Не "азиат", а "татарин". Для американца и по сей день все выходцы из России — "русские", "Russians", будь то чечен, мордвин или еврей. Немцы для французов — "алеманы", по имени одного из племен германских. Для финнов — "саксы", по тому же принципу. Да и русское "немец" не от немоты пошло, как часто пишут, а от германского племени неметов. Можно не одну страницу такими примерами исписать, да вы, читатель, и сами наверняка что-нибудь вспомните, если постараетесь. Вот других примеров — опять-таки, днем с огнем...

Так где же оно, скандинавское племя "варяги"? Нету. И не было. Но "неонорманнисты" нам объясняют: мол, слово "варяг" от скандинавского "веринг" происходит. Это же словцо означает не то "охранник", не то "присягнувший вождю дружинник".

Не пугайтесь, читатель. На сей раз не все так плохо. Слово "веринг", в отличие от "ротс", в самом деле есть. Вот только означает оно совсем другое. Не запасной туз — очко на козырной девятке лишнее, притертое.

Можно было бы подивиться на славян непонятливых: два века скандинавы ими правили, дань собирали, на греков да хазар в походы водили, а они все не могли запомнить, как же их, господ, по-настоящему кличут. Слово "рус", как мы помним, тоже ведь "не племенное". Два века хозяев своих "гребцами" да

"дружинниками" величали!

Только не надо дивиться. Никто, никогда, нигде слово "веринг" или "варяг" за обозначение профессии не считал. Очко-то на карте ноготком подцепите, вишь, плохо держится? Ага, и еще одно... и не девятка это, самая обычная шестерка. В летописях слово "варяги" везде в ряд с "литва", "немцы" да "свеи" стоит. И "русь", кстати, тоже. Не с "плотник", скажем, или "лучник" — с названиями народов. В саге о Вига-Стире норманнской: "Ибо такой был обычай у норманнов и верингов". Представляете фразу: "ибо такой был обычай у столяров и белорусов"? Даже араб Бируни в чужедальнем Хорезме, и тот знает, что "варанк — это народ". Итак, если верить источникам — а не фантазиям норманистов — варяги-веринги это народ. Иначе как объяснить, что ни один "охранник" или "присягнувший вождю дружинник" не звался "верингом" в Англии, Ирландии, Франции — нигде, где ходили норманнские дружины, и даже в самой Скандинавии? Рунные камни в Швеции -помните, в той самой "Роотси" — хранят память сотен викингов-шведов. Немало среди них "умерших на Востоке, в Гардах" (то есть на Руси), "в Хольмгарде", "в Микльгарде", "в стране греков". Комментаторы услужливо торопят: "они, мол, служили в варяжских дружинах". Зря. Не знают рунные камни, сотни памятников ушедшим за моря без возврата, ни одного "веринга". Есть там крестьяне-бонды и батраки-*bruti*, есть кормщики-*skipari* и корабельщики-*styrimadr*, есть вожди-хевдинги и королевские наместники-*landmenn*, есть их дружинники-*hemthaegi*, есть просто купцы и члены торговых товариществ-*felagi*. Есть, конечно, и викинги. Но ни в Швеции, ни в Дании, ни в Готланде нет памятника хоть одному верингу. Да и саги знают верингов лишь "на Востоке" — на Руси или в Константинополе. Герой одной саги "пришел на Русь и стал там наемником. Он был там с верингами". Не "был верингом", а — "был с верингами"!

Итак, веринги-варяги — племя, "народ". Скандинавское ли?

Мы уже видели, что в саге норманнов и верингов разделяют. Разделяет их и летопись, перечисляя северные народы: "варяги, шведы, норманны, готы, русь". Впрочем, такое "разделение" недорогого стоит. Тацит, Прокопий Кесарийский, Иордан разделяют готов и германцев. Летопись, Русская Правда, Константин Багрянородный и арабы разделяют русь и славян. Последние, правда, как-то неуверенно — то русы у них "один из видов славян", то Славия — "один из видов Руси". Один и тот же погребальный обряд у Ибн Фадлана — русский, а у Ибн Русте — славянский... но мы не о том.

Что говорят источники о том, кто такие варяги, и где они жили? Слово летописи. Она сообщает, что по Варяжскому морю "сидят" ляхи, пруссы и чудь. "По тому же морю сидят варяги", причем к западу от перечисленных народов земли варягов простираются до земли англоv. Не нынешней Англии, конечно, в летописи ее зовут Вретанией, а до коренных англских земель на материке, нынешней датской провинции Ангельн.

Первый звонок! Тот самый, юго-западный, "угол Варяжского моря", о котором писал Погодин. Близко "ключ". А кто, кстати, там "сидел"? К ляхам летопись относит и поморян, и лютичей. Между ними и англами остается место только для сильного княжества ободритов. В летописи "отчего-то" не упомянутого. Кстати, "Вагирская марка", которую, со ссылкой на Гельмольда, поминает Погодин — как раз ободритские земли.

К Востоку от тех же трех племен тоже живут варяги, "до предела Симова",

то есть волжских булгар. Но к востоку от эстонцев и до Волжской Булгарии живут новгородцы, словене, никак не скандинавы! А летописец невозмутим. Ему и в голову не приходило, что потомки перепутают дедов-варягов со скандинавами. Он пишет: "Новгородцы же, люди новгородские — от роду варяжского, ибо прежде были словенами". Если кто-то не понял, Новгородская первая летопись, чей автор наверняка лучше знал и варягов, и новгородцев, поясняет: "новгородские люди до нынешнего дня от роду варяжского", и для совсем интеллигентных добавляет: "варяги мужи словене". Вот так. Не больше и не меньше. Где вы, новгородцы Олавы, Харальды, Эрики? Где ваши берестяные грамоты, писанные рунами на северном языке?

Но следы чужеземного влияния, даже не влияния — происхождения — в новгородском наречье есть. Их, еще на примере живых северно-русских диалектов, выявили русские лингвисты А. А. Шахматов, Д. К. Зеленин, Н. М. Петровский. Знаменитое новгородское "цоканье" ("целовеце", "цудно" и пр.), находило подобие не у поляков даже, а в нижнелужицком языке, наследнике полабского наречья, на котором говорили лужичане и... ободриты. Еще яснее сохранились черты языка прибалтийских славян в глухих углах Русского Севера и Сибири, колонизированных новгородцами еще до завоевания вольного города Москвой. Там же, кстати, сохранились и былины. А. А. Зализняк, исследовав берестяные грамоты, обнаружил, что в древности это сходство было не слабее, а сильнее. В трудах Константина Багрянородного можно увидеть, что в ту пору на Руси было в ходу два славянских наречия. Южное, называвшееся по-рог "прагом" с мягким, "украинским" "г", а город — "градом" ("Вусеград" — Вышгород). И северное, называвшееся, на манер прибалтийских славян город — "гардом" ("Немогарда" вместо "Новгород") и сохранившее носовые гласные. Проще говоря, отца нашего героя звали при жизни не Игорем, а Ингорем, а его самого — Свентославом. Последнее ввело во грех одного особенно буйного неонорманниста, и он, на радостях изобретя небывалое "скандинавское" имя "Сфендислейф", кинулся доказывать, что герой наш был "скандинавом" и "конунгом". Бедняга даже не заглянул в именной указатель труда Константина Багрянородного, и не увидел там, рядом со "Свентославом" имя моравского князя "Свентополка". Или морав — не морав, а швед? Очередной "конунг"?

Просто в X веке имена варягов-князей на Руси "почему-то" произносили на прибалтийско-славянский манер. Я же здесь оставляю привычное написание — чтобы вас, читатель, не запутывать свыше меры. Просто имейте в виду: не Игорь — Ингорь. Не Святослав — Свентослав.

Антропологи, изучив средневековые могильники новгородцев, установили, что ближайшее подобие черепам новгородцев — черепа из могильников славянского Мекленбурга, земли... ободритов.

Наконец, археология. Первые следы ильменских словен ("культуры погребальных сопок") в VI-VII веках уже имеют явные черты западнославянского происхождения. Но в IX-X веках появляется новая волна пришельцев из славянской Прибалтики. В Новгороде первые находки славянской керамики относятся к фельдбергской культуре, существовавшей на землях... ну, читатель, вы уже догадались. Да, ободритов. И так далее, вплоть до конструкции крепостного вала новгородского Детинца 1116 года, которая "имеет точные аналогии только у балтийских славян и совершенно неизвестна на Днепре". Следы балтийских славян в виде "керамических комплексов" обнаружены так же в

Пскове, Старой Ладогге, городке на Ловати и пр. Археологи делают вывод, что в указанную эпоху в Восточной Европе появилась вторая волна пришельцев со славянского Поморья и Полабья.

Интересно, как называли этих пришельцев? И почему это о них в летописях ничего не сказано?

Или сказано? Пришедшие из-за моря в IX-X веках, поселившиеся в Ладогге, Новгороде, Пскове и явно там господствовавшие — иначе крепость аристократического центра Новгорода, Детинец, не была бы построена по их способу. Имеющие явное отношение к князьям. Кто бы это мог быть, читатель? Не узнаете?

Узнали...

Но не будем спешить.

Летопись говорит, что в землях верхнего Поволжья и у Белого озера варяги основали города — Ростов, Муром, Белоозеро. Туземцы, "первые насельники" — неславянские народцы меря и весь. "находники", построившие и заселившие города — варяги-русь. Иного населения там летопись не знает. Археология знает в этих краях тоже две группы населения — финских аборигенов и пришельцев с явными чертами прибалтийской культуры эпохи викингов, которые наши археологи поспешно окрестили "скандинавскими комплексами". Тогда отчего Ростов, Муром и Белоозеро, а не какой-нибудь "Муромвик" или "Витзеборг"? Отчего в Ростове главной языческой святыней был идол Велеса, не финского и не норманнского Божества? И отчего к XI-XII векам оба эти города предстают стопроцентно славянскими? Еще Иловайский ехидно замечал: "выходит, скандинавы ославили для нас мерю". Можно задать и еще один вопрос: отчего в могильниках со "скандинавскими комплексами" после перехода в X веке от сожжения тел к погребению, не найдено ни одного скандинавского черепа? "Комплексы" есть, а скандинавов нет.

А может, пора археологам избавляться от скандинавской закомплексованности? Перестать именовать каждый памятник балтийской культуры эпохи викингов скандинавским? Но мы не об археологах, мы о варягах.

В середине XI века основатель Киево-Печерской лавры Феодосий беседует с князем Изяславом, сыном Ярослава Мудрого, о католиках-"латинянах". Феодосий "латинян" не любит люто, и князя против них настраивает. И сообщает для этого об их, "латинян", злодействах в Варяжской земле. Они-де там разбой творят, людей убивают, в веру свою крестят насильно и "верных" — то есть православных, христиан восточного обряда — всячески злобно притесняют.

В Швеции несколькими десятилетиями после этой беседы христианские проповедники почтительно просили короля-конунга, уже крещеного, чтоб тот закрыл, наконец, огромный языческий храм у самой столицы, или хоть жертвоприношения кровавые в нем прекратил. Король священникам ответил, что если он посягнет на древнюю святыню своего народа, не быть ему королем, а им — не быть живыми. Не свирепыми крестоносцами пришли в Швецию католики, а смиренными миссионерами. Да и православных в тогдашней Швеции не водилось, во всяком случае, тех, о ком стоило бы писать.

Ученые это давно заметили и попытались доказать, что варяги здесь — не варяги, а европейцы вообще. Только других примеров, чтоб варягами всех жителей Западной Европы называли, не существует. Да и какое дело было князю Изяславу до далекой Западной Европы? Вот варяги, как таковые, его заинтере-

совать могли. Он ведь сам был варяжского рода и помнил об этом отлично — как в Европе испанские идалго через тысячу лет после падения Вестготского королевства готской кровью чванились.

А вот в землях прибалтийских славян, по сообщению Адама Бременского, православных — "греков", по его выражению — жило немало. О том, какими способами их, славян прибалтийских, в католичество обращали, мы расскажем подробно в других главах. Пока могу сказать одно — так обращали, что сами эти народы исчезли с лица Земли. Именно теми методами, о которых Федосий князю толковал.

В следующем столетии в летописи мимоходом поминают некую женщину, родом "от князей сербских, с Кашуб, с поморья варяжского". Не Сконе или Рослаген — Кашубы называются варяжским поморьем! В новгородской "Кормчей книге" в конце того же столетия с варягов клятву братья рекомендуется не крестным целованием, а "оже будет варяг... крещения не имея, а будет има роте (языческая присяга — Л. П.) по своей вере". Выходит, в конце XII века большинство варягов еще некрещеные. А шведские крестоносцы в это время уже крестовыми походами на финских язычников ходят. Священники радостные над руинами столичного капища в Упсале кадилами машут. Норвежец Харальд Гиллекрист вокруг всей Европы в Палестину плывет, Гроб Господень у сарацин отвоевывать. Правда, по норманнской привычке, грабит по пути встречного и поперечного, не глядя на веру... но это так, к слову. В 1201 году в Новгородской летописи говорится, что пришло из Варяг посольство "Горой", то есть сушей.

Это чуть ли не последнее упоминание о варягах. После XII века этот народ почти исчезает из русских источников. С чего бы? Кончилась эпоха викингов? Так она сто лет, как кончилась, а говорить о том, что словене-новгородцы на четвертом веке плотных контактов начали-де наконец выделять из безликих "варягов" свеев, доней-датчан и т.д., просто неприлично. Скандинавские народы отлично различал друг от друга — и от варягов — и киевский летописец XI века. Но именно в этом столетии очередное крестоносное нашествие добило последние оплоты государственности и религии прибалтийских славян, и об этом мы тоже поговорим.

Впрочем, в летописях изредка мелькают варяги в Литве и даже "дунайские варяги". Никаких дунайских шведов, конечно, никогда не было. Зато на Дунае жил славянский народ, называвшийся точно также, как жители юго-западного "угла" Балтийского моря — ободриты. Жители же некоторых новгородских деревень называли себя варягами до времен Екатерины Великой.

Не получается скандинавского происхождения летописных варягов. Может, с верингами саг — лучше? Веринги в сагах прежде всего связываются с Византийской армией. Вот что говорит "Сага о людях из Лососьей долины" о Болле Боллесоне: "он провел там короткое время, как вступил в общество верингов. У нас нет предания, чтобы кто-нибудь из норманнов служил у Константинопольского императора прежде, чем Болле, сын Болле". Дело было в начале XI века. Сказано, согласитесь, очень ясно. Веринги уже есть, но Болле — первый норманн среди них. Тот самый Харальд Суровый, впоследствии — зять Ярослава Мудрого, которого наши щелкоперы походя записывают в "варяги", прославляется скальдом: "Ты так повернул дело, что менее стало верингов". По правилам северной поэзии это значит "истребил почти всех

верингов". Видимо, после учиненной Харальдом резни, дворцовую гвардию Константинополя называли "варангами" сугубо по традиции. Что-то вроде "швейцарцев" Ватикана или британской "Шотландской гвардии". Скальд славит Харальда за истребление верингов — ясно, что сам Харальд не веринг!

Есть еще одно упоминание о верингах, правда, вне традиции саг. В титулатуре маркграфов Саксонских упоминается некая "марка Верингов", входившая в их владения в конце X века и начале следующего. Никакими шведами они, конечно, не владели. Их удел лежал все в том же, указанном Погодиным, "углу", а в указанное время в него входили земли...

Ободритов. В ободритский союз входило, и на первых порах доминировало в нем, племя вагров ("Вагирская марка"), они же варги, они же варны, они же варины, они же...

Сколько еще нужно доказательств, чтоб признать очевидное?

Вот еще, напоследок — два свидетельства арабов, лиц, в варяжском вопросе предельно незаинтересованных. Масуди упоминает среди славянских народов Средней Европы "аль-варангабин". Димешки, говоря о "варанк" — варягах, называет их не просто славянами, а "саклаб ас-сакалиба" — наиславянейшие славяне, самые расславянистые славяне, славяне из славян. Словно для нас писал, для слепцов, упорно не узнающих собственных предков.

Я прошу прощения, читатель, за столь длинную главу. Но, согласитесь, происхождение героя многое значит. Это немаловажно, кем он был — родственником, пусть дальним, приедем, или чужаком-оккупантом. А во-вторых, очень уж хотелось показать, на каком ошеломительно наглom пренебрежении к ясным данным огромного количества источников держится претендующий на звание теории норманнизм. И насколько небезопасно слепо доверять мнению иных "ученых".

Итак, Святослав, точнее, конечно, Свентослав, но мы для удобства сохраним привычное произношение, как и произношение имени его отца, был варягом. То есть балтийским славянином из племенного союза ободритов, из племени русь.

3. Кто на море хозяин?

*И внезапно, где играют
Всплески белые прибоя,
Из-за мыса выбегают
Волнорезы Боривоя,*

*Расписными парусами
Море синее покрыто.
Развилось по ветру знамя
Из божницы Святовита.*

*Плещут весла, блещут брони,
Топоры звенят стальные,
И, как бешеные кони,
Ржут волынки боевые.*

А. К. Толстой. "Боривой"

Варяги — славяне? Славяне — мореходы, пираты и воители? Возможно ли это? С легкой руки славянофилов мы привыкли видеть в балтийских славянах-вендах несчастные, безответные жертвы агрессии злобных тевтонов, а никак не полноправных участников кипучей и зачастую кровавой жизни европейского Севера. На этой привычке, кроме прочего, держится Магометов гроб норманнизма. Варяги не норманны? А кто же? Про балтийских славян читатель, как правило, знает только то, что они жили на землях сегодняшней Восточной Германии, что их истребили или покорили немцы, что у них был храм Святовита в Арконе, на острове Рюген и Сварожича в Радигоще... и то не всегда.

В 1913 году Велимир Хлебников писал в статье "О расширении пределов Российской словесности": "Рюген, с его грозными Божествами, и загадочные поморяне, и полабские славяне... лишь отчасти затронуты в песнях Алексея Толстого". Что ж, Алексея Толстого я благодарю — эпиграфами в этой главе. Но дело не в нем, а в том, что и сейчас положение ничуть не изменилось по сравнению с тресловутым 1913 годом! Венды так и остались для читателя "белым пятном". Чуть ли не единственное серьезное исследование про них — "История балтийских славян" Гильфердинга — увидело свет в 1855 году, и с тех пор было переиздано единственный раз, в 1994, микроскопическим тиражом, в мягкой обложке. Труды по истории России, где подробно рассказывалось про вендов — "Варяги и Русь" С. А. Гедеонова, "История русской жизни с древнейших времен" И. Е. Забелина — не переиздавались вообще. Больше того, на спецхрановских экземплярах Забелина, на титульном листе, синел советский штамп "Запрещено".

Что скажешь, славно советская наука "боролась с норманнизмом". "Реакционер" Погодин — пожалуйста, "монархист" Карамзин — в каждой библиотеке. А Гедеонов с Гильфердингом — под спудом. А Забелин — запрещен. Как тут дивиться живучести норманнизма! Дело, конечно, исключительно в его научных достоинствах...

Что ж, начнем, пожалуй, с торговли. Славянин в роли купца нам все же привычнее, чем в роли морехода-воителя. Кто не помнит Садко (не по былине, так по опере, не по опере, так по фильму) или Мизгиря из "Снегурочки"? Так вот, славянские купцы на Балтике отнюдь не плелись в хвосте у норманнов. Наоборот, клады серебряных арабских монет в славянской Прибалтике, по исследованиям В. Янина и Й. Херрманна, появляются с конца VIII века, а первые скандинавские клады датируются концом IX! То есть на сто лет позже. Уже из этого ясно, кто ворочал Балтийской торговлей. А также и то, кто первым освоил путь из Балтики на Восток через Восточную Европу. И не зря Русь называлась Гарды, Гардарики — по-вендски-то, в отличие от скандинавского, "гард" значило вовсе не "хутор" и не "ограда", а именно "город"! На северо-западе Польши, на остатке вендского Поморья, до сих пор существуют Старгард, Новогард и Бялогард. А значит, и название Новгорода, и имя Киева, и название Константинополя — как вы помните, читатель, они все заканчиваются на "гард" — норманны впервые услышали от вендов. Средневековый торговый союз Ганза известен многим. Немногие обращают внимание, что состояли в нем бывшие вендские города, с названиями, не требующими перевода для славян — Бремен, Любек, Росток. И... Новгород. Да, Новгород тоже входил в Ганзу. Чем объяснить это странное объединение, если не вендскими корнями

балтийской торговли, не связями, сложившимися еще до эпохи викингов? Один из торговых городов вендов, Волын в устье Одера-Одры монах Адам Бременский назвал "самым большим городом Европы"! Это писал монах Римской церкви, европеец, не питавший никакого пристрастия к закоренелым славянским язычникам. Что ж, не один век строился фундамент торгового благополучия вендов. И сохранился надолго, после гибели вендской цивилизации в пламени *Drang nach Osten* послужив фундаментом для здания Ганзы.

Господство славян-вендов в балтийской торговле оставило след и в скандинавских языках. Е. Мельникова насчитывает 12 славянских заимствований в них (напомним, что скандинавских в древнерусском — меньше). И большинство из них относится к торговле. Славянские купцы приезжали на торг (*torgh*) на лодьях (*lodhia*). Любопытно, что ни одно слово из богатейшего морского словаря норманнов в славянские языки не попало. У славян были свои слова для морского дела, появившиеся до эпохи викингов, в те времена, когда плавание легендарного конунга Хрольва Жердинки из Дании в Швецию было для скандинавов странствием на край света. Суда Олега Вещего летопись называет не "драккарами" или "кноррами", а "кораблями", от вендского *korab*. Впрочем, славянские купцы могли приехать и верхами, в седлах (*sadul*) с высокими луками (*loka*), везя товар в седельных мешках — кош (*katse*). Приехав, они устраивались на лавах (*lava*), и извлекали безмены (*besman*) и товар: шелка (*silki*), вместе с арабским серебром приходившими с востока и соболей (*sobel*) из русских лесов. Их путь, тяжелый и опасный, пролегал через множество границ (*graens*), и купцы были рады после торга отдохнуть и закрепить сделку ковшом пива с хмелем (*humle*).

Однако есть еще одно заимствование, выбивающееся из нарисованной нами мирной картинки. Это слово — *rolutasvarf*, полюдье, объезд с целью сбора дани. У скандинавов он назывался вейцла. Как же и зачем могло попасть к скандинавам еще и славянское название такой поездки? Неужели...

Неужели было время, когда по скандинавским землям разъезжали за данью люди, называвшие такие поездки полюдьем?

Именно это утверждает средневековый польский хронист Кадлубек. Он передает предание, по которому в древности славяне победили воинов "Даномалхийских" (Данемаркских, Датских) островов, и предложили им, на выбор, или платить дань, или носить, в знак поражения и позора, женские длинные волосы, убранные в косы. Пока датчане колебались и выбирали, нетерпеливые славяне снова напали на них, завершили разгром и принудили и к тому, и к другому.

Конечно, перед нами народная легенда с изрядной долей насмешки. Это насмешка над неповоротливостью, нерасторопностью датчан и вообще скандинавов. О ней в Европе ходит не меньше анекдотов, чем у нас — про "карья-ачих эсто-онских парне-ей". Кстати, по одному этому ясно, что "весьма проворные данаи" из рассказа Титмара Мезербургского про Киев, могут означать никак не данов-датчан, а только действительно шустрых "данайцев"-греков.

Вторая цель насмешки — прически скандинавов. Сами славяне, вопреки привычному нам образу "древнего славянина" с волосами до плеч и бородою лопатой, коротко стригли, а то и брили волосы и бороды. Знатные воины — лютичи у Титмара, польский князь Котышко — могли в знак высокого рода и воинской удали оставлять на макушке, или на передней части черепа клок не

сбритых волос, словно дразня врага: "Попробуй-ка, ухвати!". Арконский кумир Святовита имел обритые головы и бороды "сообразно народному обычаю", по словам Саксона Грамматика. Наоборот, жрецы носили длинные волосы и бороды "вопреки обыкновению". Длинные, часто убранные в косы, волосы и бороды скандинавов смешали славян.

Напротив, скандинавы считали постыдным и недостойным именно стрижку, тем более — бритье бород и голов. Из "Саги о сожжении Ньяля" узнаем, что "безбородый", брошенное в лицо мужчине, было смертельным оскорблением. Королевский любимец Аудун из "Пряди об Аудуне с Западных фиордов", обнищав в дольных странствиях, возвращается домой. "Голова у него бритая и вид довольно жалкий". Аудуну в таком облике стыдно и страшно показываться на глаза конунгу-покровителю.

Варяги-русь до крещения брили головы и бороды почти поголовно, как о том сообщают арабы и византийцы. Их Бог Перун изображался с "серебряными усами", а на миниатюрах Радзивилловской летописи — с воинским чубом на голове. Современник Крещения Руси, франк Адемар Шабанский писал: "пришел в Россию некоторый греческий епископ... и заставил их принять обычай греческий относительно ращения бороды и всего прочего". То есть для русов X века отпускать бороду — чужеземный обычай, который не торопятся принимать даже крещеные князья. На монетах Владимира и Святополка, на печати Ярослава Мудрого, на миниатюре Святослава Изборника мы видим одни и те же лица с остриженной, если не сбритой бородой и густыми, зачастую — очень длинными усами.

Но насмешки насмешками, а как понимать заявление о дани, которой венды обложили норманнов? Хвастовство? Но, как ни странно, норманнские саги говорят то же. В записанной в XIII веке в Швеции "Тидрек саге" повествуется о подвигах и завоеваниях "конунга Вилькина, славного победами и храбростью". Сей Вилькин — вождь и прародитель вилькинов. Так сага зовет вендский народ, известный по другим источникам, как вильцы, велетабы, велеты, вельты, а нашим летописям известный как лютичи. Так вот, Вилькин этот

"силами и опустошением овладел... Свитьодом (Швецией — Л.П.) и Гугаландом (островом Готланд — Л. П.), и всем царством шведского конунга, Сканией (Сконе, южный берег Швеции — Л.П.) Скаландом, Ютландом (Данией — Л.П.), Виндландом (землей вендов — Л. П.), и всеми царствами, какие к тому принадлежат".

Удивительно читать сообщения о таких головокружительных завоеваниях славян в скандинавских землях, да не где-нибудь, а в скандинавской саге. Конечно, о завоеваниях в нынешнем смысле речь не идет. Скорее всего, конунг, точнее, князь, а еще точнее — кнез, всего лишь ходил в эти земли набегами. Но все равно, размах впечатляет! И еще больше впечатляет, что сообщения саги подкрепляются иными источниками. Франкские хроники времен императора Карла и араб Масуди в один голос объявляют велетов самым сильным славянским народом, господствующим чуть ли не над всеми славянами Средней Европы. Средневековый Утрехтский летописец сообщает, что лютичи-вильты поддерживали тесный союз с фризами и саксами, имели колонии в голландских землях — города Вильтбург и Славенбург. В окрестностях этих го-

родов до XIX века сохранялось немало славянских названий — Воденице, Бела, Камнь, Свята и т.д.. Больше того, Утрехтский летописец сообщает, что лютичи вместе с саксами ходили на Британию еще со времен Хенгиста и Хорсы, с V века, и основали там город Вильтон и графство Вильтшир. Про те времена что-либо сказать трудно, но в VIII-XI веках лютичи не раз тревожили Англию набегами. Англы хорошо запомнили имя славянского Бога разрушения и мести — Чернобога, хоть и слегка переиначили его. Помните, у Вальтера Скотта, в "Айвенго", безумная старуха со стен горящего замка кричит: "Ревет Зернебок!"? Хомяков в позапрошлом веке, Мавродин в прошлом писали о славянских погребениях в Англии, но подробностей не привели. Что за погребения, почему славянские, осталось неизвестно.

Но и этого достаточно. Народ, доплывший от Пенемюнде до Голландии и Англии, безусловно, мог ходить набегами на внутренние берега Балтийского моря, а то и облагать их данью. Подтверждает факт славянского присутствия в скандинавских землях и археология, причем именно там, где говорит о нем "Тидрек сага". Необязательно все они принадлежат лютичам. Как самые свирепые пираты, славились в еще помнившей викингов Балтике XI века вагры-ободриты (последние отличились и на суше — в 1010 году князь Местивой предпринял конный поход... в северную Италию) и руги с острова Рюген. Об этих последних подробный рассказ впереди. Вагры же постоянно терзали скандинавские земли набегами, превратив их в род спорта. Грозные датские викинги, обложившие англичан вошедшей в поговорку данью, штурмовавшие Париж, соседям-варягам ни малейшего страха или хотя бы почтения не внушали. В IX веке датские короли попытались огородить свой полуостров огромной стеной, так называемым Славянским валом. Помогло лишь отчасти. Варяги на десятках легких судов проникали в многочисленные проливы между Датскими островами и, возникая ниоткуда, обрушивались на города и селения. Более того, они стали сами селиться на них. Кольцевые укрепления на острове Лоланд считаются славянскими, как и крепость близ Соре в центре Зеландии, где найдена очень архаичная славянская керамика. Абсолютное большинство датских кладов содержит славянские вещи и даже зарыто в славянской посуде. Сохранилось множество славянских названий: Крамнице, Корзелице, Тиллице и Биннице (вот оно, новгородско-ободритское "цоканье". А названия очень похожи на новгородские Зимятицы, Глобицы, Гостилицы).

Несколько славянских колоний обнаружено на Сконе и на острове Эланд у берегов Швеции. О стоявших там славянских дружинах говорит Саксон Грамматик, "Сага о Книтлингах" и археология. Крепость Экеторп на Эланде — типичное ободритское кольцевое укрепление. Здесь следует заметить, что большинство названий крепостей — позднейшие, данные уже руинам местными жителями.

Особенно же сильные следы славянского присутствия мы находим в Средней Швеции. Связи с южным берегом Балтики заметны уже в блестящей культуре, угасшей до начала походов на Запад, и получившей название Вендельской(!). Наряду с явно скандинавскими сюжетами и героями, в вендельском искусстве часто мелькают фигуры, более уместные для славянской Прибалтики. Воины в шлемах, увенчанных изображением птицы (как у кумира Сварожича в Радигоще, главной святыне лютичей). Лица мужчин с остриженными волосами и выбритыми подбородками. Бьющиеся в сече всадники (в Сканди-

навии еще полтысячи лет спустя воин, сражающийся верхом, выглядел дико и внушал землякам суеверный ужас. Не зря Святovit, как верили славяне, верхом на белом коне бьется с врагами, а Один на знаменитом Слейпнире только ездит). По сагам заметно, что жителей округа Вендель, где находился центр этой культуры, прочие шведы считали за чужаков, и честили "вендельскими воронами". Бирка, знаменитый торг эпохи викингов, тоже давала приют огромной славянской колонии. Это заметно по керамике, по погребениям, в том числе женским, с юбками поморской отделки и вышитыми славянскими рубашками, со славянскими лунницами, колтами и височными кольцами. Саги, кстати, Бирку не упоминают вообще — как Русь до Владимира, как почти не упоминают южный берег Балтики времен викингов. И возможно, Людовик Благочестивый совсем не зря принял послов "народа Рос" именно за "свеонов".

Впрочем, словом "Свеоны" с тем же успехом могли обозначать народец свемян у Волына и Узедома. Или, что еще более вероятно, "свеоны" — просто подцепленное у Тацита обозначение жителей островов на Балтийском море, которым ученый монах-летописец — а вовсе не Людовик — обозначил вендов? Называли же ромей русов то скифами, то таврами. Тогда понятна и настороженная реакция Людовика. Если шведы до берегов Франкской державы просто не доплывали, (там больше разбойничали норвежские и датские викинги), то венды были опасными врагами. Не зря не шведам, не норманнам, а именно вендам император Карл запретил продавать мечи еще в 805 году.

Итак, археология согласна с "Тидрек Сагой". Во всех перечисленных ею краях заметно сильное славянское присутствие, часто еще предвикингских времен. В эпоху викингов славянское присутствие на Балтике не стало менее ощутимым. Отнюдь. Матвей Парижский среди народов, обрушившихся в IX веке с севера на берега Франции, упоминает "вандалов". Средневековые книжники именовали вандалами именно вендов-славян. Адам Бременский между скандинавскими народами называет *sklavi* — славян. Знаменитые "лагеря викингов" — Аггерсборг, Треллеборг, Фюркат — выстроены по плану славянских укреплений Средней Европы, и в них находят славянскую керамику. В Треллеборге она даже преобладает. М. П. Погодин собрал внушительную выборку из средневековых авторов, позволяющую считать, что доля вендов в терзавших Западную Европу ватагах была весьма и весьма ощутима — до половины и более. И лишь наша привычка заставляет видеть в ватагах викингов исключительно природных скандинавов. Что до материальной культуры — мы в эту эпоху не можем уверенно судить о том, кто сделал ту или иную вещь. В Венделе, у колыбели скандинавского ремесла, стояли пришельцы с юга Балтики. Затем уже ремесло шведов и датчан оказывало влияние на вендов. Различия шли на уровне этнографических тонкостей, зачастую не оставлявших археологических следов (прическа, татуировки вендов и русов и отсутствие таких у норманнов).

Разумеется, венды не ограничивались западным направлением походов. Мы уже говорили об их первенстве в торговле на Волжском пути, что не могло бы быть достигнуто без проникновения на Восток. И в самом деле, в устье Двины "Ливонские хроники" до XIII века знают народ вендов. Венды передали местным племенам ливов и латыгалов свои имена (Дабрела, Русин), и некоторые обычаи. Так, в тех же хрониках ливы гадают о жертвоприношении, вода священного коня Бога через скрещенные копыта и, глядя, левой или правой но-

гой он через них переступит. Именно так гадали венды о боевых походах в храме Арконы с белым конем Святовита, и в храме Щецини — на черном коне Триглава, и в Радигоще — с белым конем Сварожича. Так гадали потом девушки на русском севере, вода коня через сложенные во дворе оглобли, принесенные разными парнями — через какую конь переступит да какой ногой, за кого замуж идти и хорошо ль за ним будет.

Дальше на восток за Рижским заливом лежала вендская торговая колония Колывань, будущий тевтонский Ревель, нынешний эстонский Таллинн. А уж за ним, от чуди до "предела Симова", лежала Новгородчина, земля "людей от рода варяжска", "варягов мужей словенских", самая большая колония вендов. Не контрибуцией побежденных, а выплатами колонии метрополии была варяжская дань словен, кривичей и мери. И кончились отношения колонии с метрополией так, как много раз до того и после того в истории: "и изгнаша варягов за море, и не даша им дани, и почаша сами собою володети". Иоакимовская летопись сохранила имена восточно-вендских боливаров и вашингтонов. Это князь Буригой и его сын Гостомысл. Впрочем, как уже говорилось, избавившись от метрополии, колонисты столкнулись с много более страшной опасностью, и уже Гостомысл завещал словенам звать варягов обратно. Об опасности этой мы еще расскажем подробнее...

Сейчас для нас главное — вывод. Балтийские славяне — варяги, венды — не были забитым племенем домоседов. Именно они первыми освоили Волжский торговый путь. Именно они господствовали не только в восточноевропейской, но и в Балтийской торговле. Они ходили набегами на скандинавские берега Балтики, и, возможно, обкладывали их данью. Их колонии располагались в Восточной Европе, в Эстонии, в Рижском заливе, на Готланде, в Швеции, Дании, южной Норвегии, Голландии и Англии. Их торговые города производили впечатление на европейских путешественников (помните — "самый большой город Европы"?), их дружины нисколько не боялись викингов, державших в страхе Западную Европу, и сами принимали активнейшее участие в их походах.

Да, не зря Балтийское море называлось Варяжским!

4. На острове Руяне, на синем Дунае: руги, русины, русы.

*Посреди безмолвных пустынь
Остров бриллиантом горит -
Остров алтарей и святынь,
Солнечному свету открыт.*

*Сильный и счастливый народ
Там слагает гимны Богам...
Звезды опустил небосвод
К Божьего народа ногам.*

С. Хатунцев "Туле".

С варягами мы разобрались. А русь? Что это был за народ, каково было его место в цивилизации воинов и торговцев Варяжского моря?

На самом деле, даже если бы и происходило имя "русь" от скандинавского

словечка "ротс", то это ничем бы нам не помогло. Разве только был повод считать русов соседями скандинавов. Вот имена "дулебы" и "эстонцы" германского происхождения, а "хорваты" и "мордва" — иранского. Но ведь нет и не было никогда германцев дулебов или эстонцев, иранцев хорватов или мордвинов. Дулебы и хорваты — славяне, а эстонцы и мордва — финно-угры. Тем паче, что русы, как мы уже знаем, с самого начала считали свое имя именно племенным, а не "профессиональным". Не понимали его скандинавского — якобы — значения. И значит, в любом случае не были скандинавами.

Но не выходит ничего с тем самым "ротс", не может выйти. Мы уже знаем, почему. Нет такого слова ни в каких источниках. Просто не существует. И по немецким источникам IX века выходит, что русы-купцы себя так, русами, и называли. Да и Ибн Хордадбег, как мы помним, русских купцов "одним из племен славян" именует. "Они привозят товары из отдаленнейших областей Славинии". Это уже похоже на подсказку — то ли товары "из отдаленнейших земель", то ли сами купцы. И если верно последнее — значит, недалеко было отечество русов от владений халифов.

А похоже, что так оно и есть. Ибн Якуб пишет, что русы "нападают на прусов с запада". В XII веке немец Рагевин писал, что Польша ограничена с юга Богемскими лесами, с запада — Одрой, с востока — Вислой, а с севера — Балтийским морем и... русами. Все границы даны очень точно, надо думать, верно очерчена и северная. Итак, русы — это славяне, живущие к северу от Польши, к западу от Пруссии. Кстати, именно в этих краях располагают русов наш летописец и автор средневековой еврейской рукописи "Иосиппон". Опять же мы возвращаемся в "угол" Балтийского моря, указанный провидцем М. П. Погодиным. Мы на верном пути — именно здесь родина русов. Где же именно?

На помощь приходят арабы. Ибн Русте сообщает, что русы живут "на острове", который "покрыт лесами и болотами, нездоров (не забывайте, что пишет уроженец аравийских пустынь! — Л. П.) и сыр до того, что стоит ступить ногой на землю, как она начинает колебаться из-за обилия в ней влаги". "Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен... Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян. И нет у них недвижимого имущества, ни городов, ни пашен". Его соплеменник, Мукаддаси, писал в 966 году, что море, окружающее остров русов, "это крепость, защищающая их от нападений. Общая численность их достигает ста тысяч человек. И нет у них пашен и скота. Страна их граничит со страной славян, и они нападают на последних". Гардизи, подтверждая слова Ибн Русте о полных влаги лесах и болотах, и слова Мукаддаси о стотысячном населении острова, добавляет, что остров имеет размеры три дня пути и вдоль, и поперек. Глава русов, по сообщениям Ибн Русте и Гардизи, носит титул "хакан-рус". Как мы говорили, хакан — титул императорский. Более того, на востоке этим словом обозначали царя-жреца, священного владыку. Все арабы отмечают поражавшее даже их, людей Востока, гостеприимство русов, обитателей острова

Итак, славянский народ, живущий к северу от поляков, к западу от прусов, на сравнительно небольшом, но густо заселенном ("сто тысяч человек" на острове в "три дня пути в длину и ширину!"), невзирая на леса и болота, острове. Народ этот не занимается земледелием или скотоводством, но промышленует сбором дани, торговлей и военными набегами.

Исследователи много раз пытались установить месторасположение загадочного острова русов. Однако известен реальный остров, обладающий всеми свойствами описанной арабами родины русов. Он невелик — что-то около трех дней пути и с юга на север, и с востока на запад. Он был когда-то покрыт лесами и болотами. Ключевым признаком можно считать отсутствие на острове земледелия и в то же время множество жителей. Такая плотность населения вовсе нехарактерна для, скажем, Скандинавии или северной Руси. Собственно, Скандинавия при поисках острова русов должна исключаться хотя бы по размерам, четко определяемым арабскими авторами. Его население "все Поморье славянское облагало данью, а сами никому дани не платили". Они, по словам Гельмольда, "пренебрегая всеми выгодами хлебопашества, всегда были готовы к морским походам, надеясь на свои корабли, как на единственное средство к обогащению". Их правитель, по мнению Гельмольда, единственный из всех славянских правителей носит титул короля. Вспомним, что королем с первых же дней западные авторы величают правителя русов. Гильфердинг, комментируя описание Гельмольдом и другими немецкими авторами, говорит о священном характере его власти. "Он, — пишет российский ученый. — Может, даже и не назывался князем, а носил высший титул". Уж не титул ли Кагана? Славянская традиция не знает титула выше. Именно каганами звали великих князей Киевских и Черниговских от Игоря до Святослава Ярославича, а может быть, и до его сына Олега. Я далеко еще не перечислил всех параллелей между описаниями западными авторами этого острова и описаниями арабами "острова русов". Но уже кажется, что цитируется не просто описание одного и того же острова, нет — просто разные пересказы одного и того же описания.

Этот остров — остров Рюген. Племя, обитавшее на нем, звалось издревле ругами. И ругами же средневековые германские документы постоянно называют киевских русов! Напротив, житие Оттона Бамбергского называет жителей Рюгена *rutheni* — русины! Остров Рюген — по-славянски Руян — был главной святыней западных славян. Еще в XI веке на поклон к его главной святыне, четырехглавому кумира Святовита, шли пилигримы из далекой, уже два века вроде бы христианской Чехии. Впрочем, популярность четырехликого кумира не исчерпывалась западными славянами — каменные кумиры о четырех лицах, смотрящих на все стороны света, обнаружены на Украине — один в селе Иванковицы, другой (это, пожалуй, самый знаменитый славянский кумир) — в реке Збруч. Бронзовый кумир Святовита найден в Рязани, в слоях, опаленных батыевым пожаром. И даже в столице православной Болгарии, в Преславе, найден маленький костяной кумирчик, озирающий стороны света своими четырьмя ликами. Предполагают, что остров Буян, знакомый всем по пушкинской сказке, и пришедший в нее из заговоров, где он — местопребывание Христа, богородицы, святых, сменивших в заклетьях православных ворожей древних Богов — и есть Руян, Рюген. К нему, к его святыням, к храмам многоликих Богов в Арконе, Ругарде и Коренице, взывали неграмотные старухи-знахарки, сами не зная того. Здесь было средоточие всей веры, всего упования языческого славянства. И не только славянства — датский король Свейн жертвовал добычу в храм Арконы, а в самих храмах, кумирах и ритуалах ученые видят много общего с религией кельтов. Седая же древность спит на берегах Рюгена — она помнит друидов, уничтоженных Цезарем!

До какой степени доходило почтение славян к правителю священного острова, показывает Саксон Грамматик. Он поведал о случае, происшедшем во время одного из набегов рюгов-русинов на соседей. Князь рюгов, Яромир, напал на двоих воинов другого славянского племени. Сразил одного, но копье застряло в теле. Тут подскочил другой, замахнулся — и вдруг узнал правителя рюгов. Вражеский воин бросил оружие и рухнул ниц.

Вот он, священный "хакан-рус"!

Очень показателен такой случай. Арабские авторы рассказывают о том, как "язычники, называемые русью" напали на Севилью в 844 году. Долгое время это сообщение было любимой игрушкой норманистов. Конечно, на Севилью напали норманны, "кто же еще?". Ох, как служило норманизму замалчивание вендской цивилизации воинов-мореходов...

А потом, в семидесятые годы прошлого, XX века, археологи из ГДР нашли в городе Ральсвик на острове Рюген клад — свыше 2000 арабских монет. "Он относится к наиболее крупным и раннимкладам арабского серебра на Балтике", пишет Й. Херрман, немецкий археолог. Младшая из монет клада датируется 842 годом. Наряду с привычным серебром Востока в кладе лежали монеты арабской Испании. Вот куда привезли их "язычники, называемые русью".

Так чье же имя глушило на улицах горящей Севильи отчаянные призывания "Аллаха, Всемилоостивейшего, Всемилоостердного"? Одина? Или все-таки Святовита?

В том же Ральсвике найдено немало вещей из Восточной Европы — обломок пермского браслета, финские серебряные застешки. Какой народ в IX веке ходил набегам и на чудь, и на Севилью? Арабские авторы называют этот народ русами. А Ральсвикские клады показывают расположение этого народа, его до сих пор загадочного для историков острова. Это Рюген, Руян, Буян.

Здесь же, на Рюгене, в Хидензее (позднейшее немецкое название), находятся ближайшие типологические аналоги тем "громовым топоркам", которые наши археологи находят по русским курганам икладам, упорно именуя их "молотами Тора" и считая признаком скандинавского происхождения погребенного. Да, в Скандинавии встречалось нечто подобное, но наши-то топорки, как признают те же археологи, по форме ближе не скандинавским, а рюгенским находкам! А почитание молота внасквозь славянской Белоруссии продолжалось до XIX века.

Описание Рюгена у западных авторов полностью совпадает с описанием "острова русов" авторами восточными. Немецкие документы называют "королями" только двух славянских правителей — владыку Восточноевропейской державы и правителя маленького островка у побережья Балтики. Напомню — правители Польши и Чехии для них всего лишь "князья"! Они же постоянно именуют ругами киевских русов, и рутенами-русинами — жителей Рюгена.

Любопытно, что руги-русы "отметились" и на материке. Еще во времена Великого Переселения народов на верхнем Дунае, чуть южнее нынешней Чехии процветало их королевство. Руги воевали с готами и с гуннами. Среди них проповедовал святой Северин, именуемый "апостолом рюгов". Проповедовал, впрочем, без особого успеха. Он снискал уважение многих рюгов праведной жизнью и мудростью. Те его черты, что прославили его, как чудотворца и ясновидца — мы бы назвали их экстрасенсорными способностями — тоже внушали ругам почтение, но это было почтение скорее варвара к колдуну, чем

христианина к духовному отцу. Даже житие святого утверждает, что обратил он очень немногих.

Мы уже упоминали "Тидрек сагу". Так вот, ее главное содержание — жизнь и подвиги заглавного героя, Тидрека Бернского, исторического короля остготов, Теодориха из Вероны, Дитриха немецких преданий. Тидрек-Теодорих в саге союзничает с гуннами Аттилы и воюет с вилькинами-лютичами, пулинами-поляками и... русами. Где располагалась земля этих русов, говорит зачин саги: "Сага эта начинается в Апулии и идет к северу по Лангобардии и Венеции в Швабию, Венгрию, Руссию, Виндланд, Данию...". В саге очень точно показано расположение королевства ругов. А. Назаренко обнаружил в средневековых германских документах множество свидетельств пребывания в этих краях русов. Опять руги и русы отождествлены! И неспроста. Вражду Тидрека-Теодориха с ругами крепко помнили не только германские и скандинавские саги, где он выступает идеальным героем. А. Хомяков в соей книге "Семирамида" упоминает, что в приодерских землях, бывших землях онемеченных славян, тех самых вилькинов-лютичей, с которыми враждовал Тидрек, Дитрих — не любимый герой, а страшный вожак полуночной Дикой Охоты проклятых душ. Даже онемеченные лютичи передали детям память о давней вражде с предком и героем германских господ. Память эта преодолевала не только века, но и немалые расстояния — тот же Хомяков впервые обращает внимание, что в Первой Новгородской летописи, при рассказе о взятии крестоносцами Царьграда, упоминается, что один из вождей захватчиков — родом из Вероны, "идеже бых поганый злый Дидрек". Издалека привезли руги-русы эту память, надолго сберегли. "Поганый злой" — характеристика явно эпическая (вспомните в былинах "поганый злой Калин царь"), и явно не из германского эпоса. То есть не только другие отождествляли ругов и русов, но и сами русы помнили врага ругов — именно как врага.

Кстати, и в былинах сохранилась память о дунайской державе ругов. Под позднейшим слоем географии восточноевропейской "земли Святорусской" проглядывает другая. Та, где "земля ляховецкая" и "земля Поморьянская" — ближние соседи, друзья и родичи, притом, что Волынь и Подолье — какое-то тридевятое царство с чертами иного мира. Та, где богатыри охраняют Киев со стороны "степей Цицарских" — то есть Австрийских. Та, где Киев почему-то стоит на Дунае, а сам Дунай протекает от крови заколовшегося под Киевом Дуная-богатыря. Заметьте — нет былин о рождении Днепра или Волги. Есть только былина о рождении Дуная. Илья Муромец "служит королю Тальянскому" и приживает в "земле Тальянской" дочь. В "Тидрек саге" тоже упоминается дочь русского богатыря Ильи, и она тоже едет на Русь из Италии. Совпадение? Пусть математики просчитают вероятность.

Впрочем, тема происхождения былин, их связи с варягами-русью, их языческой древности — совершенно особая тема. Я надеюсь посвятить ей не абзац, а книгу. Пока же заметим — в русском эпосе есть детали, которые трудно толковать иначе, чем память о королевстве ругов на дальнем синем Дунае.

В русских летописях, кстати, славян "отчего-то" выводят из земли Норик. Но именно на остатках этой римской провинции основали вожди пришедших с Рюгена ругов свое королевство! Опять случайность?

А может, легче признать случайностью одно-единственное причисление послов "народа Рос" к "свеонам"? Впрочем, мы уже говорили — даже этого не

требуется, чтоб отнять у норманистов их единственную серьезную опору. Что до "различения" славян и русов источниками — мы уже говорили, что так же "различали" готов и германцев. Естественно, что в глазах арабов и византийцев балтийские пришельцы на фоне привычных им юго-восточных славян смотрелись несколько чужеродно.

Возникает вопрос — а кто же эти руги-русы? Славяне ли они? Многие исследователи, даже признающие тождество русов с ругами, сомневаются в славянстве последних. Ведь ругов на Рюгене упоминает еще Тацит во II веке. А сейчас принято считать, что славяне возникли в VI и ранее говорить о них нельзя. Потому как-де именно в VI веке византийские и римские историки упоминают славян.

Не знаешь, смеяться или плакать. Эти самые римские историки — Иордан, например, — говорят о славянском народе антов в IV веке. Армянин Мовсес Хоренаци, писавший в V столетии, упоминает славян-"скалаваци", на что указывал еще норманист Карамзин. Наконец, на карте Европы Птолемея, современника Тацита, кроме отдельных славянских племен вроде вельтов (вельтов, лютичей), упоминаются "суовене", в которых не так уж трудно узнать словен. Но "неонорманисты" заморожены апокалиптической, каббалистической аурой шестерки -в VI, и точка! А если источники несогласны — тем хуже для источников.

И самое главное — что за дикий метод отсчета — от первого упоминания общего названия группы родственных народов в иноземных источниках? Тогда тевтоны — не германцы, потому что грек Пифей упоминает их за два века до первого упоминания слова "германцы" Юлием Цезарем. Тогда хун-ну, штурмовавшие Великую Китайскую стену во II веке до н.х.л., не могут быть монгольским племенем, потому что имя монголов в источниках впервые появляется в X веке. И так далее, и тому подобное. Но пока единственным народом, к которому применяют эту странную систему датировки, являются славяне. Уж не готовят ли нас исподволь к принятию, вслед за Европой и Америкой, веры в "пришедших из степей" славян, косматых "кубратов", не умеющих возделывать землю, и "венделей" с каменными топорами? Мы уже много "общечеловеческих ценностей" приняли — может, и для этой наступает пора?

Руги вполне могли быть славянами уже во времена Тацита. Но для нас много важнее, что они заведомо были славянами во времена Рюрика.

Стоит заметить еще два обстоятельства. Во-первых, по соседству с дунайскими владениями ругов и жили те самые дунайские ободриты. Очередная "случайность"? Или этот народ пришел сюда вместе с ругами от балтийских берегов? Но, однако же, какая крепкая связь — ободрити-варяги и руги-русы соседствуют на Балтике, ободриты -"дунайские варяги" рядом с ругами на Дунае, и в Восточную Европу они приходят как "варяги-русь". Прямо гумилевская "комплиментарность" какая-то! Любопытно и вот еще что — у славян Югославии, неподалеку от тех мест, где проживали ободриты, сохранился обычай наносить на руки татуировки в виде солярных символов и деревьев. Эти татуировки обнаружили, исследовали и обнародовали австрийские ученые конца XIX века, Леопольд Глюк и Чиро Трухелка. Но ведь именно такие наколки видел у русов Ибн Фадлан! Что, очередная "случайность"? Между прочим, ни скандинавы эпохи викингов, ни древние германцы татуировки не знали. И гот Иордан рассказывает об обычае бриттов "клеить свои тела же-

лезом", говорит о нем с явным недоумением и отчуждением — мол, чего только не бывает! А вот у славян есть еще один пример, к тому же тоже из дунайских земель. Моравская княжна Дубровка — та, что совратила польского князя Мешко в христианство — была, видать, большой поклонницей тату. Она даже в дорогу брала с собой набор татуировальных игл.

Здесь нужно сказать вот что: вполне возможно, что именно Дунайская земля ругов хранит разгадку слова "варяги". Дело в том, что еще Костомаров заметил, что северное "веринги" — словно калька-перевод с римского "федерат" — союзник. Только объяснил это совершенно неудобьсказуемым образом: дескать, скандинавы ("кто же еще?!") плыли славянскими землями в Византию, там получали звание федератов и славянскими же землями ехали назад, сами себя уже верингами называя. Я привел достаточно фактов, чтоб обнажилась несостоятельность такого объяснения. А со стороны логической оно вообще ни в какие ворота не проходит. Почему к скандинавам прилипло то название, которым они на обратном пути себя называли, а не то, под которым в Византию ехали? И кто называл во Втором Риме норманнов "федератами"? Наемниками они там были — как и славяне, впрочем, как и иные варвары. Византийское право вообще этого слова не знает. Оно из более древней эпохи.

Из Рима. Из самого первого Рима Олимпийских Богов, Божественных Цезарей и орлов над непобедимыми легионами.

Руги не сами оказались на Дунае, в римской провинции Норик. Их пригласили туда римляне в качестве... федератов. Союзников и защитников от других варварских племен и народов. Вот именоваться федератом-союзником-верингом великого Рима было почетно. Настолько почетно, что народ мог взять себе это слово в качестве имени. "Смотрите, дикари из трясин и чащоб! Мы — не вы, мы -федераты, мы — веринги!". Между прочим, в том самом городе Вольтин, "самом большом в Европе", как святыня хранилось копье... Юлия Цезаря. Конечно, руги и ободриты стали римскими верингами через века после смерти основателя империи. И копье было наверняка обычным копьем-пилумом обычного легионера, которое какой-нибудь римский чин под красивую сказку про "оружие Божественного Юлия" подарил онемевшему от счастья вождю ругов-федератов. Впрочем, римлянам их хитрости аукнулись. Варварский вождь Одоакр, убивший последнего императора Рима, Ромула Августула, и, так сказать, официально закрывший тем самым Римскую империю, был именно ругом. Слово "веринг" же прекрасно объясняется, именно как "союзник" и из славянских языков. Если же читателя насторожит "германский" суффикс "-инг", могу напомнить — балто-славянское племя, которое наши летописи зовут ятвягами, поляки называли "ядзвинги". В племенной союз полабов, живших по соседству с ободритами, входило племя смельдингов. О славянах Пелопоннеса, милингах, мы уже говорили. Впрочем, вся эта этимология и история слова "варяги" суть мое предположение, не более того, и я его не очень ценю. Одно могу сказать — при всей гадательности, оно, по крайней мере, не находится в прямом противоречии с источниками, в отличие от привычных "обобщенных названий скандинавов" или "присягнувших вождю дружинников".

Итак, остров Рус, Руян, Буян, Рюген, главная святыня славянства. Что было логичнее для ильменских словен, чем воззвать именно к его обитателям из кровавого безвременья усобиц? Защищаясь от нечисти, их потомки и спустя тысячу лет обращались к силам, обитающим на священном острове. И под-

данные Гостомысла могли обратиться к ним, дабы изгнать со своей земли бесов смуты и братоубийства, и спастись от вовсе уж чудовищного порождения тьмы, подступавшегося к их землям с юго-востока.

На их призыв откликнулись. Но кто? Кто он, вождь пришельцев, основатель державы и родоначальник государей, семь веков правивших ею?

5. Сокол прилетает из-за моря.

*Сверкала железная воля
В очах ослепительно-синих.
Так Русь, открыватель и воин
Ступил в березняк и осинник.*

А. Широпаев "Русь".

Сейчас очень и очень многие авторы ставят у истоков русского князьего рода Рорика Ютландского. Стоит здесь пересказать его биографию, объективности ради — в изложении большого приверженца этой версии, Г. В. Вернадского:

Отец Рорика, "из клана Скъелдунгов", был изгнан из Ютландии и принял вассальную зависимость от Карла Великого, от которого получил около 782 года Фрисланд в ленное владение. Рорик родился около 8000 года. Его детство прошло в беспокойном окружении, поскольку отец, а после его смерти — старший брат, постоянно вели войну с правителями, захватившими власть в Ютландии. В 826 году или около того старший брат Рорика Харальд, которому удалось захватить часть Ютландии (но позднее он был изгнан оттуда), принял покровительство Людовика Благочестивого и был окрещен в Ингульгейме, возле Майнца.

После обращения Харальда император даровал ему в ленное владение район Рустринген во Фрисланде. Рорик имел в нем свою долю, а после смерти Харальда стал владыкой всего лена. Еще при жизни Харальда оба брата яростно воевали, чтобы защитить свои земли от нападений со стороны короля Дании, а после смерти Людовика положение Рорика стало довольно ненадежным. Согласно Верденскому договору (843 г.), Фрисланд был включен в долю империи, доставшуюся Лотарю, и получилось так, что Рорик утратил свой лен. На протяжении следующих нескольких лет Рорик вел жизнь искателя приключений, участвуя в набегах как на континент, так и на Англию. В хрониках тех лет он стал известен, как "язва христианства". В 845 году его корабли поднялись вверх по Эльбе, и в том же году он совершил набег на Северную Францию. В 850 г. Рорик спустил на воду флот в триста пятьдесят кораблей, с которым он грабил прибрежные районы Англии. В последующие годы он направил свое внимание на устье Рейна и Фрисланд. Лотарь был вынужден пойти на компромисс, и возвратил Фрисланд Рорику на том условии, что он будет защищать побережье империи от других викингов". В 854 году непостоянный сюзерен Рорика вновь отнял у вассала Фрисланд, даровав взамен другой лен в Ютландии. В 869 году Рорик неудачно пытается вновь отнять Фрисланд с помощью датчан, в 869 году, после смерти Лотаря, отправляется к его брату Карлу Смелому, и обещает поддержку в назревающей междоусобице (небезвоз-

мездно, разумеется). В 873 году Рорик получает назад свой вожделенный Фрисланд, и с тех пор исчезает со страниц Франкских хроник.

Я привел эту длинную и малоинтересную биографию единственно для того, чтобы спросить читателя — что, кроме созвучного имени и эпохи, может связывать этого персонажа с основателем русского княжьего рода? Прежде всего, просто непонятно, когда он мог бы найти время и силы для княжения в Ладоге? Обратите внимание, с каким цепким упорством он сражается за земли, уступающие по размерам самой маленькой пятине Новгорода. Неужели владыке Ладоги, Изборска и Белоозера, князю, чьи наместники сидели в Полоцке, Ростове, Муроме, Суздале, человеку, контролировавшему земли, не уступавшие по площади самой державе Лотаря ("земля наша велика и обильна"), была бы так нужна крохотная Фрисландия? А если была нужна — неужели ему было бы так трудно ее взять? Знаменитый Рагнар Кожаные Штаны, правивший сравнительно небольшим островом Зеландией, брал приступом Париж и раздавал сыновьям земли в Англии. Что мог бы вождь вроде Рагнара, за спиной которого стоял бы не каменистый остров, а "земля велика и обильна" на Волжском торговом пути — трудно себе представить. Он взял бы Фрисландию, как срывают с ветки спелую грушу.

Кроме того, что в этой теории может привлечь норманниста? Ведь Рорик — дан, дан до мозга костей, дан, начиная с имени. Имя это принадлежит исключительно роду Скъелдунгов. Оно такое же датское, как Стоян — болгарское, а Болеслав — польское. Шведских конунгов с таким именем просто не было. А значит — прощай, финское "Роотси" и послы "народа Рос" из рода свеонов. Рвется вообще тонехонькая ниточка, которой русов привязывают к Скандинавии. Да ведь Рорика с братом лично знал тот самый Людовик Благочестивый, что принимал тех послов! В 839 году Рорик с братом смирнехонько сидит в Фрисландии да отбивается от датчан — а "каган" "народа Рос" рассылает посольства по дворам Византии и Франкской империи.

Где братья Рюрика? У Рюрика лишь один брат, к тому же старший. Летописи же единодушно называют Рюрика старшим из трех братьев. Правда, норманнисты, и старые, и "новые", этих братьев очень не любят. Уж больно у них имена не скандинавские — что у Трувора, что, в особенности, у Синеуса. Поэтому еще Байер в XVIII веке придумал "объяснение", которое безоговорочно принял и повторил без изменений маститый советский "борец с норманнизмом" Б. А. Рыбаков: мол, имена братьев Рюрика есть скандинавские фразы "sine huse" — свой дом — и "tru var" — верная дружина. "В летопись попал пересказ какого-то скандинавского сказания о деятельности Рюрика, а летописец, плохо знавший шведский, принял традиционное окружение конунга за имена его братьев", писал Борис Александрович. Так и хочется спросить — какого еще сказания? Где оно, это сказание, если буквально все саги хранят мертвое молчание о восточноевропейской Руси до времен Владимира (рискну предположить — только в это время скандинавы, по проторенной вендами-варягами дорожке, начали проникать на Русь)? И почему сказание — шведское, если Рюрик — датчанин? И почему летописец не смог перевести именно эти, не такие уж сложные, слова из неведомого "сказания" — и в то же время пишет, что братья пришли "со своими родами и взяли с собой дружину", то есть переводит-таки якобы непонятые им слова? И с каких это пор "var" (обет, клят-ва) означает дружину?

О многом хотелось бы спросить покойного академика. Но не будем — варяжский вопрос не был его сильной стороной. Другие же официальные "анти-норманнисты" были ничуть не лучше. Так и хочется сказать — именно благодаря такой "борьбе" норманнизм и существует до наших дней!

Нельзя пренебречь и тем соображением, что северные славяне, по летописи, хотели найти князя, "иже бе владел нами и рядил ны по праву". Это "по праву" очень важно. У изгоя-наемника Рорика Ютландского не было, и не могло быть никаких прав на власть над вендскими колонистами в Восточной Европе.

А был ли Рюрик? Сейчас так ставят вопрос не противники норманнизма, а иные его сторонники. То есть нельзя доказать, что Рюрик скандинав — заявим, что его вовсе не было. Но что тогда остается от всей варяжской легенды? Что вероятнее — приписывание реальному герою того, что он никогда не совершал, или обвинение в имевшем место происшествии вымышленного персонажа? Конечно, маленькая девочка может приписать ночной скрип половиц в коридоре страшному буке; но маленькие девочки обыкновенно не пишут летописи. Взрослые же люди чаще приписывают реальному лицу дела, которые он не делал — плохие (клевета), хорошие (лесть) или нейтральные (вранье). Проще говоря, если не верить в Рюрика — во что в этой истории вообще верить? Если Рюрик выдумка, то с тем же и даже большим успехом можно обратить в выдумку и сам приход русов (кто бы они ни были) с Варяжского моря. И тогда от норманнизма опять-таки ничего не остается.

Поэтому будем все-таки исходить из того, что летопись писал печерский чернец, а не барон Мюнхгаузен. Но даже в этом случае мы немного сможем извлечь из нее сведений о конкретной родине братьев-варягов, не говоря уж про их биографии. Вот разве что имена...

Имена младших братьев Рюрика тут нам не помощники. Во-первых, одно из них — явное славянское прозвище, и прозвище взрослого человека. Кстати, прозвище это не так уж фантастично, как может показаться. И дело даже не в сказочном герцоге Синяя Борода, и не в реальном викинге Торире с тем же прозвищем. В древнерусском языке слово "синий" обозначало совсем не тот цвет, что сейчас. Вспомните "синие молнии" и "синее вино" "Слова о полку...". Второе, наоборот, слишком непонятно, чуждо и славянским, и скандо-германским корням. Можно, конечно, сблизить его с названием древнего племени треверов в Средней Европе, или с именем крайнца Трубера (в некоторых летописях брата Рюрика зовут Трубор), но ясности это не внесет.

Ясность вносит имя "старейшего" брата. Подобные имена мы встречаем у поляков (Ририк), у чехов (Рерик), но больше всего в том самом "углу" Варяжского моря, куда нас снова и снова приводит поиск истоков Руси. Там мы встречаем не только онемеченного славянина Петера Рерига. Там речка Рерик. Там город Рерик — ныне Мекленбург. Там целый народ рериков. Собственно, это одно из его названий. А другое...

Ободриты.

Прикажете опять считать совпадением? Ну раз, ну два, так ведь не постоянно же! "Случайно" летописец не упомянул сильнейшее славянское княжество Полабья, "случайно" поместил своих варягов на занимаемое им место. "Случайно" приписал происхождение от этих варягов новгородцам с их ободритской речью, ободритскими черепами, стрелами, посудой, стенами Детинца и

хлебными печами во дворах. "Случайно" Феодосий приписывает "латинам" в варяжской стране дела, которые они тогда творили в землях ободритов. "Случайно" "марка Верингов" включала в себя ободритские земли. "Случайно" пересеклись на Дунае пути рогов — верингов-федератов Римской империи, летописных "дунайских варягов" и ободритов. И вот, наконец, имя первого варяго-русского князя "случайно" совпадает с другим именем ободритов и названием их столицы. Тут самый тупой Лейстред насторожился бы.

Сколько можно пренебрегать фактами, нагло обвиняя оппонентов в "незнании источников" и "игнорировании" их "прямых сообщений" ("Держи вора!")? Но фактам, этому "воздуху науки", нет доступа под крышку Магометова гроба. Норманнизм в "воздухе науки" не нуждается.

Выводы? Выводы делайте сами, читатель.

Рерик не бессмысленное заимствование или наследство прежних, неславянских хозяев края. На западнославянских языках рарог, рерик — Сокол. На Руси, кстати, были и крепость Сокол, тезка столицы ободритов, и речка Сокол. А что естественнее для нашего эпоса, для былин и баллад, чем наречение князя, витязя — соколом? Это так же естественно как для норманнского скальда величать воспеваемого героя "евур" — вебрь. Вот этого эпитета в наших былинах не встретишь. А в языке скальдов редко встречаются упоминания сокола. В основном либо в иносказательных названиях — кеннингах — женщин, связанных с соколиной охотой, либо в кеннингах ворона ("сокол Одина", "сокол трупов"). И лишь один раз скальд Гутхорм Синдри, славя своего конунга, Хакона Доброго, упомянет, что тот попирает "вендского сокола". А перед тем говорится, что конунг "убивал викингов, где их только ни находил, как датчан, так и вендов". Это ведь только для наших ученых викинг и скандинав синонимы. Саги, как видим, так не считают. Среди викингов они знают немало вендов.

Между прочим, "герб" Рюриковичей, знаменитый "трезуб", ныне "приватизированный" самостийной и незалежной Украиной, тоже, по мнению профессора О. М. Рапова, изображает охотящегося сокола. О том же пишет В. В. Хлебов в книге "Предвестники викингов".

Насквозь пронизано соколиной символикой "Слово о полку Игореве". Вот Игорь идет походом по половецкой степи к приморской Тмутаракани:

"Уже далече залетел сокол, птиц бия — к морю!"

Вот бояре говорят Святославу Киевскому, что "два сокола слетеста с отня злата стола поискати града Тьмутараканя" — это Игорь с братом Всеволодом — и были пленены. Вот сам старый князь уподобляет себя немолодому, "въ мытехъ", соколу. Игорь из плена "соколомъ полете". Гзак с Кончаком, преследуя Игоря, говорят о нем, как о "соколе", а об его оставшемся в плену сыне — как о "сокольце". И почти везде сокол служит обозначением князя. Потомка Рюрика. По подсчетам В. П. Адриановой-Перетц сокол упоминается в "Слове..." — и только в этом смысле — почти двадцать раз!

Единственное место в "Слове...", где сокол вдруг становится враждебной фигурой:

Дремлетъ въ поле Ольгово хороброе гнездо, далече залетело!
Не было оно обиде порождено ни соколу-кречету,

Ни тебе, чръный воронъ, поганый половчине!

Если "ворон" — это половчин, то кто же "сокол-кречет", обид от которого не собиралось терпеть "гнездо" Олега Святославича Черниговского? Сильнейшим врагом всех Ольговичей и лично Игоря (после одной из битв с ним Игорь был вынужден спасаться бегством в одной лодке с... ханом Кончаком!), был потомок Владимира Мономаха...

Рюрик Ростиславич!

Случайность? Которая по счету?

На Руси это имя носили не только князья. Есть серьезные основания полагать, что языческим именем крещеного варяга Шимона Африкановича, покровителя и, говоря современным языком, спонсора Киево-Печерского монастыря, было именно Рюрик. Отсюда во Владимире, куда переехал сын Шимона Георгий, возникли легенды о "князе Рюрике Африкановиче". Показательно христианское имя варяга. И русские (Семен), и скандинавы (Симун) произносили это имя через "с". Зато в Польше и Чехии до сих пор можно услышать именно "Шимон". Отчего это варяг носит западнославянскую форму христианского имени?

Западные хроники знают Драговита-Дражко Ререка, сына ободритского князя Витцана (он же Видсид — ох, не попало это имечко в наши летописи, то-то был бы, на радость петрухиным, "норманн"!)). Судьба его трагична. В 810 году датский король Готрик (или Готфрид, не у одних славян в именах разночтения), напал на ободритов в союзе с лютичами. Междоусобицы, вечная язва славянства! Стольный Рерик был взят и сожжен, жители торгово-ремесленного посада угнаны в Хедебю, который после этого приобрел славу крупнейшей ярмарки и ремесленного центра... "Скандинавии эпохи викингов". Сколько ж "типично скандинавских" вещей, сработанных руками полонян-ободритов и их оставшихся дома сородичей, украшает музеи скандинавских стран и служит доказательством "норманнского присутствия" за пределами Скандинавии? Справедливости ради надо заметить, что за несколько лет до того ободриты спалили Хедебю, но никого вроде бы оттуда не угоняли. Сам Дражко Ререк прорвался через осаду со своими людьми, но его брат Годелайб (Годслав? Годолуб?) попал в плен, и был принесен в жертву Одину — повешен. Вскоре в городе Волын смерть от руки убийцы настигла самого Драговита. Впрочем, его сын Сидраг не остался без удела — вскоре ободриты свергли захватившего княжеский престол Славимира и пригласили на княжение Сидрага Дражковича. А вот о сыновьях Годелайба хроники молчат. Видно, они обрели свой удел где-то вдали от родной земли.

Но если молчали франкские хроники, то родовые предания и родословные немецкого дворянства из онемеченных славян сохранили память об участии детей Годелайба. "Годелайб, коего дети неизвестны, то оному Рюрика, Трувара и Синава причли" — писал в свое время Татищев. Фридрих Хемниц и Иоганн Хюбнер, знатоки геральдики и генеалогий, тоже писали, что отцом братьев-варягов был именно Готлейб-Годелайб. А французский путешественник Ксавье Мармье даже записал и опубликовал в первой половине XIX века мекленбургское предание, которое следует привести целиком:

В VIII веке народом ободритов-рериков правил князь Годлав. У него были три сына, сильных и храбрых, жаждущих славы: Рюрик Миролюбивый, Сивар

Победоносный и Трувар Верный. Так как они не могли испытать себя на родине, братья отправились на восток, где прославились в битвах. Они приходили на помощь к угнетенным, совершили много подвигов в "страшных боях", а затем пришли в Руссию. Русский народ в это время находился под игом "долгой тирании, против которой больше не осмеливался восстать". Братья вдохнули в него мужество, возглавили собранное войско и уничтожили власть угнетателей. После того, как мир и порядок в Руссии были восстановлены, братья решили вернуться домой, к отцу. Однако освобожденный от гнета народ упрямил их остаться и взять на себя бразды правления. Рюрик получил в управление Nowogorod, Сивар — Pleskow, а Трувар — Vile-Jezoro. Примечательна эта древнерусская форма названия Пскова — Плесков! Вряд ли такую деталь могли выдумать в далеком Мекленбурге.

Конечно, это легенда и легенда во многом приукрашенная. Не благородными искателями приключений в стиле времен самого Мармье были братья, а изгнанниками из разоренной врагом земли. Вряд ли они собрались возвращаться "домой, к отцу" — их отец был давно мертв, дом — лежал в руинах. Но привлекает внимание сообщение о "тирании", господствовавшей над восточнославянскими землями. В те времена еще впереди были и находки "письма царя Иосифа", и "Кембриджского документа", и публикация Ибн Фадлана и Масуди, и исследования М. Артамонова и С. Плетневой. Все, что дало основание историкам конца XX века говорить о том двухвековом и, пожалуй, самом страшном в нашей многострадальной истории, иге. По крайней мере, самом страшном до XX века. Когда для половины восточных славян закрывали солнце логова-крепости из белого камня на их границах, когда чудовищная дань обескровливала славянские земли, когда половина княжеских родов была истреблена поголовно, без малейшего потомства. Впрочем, и здесь легенда, как водится, упрощает дело. Братья-варяги лишь принесли надежду, они показали, что есть сила, способная противостоять угнетателям, а покончили с "тиранией" их преемники и потомки, последний же удар нанес наш герой. Мы не будем здесь говорить об этой тирании — про нее подробно рассказывается в следующих главах. Но само упоминание о ней делает мекленбургскую легенду достоверной.

Несправедливо будет, рассказав об отце пращура Святослава, умолчать об его матери. Согласно вошедшему в Иоакимовскую летопись новгородскому преданию, матерью Рюрика стала Умила, дочь Гостомысла. Ее отцу однажды приснилось, что из чрева дочери выросла огромная яблоня, осенившая ветвями все славянские земли, и люди отовсюду приходили укрыться в тени ее ветвей, вкушать сладких яблок. Вещуны предрекли Гостомыслу — потомки дочери будут обладать его землей и многими другими землями, став основателями могучей державы. Так и произошло. Эта легенда имеет точное подобие по ту сторону Варяжского моря. Современник Гостомысла и Рюрика (кстати, Гостомысл фигурирует в древнейших летописных текстах, упоминается в западных хрониках, известен даже год его смерти — 844), конунг одного из норвежских племен-фюльков, Хальвдан Черный, был женат на вещице женщине Рагнхильд. Ей однажды приснился сон, будто из ее платья выпадает иголка, превращаясь в прекрасное дерево, накрывшее ветвями всю Норвегию. Сын Хальвдана и Рагнхильд, Харальд Прекрасноволосый, стал первым королем всей Норвегии. Такое сходство легенд лишний раз показывает родство народов и

общность культур народов Балтики эпохи викингов, и безнадежность поисков "заимствований" там, где речь следует вести об общих корнях.

Эта легенда заслуживает гораздо большего внимания, чем биография наемника из Ютландии. Но, точности ради, надо заметить немалую сложность с хронологией. Годелайб погиб в 810 году. Даже если Рюрик с братьями и были тогда совсем малышами, к концу IX века, когда родился Игорь, они, особенно "старейший" Рюрик, должны были быть глубокими старцами. Этот вопрос вызвал сомнение у многих исследователей. Как уже говорилось, многие предпочли пойти по пути наименьшего сопротивления — объявить Рюрика с братьями легендой, мифом. Конечно, так проще. А еще проще вообще не заниматься историей. Мы не пойдем этим путем. Выскажу свое предположение, читатель — Рюрик Годелайбович, призванный княжить в Ладогу, и Рюрик, дед нашего героя, не одно и то же лицо. Это могли быть отец и сын, или даже дед и внук. А имя, напоминавшее о родине, могло быть титулом, символом принадлежности к династии правителей Рерика-города. И тогда этот титул можно просто перевести, как "Сокол". А Игорь Рюрикович — как Игорь Сын Сокола. Не отчество, а титул. Впрочем, читатель, это опять-таки только мое предположение, и вы имеете полное право не соглашаться с ним.

Но, согласились вы или нет — добро пожаловать в державу Сынов Сокола, созданную на восточноевропейских просторах выходцами с острова Руяна, варагами из племени русь.

3. БОГИ И ЛЮДИ РУСИ.

*Излечиться от липкого света луны,
Вспомнить истинный свет, что не тронут еще зеркалами,
Станут руны видны, станут Веды слышны
И взметнется костров очистительных пламя.
Разудалая братина круг обойдет,
Ярой силы полна, зашумит богатырская страва.
Снова посолонь будет ходить хоровод: —
Слава Предкам! — и эхом откликнется, — Слава!
Светобор.*

1. Русская вера.

*Пусть на твои дороги
В забытый вертоград
Языческие Боги
С улыбкой поглядят*

С. Наровчатов "Василий Буслаев".

Нельзя писать историю людей, не упоминая об их вере. Абсолютное большинство веков, прожитых человечеством на планете Земля, человек во всех делах своих, и в малых, и, в особенности, в великих, руководствовался соображениями религии. Впрочем, руководствуемся религиозными соображениями и мы, только религия нашего времени — тайная. Как большинство тайн, особенно общеизвестных, она постыдна и неприятна. Поэтому я поговорю о ней в другой раз, хотя пару раз ее все же придется упомянуть — чтоб излечить вас, читатель, от ею же навеянного чувства превосходства над предками. От идиотской мысли, будто бы родиться позже — означает быть лучше.

Не зная религии, мы вообще не поймем историю человека. Что объяснит нам, какой порыв в середине Средних веков вырвал тысячи людей из привычных мирков цеха, замка, деревенской общины, и отправил убивать и умирать в чужую страну, вдруг ставшую даже не родною — Святой! Надеюсь, хоть сейчас детям в школе не внушают смешной и грязенькой идейки, будто крестоносцы шли в Палестину "грабить". Эта идейка характеризует как раз нас, а не крестоносцев, заголяя напоказ всем и умственное, и нравственное убожество нашего века. Любой человек, наделенный хоть одной извилиной, способен сообразить, что куда проще и безопаснее для грабителя взять кистень да и прогуляться безлунной ночью к ближайшей большой дороге. А война — любая, в особенности же древняя, с ее битвами из множества поединков — тем и отличается от разбойного нападения, что шансов погибнуть там не меньше, а у новичка — больше, чем уцелеть, не говорю уж — нажиться. Не говорю также и про трудности похода в немыслимо далекую страну, для нас сравнимого разве что с полетом на Марс. А уж нравственная сторона вопроса... если бы средневековое духовенство знало, что потомкам в абсолютном большинстве бандитский налет будет понятнее и ближе жертвы за веру, боюсь, оно стало бы иначе относиться к абортам и контрацепции.

А как, не привлекая религии, объяснишь, отчего в Индии не было ни одной

крестьянской войны? На обоих концах Евразийского континента, в Китае и в Европе бушевали Жакерии и Желтые Повязки, Лю Бань и Уоты Тайлеры. И это притом, что в Европе всякий крестьянин при определенной усилении мог подняться по общественной лестнице — вступив в цех, поступив в услужение к рыцарю, наконец, постригшись в монахи. В Китае же вообще любая деревенщина могла, сдав экзамены, стать чиновником, а там, в идеале — и императором. Подобное, конечно, в жизни не случалось, но пробиться в чиновники и получить сытное местечко какого-нибудь рыночного инспектора или писца в судебной управе было делом вполне житейским. А в Индии факт рождения в соответствующей касте приковывал крестьянина к мотыге и нескольким соткам риса "до конца этого воплощения". Казалось бы, при такой безнадежности бы как раз и бунтовать. Ан нет, не находилось индийских Спартаков и Разинных, отчего в советских учебниках истории, помешанных на "классовой борьбе", многотысячелетней "матери цивилизаций" уделяли три-четыре странички. Зато китайские крестьяне предпочитали прорываться в императоры — и иногда прорывались — круша мотыгой черепа чиновников. А вилланы Европы грабили купцов, жгли замки и громили монастыри, что, кстати, тоже не всегда кончалось рядами виселиц вдоль дорог. Но не зная религиозных воззрений этих стран, вы не поймете, читатель, такой разницы в поведении крестьян Запада, Индии и Поднебесной.

С концом Средневековья зависимость общества от религии не кончилась, лишь приняла скрытые формы. Если не верите, почитайте труд Макса Вебера "Протестантская этика и капитализм". Но мы говорим не о конце Средневековья, скорее об его начале. А здесь — очевидное и откровенное господство религии на каждом шагу. Языческое общество, кстати, если и отличалось в этом от христианского, то далеко не всегда в сторону "свободы". В нем неукоснительно царил принцип "Так поступали Боги, так теперь делают люди", сформулированный в индийской "Таиттирья Брахмана". Чтоб дать вам, читатель, представление об этом принципе, скажу — викинги носили длинные волосы и бороды именно потому, что их носил Один Харбард — Длиннобородый. Равно и руги брили головы и бороды именно потому, что так изображались Святovit и Перун. Религия определяла, как видите, даже прическу.

Поэтому нам не обойтись без хотя бы поверхностного и очень беглого знакомства с языческой религией. Разумеется, я и не пытаюсь дать полное представление о ней или хотя бы о том, что мы про нее знаем. Для этого потребовалась бы добротная многотомная энциклопедия, а пока таковая еще не написана, позволю себе предложить вам, читатель, обратиться к классическому двухтомнику академика Рыбакова "Язычество древних славян" и "Язычество древней Руси", а так же к недавно вышедшей замечательной книге М. А. Серякова "Голубиная Книга" — священное сказание русского народа", а из книг неспециалистов — публикации московской общины "Родолюбие". С рядом оговорок можно признать сносной книгу Д. М. Дудко "Матерь Лада. Божественное родословие славян". Остальные издания на эту тему, увы, представляют собой любительские рассказы о значении, облике и занятиях тех или иных Божеств, собранные в алфавитном или ином порядке. При этом они мешают данные источников с домыслами ученых и собственными фантазиями авторов. В таких книжках то и дело встречаешь "богов", выдуманных авторами разного времени — Услад, Числобог, Крышень и пр. — или никогда у славян не почи-

тавшихся. Среди последних особенно повезло почему-то египетскому Ра. Другая разновидность книг — сугубо научные издания. В них немало полезных сведений, но, увы — специалисты не менее дилетантов путают собственные домыслы с фактами. Несколько таких случаев мы затронем. В остальном специалисты повторяют "подвиги" дилетантов с точностью до наоборот. Они то и дело покушаются доказать, что то или иное Божество, о чьем культе сохранилось немало свидетельств — вымысел (Род, Лада, Леля, Ярило), или "отдать" каким-либо инородцам славянское Божество. Последнее, очевидно, полагают за особый шик и растаскивают пантеон предков с энергией приватизаторов гнезда гайдарова. Перун-де это заимствованный у скандинавов Тор, Волос и Мокошь "заимствованы" у финнов, а Хорс с Симарглом — у хазар. Я не шучу, читатель! В такие моменты понимаешь, почему противоположностью слову "специалист" считается не "профан", "дилетант" или "недоучка", а "любитель". Неужели, чтобы считаться специалистом в родной истории, ее нельзя любить?

И разумеется, о религии наших предков так узнаешь немного. Ну какое представление о православии можно составить по пересказанным неучем-безбожником святым? Или по дискуссии об авторстве "Троицы" Андрея Рублева?

Итак, для начала — русы-язычники знали единого Бога. Об этом свидетельствует Прокопий Кесарийский в VI веке, и, полтысячи лет спустя, немец Гельмольд. Об этом говорят договоры Руси с греками: в 945 году "А те из них (русов — Л. П.), кто не крещен, да не имеют помощи от Бога и от Перуна", в 971 году воинствующие язычники Святослава клянутся "от Бога, в него же веруем, в Перуна, и в Волоса Скотья Бога". В языческой поэме "Слово о полку Игореве" — "суда Божия не минути" — в цитате из оборотня и колдуна Бояна Велесова внука (мы еще встретимся с этой личностью). Почему язычники почти не называли это Божество по имени, понятно. Да простится мне такое сравнение, но есть звери — олени, лоси, лисы, кроты, барсуки, кабаны... и есть Зверь, которого лучше не поминать лишний раз (а то ведь о нем речь, а он — навстречь), серый князь леса, убийца скота, поющий в ночи. Есть рыбы — сельдь, треска, навага — а есть Рыба, которую лучше не называть не ко времени (обидится, уйдет), спасение поморских поселков от голода и от лютой цинги — семга. Ее я рискнул назвать, ибо и она читателям неочевидна, да и я, признаться, не помор. Для, извиняюсь, наркомана, тоже есть всякие там пырей и лебеда, а есть Трава -основа его страшного и жалкого существования. Самое главное мы подчас называем не собственным именем, а родовым. Отсюда и это "Бог" у языческих племен, знаменующее самого могучего и древнего, Бога над Богами, Бога Богов.

Но для русов мы можем уверенно восстановить его имя. И это — заслуга покойного академика Бориса Александровича Рыбакова. Его открытие не опровергнет никакая злопыхательская "критика". Поскольку я пишу все же не об истории изучения религии русов, эту критику и "критику критики", как выражался Мольер, мы отложим. Скажу сразу — открытие Рыбакова стоит на надежной основе источника. В одной из древнерусских книг сказано: "Всему бо есть творец Бог, а не Род". В "Слове Исаяи пророка о Роде и Рожаницах" именно Род, как полномочный представитель и заместитель всего сонма Богов, противопоставляется единому богу иудеохристиан. Есть и другие источники,

но здесь хватит и этих.

В чем же принципиальное отличие представления язычников о Едином от представления христиан? Род, как ясно из самого Его имени, порождает мир из Себя, а не творит его. Мир — тело Рода, а не принципиально отдельная от него "тварь", как у иудеев, христиан и мусульман. Но для его существования Род пожертвовал Своей целостностью. И так мы получаем культ жертвенности и Жертвы, Бога, принесшего Себя в жертву за мир. И отношение к миру — телу Бога, жертвенному дару Его.

В "Голубиной книге", духовном стихе, сохранившем под тонким покровом христианских словес древнейший миф русского язычества, эта Жертва описывается так:

*Оттого зачался наш белый свет -
От святого духа Сагаофова;
Солнце красное от лица Божья;
Млад ясен месяц от груди Божьих;
Утренняя заря, заря вечерняя
От очей Божьих...*

Обратите внимание на глагол "Зачался" — не "создан", не "сотворен"!

На Жертве Божества основан миропорядок — рота (слово, родственное индийскому "рита"). Рота так же и клятва, языческая присяга, тесно связывающая слово человека с мирозданием. Хранителями роты в обоих ее смыслах были Боги русов, главные после Рода. Это был Перун, бог гроз и войны, покровитель воинов. Именно в его честь славянские знатные воины обривали головы и подбородки, оставляя усы и чубы. И это был Волос, Бог зверей, мертвецов и колдунов, податель богатства, покровитель волхвов. В его честь до XX века заплетали последний, несжатый сноп на поле — "Волосу на бородку" — ибо он, едва ли не единственный из славянских и русских Богов, носил бороду и длинные волосы. Такие же носили его люди — волхвы и жрецы (вспомните длинные бороды и волосы жрецов Рюгена). В договоре 907 года, заклятый язычник Вещий Олег клянется Перуном и Волосом. Именно в этом договоре появляется знаменитая формула "русин или христианин". Игорь, у которого в дружине появляются христиане, клянется одним лишь Перуном. В договоре же воинствующего язычника Святослава вновь появляется нетерпимое к христианам Божество языческих жрецов.

Из-за непомерно большой популярности теории о битве Перуна и "Змея" Волоса придется сказать о ней несколько слов. Во-первых, если эти Боги были непримиримыми противниками, отчего их вместе поминают в международных договорах? Представьте себе православного царя или короля-католика, подписывающего договор "именем Христа и Сатаны". Невероятно, правда? Во-вторых, основатели этой теории сами подметили бородатость и "волохатость" Волоса. Что ж это за "Змей" такой, в шерсти и с бородой? И в-третьих, в народных легендах малороссов и русских о днепровском "острове Перун" и Перыньской обители на Волхове именно Перун именуется Змеем. Также у южных славян добрый Змей помогает громовнику Илье, а то и замещает его в битве со злыми силами.

Не противниками, а соратниками были эти Божества, Левая и Правая руки

Всеотца Рода. Вполне возможно, именно они скрывались в варяжских краях под прозвищами Белобога и Чернобога, как Род — под прозвищем Святовита. В честь Чернобога и Белобога, славя их, пили одну и ту же круговую чару, что забывают поспешно сочинившие "миф" об их вражде и противостоянии "реконструкторы" и "неоязычники".

Чернобог (Волос?) повелевает скорее не злыми, а опасными, чуждыми человеку силами. Он же покровительствовал мучительным обрядам посвящений, о которых мы подробнее скажем ниже. Зло русы видели не в "разрушении" (совершенно бессмысленное словцо, как будто огонь и гроза не разрушают), и не в "тьме" (хорош ли будет мир без ночи? А без зимы?). Злом было противопоставление себя — Богу, нарушение миропорядка и воли Божьей, явленной в обычаях и законах предков. У такого Зла не было и не могло быть "бога". Его представляли существа, отвергшие долю, предначертанную им Родом, отвергшие Его. Они — будь то обитатель болотной кочки или тварь, что "горами движет, а людьми, как вениками, трясет", — обозначались презрительным "бесы": "Беден бес, что у него Бога нет". От них и прочей лихой силы оборонялись целой крепостью из обычаев, повседневных обрядов, оберегов, покрывавших каждый предмет быта русов и славян.

Разумеется, этой нечистью и тремя высшими божествами мир руса-язычника не исчерпывался. Однако я ведь не очередную энциклопедию славянского язычества создаю. Я пытаюсь буквально в двух словах, естественно, чудовищно схематично и упрощенно, передать основы, дух славянского мироощущения той эпохи.

Притом — это очень важная подробность — язычники не верили в "прогресс". Им была чужда глупость, утверждающая, что все улучшается только от хода времени, что мы — лучше предков только оттого, что родились позже. По свидетельству выдающегося русского лингвиста И. И. Срезневского, "старый" в древнерусском означало "почитаемый", "разумный", "опытный", "лучший". Слово же "новъ", "новый" прозрачно намекало на "Навь", "навий" — мир тьмы и нежити и его исчадь. Русская поговорка гласила, что

"Были люди божики (или — велеты, великаны), теперь — пыжики, а будут — тужики; эти петуха впятером резать будут".

Другое предание гласило, что боги утвердили Мать-Землю на четырех огромных рыбах над водами мрака и смерти. Одна за другой рыбы уплывали или погибали и ныне мир держит одна рыба; он же с каждым разом все больше погружается в хляби тьмы, все более пропитывается ею. Миру предстоит, верили русы, в ближайшие времена погибнуть, и возродиться вновь. Представления русов о посмертии, слишком сложные, чтобы о них здесь рассказывать, включали и представления о перевоплощении. Но мы сейчас живем в стареющем, умирающем мире. Оттого и засилье нового-навьего, и необходимость в крепости из оберегов.

Как и большинство язычников, русы и славяне не делили Богов на "своих" и "чужих", культы и обряды — на "правильные" и "неправильные". Почитая отчих Богов, они считали, что другие народы почитают Их же по иному. Более того, в Гаме, будущем Гамбурге, славяне в храме Юпитера -Хаммона стали

читать своего Громовержца Перуна и прочих Божеств, оказывая почести античным статуям. То же было и на Балканах, согласно житию Григория Святгорского: там славяне почитали свою Богиню-Мать в древнем мраморном изваянии.

Многих отчего-то волнует, были ли у русов храмы. Могу уверенно заявить, что были. Их упоминает Иаков Мних в "Похвале и памяти князю русскому Владимиру", утверждая, что он "храмы идольские раскопа и посече". Храм в Северной Руси упоминает "Сага об Йомских витязях". Более того, на Руси найдены остатки такого сооружения, возможно, того самого, упоминающегося в саге, полностью подобные остаткам небольшого славянского храма, раскопанным в ГДР, в Гроссен-Раден. В том храме даже найдены шесть наконечников копий и останки коня — свидетельство того самого обряда, что варяги совершали в Арконе, Радигоще и Щецини, а их колонисты в устье Двины передали ливам. В нашем ничего подобного не найдено, зато найден "Перунов топорок" на гривне и деревянный кумирчик какого-то неведомого, но очень симпатичного Божества — Младенца. Очевидно, и у русов было подобие индийского Ганеши или кельтского Мабона. Храм найден в Ладогe, на... Варяжской улице! Прочел я об этом в книге выдающегося "неонорманниста" Глеба Лебедева, причем он сам же и отмечает, что храм имеет западнославянский, а не скандинавский вид! И даже на миг не задумывается — отчего это на улице, чье название он перевел бы как "Норманнская", стоит типично вендский храм?

Тут следует привести один случай, дающий портрет иных наших историков, так сказать, в рост. Был такой Н. М. Гальковский, написал он книгу "Борьба христианства с язычеством в Древней Руси". Книга даже не так уж плоха, особенно — второй том, представляющий редчайший сборник древнерусских источников о язычестве и двоеверии. Но вот то, что писал сам Гальковский... вот один пример. Говорит Гальковский о храмах на языческой Руси. И очень ему не хочется признавать, что они были. Цитирует нехотя Иакова Мниха, и тут же прибавляет

"сам он жил позже князя Владимира (откуда это известно? — Л. П.) и храмов языческих не видал, так как они были разрушены при введении христианства. Вероятно, он говорит о языческих храмах, по аналогии с христианскими храмами".

Так Мних не видел храмов оттого, что их разрушили, или оттого, что их не было? И из чего следует, что Мних "говорит по аналогии"? Зачем же винить честного инока в столь легкомысленном вранье? Далее следует цитата из саги — все-таки Гальковский ученый, и не замалчивает противоречащие его теории факты, хоть и пытается не придавать им значения. И вот он заключает: "вероятно, это здание было весьма примитивное, похожее на большой сарай". А на что похожи такие методы исследований? На что похожа применяемая к предкам какая-то "презумпция дикости", до того непреклонная, что и монаха-единоверца православный историк, не задумываясь, обвинил чуть ли не в подлоге?!

Вот как описывают внешний вид "больших сараев", стоявших на варяжской прародине новгородцев и ладожан, немецкие миссионеры. Саксон Грамматик — о храмах Рюгена-Руяна:

"Посреди города (Арконы — Л. П.) была площадь, на которой стоял храм из дерева, изящнейшей работы (...) внешняя стена здания выделялась аккуратной резьбой, включавшей формы разных вещей... Отличием этого города (Коренице — Л. П.) были три храма, заметные блеском превосходного мастерства"

Гельмольд говорит, что Святovit имел в Арконе "величайшей пышности храм", а в Рерике, вокруг священных дубов Перуна стояла "искусно сделанная ограда".

"Житие Оттона" о храмах Триглава в Волыне: "С большим старанием и искусством сооруженные".

Герборд о кумирне того же Триглава в Щецини:

"была сооружена с удивительным старанием и мастерством. Внутри и снаружи она имела скульптуры, выступавшие из стен изображения людей, птиц и зверей, столь соответственно своему виду переданными, что казались дышащими и живущими(...) Краски внешних изображений никакая непогода, снег или дождь не могли затемнить или смыть, таково было мастерство художников".

Титмар Мезербургский о городе Радигощ и святилище Сварожича:

"В нем нет ничего, кроме храма из дерева, искусно сооруженного, который, как основы, поддерживают рога разных зверей. Его стены снаружи украшают изображения Богов и Богинь, удивительно вырезанные, как видно рассматривающим".

И это пишут западноевропейские монахи, знакомые с античным искусством, стоявшие у колыбели готики. Немцы, разорители славянских земель, описывают, захлебываясь от восторга, великолепные храмы, а русский ученый бубнит — "сарай". Впрочем, его "братья по разуму" до сих пор иллюстрируют рассказы про язычников картинками с полянами, огороженными щелястым тыном, за которым высятся грубые, и почему-то почти всегда покосившиеся истуканы. Что, подразумевается, что славяне неспособны даже идола прямо установить?

Храм в Ладогe, как уже говорилось, был сработан по образу и подобию тех деревянных чудес славянской Прибалтики, которым дивились немцы и датчане. Были, конечно, и маленькие кумиры из дерева и камня, и средние, и большие. О славянских святинях есть хорошая книжка Русановой и Тимощука "Языческие святилища древних славян". Да и у Рыбакова про них немало написано. А вот "времена, когда у славян идолов и храмов не было" — просто выдумка. Такая же, как "русский бог Ра", "всеясветная грамота" или "новая хронология" Носовского и Фоменки. Кумиры палеолита дошли до нас в пещерных святилищах. Славяне все-таки не древнее палеолита.

Напоследок следует разобрать одну связанную с язычеством тему, важную и, чего греха таить, страшную. Да, я о жертвоприношениях. Жертва — от одно-

го этого слова у обывателя холодеет в груди. Мысль о животных, ставших его котлетой, бруском мыла в его ванной или шапкой на его вешалке, не мешает ему завтракать, умываться и одеваться. Эти животные тоже принесены в жертву — в жертву его божеству -Его Собственному Телу. Тут он не знает никакого снисхождения. Нелепой покажется ему мысль из жалости к животным кушать постное, мыться щелоком, надевать на голову вязаную шапку вместо меховой...

*...Заметь, что не Богов я мясом угощаю, а сам себя.
Утроба — вот наш бог, и главный бог при этом.
Пища есть,
И чем запить найдется на сегодня,
Ничто не беспокоит — вот и Зевс
Тебе, коль ты разумен.
А людей,
Которые изобрели закон,
Чтоб нашу жизнь украсить — в Тартар их!*

Так писал древний эллин Еврипид в драме "Циклоп" от лица ее заглавного персонажа. То была пьеса ужасов, и грек изощрялся, выдумывая мировоззрение поотвратительней, словами возмещал отсутствие спецэффектов и компьютерной графики. Кошунственные рассуждения должны были заставить зрителей увидеть в актере под простенькой маской — омерзительное чудовище, адскую тварь, самим существованием оскверняющую землю и небо! Говорят, сам Еврипид после написания этих строк и актеры — после их озвучивания, долгое время проводили в храмах на церемониях очищения...

О, с какими воплями ужаса и отвращения они бежали бы из наших городов, по которым бродят миллионы двухглазых циклопов! Циклопов, любящих порассуждать, что "главное — внутри", что "бог у каждого человека свой". О да, для них "главное" — то, что внутри них. Их "бог" — свой, свой собственный у каждого из этих "людей". Утроба — их "бог", и нет у них иного Бога, и Фрейд пророк его... и при этом они всякий раз разыгрывают (перед кем?) омерзение и ужас при мысли о древних жертвоприношениях. Это не жалость. Это оскорбленное религиозное чувство, задетый фанатизм утробопоклонников говорит в них. Говорит в нас!

И щадя чувства утробопоклонников, многие авторы пишут, будто жертвоприношений у славян не было. Будто их принесли злые варяги — конечно, "скандинавы". Вообще-то славяне употребляли производное от скандинавского "blot" — жертва: "...и тех (кур — Л. П.) блутивше, сами едят". Но хватало и своих, исконных. "Жертва", и "треба", и даже привычное нам, такое духовно-прозрачное "молитва" обозначало когда-то жертвоприношение; говорили "замолить бычка святому Илье". Отсюда и русское присловье "Молитвой мир стоит", слишком легко принимаемое за образец постной православной премудрости. Мир стоит жертвой — жертвой Рода! — вот что подразумевает поговорка. А так как мир стареет, его надо подновлять, омолаживать, магически уподобляя очередные жертвы Всеотцу. В этом был главный смысл жертвоприношения, а не в "кормлении" огромных деревянных и каменных "кукол", не в разделении пищи с Высшими силами и приобщение тем самым к этим силам,

и уж подавно не в "торговле" с Богами по принципу "я тебе — ты мне"! Мир омолаживала, подновляла, спасала жертва, ложившаяся на алтарь — и ничего не было важнее этого ни на земле, ни в небе. Мясо и кровь жертвы приобщали к этому обновлению участников обряда. Животное же обретало наилучшее посмертие из возможных. Индусы полагали, что жертвы попадают в райский мир того Божества, которому принесены. В религии Митры принесенный Богом света Митрой в жертву бык превращается в Бога плодородия и земледелия Сильвана. Эллины считали, что царевна Ифигения, принесенная в жертву царем Агамемноном, ее отцом, стала Богиней-Девой, покровительницей Тавриды, древнего Крыма. Такие же представления должны были существовать и у славян.

Да, скажете мне вы, читатель, но язычники приносили в жертву людей. А это уж никуда не годится. Мало ли что там они считали, мы знаем, что человеческая жизнь — высшая ценность и дается она только раз. Да, велика же наша "духовность", если мы отождествляем жизнь с шевелением тела... но я не о том.

Высшая ценность?

Читатель, вы ездите в автомобилях, трамваях, автобусах? Вы читаете газеты и журналы, доставленные по автодорогам? Кушаете свежий хлеб, тем же способом прибывший из пекарни? И вас не смущает, что на дорогах России, только одной России, не самой автомобилизированной в мире страны, в год гибнет в среднем около 4000 человек? Это — жертвы. Человеческие жертвы современным идолам Успеха, Скорости и Прогресса. Мы не будем сейчас считать жертв гиподинамии, загазованности воздуха и прочих побочных явлений. Поговорим лишь о тех, кто сам, непосредственно превратился в кровавый фарш на асфальтовом жертвеннике. Вы миритесь с этими жертвами. Вы пользуетесь услугами жрущих эти жертвы железных, стеклянноглазых идолов. Так какое вы имеете право брезгливо воротить нос от предков-язычников? Где ваш протест — ведь ежедневно в вашей стране размазывают по асфальту очередную "высшую ценность"? А есть еще аборт — жертвоприношение младенцев слепому божку Комфорта. А есть...много всяких идолов жрут "высшую ценность" с нашего молчаливого согласия, и при нашем косвенном участии. Вот наша тайная религия, о которой я обещал сказать несколько слов. Вещь и в самом деле непотребная.

В языческом обществе человеческие жертвы были не обыденностью, как нынче, а явлением чрезвычайным и приносились в чрезвычайных обстоятельствах. Когда мир на данном участке всерьез портился и его было необходимо как можно сильнее обновить. Никому не приходило в голову приносить в жертву человека ради своего личного благополучия или успеха. На принесение таких жертв имел право лишь правитель, воевода или судья, а жертвой мог быть пленный, преступник или доброволец. Так гласят индийские шастры. Но и в древнем Риме в гладиаторы — мы забываем, что гладиаторские игры были, особенно в начале, не развлечением, а ритуалом, жертвой — попадали преступники, военнопленные или добровольцы, и назначали эти игры высшие должностные лица, правители и полководцы. То же прослеживается и в скандинавских сагах. То же, по всей видимости, было и у славян.

Но раз мы уже заговорили о правителях — пора переходить к общественному устройству Руси времен моего героя.

2. Ряд людской.

*Не дай Боже делать из боярина холопа,
Из боярина холопа, из холопа дворянина,
Из холопа дворянина, из попа палача...*

Былина "Первая поездочка Ильи Муромца".

Легко догадаться, что в обществе, в котором такое место занимала религия и жертвоприношения, высшую ступень занимали жрецы. Однако тут иные ученые возникают на нашем пути с радостной вестью, что жрецов-де у славян не было.

Читатель, у вас не выработался некий рефлекс? Ага, у меня тоже. Когда очередная история с улыбкой мазохиста вещает, что у наших предков чего-то там не было — государства, городов, храмов — я отворачиваюсь от него и лезу в источники. Как правило, они утверждают нечто прямо противоположное. Однако на сей раз не будем спешить. Порассуждаем.

Помните, в начале главы мы говорили, что определяющим жизнь язычников законом было: "так делали Боги; так теперь делают люди"? Без этого закона нельзя было... буквально ничего. Строишь дом — как Боги создавали мир. Ложишься с женой — как Сварог-Небо ложится на Макошь-Землю. Воюешь с врагом — как Перун бьет бесов. Вытесывая лодку, лепя горшок, вспахивая поле, человек обязательно старался вспомнить — как это делали впервые Боги и Предки. Иначе... иначе крепость обрядов и обычаев даст трещину, и засочатся в нее мутные мертвые воды Кромешного, нижнего мира, хлынет новое-навье, полезет бесовщина...

Но откуда узнать — как? Как именно "делали Боги"? Как мы узнаем об этом? Конечно, из мифов и обрядов. Следовательно, для язычника знание мифов и обрядов жизненно необходимо. И если нет особого сословия жрецов, их хранителей, то знание, "как надо" должно быть достоянием каждого, по крайней мере — каждого домохозяина. То же и с жертвоприношениями. У эллинов, у скандинавов так и было. Мифы знал каждый свободный домохозяин — и эти мифы дошли до нас в самых разных источниках. А вот у кельтов были жрецы-друиды, и после того, как их сословие было уничтожено римлянами, от кельтской мифологии осталось очень немного. Все, что мы сейчас о ней знаем — в основном реконструкции.

А как обстоит с этим дело у русов? Как у эллинов — то есть каждый школьник знает, что верховного Бога звали так-то, а Бога моря — вот этак, и когда они вместе пошли туда-то, произошло то-то? Как у скандинавов — то есть написаны моря романов по мотивам славянских преданий и весь мир внимает творению гениального композитора, опере про сумерки славянских Богов? Или все-таки — как у галлов?

На кого больше похожи русы — на народ, у которого никогда не было жрецов, или на народ, у которого их истребили? Решайте, читатель, сами, а я пока перейду к источникам. Вот что сообщает персидское анонимное сочинение "Пределы мира" в начале IX века про русов: "Знахари у них в почете". А Ибн Русте развивает это лаконичное наблюдение:

"Есть у них (русов — Л. П.) знахари, из которых иные повелевают царем, как будто бы они их, русов, начальники. Случается, что они приказывают принести жертву Творцу их тем, чем они пожелают: женщинами, мужчинами, лошадьми. И если знахари приказывают, то не исполнить их приказания никак невозможно... (Знахарь) говорит, что так угодно Богу".

А вот Гельмольд пишет про ругов с Рюгена:

"Король же находится у них в меньшем по сравнению со жрецам почете. Ибо тот тщательно разведывает ответы Божества и толкует узнаваемое в гаданиях".

Про жрецов ободритов он пишет:

"Когда жрец, по указанию гаданий, объявляет праздники в честь Богов, собираются мужчины и женщины с детьми и приносят жертвы свои волами и овцами, а многие — и людьми".

Не правда ли, Гельмольд словно пересказывает на свой лад то, что Ибн Русте пишет про русов! Но так же поступали в XI веке варягрусские волхвы в Ростове и Белоозере. они выбирали людей, женщин из знатных семейств, для жертвоприношений, и никто им не противился, напротив, знать сама приводила к ним жен и дочерей для этого выбора! Когда в Новгороде, сто лет спустя после Крещения, объявился волхв, "творяше ся аки Бог", почти весь город пошел за ним — это буйный-то, всю свою историю от Гостомысла до Марфы Посадницы проспоровивший сам с собою Новгород! А ведь в варяжском Волегоще жрец Яровита говорил в первом лице от имени своего Бога — вот оно, "творяше ся аки Бог"! И оба раза против волхвов решились выступить только пришлые, крещеные воевода и князь с лесостепного Юга, со своими дружинами. В языческие времена, как мы можем судить по примеру Вещего Олега, и сам великий князь не смел пренебрегать словами волхвов. Впрочем, про одного волхва еще и полтысячи лет спустя люди, наверняка считавшие себя христианами, рассказывали, что он "в Боги сел". Сказание же о построении града Ярославля гласит, что на его месте было святилище Волоса, где поддерживал неугасимый огонь и приносил жертвы волхв. На первый выгон скота он закалывал тельца и телку, в обычное время клал жертвы лесными зверями, а в тяжелые дни — людьми. Волхв гадал по дыму жертв, и его слова принимались паствой, как речь самого Волоса. И это вновь кажется цитатой толи из латинских авторов, описывающих быт поморских славян-варягов, толи из арабов, описывающих жизнь русов.

Заметим, что у скандинавов, как мы говорили, жрецов не было. Вообще. Были просто колдуны, но ни малейшим почетом они не пользовались. Наоборот, языческие конунги преследовали их, колдуны собирались на свои радения тайно. Заниматься ворожбой-зейдом для мужчины считалось величайшим позором. Юмор же ситуации в том, что иные ученые, даже столь почтенный автор, как Нидерле, умудрились написать, что поморские славяне-де за

имствовали жрецов... у скандинавов! Да, а еще они ходили в плащах из лягушачьей шерсти и собирали с березок яблоки...веселые люди историки.

Главенство жрецов в славянском обществе заметно даже по археологии. Русанова и Тимощук в своей книге пишут, что в славянских землях была распространена система, при которой в центре каждой группы селений находится возвышение с вершиной, окруженном чисто символическим, не способным быть реальной защитой валом. На окруженном валом пространстве нет так называемого "культурного слоя", то есть следов постоянного проживания сколь-нибудь большой группы людей. Зато там есть следы непрерывно поддерживаемого огня — одного или нескольких, стоявшего в центре "столба" — у Иванковиц этот "столб" -каменный, четырехгранный, с личинами, смотрящими в разные стороны света, даже сохранился. Там же найдены еще два кумира. Иногда там же находят следы жертв — зерном, хлебом, животными, а с X века все чаще — людьми. И неудивительно — в эти века мир язычников не просто старел — он рушился, погибал, и его пытались спасти самыми крайними средствами. Иногда рядом со святилищами находят небольшие одинокие домики со следами постоянной, но аскетически-строгой жизни — жилища "повелевавших царями" жрецов.

Любопытно, что подобная система — со святилищем в центре гнезда поселений — появляется сперва, в VI-VII веках у балтийских славян, а уже потом, в VII-VIII, проникает в Восточную Европу и овладевает ею. Лишнее доказательство единства славянской религии и общеславянского значения Варяжского поморья, как ее центра.

Даже глава следующего по почету и влиянию слоя — воинско-дружинного — князь выглядит как представитель жречества. Слово "кнез" в западнославянских языках обозначает жреца. В польском князь — "ксенж", а священник — "ксендз". Кстати, знаменитое "чернокнижник" — заимствование из Западнославянских наречий, к легендарной "Черной Книге" отношения не имеет, а означает "черного жреца", жреца Черного бога.

Дружины тоже составляли особенный, еще толком не исследованный мир, со своей, почти рыцарской этикой, со своим эпосом, легшим в основу позднейших "Слова о полку Игореве" и былин. Именно в дружинной среде было принято отпускать чубы на бритых черепах и татуировать руки. Кое-что о быте и нравах дружины я расскажу позже, когда буду говорить о воспитании нашего героя. Это были прирожденные и зачастую — потомственные бойцы, как правило — конники, в кольчугах и островерхих шлемах. Их объединяло боевое и обрядовое братство воинов-волков, воинов-туров. Они и без доспехов могли, одержимые "буестью" — духом Зверя-покровителя, кинуться на вражью рать, крестя мечами направо и налево. Редко пользовались топорами и луками в бою, предоставляя охотничье оружие общинным ополченцам. Идеалом их было "рыскать волками в поле, ища себе чести, а князю славы". Цену эти бойцы себе знали хорошо. А цена была вот какова — в 1071 году под Белоозером киевский воевода Янь Вышатич пошел на три сотни приверженцев волхвов с двенадцатью отроками — младшими дружинниками — и победил. Цена, стало быть, двадцать пять общинников против одного отрока. Поэтому дружинники легко переходили от князя к князю и еще легче — от города к городу. Отражено это в летописях, отражено это и в былинах — помните, как обиженные князем богатыри покидают Киев и не желают защищать его от Калина-царя? Но

было в них и жреческое начало. Победенный в бою рассматривался, как жертва Богам Войны, и с телом его поступали соответственно. В былинах Илья Муромец и Алеша Попович обходятся с побежденным врагом — Жидовином, Идолицем, Соловьем, Тугарином — так же, как обращались с жертвенными животными — рассекают тела на части, а голову надевают на копье или кол. Это — подобие того, как мир когда-то создавался из частей жертвы Рода, причем голова стала небом, поэтому ее, словно на мировой оси, на мировом древе, поднимают вверх на древке копья. Точно также поступили ободриты с Иоанном, епископом Мекленбурга в 1066 году, а поляки-язычники со святым Войтехом. Поэтому и возникло представление о благом посмертии воина, погибшего в бою, ибо смерть в бою приравнивалась к смерти на алтаре и прямо вводила погибшего воина в мир Богов. Впрочем, обширное исследование нравов и быта дружины еще впереди.

Здесь следует заметить другое — дружинники не имели никакой недвижимой собственности. Так же, впрочем, как и князя. Общество русов-язычников не было феодальным, не было оно феодальным и много лет после крещения — это окончательно доказал в своих трудах И. Я. Фроянов. Впрочем, в азарте отстаивания своей позиции Игорь Яковлевич частенько увлекался, безмерно преувеличивая степень равенства и демократии на Руси. Неравенство, конечно, было, но оно имело не социально-экономические, а сакральные основы. Впрочем, об этом поговорим, подводя итоги. Пока же заметим — собственность на землю у русов и славян была исключительно общинной, мирской. Общины на своих собраниях-вече могли приглашать к себе того или иного князя с дружиной. Вече не было властью само по себе, оно редко творило суд, принимало законы. Но оно могло решить, кто будет этим заниматься. Могло выгнать неудобного князя и позвать нового. Свободные простолюдины на Руси X века жили достаточно богато. Возможно, именно тогда сложилась пословица: "На Руси от голода никто не умирал". В погребениях простых общинников того времени часто находят серебряные и золотые вещи. Ибн Фадлан говорит, что купцы с состоянием во многие десятки тысяч серебряных дирхемов не были на Руси редкостью. Общинники давали своему князю прокорм-полюдье, как бы принимая по очереди в гостях его со всею дружиной. Другим источником доходов князя с дружиной, кроме военной и охотничьей добычи, были "виры" — штрафы, которыми облагались различные, подпадающие под суд князя проступки. Хотя большинство споров и несогласий, конечно, решалось внутри мира-общины и на княжеский суд выплывали то, что случалось между представителями разных общин.

Кроме общинников — совладельцев земельных угодий, купцов, владеющих лавками — торговые ряды стояли в Ладоге еще во времена Рюрика, были еще и рабы. Наше представление об этих людях сильно испорчено штампами из советских учебников. Рабы в таком смысле, эти "говорящие орудия", появились только в античной, средиземноморской цивилизации, и то на ее закате. На Севере все было по другому. Восточные авторы отмечают, что "русы к рабам относятся хорошо", а лингвисты указывают, что рабов в русском языке обозначали слова однокоренные с теми, которыми называли детей. Вроде бы рабы — это вечные дети. Да, за них все решает "взрослый"-хозяин, он может обойтись с ними очень сурово. Но и он обязан заботиться о них, и отвечать за них перед законом. Кстати, сообщения о жестоком обращении с рабами, как и

об убийстве рабами, доведенными до отчаяния, своих господ, в летописях связаны в основном с христианским духовенством. Именно оно принесло из Византии, Восточно-римской империи чуждое славянам отношение к рабу. Епископ Ростовский, Федор, прославился зверским отношением к рабам, пытками и членовредительскими наказаниями. Архиепископ Новгородский Лука Жидята отрубил своему холопу Дудике обе руки и нос. Его преемника, Стефана задушили собственные холопы. А преподобный Варлаам Хутынский в дарственной монастырю перечисляет столько-то голов скота, и столько-то челяди. У их современников-мирян, не говоря уж про предков-язычников, ничего подобного не встретишь. Они обращались с рабами не более жестоко, чем в те времена, причем не только на Руси, обращались с детьми.

Могут спросить — отчего же эти взрослые люди считались детьми? И как же тогда в рабы попадали пленные? Здесь придется коснуться очень важной для языческого общества темы — инициации или обрядов посвящения. Дело в том, что для язычника не количество лет определяло вопрос — взрослый человек или нет. Чтобы быть участвовать в обряде — а обрядом ведь была и свадьба, и война, и управление хозяйством — человек должен был пройти долгий, трудный, зачастую — мучительный и опасный обряд инициации. У русских следы этого обряда обнаружил В. Я. Пропп и описал их в своем труде "Исторические корни волшебной сказки". То была не формальность, подобно сегодняшним "посвящениям в студенты" или тому подобным развлечениям. Человек должен был стойчески перетерпеть множество мук и опасностей, а в конце — умереть тяжелой, мучительной смертью — и воскреснуть новым человеком, взрослым, полноправным общинником. Если человек не выдерживал мучений, он оставался вечным ребенком общины, неполноценным существом. Холопом, челядином, чадью, робей, робом, рабом. В суровые времена палеолита, породившие этот обряд, до него не доживали слабосильные дети. Холод, голод, болезни, хищники уносили из жизни подавляющее большинство задолго до посвящения. В обществе же земледельцев гораздо больше детей, неспособных перенести испытания инициации, стало доживать до них. Так появились и умножились первые рабы. При чем же тут пленные? А вот при чем. Мы уже говорили, что гибель в бою считалась благой. Тот же, кто не принимал ее, в страхе бросал оружие, просил пощады — тот как бы показывал, что не полноценен, как взрослый, прошедший инициацию общинник. Он показывал, что он на самом-то деле не готовый к полноправной жизни взрослый ребенок, и просил его пощадить, то есть признать чадом, ребенком, усыновить. Впоследствии он мог, пройдя обряд заново, снова вступить в круг взрослых, как равный — в новой общине, или в той, в которой родился. Об этом свидетельствует византиец Маврикий Стратег:

"находящихся у них в плену славяне не держат в рабстве, как прочие племена, но, ограничивая срок рабства определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там, где они находятся, на положении свободных и друзей".

Об обряде Маврикий не упоминает, да оно и понятно — рассказывавшие ему про это византийские солдаты, выкупившиеся на свободу, меньше всего

хотели сообщать соотечественникам, что в плену предавались языческим обрядам. Что до "определенного срока", то он, безусловно, включал какое-то время работы новоявленного "ребенка" на дворе своего приемного "отца"-славянина.

Вот каково, сверху донизу, от жрецов до рабов, общество русов и славян времен моего героя. В целом же оно представлялось единым организмом. Более того, его слои, по вере язычников, возникли из различных частей Жертвы Рода:

*Оттого у нас в земле цари пошли -
От святой главы от Адамовой,
Оттого зачались князья-бояре -
От святых мощей (зд. — плеч -Л. П.) от Адамовых,
Оттого крестьяне православные -
От свята колена от Адамова.*

Это снова из Голубиной книги. Она известна нам по поздним, XVII-XVIII веков записям, где древнего Рода заменяет то Христос, то Адам. Но первое упоминание о ней мы встречаем в житии Авраамия Смоленского, причем главного героя жития за знакомство с ней собираются отлучить от церкви. Как видно, в те времена языческая природа этого стиха была очевидна. Представление же об обществе, как едином теле, промелькнуло в летописи под 1015 годом: "согреша от главы и до ногу, еже есть от цесаря до простых людин". Представление об обществе-теле имело две стороны. Во-первых, оно исключало "классовую вражду", столь любимую марксистами. Помните, мы говорили об невероятном терпении индийских крестьян; в Индии, и только в ней, существовал точно такой же миф. Там три варны дваждырожденных, прошедших инициацию — брахманы-волхвы, раджанья-воины и вайшью-общинники — вместе с холопами-шудрами, родились из уст, рук, бедер и ступней Первочеловека-Пуруши. И самый нищий индийский крестьянин, выходя из тростниковой хижины в набедренной повязке к неизменным своим рисовым соткам, знал, видя вдалеке сияющую золотом процессию магараджи — он и магараджа части одного тела. Как же может нога бунтовать против руки или головы? С другой стороны, это предполагало окончательность и бесповоротность социальных различий. Ноге не стать головой, ни сдать экзамены, ни постричься в монахи. Голова заботится о ноге, конечно, но советоваться с нею? Это только сейчас про иных людей, в чьем организме бесповоротно победила демократия, говорят, что он, мол, делает, как левая пятка захочет; но даже сейчас это говорят без особого одобрения.

Правда, в дружинах проходили обучение воинскому делу молодые парни из сельских общин. Такие, пройдя инициацию, могли и в дружину попасть, но это было редкостью. У нас любят поминать, что, мол, простой крестьянин Илья Муромец стал во главе богатырской дружины. Но давно уже доказано, что мотив крестьянского происхождения Ильи — довольно поздний. В записанных в XI веке ломбардских поэмах и уже упоминавшейся "Тидрек саге" могучий богатырь "Илья Русский", служащий "конунгу Вальдемару" и очень похожий на любимца наших былин — отнюдь не простолюдин. Он родич князя, а одна из ломбардских поэм, не обинуясь, называет его "король Илья". Да и в

наших былинах сына Ильи зовут "Збут Борис королевич". Скорее всего, это уже в позднемосковское время, незадолго до Петра, фантазия народных сказителей сделала любимого героя "своим".

Между прочим, в романах о рыцарях Круглого Стола сэр Тор по происхождению — простой пастух. Ну и что? Следует ли из этого какая-нибудь особенная демократичность рыцарского эпоса или Средневековой Европы?

Но даже если Илья и был изначально сыном простого пахаря, он в богатыри попал, благодаря волшебной силе странников — калик перехожих. А без чудес — как определялось положение, или, учено говоря, социальный статус на Руси? И тут нам приходят на помощь былины. В них постоянно говорится о "роде поповском", "роде боярском", "роде крестьянском". То есть положение в первую очередь определялось происхождением. Но ведь и в летописях князем может быть только человек "княжьего рода", а любой другой, даже боярин, сколько не тужься, в князи не выбьется. И так обстояло дело не только с князьями. В житии Феодосия Печерского говорится, что, когда будущий святой, сын княжьего служилого человека, одного из тех самых, воспетых "Словом о полку..." "курян — сведомых кметей", порывался заниматься постыдным для ратного человека сельским трудом (тот же Муромец после вступления на богатырскую стезю и не прикасается, скажем, к плугу), сородичи пеняют Феодосию: "Укоризну творишь себе и роду своему". То есть и здесь общественное положение — не личное, а родовое.

А как же личные качества, спросите меня вы, читатель. Отвечу — были времена, когда личных качеств в привычном нам смысле просто не было. Были плохие или хорошие образцы той или иной человеческой породы. Даже вежливость, ставшая для нас синонимом "воспитанности", то есть качества целиком благоприобретенного, в былинные времена таковою не считалась. "У Добрынюшки вежество рожное, рожное и ученое" — говорится в целом ряде былин про второго по значению богатыря. Вежливость-"вежество", как видим, представлялась в первую очередь связанной с происхождением. "Невежество", таким образом, порождало вполне определенные подозрения:

Ты невежа, ты невежа,
Неотецкий сын...

В былинах говорится, что разные общественные слои — "роды" старались не вступать в брачные связи друг с другом. В одном из вариантов былины про Добрыню и Змея спасенная от чудовища княжна предлагает освободителю свою руку и сердце, но слышит в ответ:

Вы есть нынче роду княженетского,
Я есть роду крестьянского,
Нас нельзя назвать же другом да любимым.

Тут наши, поголовно пораженные, по удачному выражению О. Носкова, народобесием исследователи намертво вцепились в "трудовое происхождение" богатыря, не замечая единственно ценного в этих строках — брак представителей разных слоев общества крайне нежелателен в глазах былины. Что до

Добрыни, то в абсолютном большинстве сюжетов он четко и однозначно определен, как потомственный воин.

Общественные слои, происходящие из тела Божества; с принадлежностью, определяемой происхождением; не смешивающиеся друг с другом...

Да это же касты!

Читатель, вы, пожалуй, усомнитесь — не хватил ли я лишнего? Касты — на севере Европы? Касты — у славян? Данные о славянах, точнее — русах, я вам только что предоставил. Судите сами. А вот пример самых настоящих каст в языческой Европе, у соседей славян саксов. Слово хронисту IX века, Рудольфу: "Народ этот состоит из четырех категорий людей: благородных, свободных, отпущенников и сервов. По установлениям закона, никому из этих четырех сословий не дано разрушить границы между ними путем бракосочетаний, но благородные должны сочетаться с благородными, свободные — со свободными, отпущенники — с отпущенницами, а рабы — со служанками. Если кто-нибудь из них возьмет жену из другого сословия, он должен искупить свой проступок ценой жизни". Как видите, ничего в принципе невозможного в существовании в языческой Европе эпохи викингов каст нет. А все источники единодушно свидетельствуют — у русов касты-"роды" существовали.

3. Христиане языческой Руси.

*Из недоброй земли по рекам приплыла
Чудо-рыба, охотник по души людей...*

Велеслав. "Моление Перуну".

Одна из любопытнейших и мало исследованных тем — христианство на Руси до ее крещения сыном нашего героя. Свидетельства по этому поводу приводятся самые разные, высказываются самые разные и противоречивые мнения. Иные начинают с апостола Андрея Первозванного, в чем, не мудрствуя лукаво, следуют летописи. Напомню тем, кто не читал летописного предания или читал давно и забыл. Андрей, по преданию этому, направился из Синопа в Рим. Путь он избрал, однако, мягко говоря, странный. Поднялся по Днепру, вышел на горах, где позднее воздвигнется Киев, благословил их, установил крест и возвестил, что на этом месте возникнет, мол, украшенный многими церквями град.

Потом он пришел вверх по Днепру, и неведомым образом — нигде не говорится о волоках, Шелони, Ильмене — попал к словенам, "где ныне стоит Новгород", где палестинского странника сильно изумило обыкновение словен париться в банях, хлеща друг дружку вениками, да еще и обливаться потом холодной водой. Затем апостол пришел в Варяги, а оттуда — сразу в Рим. Нельзя не удивиться диковинному маршруту. Вот уж, как в памятной песенке из детского кинофильма:

*"Ходы кривые роет подземный мудрый крот.
Нормальные герои всегда идут в обход"!*

Впрочем, не будем иронизировать ни над летописцем, ни над церковными

авторами, кое-кто из которых в понятном и простительном азарте писал еще в XX веке, что Андрей-де проповедовал в Киеве и в Новгороде. В предании как раз ничего такого нет — апостол всего лишь побывал на, по-видимому, безлюдных горах, где только предстояло встать Киеву и в земле словен, где, опять-таки, лишь во времена летописца красовался Господин Великий Новгород. Да и сам маршрут Андрея не так невероятен и нелеп, как кажется... но об этом — позднее. Итак, как видим, даже если отнестись к этому преданию со всей серьезностью, из него нельзя заключить, что русское христианство началось с Андрея — ну разве что в мистическом смысле. В предании ведь ни слова не говорится, чтобы апостол на своем странном пути кого-то крестил или хотя бы проповедовал.

Нельзя умолчать и о том, что подавляющее большинство историков не желает ничего слышать даже о самом визите апостола к словенам и варягам. По их мнению, это всего лишь выдумка средневековых русских церковников с целью возвести русское христианство аж к Первозванному — то есть первому ученику самого Христа. Что и говорить, в Средние века именно такое значение преданию и придавали. Иван Грозный, например, писал, что Русь приняла христианство раньше греков — от самого апостола Андрея. Но, смиренно спросим мы, если она и сочинялась с этой целью, отчего автор не присочинил и про проповедь апостола в посещенной им земле? А еще лучше — одного-двух славянских князей, обращенных Андреем и, само собою, принявших мученическую смерть за Христа от злых "поганцев"? Примеров-то хватало еще во времена составления летописи — язычники Ростова убили епископа Леонтия, вятичи предали мученической смерти монаха Киево-Печерского монастыря Кукшу. Если летописец фантазер — почему он фантазирует так плохо? Да и надменная Византия, видевшая во всех иноземцах, будь они сто раз православные христиане, варваров, "грызущих сырые кожи", отчего-то отнеслась к этому преданию с неожиданной серьезностью. Михаил VII Дука писал киевскому князю Всеволоду, малоизвестному сыну и отцу знаменитых Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха:

"Наши государства оба имеют один корень и один источник... одни и те же самовидцы божественного таинства и вещатели провозгласили в них слово Евангелия".

"Самовидцем божественного таинства и вещателем", провозглашавшим Евангелие на землях грядущей Византии, был именно Андрей. Мы еще вернемся к загадке апостола Андрея и его странного путешествия, пока же заметим — его относили к основателям Русского христианства с XI века самое позднее; но относили совершенно безосновательно.

Вслед за ним следует длинейший перерыв. Нельзя же всерьез воспринимать риторические восклицания христиан умирающего Рима, что, мол, "снега Скифии пылают огнем истинной веры". Что это за "Скифия"? Так могли называть и племена Средней Азии, и скандинавов, и любой народ на огромном пространстве между ними. И ежели "снега Скифии" так уж вспыхнули — где имена проповедников, где имена обращенных? Где хоть какая-нибудь конкретика, хоть что-то, позволяющее сказать — да, речь идет именно о наших пред-

ках? Ничего внятного по этому поводу нам никто не сказал.

Существует восемь упоминаний о русском, именно русском христианстве до Владимира.

Первое: конец VIII столетия. Позволю себе напомнить — скандинавы еле-еле открыли соседнюю Британию. На Крымское побережье совершает набег "русский князь Бравлин из Новгорода". Обычно отвергают это сообщение жития Стефана Сурожского или пытаются отнести его к Неаполю Скифскому — мол, и Новгорода, как такового, тогда не было, и далековато пришлось бы от него идти войску. На оба эти сомнения можно дать исчерпывающий ответ: во-первых, как мы уже говорили, Новгородом ранее могли называть либо Рюриково городище, либо Старую Ладогу. Во-вторых, что касается расстояния — в конце Средневековья русские ушкуйники, повольники из Вятки и Новгорода ходили в поход до самого устья Волги. Ни суда ушкуйников, ни их оружие не отличалось так уж от таковых VIII века. Противником — или, скорее, добычей — русских удальцов стало могущественнейшее государство Восточной Европы того времени — Золотая Орда. Дело происходило еще до Куликова поля и битвы на Воже. Тем не менее, лихие молодцы-северяне прошли по Волге, грабя и разоряя все на своем пути, и спокойно вернулись бы восвояси, не подстереги их на обратном пути свои же, русские костромичи, донельзя разъяренные отнюдь не братским поведением ушкуйников в их городе. Если такое могло произойти в XIV столетии, отчего подобного не могло случиться в VIII?

В Суроже, при попытке ограбить собор, принявший мощи святого Стефана, князя Бравлина поразил тяжелейший приступ паралича. Испуганный князь согласился креститься и вернуть все, добытое в церквях, после чего исцелился. Так излагает эти события житие. Можно в них сомневаться, но дальнейшее вполне согласуется именно с таким поворотом событий.

Второе. 842 год. Наш старый знакомый, Ибн Хордадбег, пишет, что приезжающие в халифат русские купцы "выдают себя за христиан". Любопытно это "выдают" — подозрительный таможенник явно не верил в христианство дальних гостей. Дело в том, что христиане и иудеи в мусульманских странах платили особый налог — джизию. Он был в несколько раз легче тех податей, которыми правоверные халифы и эмиры облагали язычников и зороастрийцев. Яростная вражда трех религий, берущих начало от откровения праотца Абрахама-Авраама-Ибрагима, была еще впереди. Мусульмане видели в христианах и иудеях едва ли не близких родичей, почти единоверцев, и уж во всяком случае — союзников против языческого мира. Ибн Хордадбег так и пишет — "выдают себя за христиан и платят джизию". Тут, право, не знаешь, кому верить. Могли и хитрые предтечи Садко прикинуться христианами, лишь бы заплатить подать поменьше. Мог и профессионально недоверчивый таможенник "перебдеть", усмотрев корыстный умысел в искреннем обращении вчерашних язычников.

Для нашей темы, собственно, оно не так и важно. Если купцы и мошенничали, за руку их на том никто не ловил, и власти халифата снисходительно собирали с них пресловутую джизию. А чтобы достоверно разыграть христиан перед бдительным налоговым ведомством, чиновники которого были прекрасно знакомы и с византийскими православными купцами, и с сирийскими несторианами, и с торговцами из монофизитской Армении, христианство надо было как минимум хорошо знать. А поскольку в Византию в это время

едва добиваются первые послы "народа Рос", а по Волжскому торговому пути нет ни одной христианской державы, остается предположить одно. Среди русов уже были христиане. И, право, легче предположить таковых в купцах, часто общавшихся с другими народами, и по необходимости более открытых чужим обычаям и богам. А сомнения араба отнести исключительно на счет его профессии.

Третье, нам уже знакомое. Кирилл-Константин в Корсуни видит Евангелие и Псалтырь "русьскими письмены". На этом долго останавливаться не будем. Явно "апостолу славян" повстречался кто-то из знакомых Ибн Хордадбегу русских купцов.

Четвертое. Патриарх Фотий говорит об обращении "россов". Об этом чуть подробнее поговорим после. Пока скажем — история крайне загадочная. Позднейшее церковное предание говорит о буре, вызванной погружением в воды моря Покрова богородицы, разметавшей и устранившей варваров. Мало того, что сам Фотий ничего об этом не упоминает — а должен бы был! Так и выглядит эта история донельзя недостоверно. Например, финнов считали могучими колдунами, носящими в карманах завязанными в узелке штормы и бури. Слава этих повелителей погоды докатилась даже до Англии. Ну и что? И славяне, и норманны ничуть не боялись ходить в походы на этих грозных колдунов, а к их святилищам относились, как к своим банкам, откуда в любое время можно взять любое количество ценных вещей. То есть к религии финнов относились без малейшего уважения и совсем не собирались ее принимать. Вообще, варяжских мореходов, не говоря уж о норманнах, просто невозможно было так уж напугать бурей.

Пятое. Константин Багрянородный упоминает о крещении "россов" при следующем после Фотия патриархе — Игнатии. В это же время создается "митрополия(!) Россика".

Шестое. Под 912 годом араб Аль Марвази упоминает о крещении части русов. Любопытно, что этим русам в христианстве не понравилось, и они приняли... ислам. После чего упоминания о них вообще исчезли. Так и хочется сказать: "Так будет с каждым...".

Седьмое. В договоре с греками упоминается "крещеная русь". О ней будем очень подробно говорить позже, поэтому здесь останавливаться на ней нету смысла.

Восьмое. Крещение Ольги. Во-первых, факт широко известный, во-вторых, и о нем нам придется говорить далее.

В русском довлاديمировом христианстве есть две черты, на которые почти или совсем не обращают внимания. Во-первых, христианство русов имеет явно западное происхождение. Возьмите древнерусские слова "Крест", "алтарь", "церкы", "поп", "еретик", "поганый". Они явно pochodят на немецкое "крейц" (от латинского "Кристос"), латинское "алтариум", немецкое "кирхе" (от латинского "циркус"), немецкое "пап'пе" (от латинского "папа"), латинские "хэретикус", "паганус". И совсем не походят на греческие соответствия "стаурос", "бомос", "базилика", "иерей", "гетеродокс", "этником". Названия месяцев у нас не греческие, а латинские. Да что говорить, если народ, от которого русы приняли вроде бы православие, они всегда называли не его самоназванием "ромей", а обидной для византийцев западной, латинской кличкой "греки". В преданиях народного христианства часто упоминается место временного пристанища

душ, слишком грешных для рая, но недостаточно нагрешивших для вечной гибели. Эта чуждая православию идея легко отождествляется с католическим чистилищем. И так далее, и тому подобное. Здесь перечислены еще далеко не все западные черты русского христианства.

На юге Восточной Европы русы могли повстречаться еще с одним вариантом христианства — древней ересью ариан. Во всяком случае, в рассказе о крещении сына нашего героя, "греческий философ" умудряется основу основ христианства — "символ веры" — изложить именно в еретическом, арианском варианте. Ни о какой "случайной описке" не может быть и речи. К подобным вещам люди Средневековья были предельно внимательны и строги. Более того, первая часть "Повести временных лет" датирована по так называемой Александрийской эре, на несколько лет отличавшейся от константинопольского летоисчисления, использовавшегося ортодоксальной православной церковью. Основатель ереси, Арий, был епископом именно в Александрии, и Александрия стала центром ереси в страшные времена ее могущества, едва не похоронившего единства церкви на полтысячи лет раньше.

Кроме этих неортодоксальных черт в русском православии бросается в глаза еще один вопрос, как-то ускользающий от историков. За привычными фразами о "крещении Руси", упускают одно немаловажное обстоятельство. Все источники этого времени, разделяющие-де русов и славян, неизменно говорят о крещении именно русов, "россов", "ар-Рус", "руси", но никак не "склавинов", "ас-саклаби", "словен". Русская летопись добавляет еще варягов — "мнози бо варязи христиане" в 944 году, мученики-варяги 983 года, варяжские покровители Киево-Печерского монастыря, основанного в "Варяжских Пещерах" — Африкан и его сын Рюрик-Шимон. Итак, христиане Руси X века — это именно этнические русы, варяги-русь и только они. Где же "скандинавский след" в русском христианстве? Почему христианские имена у нас произносятся на славянский, а не скандинавский манер — Иван, а не Юхан, Никола, а не Нильс? Где богослужебные книги на скандинавском языке норманнских "ротсов"? И как получилось, что разница в религии — основная масса сельского населения Руси, "славян", будет воцерковлена лишь к XVI веку — не помешает русам ославяниться? На все эти вопросы "неонорманнисты" не отвечают, да и не могут ответить, а потому предпочитают просто делать вид, что их нет.

Наука... теория... Петрухин вообще, не краснея, заявляет, что принятие христианства "способствовало"-де ассимиляции славянами "скандинавской" руси. Тут никаких знаков не хватит, ни вопросительных, ни восклицательных, ни иных, "из высшей математики". Впрочем, с ним, увы, все давно ясно.

Хватит о них, а? Неудобно. И неприятно.

Зато "ненаучная" версия русов-ругов объясняет все. Буквально все, вплоть до сомнений Ибн Хордадбега и странной судьбы Оскольда. Христиане-русы могут, в таком случае, быть потомками ругов, крещеных еще Северином. Это объясняет западный характер русского христианства, его плотную привязку к варягам и русам, и недоверие араба — слишком непохоже было их христианство на привычные ему верования греков, сирийцев или армян. И поведение Оскольда, внезапно примирившегося под стенами Константинополя со злейшим врагом — Византией. И странную историю со странствием апостола Андрея.

А. Л. Никитин, к остроумным предположениям которого нам еще не раз

придется возвращаться в этой книге, метко подметил, что все до единой несуразности летописной легенды устраняются простой заменой Днепра на Дунай. Действительно, путь по Дунаю еще тысячу лет спустя после апостола будет самым удобным и безопасным из Константинополя в Рим. На Дунае будет город Киев — не только в упоминавшихся нами былинах, но и в истории. Заметим, что в летописном упоминании об установлении Андреем креста на горе, где суждено быть Киеву, упоминается, что апостол "слез" с горы — глагол, более применимый к дунайским скалам, нежели к киевским холмам, с которых, при всей их крутизне, можно все-таки сойти, а не "слезть". В верховьях Дуная находится земля словенцев-"словен" предания с одним из бесчисленных славянских Новгородов на месте современного Эстергома в Австрии. Оттуда он мог пройти в будущие земли ругов — помните, федератов, верингов, варягов Рима — и уж оттуда идти в Рим. И ему действительно удалось бы добраться от "киевских" круч до "словен"-словенцев безо всяких волоков и прочих пересадок, и действительно напрямую попасть от варягов в Рим. Все несообразности в рассказе о странствии апостола — кроме "расселения" по его пути народов, появившихся там полтысячи лет спустя, естественного для устной легенды — снимаются единым махом. А основание для того имелось — чуть выше летопись в некоторых списках упоминает, что Днепр впадает в море "триема устьями", хотя Днепр Словутич совершенно в том не повинен. С ледникового периода, по крайней мере, он впадает в Черное море одним-единственным устьем. Зато у Дуная крупнейших, судоходных гирл действительно ровно три. Память о странствии Первозванного могла сохраниться у христиан римского Норика и от них уже перейти к ругам, ободритам, словенцам, короче — к варягам-руси. А уж потом, когда потомки ругов воцарились на Днепре, провозгласив городок с таким знакомым дунайским именем Киев "матерью городов русских", вместе с ними "переселилась" и легенда. Так в сибирских былинах Василий Буслаев бьется с "мужичками новгородскими" на мосту через... Обь. А в балладе "Кострюк", записанной в имперские времена, русский боец, победив в поединке чеченского шурина Ивана Грозного, швыряет его в... Неву. Певцы же советского времени уточняют, что дело происходило в Ленинграде. Как видите, легенда о странствии Андрея — не единственная, сменившая адрес!

Очень занятно, что удревняют христианство на Руси — вплоть до того же Андрея — его искренние сторонники, вроде протоиерея Стефана Ляшевского. Его книга "История русского христианства: от Андрея до Владимира" недавно была у нас переиздана. Напротив, критики христианства, как, например, Игорь Яковлевич Фроянов в совместной с Фроловым и Курбатовым монографии "Христианство: античность, Византия, Древняя Русь", наоборот, отрицают даже довольно достоверные сообщения вроде известия о крещении Бравлина, считая возможным говорить о русском христианстве, самое раннее, с 944 года. И никто из них не замечает, что древность русского христианства говорит не за, а против него; не против, а за древнюю религию русов. Если христианство было известно русам полтысячи лет — и оставалось религией кучки маргиналов, значит, не так уж оно было привлекательно в глазах русов. Не приходится тогда говорить, что за язычество держались от невежества, пока не знали христианства; что язычество было "темнотой", мгновенно исчезнувшей, как только в комнату внесли светильник; пустотой, в которую вошло, тем самым

отменив, прекратив, уничтожив ее, христианство. Не приходится рассуждать об особой предрасположенности русов к новой вере. И если через полтысячи лет после Северина недостойному сыну Святослава приходится развязать чудовищную гражданскую войну, уничтожившую 28,9 % известных нам поселений древней Руси, только чтобы сломить активное сопротивление введению христианства; если через век после этого варягорусский Новгород весь, как один человек, пойдет за волхвом против епископа; если другая варяжская твердыня, Муром, откроет ворота крестителям князя Константина, которого впоследствии назовут святым и равноапостольным, только еще спустя столетие; если основным аргументом христиан все это время будут меч и огонь княжьих дружин, пронесенный под полой на переговоры топор и камнеметные машины под муромскими стенами, то означать все это может только одно. А именно — победа в честном споре, на равных, христианам "не светила". Они могли сказать "Бог един" — и русы согласились бы с этим. Они могли сказать — "Бог принес себя в жертву за мир" — русы знали и это. Им просто нечего было сказать русам, нечего дать им, кроме чужой, ближневосточной мифологии и отвеку сладкого для иных соблазна безответственной избранности, приобщенности к "высшему кругу", к "Новому Израилю", к заведомым победителям в будущей окончательной схватке Добра и Зла. Небольшое количество подобных лиц и хранило русское христианство до крещения. Их дело несколько облегчала уже отмеченная мною особенность общества русов — там все было делом не личности, а рода. Община же во внутреннюю жизнь рода вмешивалась редко. Для того же Оскольда, если он действительно был потомком руга, крещеного Северином, христианство было наверняка просто семейным, родовым обрядом; факт же "братства во Христе" с императором Византии вполне мог стать откровением, произведшим в жизни и судьбе сподвижника князя-Сокола гибельный для него переворот.

Большинство же русских родов смотрело на христианство, как на более или менее неприятное увлечение некоторых своих соплеменников. В целом их терпели — родичи все же, хоть и "уродьство" у них семейное.

Чем эта терпимость могла обернуться для иного руса, даже могучего вождя, говорит пример отца нашего героя и его посмертной судьбы. Но об этом — в следующей главе.

4. УБИЙСТВО В ДРЕВЛЯНСКОЙ ЗЕМЛЕ. " КНЯЗЬ УЖЕ НАЧАЛ!.."

- Что ты расскажешь? -Все, что я знаю.
- Сколько их было? -Около тыщи.
- Где твои тропы? -Верно, за краем.
- Где твои люди? -Там, где не сыщешь.
- Что с ними стало? -Были другими.
- Что ты увидел? -Пепел на плахе.
- С кем ты остался? С ветром, княгиня.
- Как ты вернулся? -В белой рубахе.

Дм. Фангорн. "Князь"

1. Клевета.

*Каютъ князя Игоря...
"Слово о полку Игореве".*

У колыбели нашего героя развертывается воистину детективный сюжет, достойный пера Честертона и гения его патера Брауна. Тень недоброй тайны лежит на обстоятельствах смерти его отца. Тень, расползшаяся на всю жизнь отца, поглотившая славу его побед и мощь созданной и управлявшейся им державы.

Уподобимся же почтенному патеру Брауну в рассказе "Сломанная шпага". Начнем с того, что известно всем. Начнем с неправды.

В "Повести временных лет" о последних днях отца Святослава рассказано так:

"Сказала дружина Игорю: "Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, и ты добудешь, и мы". И послушал их Игорь — пошел к древлянам за данью, и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, поразмыслив, сказал своей дружине: "Идите домой, а я возвращусь и пособираю еще". И отпустил дружину свою домой, а сам, с малой дружиной вернулся, желая большего богатства".

Доведенные до отчаяния древляне убили князя с дружиной, "так как было их мало".

Вот уж правда: обстоятельства смерти способны перечеркнуть целую жизнь. Тут хватило описания этих обстоятельств. С этого единственного отрывка началось победное шествие по страницам ученых трудов и исторической прозы "Игоря"-карикатуры. Кто не читал "Повесть...", тот читал популярные книжки или романы Скляренко, Пономарева. И все твердо знают: Игорь Рюрикович — алчный и глупый грабитель, бездарный полководец, безрассудный авантюрист, слабак, проще говоря, никудышный правитель. Сунулся,

недотепа, с малой дружиной прямо в пасть им же только что ограбленным древлянам.

И мало кто удосужился перечитать летопись целиком — и обратить внимание на бьющие в глаза нелепости этого карикатурного некролога.

"... А мы наги". Вообще-то, дружина Игоря летом того же года получила огромный откуп во время похода на Византию. Князь "взял у греков золота и шелка НА ВСЕХ ВОИНОВ". Сколько, кстати? "Дань, какую Олег брал, и еще", поясняет летопись. Олег Вещий, по той же летописи, брал по 12 гривен на брата. Гривна — 200 грамм серебра. Конь стоил 2 гривны. Боевая морская ладья с набойными бортами — 4. Оценили? Стоимость трех боевых ладей шелками и золотом. Какое там "наги"...

И уж не к древлянам идти после такого откупа. У них ни алмазов, ни золотосных рек, ни пряностей драгоценных. Летопись опять говорит предельно ясно: "мед и меха" — все сокровища древлянские. Это после золота и шелков соответственно...

Может быть, русы Игоря не имели понятия о настоящих сокровищах? И опять не сходится. Два удачных похода на Византию, груды добычи... Над шедшими домой ладьями Олега стояли паруса из византийских шелков. Пусть это "эпическое преувеличение", но современник-араб Ибн Фадлан описывает русских купцов в собольих шапках с парчовым верхом, в парчовых же кафтанах с золотыми пуговицами. Он же пишет, что трон "царя русов" — в то время им был Игорь — отделан кораллами и драгоценными камнями. Тут и в шелковые паруса Олега поверишь...

Во-вторых, до злосчастной осени в Древлянской земле Игорь проиграл одну битву. За тридцать три года правления. И в той проигранной битве соперником Игоря была мировая держава Средневековья — Византия, а победу над русами она одержала, во-первых, предательством болгар, а во-вторых — применив мощнейшее оружие того времени. Это был "греческий огонь", который сами греки-византийцы называли "лидийским", а историки часто называют "напалмом Средневековья". Выстреливаемый на большие расстояния из медных труб огнеметов, огонь горел даже на воде. От него просто не было защиты. Византийские императоры пуще зеницы ока берегли тайну чудовищного оружия, оттого, к счастью для соседей Восточного Рима, огнеметов этих делали мало. Но уж когда они появлялись на поле боя, исход его был предрешен. Так что не поражению Игоря надо удивляться — диво, что сам он уцелел, не попал в плен, вывел из пылающего ада изрядную часть войска. Хотя и погибло тоже немало — нам еще вспоминать об этих потерях.

И попал в эту ловушку князь не по недомыслию. Византийцев предупредили болгары. Они, как видно, предпочли "братьев во Христе" из Византии, звавших их, болгар, "жалким и гнусным народом", кровным братьям-русам. Заблаговременно извещенные греки успели перебросить к месту высадки русского десанта огнеметные корабли-хеландии патриция Феофила Синкела.

Однако уже через три года Игорь собрал новое войско, пополнил выжженную дружину выходцами с Варяжского моря — и об этом еще вспомним, — и взял с собой печенежскую орду. Вот когда перепуганные греки — они-то ожидали, что варвары долго еще не появятся на горизонте — и поспешили с откупом.

Игорь не забыл ужаса первого греческого похода, не забыл, что в его войске

немало и свежесобранных ополченцев, и недавно взятых в дружину варяжских удальцов. Как-то покажут себя в бою? Впрочем, и так было ясно, как. Вожди варяжских дружин откровенно советовали князю взять откуп.

Великий князь последовал совету, дань взял и двинулся домой, в Киев. Впрочем, и болгарского предательства он не забыл — "повелел печенегам воевать Болгарскую землю".

С ужасом вспоминал Феофилакт Болгарский тот год: "Их набег — удар молнии. Их отступление тяжело и легко в одно и то же время: тяжело от множества добычи, легко от быстроты бегства. Вот они здесь — и вот их уже нет. Они живут грабежами чужих стран, не зная иного обогащения, кроме войны и добычи, а своей страны не имеют. Но хуже всего, что народ этот бесчисленным множеством своим превосходит лесных пчел".

2. Забытый подвиг.

*Объемлет ужас печенегов;
питомцы бурные набегов
зовут рассеянных коней,
противиться не смеют боле
и с диким воплем в пыльном поле
бегут от киевских мечей.*

А. С. Пушкин "Руслан и Людмила".

Но стоп! Что такое? Почему и каким образом киевский князь может что-нибудь повелеть этой буйной орде?

А вот таким. Вы не забыли: Игорь Рюрикович — безрассудный авантюрист, бездарный полководец? Так вот, когда в 915 году "пришли впервые печенеги на русскую землю", "безрассудный авантюрист" сумел заключить с кочевниками мир. Не иначе, как сумел Сын Сокола объяснить новым соседям: Русь не легкая добыча. Ясное дело, не словами объяснял. Подобные разбойные народцы от веку понимают один язык — язык силы. Проще говоря, печенежские вожди обломали зубы об Игоревы дружины, "сохранили лицо", заключив мир, и быстро откочевали к Дунаю.

А еще пять лет спустя в летописи появляется скромная строчка "Игорь воеваша на печенегов". И все. И ничего более, кроме того, что двадцать четыре года — целое поколение — спустя Игорь мог "повелеть" печенегам, и те покорно повиновались. Кроме того, что напасть на Русь печенеги решились впервые еще двадцать четыре года спустя — в 968 году.

Вспомним Феофилакта Болгарского. Можно вспомнить и византийца Кедрина, писавшего, что печенеги не знают договоров, смеются над клятвами и почитают лишь силу. Как надо было разбить это племя, чтобы два поколения из памяти степняков не изгладились три страшных слова: Киев, Русь, Игорь?

И не просто разбить. Обратите внимание — Игорь "воевал на печенегов". Не отбил набег. Даже не разгромил нашествие. Пошел на них. Значит — в степь. И победил.

За полторы тысячи лет до Игоря в ту же степь вторгся персидский царь царей Дарий, по заслугам, в общем-то, прозванный Великим. Греческий исто-

рик Геродот сообщает, что в войске царя царей шло семьсот тысяч воинов. Для сравнения — Великая армия императора Франции Наполеона Бонапарта насчитывала "всего" шестьсот тысяч. Чингисхана с крестоносцами можно даже не упоминать. Врагом Дария в той войне были дальние предки печенегов — скифы.

Все, что смог Дарий — с трудом спас себя и жалкий остаток своих полчищ. Действительно, Великий: его предок Кир, основатель Персидской державы от Средней Азии до Египта, потерял и войско, и голову, сунувшись в степь. После Дария один из полководцев Александра Македонского, победителя персов, захватившего их страну вкуче с Балканами и Египтом, канул в той степи, как камень в воду, со своей армией. Не спасся никто. Римляне, покорив полмира, в степь благоразумно не совались, а это одно о многом говорит.

Вооружение Игоря и его воинов ничем, в принципе, не отличалось от такого же у Дария, Кира или римлян. И тем не менее "бездарный" Игорь стал первым полководцем земледельческого, оседлого народа, разбившим кочевников на их же территории, в степи. И не просто разбившим — превратившим в вассалов. На сорок восемь лет внушившим разбойным дикарям ужас перед именем Русь. Избавившим два поколения русских людей от страха перед степью, от гари спаленных сел, от свиста стрел и арканов, от рабского горького пота.

Для сравнения — следующие после печенегов кочевые соседи Руси, половцы, за сто пятьдесят лет предприняли пятьдесят крупных нападений на русские земли. Легко подсчитать... гораздо сложнее представить себе, каково жить, считая время от набега до набега. Знать, что возводимый тобою дом станет пеплом через три года. Что зерна третьего урожая втопчут в пашню неподкованные копыта мохноногих степных лошадок. И ты сам вовсе не обязательно будешь три года спустя жив и свободен. Так жили на Руси XI-XII веков. При Игоре так не жили!

Иноземцы-современники вторят летописи. Араб Ибн Хаукаль называет печенегов "острием в руках русов", которое те обращают, куда захотят. Его земляк Аль Масуди называет — при Игоре! — Дон "Русской рекой", а Черное море "Русским, потому что по нему, кроме русов, никто не смеет плавать". Византиец Лев Диакон называет Босфор Киммерийский (нынешнюю Керчь) той базой, откуда Игорь водил на Византию свои ладьи, куда возвращался из походов. Из договора с Византией 944 года явствует, что Игорь контролировал и устье Днепра, и проходы в Крым из степи.

И все это совершил "бездарный полководец"? Сохранил в течение четверти века "безрассудный авантюрист"?

Полезно сравнить все это с деяниями недостойного внука Игоря, коего славят, как великого борца с "печенежской опасностью" за выстроенные на Десне(!), Остре, Трубеже, Суле, Стугне городцы с гарнизонами из чуди, мери, словен и кривичей. При нем была непрестанная "великая брань" с печенегами, едва ли не ежегодно прорывавшимся к киевским предместьям.

Боги, кто постигнет логику историков? Сделавший Дон "Русской рекой" — "бездарный полководец", а строивший по Десне острожки от печенегов — "государственный муж". Тот, кто на полвека обезопасил страну от набегов и превратил врагов в покорных вассалов — "авантюрист", а тот, при ком эти враги только что не зимовали под столицей, кто прятался от вассалов деда то под

мост, то за широкую спину ремесленника-кожемяки, конечно, "гений".

Не стоит, конечно, стричь всех под одну гребенку. Обязательно надо назвать имена историков, смывавших с памяти отца Святослава клеймо "бездара" и "слабого государя". Это Д. И. Иловайский, А.Н. Сахаров, И.Я. Фроянов (именно в работах Игоря Яковлевича я и наткнулся на "воеваша на печенеги") и некоторые другие. Однако, как писал тот же Честертон в рассказе "Скандалное происшествие с патером Брауном", "просто поразительно, сколько людей слышали эту историю и не слышали ее опровержения". Государь, заслуживающий памятников, остается увековеченным в карикатуре.

И этот-то великий государь и полководец безоглядно сунулся в расставленную своей же жадностью ловушку? За мехами и медом — после золота и шелков?

Опять вспоминается "Сломанная шпага": "Один из рассудительнейших людей на свете безо всяких оснований поступил, как безумец". Слово про Игоря, точнее, про "Игоря" — летописную карикатуру — сказано. Нет, все это не заслуживает даже названия версии. Много уместнее — байка. Кем она могла быть рассказана? И кто все же сделал из нее версию — официальную, в летопись вошедшую?

3. Загадочная дружина.

*Ай дружинушка моя все молодая,
А молодая вся ненадежная...
Не дружинушка тут есте хоробрая,
Столько одна есте хлебоаять.*

Былина "Вольга и Микула".

Но сперва поговорим об еще одной нелепости летописной байки, нелепости, наименее очевидной для современного читателя.

Представьте — поход за данью на землях покоренного племени. И правитель говорит дружине: "Поезжайте домой, я вас нагоню"... Нет, я не о том, что приказ самоубийственно глуп, а Игорь вроде бы не самоубийца и уж определенно не глупец. Об этом мы уже говорили. Говорили о том, почему он не мог отдать такой приказ. Но даже если бы и отдал — дружина не могла его послушаться!

По той же летописи Игорь советовался с дружиной и поступал, как она скажет. Его сын именно недовольством дружины объяснял матери свое нежелание креститься. А его внук при первом признаке недовольства дружины деревянной посудой прикажет подать ей золотую. Еще одного их общего потомка разъяренные дружинники буквально заставят порвать почти подписанный мир с осажденным Торжком: "Мы их не целовать пришли".

Князь дружине не хозяин и даже не командир, а дружинник — не боевой холоп позднейшей Московии и не солдат. Приказы он обсуждает, и еще как! Примеров тому в летописи множество. Чему там нет примеров, так это тому, чтобы дружина в походе оставила своего вождя, по приказу или без. И не у одних русов: от Исландии до Японии викинг, дружинник, нукер, самурай никогда бы не поступил так — из страха бесчестья, что хуже смерти.

Тацит о германских дружинах:

"они сражаются вместе с вождем и почитают за бесчестие жить после его смерти".

Ибн Фадлан о воинах "царя русов" в 920 году (во времена Игоря!):

"они умирают после его смерти и подвергают себя смерти за него".

Летопись:

"где твоя, князь, голова ляжет, там и свои сложим".

Они не могли оставить князя. Но оставили!

Что же это за загадочная дружина, которой закон чести не писан?

Во-первых, как мы помним, незадолго до того Игорь сильно пополнил свою дружину выходцами с Варяжского моря. То есть большинство княжеской дружины в ту злополучную осень — новички-варяги, не прошедшие с князем ни одной битвы. Уцелевшие старые соратники либо в "малой дружине", либо остались беречь Киев — не на без году же неделя своих варягов его оставлять?!

И вот эти новички возвращаются в Киев. Одни. Без князя. И именно они — кто ж еще? — рассказывают дикую байку о внезапном приступе жадности у старого государя и его ближних соратников, — их тоже нет — и о том, что их князь, видите ли, отпустил.

Во-вторых, в первый поход на Византию в дружине князя, видимо, почти не было христиан. Летописи говорят, что русы не только громили церкви и монастыри — такое-то и христиане творили, мы еще убедимся. Но, свирепо тешась с пленными греками, их, помимо прочего, распинали. А такого не станет делать ни один христианин. Не станет приравнивать казнь врага к своему богу.

Зато именно так поступали в Балканских провинциях Византии славяне-язычники в VI веке. И именно так мстили пленным немцам за сожженные храмы и разоренные города балтийские славяне — ближайшая родня варягов-руси.

А вот после второго похода, в договоре 944 года говорится, что заметная часть русов присягает в соборной церкви Ильи-пророка на Киевском Подоле. И летописец поясняет: "Ибо многие варяги христиане." И это те самые варяги, что Игорь нанимал, другим взяться неоткуда, другие — потомки бойцов Рюрика и Олега — это как раз ярые язычники, в охотку жегшие церкви и распинавшие священников. "Русин или христианин"!

Эти варяги-христиане и отсоветовали Игорю биться с греками: "Если так говорит цесарь, то чего нам еще нужно, — не бившись, взять золото и серебро, и шелка?". Дело в том, что это совершенно не языческий подход, уж во всяком случае, не язычников с Варяжского моря, будь то славяне или скандинавы. Для язычника война, — прежде всего ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ Богам и духам. Те же скандинавы именно поэтому долго не принимали замену кровной мести на выкуп — "мы не станем носить в кошельках мертвых друзей!". Кровь убийцы насыщала не абстрактное чувство справедливости, а более чем конкретный дух погибшего! "Навий пир" называли битву норманнские скальды. И те, кому от битвы были нужны лишь "золото и серебро, и шелка" — явно не языч-

ники.

И еще — язычники Севера Европы всегда изумляли иноземцев, — например, Гельмольда, автора "Славянских хроник", — своим бескорыстием и щедростью, часто переходящей в расточительность. В свое время римляне то же писали о германцах. Но вот же диво: стоило тем же саксам-германцам и славянам-полякам принять христианство — и тот же Гельмольд сетует на "жадность саксов", а про поляков пишет, что те из-за жадности к добыче "часто наилучшим друзьям причиняют зло, будто врагам".

Совершенно ясно, что в дружине Игоря пребывали варяги-христиане, и в немалом числе. Недаром князь, хоть и по иным причинам — не утихли за три года в ушах вопли горящих заживо воинов, — прислушивается к их советам, а летопись упоминает их перед почитателями Перуна. Византийцы варягов-"варангов" выводили из "Германии", как со времен Тацита называли все земли между Дунаем и Балтикой, кто бы там не жил: настоящие германцы, славяне, балты, кельты. К чему здесь говорить об этом? К тому, что современник Игоря, византиец Лев Диакон, которого мы уже вспоминали и еще не раз вспомним, пишет, будто Игоря убили... "германцы".

Между прочим, христианство на берегах Варяжского моря называли тогда... "Немецкой верой".

Слова "варанг" в Византии тогда еще не знали. Зато знали древлян-"дервиан", и германцами их никто не звал, напротив, ясно называли "славинами". Итак, не просто поведение дружины Игоря предельно подозрительно, но даже сохранилось свидетельство современника, позволяющее обвинить новых дружинников в убийстве вождя.

4. Христианский след.

*Он — дитя языческого дома,
А они недавно крещены.
Где за веру спор,
Там, как ветром сор,
И любовь, и дружба сметены.
Й.-В. Гете "Коринфская невеста".*

Как все же погиб Игорь? Лев Диакон говорит, что "германцы" его привязали к согнутым верхушкам двух деревьев и, отпустив их, разорвали надвое. Это не случайное убийство в угаре, скажем, пьяной ссоры. Месть "поганым" за распятия в Византии, за орду степных дикарей в православной Болгарии? Но тогда дружине следовало бы повернуть коней куда-нибудь подальше от Киева. Например, через волынскую землю — в Польшу, а то и — по Бугу — в родное Варяжское море.

Еще быстрее должны они были бы уходить, будь они простыми наемниками. Разве что удальца бы к заказчику выслали — голову "клиента" к ногам бросить. Был ведь позже пример. В скандинавской "Саге об Эймунде" рассказано, как наемники Рагнар и Эймунд по приказу "конунга Ярицлейфа" (Ярослава Мудрого) убили его брата "Бурицлейфа" (Борислава, Бориса), привезли заказчику голову и тут же сбежали в Полоцк, к "Вартилафу"-Брячиславу. Вовремя

сбежали, кстати: вскорости дружину, где служили оба головореза, перебили "стихийно взбунтовавшиеся" новгородцы. Тех, в свой черед, порешили люди Ярослава, зазвавшего бунтовщиков на пир. Ярослав убирал свидетелей, готовился "повесить" братоубийство на старшего брата — Святополка, тогда еще не "Окаянного". Однако убрал не всех. Главные исполнители успели унести ноги. Потому и стало известно о подлинном братоубийце.

Читатель, вам эта череда побоищ ничего не напоминает?..

Однако крещеные варяги, не в пример почти землякам Эймунду с Рагнаром, никуда не бегут. Они преспокойно едут в Киев, рассказывают нелепую историю — и она входит на страницы летописи. Это не простые наемники, и в Киеве их ждали те, кто достаточно влиятелен, чтоб заставить остальных поверить их рассказу и в то же время не настолько, чтобы видеть в варягах-христианах пешку, сделавшего свое дело мавра. Кто?

Не позже IX века в Киеве возникает христианская община. Судя по могилам, то были купцы и воины из Моравии. Могли, конечно, быть и раньше христиане — среди рабов из Византии, например, но об этом ничего толком не известно. В конце IX века новую веру принимает князь Оскольд, в крещении Николай. После казни Оскольда-Николая язычником Олегом Вещим христианская община надолго сходит со сцены. По преданию, один из ближних бояр Оскольда, Житомир, имея, очевидно, причины опасаться участи государя, бежал после его смерти в... Древлянскую землю. Между прочим, именно через нее должны были идти из Великой Моравии в Киев христианские купцы и проповедники.

При Игоре в Киеве появляется соборная церковь. Ведь четверть века мира с печенегами и контроля над Днепром — это и четверть века торговли на Черном, Русском море. Торговли с Херсонесом-Корсунью, где еще Кирилл-Константин видел Евангелие, написанное "русскими письменами", с православной Болгарией, наконец, с Византией. Плыли и купцы из этих стран в Киев, селились там. Христианская община богатела и росла, а с появлением дружины крещеных варягов обрела и серьезную вооруженную силу.

Но какую выгоду получала она, убив столь терпимого к ней государя? Чего добивалась? И как вообще смогла оказаться так близко к княжескому престолу? Через Ольгу? Конечно, великая княгиня-христианка если не идеальная глава для христианской партии, то, по крайней мере, идеальное знамя. Да ведь она в те времена была язычницей — так говорит летопись. Только вот летописный рассказ о времени и обстоятельствах ее крещения вызывает не меньше вопросов, чем рассказ о гибели ее мужа, а доверия вызывает еще меньше.

Летопись говорит так: приехала Ольга в Константинополь, и так приглянулась цесарю Константину Багрянородному, что тот начал домогаться ее руки и сердца. Хитромудрая вдова в ответ потребовала у императора лично крестить ее, а потом, едва покинув купель, срезала незадачливого жениха: мол, я тебе теперь дочь во Христе, как же ты на дочери женишься?

О поездке этой, об ее причинах и результатах, поговорим особо. А пока скажу сразу — в историю эту не верится. И не потому, что чересчур похожа на сказку — сказка и жизнь вообще чаще друг на дружку походят, чем многие думают. И не потому, что император был женат. Мало ли у ушлых греков было снадобий без цвета, вкуса и запаха, как раз на такой случай? И мало ли мона-

стырей приняло в свои стены опостылевших мужьям императриц?

Дело в том, что Константин оставил подробные заметки об этом визите. То, что в них — ни слова об его сватовстве, понять еще можно: кому приятно вспоминать неудачу? Странно иное — Константин не только не говорит ни слова о крещении Ольги, но и упоминает в ее свите священника Григория.

Вот уж, как говорила Алиса, все страньше и страньше... Грекам выгодно приписать крещение правительницы Руси себе, но они молчат о нем и считают ее христианкой. Киевский летописец, вместо того, чтоб пуще прославить Ольгу, в языческой стране узревшую "свет истины", замалчивает это событие и "переводит стрелки" на греков. Приблатненное выражение тут в самый раз. Полное впечатление, что летописец или его источник создает Ольге... алиби. И создавать его начали по горячим следам: уже в "Хронике продолжателя Регинона" X в. упоминается о крещении "Елены, королевы ругов" в Константинополе. Но зачем?

5. Странная месть Ольги.

*Боже! Сколько правды в глазах государственных шлюх,
Сколько веры в руках записных палачей!
Боже! Ты не дай им опять закаты рукава,
Ты не дай им опять закаты рукава суетливых ночей!*

Ю. Шевчук.

Из книги в книгу кочует рассказ, как Ольга мстила за мужа "по жестокому языческому обычаю". К чести летописца, он тут не при чем. Описывая зверства будущей святой, он ни разу не вспоминает любимое "были же люди погани и невегласы". Да и то — что такое пять с небольшим тысяч взбунтовавшихся данников-древлян? Поколение спустя в Константинопольском ипподроме на потеху столичной толпе по приказу православного цесаря Василия II казнят 48 тысяч пленных болгар, — между прочим, православных христиан! А лет за полтыщи до того благочестивейший император Юстиниан Великий на том же ипподроме заманил в ловушку и вырезал пятьдесят тысяч участников восстания Ника, чистокровных византийцев и, конечно, тоже православных. А уж что творили образцы добродетели из священного писания христиан!

*"А народ, бывший в городе, он вывел и положил под пилы, под железные молотилки, под железные топоры и бросил в обжигательные печи. Так он поступил со всеми городами аммонитскими"
(2-я Цар.12:31).*

Перед такими деяниями любимца всеблагого господина, кроткого царя Давида Ольга вообще гуманистка, нежнейшей души женщина.

Более того, Ольга как раз действовала вопреки языческим обычаям. Начать с того, что обычаи эти строго ограничивали круг мстителей. Это брат, сын, отец убитого, сын брата или, на худой конец, сын сестры. То есть не только жена, но и вообще женщины как мстители не рассматривались.

В преданиях, правда, встречаются жены-мстительницы. Это Гудрун из

"Старшей Эдды", Сигрун из "Саги о Вольсунгах", наша Рогнеда. Все они мстили, — успешно или нет — мстили мужу, убившему отца и братьев, истребившему всех мужчин в роду. Все это — явно не про Ольгу. И еще — все они не один год пестовали месть, не спешили с ней. Северная премудрость гласит: "Только раб мстит сразу, только трус — никогда". Резня, учиненная древлянам Ольгой, менее всего похожа на "жестокий языческий обычай". Ольга как раз спешит, торопится, суетится...

Но почему Ольга спешит? Почему берется за не положенную ей месть? Неужто и впрямь боится древлянского войска под стенами Киева? Ведь у ней, по летописи, большая, уцелевшая часть дружины мужа, своя "малая дружина". И ополчение полян встретило бы "заклятых друзей" в топоры. Древляне воевали и с северой, так что за тыл Ольга могла быть спокойна. Более того — Северская земля в этой войне выставила бы под киевские стяги столько воинов, сколько могла.

Нет, не месть. Что-то иное. Что? Вспомните Ярослава в Новгороде. Тот, совсем как Ольга, заманивал и резал толпами, не щадя невинных. Лишь бы быть уверенным — не спасся ни один, кто мог что-то знать, видеть, хотя бы слышать. Не вышло.

И у Ольги не вышло. В 1890-х годах фольклорист и историк Н.И. Коробка записал в Овручском уезде, на месте столицы древлян Искоростеня, множество сказаний о княгине Юльге (Вольге, Ольге), убившей своего мужа, Ригора или Игора.

Неясно только, кем в этой истории оказываются древляне, явно ничего дурного от Ольги не ждавшие. Речи их послов — с "добрыми" князьями-пастырями, "волком" Игорем, "овцами", — напоминают скорее выдержку из христианской проповеди, чем речи лесных охотников и пахарей. Кто же они — древлянские христиане, соучастники убийц? Или это убийцы посмертно вложили в уста жертв привычные слова? Кого убивали на княжеском дворе и у Игоревой могилы — свидетелей или подельников?

Между прочим, следует заметить и еще одну сторону вопроса. Ольга по языческим обычаям не имела права не только мстить за Игоря. Наследовать ему она тоже не могла. Ни у скандинавов, ни у славян вдовы не наследовали власть мужей. Легендарные правительницы чехов и поляков, Либуше и Ванда, с которыми часто сравнивают Ольгу, наследовали не мужьям, а отцам. Наследовать Ольга могла, только будучи беременна наследником, и вполне возможно, что в год смерти мужа Ольга носила младшего брата Святослава Глеба (или Улеба). Глеб вырос христианином, и возможно, что христианская партия именно его рассматривала, как наследника. В Киевской Руси наследником мог стать тот представитель княжьего дома, кого выкликало вече. Но, так или иначе, править Ольга могла лишь в отрыве от языческих обычаев. И опорой ей были порвавшие с ними люди — христиане. Дождавшись естественной смерти Игоря, Ольга со товарищи могли дождаться и вхождения Святослава в совершеннолетие...

Все сходится, увы... Так что же, убийца Игоря — Ольга? Убийца собственного мужа? Все против нее, но... не будем спешить. Мне думается, патер Браун, с воспоминания о котором мы начали распутывать древлянский детектив, не поддержал бы этого обвинения. Нет, не потому, что княгиня — христианка. "Он был логичен (и правоверен), а потому не вывел из этого факта, что она

невиновна. От него не укрылось, что среди его единоверцев были крупнейшие отравители ("Сельский вампир"). Тут дело в другом: он не зря говорил в "Странном преступлении Джона Боулнойза", что "из всех невозможностей самая существенная — невозможность нравственная". Патер Браун мог представить любому суду защитника Ольги. Им оказывается Святослав.

Совместимо ли с нравом Святослава и его верой не только оставить в живых убийцу отца, но и жить рядом с нею, доверить собственных сыновей? Традиционная мораль Европы в таких случаях скорее простила бы матереубийство: вспомните Ореста, Бову королевича из русской сказки или рыцарей Артура, братьев Гавейна, Гарета, Агравейна и Гахериса. Все они убили матерей за соучастие в убийстве отца или хотя бы за связь с убийцей. При этом Оресту ставили алтари и храмы, Гавейн считался одним из лучших рыцарей Круглого стола (с него начались поиски Грааля), а Бова — один из самых любимых сказочных героев. Гамлет с его "быть или не быть" — герой гораздо более поздней эпохи. Впрочем, реальный Гамлет — к слову, внук Рюрика по матери, и значит, двоюродный брат нашего героя, — на шекспировского ничуть не походил, знаменитым вопросом не маялся. Он долго, как истинный викинг (Дания, IX век!) готовил месть. В конце концов, он зарубил дядю-братаубийцу, а его приспешников спалил в деревянных хоромах. И Саксон Грамматик, поведавший нам эту историю, не говорит, пощадил ли принц свою мать, Яруту Рюриковну, жившую в тех же хоромах!

Ни о какой сыновней любви Святослава в источниках речи нет. Он "гневался на мать" и в лучшем случае терпел ее. И пощадить он ее мог, только твердо зная, что Ольга не была организатором убийства. Соучастницей — возможно, укрывательницей — наверняка, но не убийцей (собственно, и в преданиях полешуков часто говорится, что Ольга убила мужа по ошибке, не узнав). Мы никогда не узнаем, ЧТО знал молодой князь. От нас так прятали вину, что спрятали оправдание. И нам остается лишь поверить нашему герою. Ибо только такая версия объясняет все — от летописных нелепостей по поводу смерти Игоря до отношения Святослава к матери.

Так что же все-таки было? Хотя бы — что могло быть?

Было, вероятно, так: верхушка христианской общины и дружина христиан-варягов решились на переворот. Дождаться совершеннолетия Святослава им было никак не с руки, могли подтолкнуть и неведомые нам обстоятельства. Великий князь мог обнаружить христианство жены и поссориться с ней; могло стрястись еще что-нибудь, ясно одно — у киевских христиан не было времени. Князь, все это время снисходительный, стал, очевидно, опасен. Столь же очевидно, что Ольге не сказали всего. Пообещали "поговорить" с Игорем, быть может, пообещали заставить принять христианство... а к христианам-эмигрантам в Древлянской земле, — условно говоря, к Житомиру, — уже торопились гонцы. Игоря выманили подальше от Киева. Могли сообщить об очередном мятеже древлян. Могли и сам мятеж устроить — с помощью того же Житомира или его потомков. Князь отправился наводить порядок, не подозревая, что идет в западню. Только "мудрая" Ольга могла всерьез поверить, что Сына Сокола можно "заставить" принять что-то, вынудить на компромисс. Вспомним Царьград. Вспомним печенегов. Игорь привык доводить до победного конца дела, за которые брался. Это ясно даже нам, а современники знали князя лучше. Того, кого не переубедил "греческий огонь", могла остановить

только смерть. А Ольга теперь повязана с заговорщиками кровью. Кровью своего мужа и государя.

Ольга в панике, в истерике: "Кто видел? Кто мог видеть? Убрать!!! На вече обвинить во всем древлян — и вперед!". Что ж, это в интересах заговорщиков — свидетели или подельщики, древляне больше не нужны. Мал сделал свое дело, Мал может уйти... а Ольга, приняв на себя месть за мужа, становится в глазах киевлян его преемницей. И еще крепче привязывает себя к заговору. И спешит, спешит — к подходу из Новгорода Святослава и Асмунда все должно быть готово. Свидетели и соучастники убийства — уничтожены, Ольга в глазах киевлян — стать мстительницей за мужа и государя, а отношения с древлянами доведены до той степени, когда никто не станет доискиваться истины.

Но была или не была Ольга убийцей своего мужа — это именно ее деяния увековечили клевету на него. И это в ее имя чернили государя-язычника иноки-летописцы последующих веков. Дабы оттенить тусклую звездочку ее "премудрости", заволакивали туманами лжи ясное солнце его государственного и полководческого гения.

Я вовсе не посягаю на святыни. Не мне судить, была или не была Ольга христианской святой, велики или малы ее заслуги перед Христом. Но давайте же не смешивать с Русью и русским народом того, кто прямо говорил: "царствие Мое не от мира сего" (Ио,18:36). Давайте не делать из святой государственного деятеля, тем более ценой клеветы на того, кто действительно был им. По моему скромному разумению, русскому христианству это только пойдет на пользу. Ибо, как говорил почтеннейший патер Браун,

"вполне возможно, что ложью можно послужить религии, но я твердо верю, что Богу ложью не послужишь"
("Чудо "Полумесяца").

5. ДЯДЬКА АСМУНД: СУМЕРКИ СЕВЕРА.

*Лихорадка распада — на уровне молекулярном.
До держав ли теперь, до камней ли великих культур?
Тем яснее безумцам: ведомый Звездю Полярной,
Ты вернешься, Артур, ты в России воскреснешь, Артур.
Царь-Медведь окормлялся из рук Преподобного Старца,
И лесов корабельных лилась прикровенная речь
Чтоб потом, на закате, взыграв переливом багрянца
Из глуби Светлояра восстал Государственный Меч!*

А. Широпаев. Возвращение Артура.

1. Сын героя, воспитатель героя.

*Вам — воителям ярим минувших времен,
Вам — рахманов-волхвов синеглазым сынам,
Вам — носителям древних священных имен,
Ненавистных дорвавшимся к власти рабам...*

Велеслав. "Слава!"

В 946 году дружина великого князя Святослава вышла на поле, где ее ждало войско древлян. Рядом с маленьким князем ехали воевода Свенельд и кормилец Асмунд.

По обычаю, битву начинал князь. Любопытно, что, невзирая на подчеркнутое малолетство Святослава, с этого момента его называют не княжичем, а именно князем и воспринимают соответственно. Если кто-то и видел наследника в Глебе — на страницах летописи мнение это не отразилось. Для абсолютного большинства русов князем был первенец Игоря и Ольги, и только он.

Воеводы вложили в детскую ручонку копьё, направленное в цепь древлянских щитов. Святослав толкнул его — копьё упало перед конской мордой. Малышу было четыре года... Но обычай был соблюден. Над полем и сходящимися полками грянул клич:

*— Князь уже начал! Дружина, за князем!
" И победили древлян. И побежали древляне..."*

Так мы в первый раз видим Святослава — еще малыша, но уже на коне, впереди дружины, с копьём в руке. Словно про него строки древней былины "Волх Всеславич":

*"Гой еси, сударыня матушка! Не пеленай меня во пелену черевчату,
не пояси в поясья шелковые, пеленай меня, матушка, в латы булатные,
а на буйну голову клади злат шелом".*

Словно про него в "Слове о полку Игореве":

"Под трубами повиты, под шеломами взлелеяны, с конца копья вскормлены".

Впрочем, чему удивляться? Это в те времена араб Ибн Русте писал:

"И когда у одного из русов рождается сын, он кладет ему на живот меч, и говорит: "Я не оставляю тебе никакого имущества, кроме того, что ты завоюешь этим мечом".

Не былина, не сказка — сообщение дотошного современника-путешественника. Наверно, и Игорь так же положил на розовый животик сына холодную полосу серой стали с выбитым именем мастера "Славимир" и сказал положенные древним обычаем слова. Начиналась жизнь. Для руса, в особенности для князя это значило — начиналась война.

И особенно верно это было для Святослава.

Вряд ли Святослав помнил отца. Почти сразу после рождения его увезли на север, в варяжский Новгород -подальше от кишащего византийским и хазарским золотом Поднепровья. Может, даже не в сам Новгород, а на глухой хуторок в лесных крепях по соседству. Наследник, единственный (тогда) сын престарелого государя — таким не шутят. Почувствовал ли что-нибудь четырехлетний мальчик, которому сообщили о смерти отца?

Но сейчас речь не о том. Речь о самом наследнике Киевского престола, подраставшем в северной глуши. Как Тезей на Пелионе. Как Артур в Калидонских лесах.

Рядом с Тезеем был мудрейший из кентавров, богоравный Хирон. Рядом с Артуром — Мерлин, чародей, друид, плод любви человеческой женщины и одного из Князей Ночи.

Рядом со Святославом был дядька Асмунд.

В общем-то, необычного в этом не было. Ничего. По всей Европе — и не только по ней — знатные мальчики росли в семьях дружинников отца. Чтоб не размякали у материнской юбки, в сюсюкающей круговерти мамок-нянек. Зачастую и простые люди усыновлялись при живых родителях дальней родней. Во-первых, затем же — чтоб не балованные росли. Плохо, когда над мальчиком чуть не до бороды хлопает крыльями насадка-матушка, которой, в общем-то, плевать, будет ли у рода воин и труженик, лишь бы кровиночке тепло-сытно-безопасно было. Можете считать за это предков дикарями, и пусть ваше превосходство поможет вам, когда вас в собственном доме унижат потомки покорной добычи тех "дикарей". Во-вторых, для пущего единства племени. Для рожденного в одном селении, выросшего в другом, все племя становилось семьей, вся земля племени — домом. Ни поднять руку на сородича, ни погрязнуть в устройстве личного гнездышка — и гори синим пламенем все остальное, — так воспитанные дети не могли.

Самого Игоря воспитал Вещий Олег. Знаменитый Добрыня вырастил младшего сына нашего героя. Можно немало рассказать и о кормильце Ярослава Мудрого — воеводе с выразительным именем Блуд. И было бы очень обидно ничего, кроме имени, не знать об Асмунде. В летописи он едва упоминается, и это, согласитесь, досадно. Ведь не мог же воспитатель, почти отчим такого

князя, как Святослав Храбрый, быть заурядным, неприметным человечком!

Поэтому так привлекает одно любопытнейшее предположение, выдвинутое археологом и писателем Андреем Никитиным. Вообще-то гипотезы этого человека подчас бывают пофантастичнее романов его однофамильца Юрия Никитина, но много среди них и ценных находок.

Уже давно привлекло внимание ученых явное сходство летописной биографии Вещего Олега и одной из скандинавских "сказочных саг". В этих сагах сплошь и рядом встречались переделанные на скандинавский лад подвиги героев иных стран и времен — от героев Троянской войны до рыцарей Круглого стола. Тем проще могло забрести к скандинавам предание ближних соседей, почти родичей — славян-варягов. Могло быть и так, что скандинавский удалец прославился и стал вождем в варяжской дружине. Некоторые летописи говорят, что Олег был "от рода князей мурманских", то есть норманнских. Сага, называя героя, просто переводит на норманнское наречье его прозвище: Вещий — Одд. Так вот, Андрей Никитин обратил внимание, что среди сыновей Олега-Одда, оставшихся на Руси-Гардарике, в саге упоминается некий Асмунд.

Конечно, это могло быть простым совпадением. Но более чем естественно для Игоря было отдать сына на воспитание сыну наставника, почти брату.

Можно многое сказать о Вещем Олеге — и многое еще будет сказано, — но очевидно одно: Святослав словно рвался повторить его жизнь.

Олег Вещий пришел из Новгорода в Киев, покорил и обложил данью древлян, потом освободил от хазарской дани вятичей и нанес тяжелейший удар каганату, отшвырнув его за Дон. Победоносно воевал с Византией, собрав в единый кулак славянские земли Восточной Европы. И еще — он был убежденный язычник. Это в его время говорили и даже писали в международных документах: "русин или христианин". Мол, одно из двух.

В том, что Святослав тоже пришел из Новгорода и тоже начал с похода на древлян, его сознательной воли, конечно, не было. Наш современник, скорее всего, увидел бы в этом простое совпадение. Современники князя видели в подобных случайностях перст Судьбы. Но когда, несколько лет спустя, Святослав вновь освободил вятичей, окончательно добил Хазарию и устремился на Византию — это уже больше походило на сознательное следование по стопам великого пращура. Только замахнулся Святослав на много большее: грезились ему объединение ВСЕХ славян вокруг Дунайской столицы. Христианство он презирал, считая за "уродство".

Если Асмунд и впрямь был сыном Вещего Олега — "Одда" саги, — именно он мог вложить в душу юного князя идеи своего великого отца.

Стоит заметить, что среди историков часто попадают люди, отвергающие историчность Вещего Олега. Почему? Во-первых, многие его деяния — захват города под видом купца, корабли на колесах, щит на воротах, наконец, "смерть от коня своего", — имеют-де "фольклорные параллели". То есть герои многих легенд и преданий делали так же. Во-вторых, византийские хронисты ни словом не упоминают поход 907 года. Значит? Значит — легенда! Не было такого князя, и все. Или был, но кроме договора с греками, от него ничего не осталось.

Удивительно, как упускают из вида еще одну "фольклорную параллель"! В летописи говорится, что Олег ездил на коне. Смело берусь указать тьму фольк-

лорных героев, поступавших точно так же. Кроме шуток, такие "научные" изыскания заставляют вспомнить французского остроумца XIX века, Жана Баптиста Переса. Шутник с пресерьезным видом уверял современников в мифичности... Наполеона Бонапарта. Основания почти те же: во-первых, "параллели" между биографией императора Франции и античными мифами о солнечных Божествах. Мол, Наполеон — это Аполлон, Бонапарт означает "благая часть" в знак власти Солнца над днем и летом, мать Наполеона Летиция — это Лето, мать Аполлона, четыре сына императора — времена года, двенадцать маршалов — знаки Зодиака и так далее, и тому подобное. И во-вторых, указы Бурбонов, которые те задним числом датировали годами правления корсиканского самозванца. Это остроумное и смешное сочинение и сейчас еще не вредно прочесть, как противоядие от иных "теорий".

Вполне объяснимо и молчание византийцев. Для начала, в ту эпоху византийское летописание и историография переживали не лучшие времена. До нас не дошло исторических сочинений времен Льва VI Мудрого. Константин Багрянородный, Лев Диакон, Михаил Пселл появятся уже много позже, полвека спустя. Вторая причина попроще. Представьте, что вас в темном переулке ограбило... вылезшее из стены привидение. Что вы об этом будете рассказывать? Уверен — ничего и никому, дабы не прослыть в лучшем случае суеверным или лживым трусом, если еще не сумасшедшим. Так с чего христианская империя должна была описывать в хрониках, как ее столицу запугал чудесами и обобрал языческий колдун?

Бог бы с ним, с французом — он-то шутил... Гораздо труднее понять иных отечественных ученых, норовящих на таких вот "основаниях" вычеркнуть из Русской истории одного из ярчайших героев.

Позвольте нам поверить источникам, а не историкам.

2. Сумерки Богов.

*Сурт идет с юга
С огнем всепалющим...
Рушатся горы,
Мрут великаны,
В Хель идут люди,
Расколото небо!
"Старшая Эдда"*

Итак, Асмунд — сын Вещего Олега. Если он был воспитателем Святослава — это многое объясняет. Не только в деяниях великого князя киевского — во всей его жизни, его судьбе.

Конечно, Асмунд в любом случае не был чистокровным норманном. По той же саге, матерью его была какая-то местная, славянская княжна. И даже имя его вовсе не обязательно выводить из норманнских наречий. Почти так же — Ясмунд — назывался один из мысов острова Рюген-Руян, главной святыни варягов-руси и всего славянства. И даже если видеть в Асмунде и его отце скандинавов... Олег — Хельги — Священный. Асмунд — дар асов, суровых и воинственных Богов скандинавских мифов. Последний перевод не совсем точен.

"Мунд" — это не просто дар, это свадебный подарок жениха невесте. В любом случае оба имени больше похожи на титулы жрецов, чем на прозвища воинов. В скандинавских сагах они, как правило, принадлежат людям, родившимся в язычестве.

Было ли имя воспитателя Святослава варяжским или норманнским — простым воителем дядька Асмунд явно не был. А был он представителем того, северного воинствующего язычества, которое несли на знаменах и в сердцах его отец и его воспитанник. Того, символами которого стали Ирминсуль, Аркона, Ромово, героями — фриз Радбот, саксы Видекунд и Вихман, норвежец Эйвинд, бодрич Никлот, новгородцы Угоняй и Богумил Соловей.

Первое, что любой воспитатель передает ученику — свой взгляд на мир. Попробуем и мы поглядеть на мир, точнее — на Европу IX-X веков глазами если не жреца, то по крайности, убежденного язычника. Для этого придется понять одну немаловажную вещь. Часто упоминаемый на этих страницах Г.К. Честертон писал, что в языческих Богов никто не верил — в христианском смысле. Придется самым резким образом возразить почтенному англичанину. Правда, я не очень знаю, что такое "верить в христианском смысле". Но вот когда пленный Эйвинд Скъялди раз за разом отказывается отречься от своих Богов, пока водруженная на голый живот железная жаровня не пережигает его пополам — это вера? Когда в уже христианской стране город Муром держится за старую веру два столетия — это вера? Когда племя пруссов предпочитает погибнуть все, до последнего человека, но не предать родных Богов — это вера? И что это, если не вера? Никто не умирает за раскрашенную деревяшку, занятую байку или аллегорией природных явлений, или еще какую-нибудь глупость. Язычники верили в своих Богов. Язычники своих Богов любили. Ибо только за любовь человек может пойти на смерть.

Люди X века не рассуждали о "прогрессивной" и "устаревшей" религии. Не диспутировали. Мы более или менее представляем чувства, двигавшие средневековыми христианами. Могу сказать в их пользу, что "просто" корыстными завоевателями и разбойниками они не были. Карл Великий после долгой войны с саксами вернул им все привилегии и свободы на одном условии — принять христианство. Многие не согласились оставить веру предков и после этого, так что война эта никаким образом не была "чистой политикой". За что сражались христиане, мы знаем. Но мало кого интересует, — что чувствовали те, вокруг кого рушился их мир.

Мы — спасибо христианам — не знакомы с мифологией наших предков, по крайней мере, в чистом виде. Что ж, обратимся к преданиям их соседей и сородичей — скандинавов.

Согласно "Старшей Эдде", перед гибелью мира произойдет великая битва Богов и Героев с силами мрака. Силы эти — воинство мертвецов, плывущее с востока на корабле Нагльфар. Кораблем этим правит злой Бог Локи, лицемерный и лживый красавец, которого верховный Бог Один как-то в пылу ссоры обозвал "женовидным мужем". За свои преступления Локи был распят остальными Богами и низвергнут в Хель, скандинавский ад. Рядом с Локи стоит его жена, собирая в чашу капающий яд змеи, подвешенной над его лицом. Но в конце концов он освободится и поведет свой корабль на Богов. Вместе с ним будет и его чудовищное исчадие — Мировой Змей.

А теперь представьте, читатель, что чувствовал северный жрец, когда на

его земли с востока пришла вера, проповедники которой называли себя умершими для мира, живыми мертвецами, свою церковь — кораблем. Они несли изображения распятого, женовидного красавца, рядом с которым стояла женщина с чашей. Они говорили, что их бог спускался в ад и вернулся оттуда, что их бог уподобил себя Медному Змею (Ио. 3:14-15) и завещал им быть мудрыми, как змии, и что он — враг древних Богов.

Прочувствовали? Именно поэтому сцены Гибели Богов в последней битве высекали на каменных крестах, на рунных камнях христианской эпохи крест обвивал чудовищный Змей, а варяжские волхвы считали кровь христиан лучшей жертвой. Локи, Кощей, чудовищный Мертвец ("...а тот Мертвец — небесный Христос", говорится в одном из русских заговоров) поднялся из Кромешного мира, и тьма шла за ним, захлестывая святыни, гася жертвенное пламя, снося кумиры. На глазах язычников сбывались чудовищные пророчества древних преданий о гибели мира — и их мир действительно погибал.

Христиане не меньше язычников были убеждены, что "ветхий" мир вот-вот погибнет. Проповедники, являвшиеся ко дворам языческих государей — Радабота Фризского, Бориса Болгарского, Владимира, — чаще всего показывали изображение Страшного Суда. Не абстракция, не загробный посул — злободневная конкретика политического плаката. Христианам конца первого тысячелетия, особенно конца X века Страшный Суд казался делом ближайших десятилетий. Многие слышали о "синдроме тысячного года". Но немногие знают, что христиане X века ждали его не с ужасом, а с радостью. Грань греха и добродетели, гибели и спасения в их глазах была отчетливой и наглядной — гранью между ними и язычниками. Крещения, формальной присяги Грядущему было достаточно. Любой разбойник в ответ на "Верую!.." слышал: "Нынче же будешь со Мною в раю". Благородный человек спешил "спасти" души язычников, вынуждая буквально с мечом у горла это "Верую!". На увещания не было времени — тысячный год, последний год "ветхого" мира не за горами. Негодяй же полагал любой разбой божьим делом, если он свершен под знаменем креста и против "поганых". Разве не сказал Христос:

"Кто не со Мною, тот против Меня"
(Мф., 12:30)

"Врагов же Моих, которые не желают, чтобы Я царствовал над ними, приведя перед лице Мое, избеите"
(Лук. 19:27),

"Предаст брат брата на смерть и отец — сына. И восстанут дети на родителей и умертвят их... Не мир принес Я, но меч. Ибо Я пришел разделить человека с отцом его и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку домашние его. Кто любит отца или мать более чем Меня, недостоин Меня, кто любит сына или дочь более чем Меня, недостоин Меня"
(Мф., 10:21, 34-37).

Как это звучало для тех, кому род был святыней?

Братья начнут

*Биться друг с другом
Родичи близкие
В распрях погибнут;
Тягостно в мире...*

Это снова "Эдда", снова пророчество о последних временах перед гибелью мира и Богов — словно эхо евангельских строк.

Об этом и говорил дядька Асмунд юному Святославу. Тем более что здесь, восточнее Варяжского моря, язычество Севера сталкивалось с иным, быть может, еще более беспощадным и свирепым врагом — "воинствующим иудаизмом" (М. Артамонов) Хазарского каганата. Тот тоже выглядел выходцем из языческих преданий о нечистой силе. Само слово "иудей" было слишком созвучно с названиями нечисти у скандинавов ("йотун"), латышей ("йодс"), финнов ("йутту") и славян ("юдо"). Сказки о "праведных" рабби, взглядом испепелявших города нечестивых "гоев"-язычников, перекликались с жуткими преданиями об огнеглазых чудищах-Виях. Впрочем, о том, чем был каганат, и какие чувства вызывал у соседей, подробнее поговорим позже.

Пока подведем итог — и христианский мир, и каганат были для язычника земным воплощением тьмы Кромешного мира. В свою очередь, и иудеи, и христиане отлично помнили пророчество Иезекииля о страшном народе Рос Север, родина русов и вотчина их суровых Богов, в Каббале именовался "вратами Зла". Средневековые христиане верили, что к Северному ветру был прикован побежденный Люцифер.

Все это необходимо помнить. Иначе нам не понять, как смотрели друг на друга языческий Север и иудео-христианский Юг. Иначе нам не понять, какая сила два века бросала свирепые ватаги норманнов и вендов в набеги, главной мишенью которых, особенно в первое время, были монастыри. Иначе нам не понять, почему походы "россов" вызывали такую панику в Константинополе, какую не вызывали, скажем, армии сарацинов, подходившие к его стенам.

И не услышать, чему учил под стальным северным небом жрец Асмунд мальчика-князя

3. БЫТЬ ВОИНОМ.

*Небо лежит
На остриях копий
Уходящих во тьму.
Велеслав.*

Конечно, Асмунд учил воспитанника не только тому, что и от чего должен защищать князь, но и как защищать, как быть полководцем, правителем, воином — князем.

Здесь нам опять предстоит угадывать уроки Асмунда по их следам в жизни и деяниях князя. И будет очень трудно понять тех, кто твердил о князе-грабителе. Может, они просто не могут понять, как это так: воевать и не грабить? Рисковать жизнью — не для добычи? Подобные оценки рисуют скорее тех, кто их дает и тех, кто им верит. наших современников. Нас.

Но при чем тут Святослав Храбрый?

Законы языческого мира повсюду — от "Речей Высокого" в "Старшей Эдде" и ирландских "Советов Кормака" до индийских "Законов Ману" и самурайского "Буси До", — предписывали воину не стремиться к богатству, не иметь собственности. Исключение делалось лишь для орудий воинского ремесла — нет, орудий служения, жертвоприношения суровым Богам Войны и Власти. Вспомним былинных богатырей — они непременно отказываются от наград за подвиг, бесшабашно прогуливают, раздаривают или жертвуют на храмы дары князя, добычу или найденное сокровище. И поверх "налево поедешь — богату быть" Илья Муромец, усмехаясь, выводит на придорожном камне: "Илья Муромец там ездил, а богат не бывал". Если и есть у них "злато-серебро" — все идет на оружие, на сбрую боевого коня: "Не для красы-басы — ради крепости!".

Все — и враждебные князю-язычнику монахи-летописцы, и прямые его враги византийцы — волей или неволей говорят об удивительном, невероятном для шкурных наших времен бескорыстии великого князя. Мы еще прочтем летописные строки о том, как равнодушно отказался Святослав от золотых даров византийцев, но благодарно принял оружие. Но сейчас стоит вчитаться в иное. В сотнями людей читаное, но мало кем осмысленное вступление к летописному жизнеописанию Святослава. "В походах же не возил с собой ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину, жарил на углях и так ел". "Не возил... возов" — как это можно было не заметить?! Какая орда грабителей, куда и когда двигалась без возов, кибиток, фургонов? Ведь нужно же куда-то складывать то, ради чего грабитель, бандит, наемник проливает кровь и рискует драгоценной шкурой — добычу?!

Но летопись, при всей неприязни к заклятому язычнику, непреклонна: "не возил", и точка.

О многом говорит и перечень скудных походных кушаний. Хорошо по этому поводу сказал Г. Прошин: "и как обозначена последовательность рациона дружины: на первом месте — конина, то, что всегда с собою, затем "зверина" — дичь, добытая стрелой или копьем на марше. Говядина — мясо, которое могли только реквизировать у населения во время похода, — на последнем месте. Это уже не перечень — это характеристика! Сразу вспоминается суворовская заповедь: "Обывателя не обижай!".

Грабитель? Грабитель, чьи воины предпочитают резать своих коней, тратить время и силы на охоту, чем отнять буренок в ближней деревушке?

Лев Диакон отдает, описывая войну со Святославом, дань обязательным византийским сетованиям на жадность и корыстолюбие варваров (вот уж чья бы мычала!). Но тот же Диакон говорит, что византийские "освободители" в Болгарии разграбили множество церквей(!) и царскую казну (!!). Также говорит он, что простые болгары бок о бок с северными "грабителями" дрались против византийцев. Простите, но кого тогда четыре года "грабили" русы в Болгарии?

Несколько проясняет дело описание Ибн Мискавейхом захвата русами азербайджанского города Бердаа в 944 году. Овладевшие городом русы потребовали от жителей лишь повиновения:

"На вас лежит обязанность хорошо повиноваться нам, а на нас — хорошо относиться к вам".

Русы, по словам Ибн Мискавейха, свое слово сдержали и "вели себя выдержанно". Из описания событий можно заключить, что это еще мягко сказано. Одержимая исламским фанатизмом городская чернь с воплями "Аллах акбар!" нападала — точнее, пыталась напасть, — на русов с тыла всякий раз, когда те выходили из города, чтоб отразить нападение войск местного правителя. Нападения русы отражали успешно, а к выходкам черни относились с редкостным стоицизмом и долготерпением, ограничиваясь тем, что разгоняли оборванных фанатиков. Любопытно, в ответ на какое нападение современный командир приказал бы расстрелять толпу и взял заложников среди гражданского населения? Правильно, читатель, на первое! Русы же перешли к репрессиям, лишь когда обнаглевшие горожане начали нападать на некоторых из них, отделявшихся от соплеменников, и убивать. И даже тогда русы сперва предложили горожанам покинуть Бердаа и отправляться под руку столь горячо любимого ими правителя. Когда же привыкшие к безнаказанности мусульмане не обратили внимания на это предложение — лишь тогда жители города были захвачены в плен. При этом женщин и детей отвели в цитадель, а мужчинам, согнанным в соборную мечеть, было предложено выкупать себя и свои семьи. Наиболее благоразумные, уплатив выкуп, получили возможность покинуть Бердаа и... печать на глине, обеспечивающую их безопасность и сохранность оставшегося имущества. Мужчины, не пожелавшие внести выкуп, — Ибн Мискавейх особо отмечает, что не "не смогшие", а именно "не пожелавшие" — были перебиты, женщины и дети остались в плену завоевателей. Итог печальный, но закономерный. И более того, многие современные жители тех краев, думается, предпочли бы иметь дело с теми древними язычниками, чем с бандформированиями своих земляков и единоверцев.

Как видим, бескорыстие воинов Святослава не составляло исключения. Для руса-воина тех времен завоевание было не разбойным налетом и возможностью личного обогащения. Оно не только давало права, но и накладывало обязанности по отношению к завоеванным. Русы присваивали лишь — "что с бою взято, то свято" — имущество разбитой и как бы замененной ими воинской знати. Мирное же население облагалось данью, часто — не очень тяжелой. Что до суровой расправы с мятежным Бердаа, так ведь и сегодня порядок военного времени однозначно квалифицирует гражданское лицо, с оружием нападающее на солдата, как бандита. К таковым неприменимы нормы обращения с мирным населением, их участь — расстрел на месте. Кстати, тем, кого интересует дальнейшая судьба Бердаа, сообщаю, — русы, благополучно подавив вылазки "моджахедов" и отбив правительственные войска, все же покинули город из-за эпидемии.

Позвольте же поверить не современным историкам, на которых, видать, шапки синим пламенем полыхают. И не отвлеченным толкам Диакона о "варварской жадности". Мы поверим фактам, сообщаемым Ибн Мискавейхом, летописью, тем же Диаконом. А факты говорят, что расширение границ Руси, стяжание славы и жертвенное Служение ратным Богам (у Святослава еще укрепление Древней Веры и объединение славян), были бесконечно важнее русам, чем набивание седельных мешков окровавленным барахлом (захвата сырьевых ресурсов колоний, контроля над нефтяными месторождениями и пр.) — смысл и суть войны для просвещенного человечества XVIII-XXI веков.

Вместе с тем рус воин, рус князь мог — обязан был! — быть беспощадным к

нарушителям договора, "ряда", предателям. К тем, кто не выполнял своего долга. Обязанность воина — вооруженной рукой поддерживать миропорядок, а его нарушает не только, и не столько внешний враг — как раз к нему могли быть снисходительны, как мы видели это в первые дни в Бердаа, — сколько клятвопреступник, нарушитель обычаев. Жители Бердаа, приняв покровительство и власть русов, приняли на себя и обязательство повиноваться им. Не выполнив его, они превратились в клятвопреступников. А в глазах руса клятва была одной из важнейших частей миропорядка. Не зря он клялся "доколе мир стоит, доколе солнце светит". На устои мира, на солнечный свет посягал нарушивший клятву, и прощения ему не было. Святослав был воспитан так же. И он мог внушать страх. Мы еще услышим испуганные голоса в войске воеводы Претича в 968 году под Киевом. Мы еще увидим лес кольев под стенами вероломного Филлипополя.

Бескорыстие воина-руса распространялось на самую жизнь. Честь — то есть верность обряду войны — ценилась дороже. Чего стоит знаменитое "Иду на вы!" нашего героя. Сколько не тщились увидеть в нем какую-то военную хитрость, увы... Внезапное нападение всегда выгоднее, всегда безопаснее. Но и богатыри русских былин предпочитают опасность битвы почти беспробитому нападению на пьяного, спящего, голого, пешего — одним словом, неготового к бою, непредупрежденного противника: "а не честь-хвала молодецкая!". И здесь — все то же. Не выгода. Не безопасность — своя и воинов. Честь — верность обряду войны. Богам войны.

Помимо бескорыстия, предписывал древний обычай человеку воинского рода всецело посвящать себя обрядам Войны и Власти, да еще охоте, воздерживаясь от любых других занятий. Так гласят индийские "Законы Ману", но и на Руси, через век после Святослава, юного Феодосия, сына княжеского дружинника и будущего основателя Киево-Печерской лавры, пытались воспитывать так же. Когда будущий святой норовил выйти с рабами на поле или брался молоть муку и месить тесто, мать и родичи стыдили его: "Позоришь себя и род свой!".

Святослав потом скажет послу императора: "Мы — мужи крови, оружием побеждающие врагов, а не ремесленники, в поте лица зарабатывающие на хлеб". Это, конечно, не презрение к труженикам. Просто врожденное для язычника, человека кастового общества, осознание простой истины: каждому — свое. Для сравнения: викинги отнюдь не презирали своих женщин. Но не было для них оскорбления тяжелее, чем обвинение в каком-либо женском занятии. Мужчине — мужское, воину — воинское. Воин за плугом или у жернова так же немислим, как мужчина за прялкой, мужчина в платье или кошке.

Можно многое еще говорить о воинском Духе языческого Севера, воплощением которого, трудами дядьки Асмунда, рос юный Святослав. Но все это — лишь правила жизни-войны, войны-жизни.

Однако были ведь и приемы. Приемы владения оружием, приемы вожделения войск. Асмунд, конечно, учил князя и им. Все мальчишечьи игры русов и их потомков будут еще не один век нацелены на подготовку воина. Святослав, конечно, тоже играл в "коняшки" и "царь горы" с сыновьями и внуками Асмунда, весной брал приступом снежный городок, махал деревянным мечом, из тех, что археологи во множестве нашли в детинцах северно-русских горо-

дов, а повзрослев, сходился со сверстниками в кулачных и борцовских поединках. Учился владеть оружием и бегать на дальние расстояния в тяжелой русской кольчуге, ездить и сражаться верхом на коне, стрелять из лука. Охотясь, постигал язык следов, оставляемых зверем или человеком, привыкал быть выносливым и терпеливым. Схватка со зверем воспитывала храбрость, а добывая добычу — или искалеченную зверем собаку, — князь учился заглушать в сердце голос ложной жалости. И снова учился все новым и новым видам оружия и приемами владения им. Русы не отравляли стрел, как чужд или печенег, но надо было на вид, на запах распознавать яд на вырванной из тела стреле — и знать, чем и как лечить раненного. Надо учиться хорошо плавать — и в кольчуге, и в ледяной воде. И учиться терпеть раны, не выдавая боль — князю это важнее, чем другим, слишком много глаз смотрят на него в бою... И многому, многому еще надо было учиться, чтобы быть воином в X веке.

Это приемы боя. А приемы вождения войск? Что ж, и тут можно было многое почерпнуть из северных саг и русских былин. Но гораздо поучительнее будет разбирать полководческие приемы Святослава в действии, описывая походы, этапы его жизни, битвы его войны.

Однако до них еще не близко. Юный князь постигает жреческую, полководческую и государственную — а заодно и просто воинскую — премудрость в новгородских лесах у дядьки Асмунда, сына Вещего Олега.

6. ЦАРЬГРАДСКАЯ ЖАРА И ТЕНЬ С ЗАПАДА.

*Ты вотще во славу новой веры
Принесла неслыханный обет.
Чтоб его принять,
В небесах, о мать,
В небесах такого бога нет!*

Й.-В. Гете "Коринфская невеста".

1. Сватовство в Византии.

*О Днепре Словутицю!
Ты пробил еси каменные горы сквозе землю Половецкую,
Ты лелеял еси на себе Святослави насады
"Слово о полку Игореве"*

Вскоре, кроме преподанных Асмундом, у Святослава появилась и личная причина ненавидеть христианскую Византию.

Как мы уже упоминали, в 957 году Ольга ездила в Константинополь. О дате историки спорят. В летописи поездка отнесена к 6463 году "от сотворения мира", то есть 959 году нашего летоисчисления. Но, по мемуарам Константина Багрянородного, русская княгиня была принята 9 сентября, в среду, а в X веке такое сочетание было возможно дважды — в 957 и в 946 году. В 946 году еще кипела Древлянская война. В 946 году у восьмилетнего наследника и сына Константина, Романа, еще не могло быть жены — часто упоминаемой в мемуарах, как "невестка". Так что вернее будет отнести плавание Ольги поближе к летописной дате. В 959 году Ольга тоже сносилась с императором, но совсем другим, и это будет предметом отдельного разговора. А значит, Святославу лет четырнадцать-пятнадцать.

Рассказывал я и о том, как описывает эту поездку летописец. О мелодраматической истории сватовства пожилого кесаря к прекрасной вдове. О хитрости Ольги и ее крещении. И о том, почему верить в эту историю нельзя ни на грош — даром, что сам летописец в нее, судя по всему, верил. Мы говорили и о том, что легенду эту, судя по всему, стали создавать уже тогда, сразу после поездки.

Но при чем тут диковатая история сватовства Константина Багрянородного к Ольге? И почему, спустя некоторое время Константин прислал к ней послов, с требованиями обещанных, оказывается, рабов(!), воска, мехов и... войск в помощь? Войска — это серьезно, если воск, меха, даже рабы могли быть личным подарком Ольги, пусть даже отдарком, то войска... Иное дело, что нигде в летописи, кроме Древлянской войны, Ольга не выведена, как полководец. Да и там ее действия к полководческому делу имеют очень слабое отношение. Ольгина дружина — каратели, режущие безоружных. Войско на честный бой ведет юный Святослав с Асмундом, и Свенельд. Ольга даже рядом не упоминается... Но, даже если княгиня и не могла распоряжаться войском, она его почему-то обещала.

Ольга через греческих послов ответила императору: "Посидишь у меня в Почайне, как я у тебя в Суду, тогда дам". Почайна — речушка в Киеве, гавань для купеческих судов, а Судом на Руси называли гавань Константинополя. Вчитайтесь — это ответ удачливой обманщицы? Или обманутой — хотя бы в своих ожиданиях?

Исследователи давно пришли к заключению, что сватовство в Царьграде было. Только не Ольгу сватали, а сама Ольга искала брачного союза с императором Нового Рима. Не в качестве невесты, понятно...

По запискам императора, с Ольгой приезжал некий ближайший родственник. Дипломатичный Константин обозначил его термином "анепсий", что совсем необязательно переводить, как "племянник". Просто — близкий родич из младшего поколения.

Какой?

Дипломат Константин проговаривается почти мгновенно. Несколькими строками ниже в посольстве обнаруживаются "люди Святослава". Не послы, и не представители — "апокресиарии" (византийским апокресиариям примерно соответствует Синко бирич из договора Игоря). Судя по размеру подарков, отмеченному начетником-императором, это не более чем слуги. Что бы слугам делать без хозяина в чужой, заморской стране?

Итак, Ольга приезжала в Константинополь. Не одна — с сыном. Путь был неблизкий. Предстояло минуть Днепровские пороги. В своем трактате "Об управлении империей" — дальше я для краткости буду именовать этот труд "Управлением", — все тот же Константин описывает путь из Киева в столицу империи, называя его "трудным и мучительным путешествием". Семь крупнейших порогов перечисляет он, сообщая их имена у местных славянских племен, и названия, данные порогам северными пришельцами-мореходами, соплеменниками Святослава.

Первый и те, и другие называли Неспый — не спящий, неусыпный. Предполагают, что это тот же порог, что позднее звался Старый Койдацкий. Второй русы прозвали Ул Борзый — буквально "желоб, лохань на быстрине". Его и много веков спустя называли Лоханским. А местные жители просто прозвали его Островным. Русского имени следующего Константин не записал, одно местное — Гелудрый — "горлодер, крикун, шумило". Может, русское имя порога было Звонец? Так века спустя называли порог меж Лоханским и Ненасытцем. Ненасытец как раз сохранил почти без изменений местное имя. Неясыть звали его, в честь огромных белых птиц, гнездящихся в скалах. Русам они напоминали сказочных Айтваров — птиц, что служили колдунам на янтарных берегах Варяжского моря. Айтваром в их честь называли и порог. За ним шел следующий, тоже почти сохранивший местное имя — Волнигский. Волний, звали его местные славяне, а пришельцы — Варуем, Варуй-порозем — затоном, преградой. Дальше шел грозный Виручий -Кипящий, а по-русски Лютый. После него последний, седьмой порог уже не пугал путников, и звали его местные поселенцы Напрезь — порожек, порожишко, — а русы-мореходы и вовсе Стрыкун-Брызгун. Их позже звали Будиловский и Вильный.

Полным ладьям было не пройти сквозь скалы, мели и теснины порогов. Их разгружали и опытные кормчие осторожно проводили ладьи вдоль берега, пока остальные русы перетаскивали мимо порога груз. Под Неясытью-Айтваром сами ладьи вытаскивали на сушу и переправляли волоком. Но на суше под-

стерегала иная опасность — кочевники. При Игоре они не дерзали подходить близко к русским селениям, но корабли купцов могли счесть законной добычей. А уж когда до степи долетели вести о смерти грозного "хакана" русов, Игоря... А ниже порогов пролегала еще и Крарийская переправа, где стрела из рогатого печенежского лука долетала с берега на берег.

Поэтому с особым чувством приносили русы жертвы своим Богам на острове Хортица. Константин, как и положено праведному христианину, не решается назвать имен "демонов", которым поклонялись на острове, но упомянул, что жертвы приносили у огромного дуба. Дуб — святое дерево Перуна, Бога бурь и войны — самого подходящего для поклонения перед морским странствием в полувраждебные земли.

Любопытно, приносила ли Ольга жертвы? Маловероятно. По житию св. Кирилла, к культу священных дубов Защитника Людей женщины вообще не допускались. Но несомненно и то, что главного Бога Киевской державы не могли оставить без жертв, тем паче перед "трудным и мучительным путешествием". Кто же стоял у жертвенника? Асмунд? Юный Святослав? Неведомо...

Снова долгие дни пути, стоянки на безопасных островах, отдых, ремонт судов, море и долгий путь вдоль берега, по которому за караваном неотступно следуют разбойничьи шайки кочевников. Дожидаются, не налетит ли буря, не выкинет ли на берег русское судно. Тогда — кинуться на оглушенных крушением мореходов, и скорее в степь, увозя у седел, волоча на арканах — что и кого успели, пока не подгрести на помощь другие ладьи, пока с их бортов не ринулись длинноусые кольчужники со страшными прямыми мечами.

За устьем впадающей в Черное — Русское! — море реки Селины — Болгария. Там спокойней, нет кочевничьих банд. Впрочем, не оттого, что кочевники боятся болгар — просто начинаются уже болотистые земли Дунайского гирла. Болгары же на русов не нападают. Общая речь, общая кровь? А как же тогда доносы, исправно мчавшиеся в Византию впереди ладей отца Святослава? Нет, много среди болгар тех, что не считают русов братьями. Смотрят, как на врагов, боязливо крестятся при виде оскаленных морд на высоких носах ладей, символов Солнца и Грома на парусах. Почему? И почему не тогда не нападают?

Ответ высился над кровлями болгарских городов и деревень, мимо которых шли ладьи. Впивались в синее небо Болгарии кресты Распятого бога. И даже если дядька Асмунд не плыл вместе с воспитанником, тот наверняка хорошо помнил его рассказы, и теперь сравнивал с тем, что видел.

Где Болгария князя Крума, пившего мед из черепа цесаря, принесшего хвостатое знамя войны к самой столице врага и под ее стенами славившего родных Богов жертвами? Неужели эта страна, раздираемая на части своими ряженными в греков господами, страна угрюмого забитого народа — и есть родина тех грозных воителей? Неужели это по ней, не встречая преград, не говоря про отпор, смерчами проносятся мадьярские орды? Неужели это потомок Крума послушно, как скомороший медведь на торгу, пляшет под цареградскую дудку?

Неужели этого хотят для Руси мать и те, что с ней?

2. Отравленный пурпур.

*В дебрях этих тусовок даже воздух стал ядовит...
Олег Медведев.*

Минув берега Болгарии, ладьи русов подходят к Константинополю. Царь-город, Царьград — так звали его славяне. Крупнейший город Европы, если не мира — Царь городов. Столица преемников Цезарей древнего мира — Город царей.

Наверняка Святослав, прежде чем отправляться в гости, постарался побольше узнать о хозяине. Негоже входить безоглядно в незнакомый дом:

*Прежде чем в дом
Войдешь, все входы
Ты осмотри,
Ты огляди, -
Ибо как знать,
В этом жилище
Недругов нет ли*

Так советовали "Речи Высокого" — заповеди верховного Бога норманнов, Одина, Волоса русов. В пребывании в "жилище" своих и Руси "недругов" Асмунд и его воспитанник были уверены, и вполне справедливо. Но и заповеди наверняка следовали. Перед поездкой князь и его воспитатель должны были провести не один вечер с "гречниками" — так на Руси называли регулярно плававших в Византию купцов. Неизвестно, что они узнали во время этих бесед. А вот что знаем о правившем в тот год в Константинополе человеке мы.

Будущий император был зачат и рожден вне брака. Его отец — Лев VI Мудрый, при котором Олег осаждал Царьград. Мать — известная придворная красавица, Зоя Огнеокая. Пожилой бездетный император похоронил уже трех жен, а четвертый брак православная церковь запрещала. Однако Лев не слишком почтительно относился к запретам церкви. По слухам, православный владыка баловался вещами похлеще четвертого брака — вплоть до чернокнижия и некромантии. За иными его предшественниками и впрямь водились дела, если и не столь жуткие, то не менее гнусные.

Чего стоят одни паскудства императора Михаила, в царствие коего на Царьград ходили Оскольд и Дир. Этот, собрав компанию прихлебателей, "гнусных и мерзких человеков", назначил из их среды "патриарха" — некоего Грилла — и двенадцать "митрополитов". Сборище, нарядившись в настоящие священнические облачения, шаталось по столице империи, хмельными голосами распевая похабно перековерканные церковные песнопения. Иногда сей "Всеппянейший синод" силком заставлял почтенных пожилых вельмож "причащаться" под видом святых даров — тела и крови их бога! — уксусом и горчицей. Венцом гнусностей была выходка императора над собственной матерью, женщиной религиозной и богобоязненной, да только мало поровшей в свое время августейшего отморозка... Когда она пришла в церковь на исповедь, сынок подвел старуху к ряженному в ризы главы церкви Гриллу. Склонившаяся женщина не видела лица обманщика. Исповедавшись, старая государыня про-

стерлась на полу, испрашивая благословения. Грилл же, повернувшись к ней задом, "рыкнул афедроном своим".

Все это непотребство происходило в храме святой Софии, сердце православия.

Право, после Михаила и "патриарха" Грилла Лев, всего лишь желавший узаконить отношения с любимой женщиной и матерью своего сына, мог показаться праведником. Церковь терпела и не такое. К тому же, Львом могли двигать не только личные чувства. Может быть, у бездетного государя шевелились волосы при мысли о том, чтоб оставить престол брату-соправителю Александру, немногим отличавшимся к лучшему от печальной памяти Михаила. Пока Лев контролировал выходки братца и его кабацкой своры, но бессмертным он не был. Тут не помогало и чернокнижие. И вдруг — сын! Можно представить, что любовь императора к его пассии утроилась, можно представить и его чувства к малышу...

И чувства Александра, за время трех бездетных браков старшего брата успешного привыкнуть к мысли о грядущей короне!

Итак, Лев нашел сперва священника, согласившегося обвенчать его с четвертой женой, а уж уговорить патриарха признать законность и брака, и родившегося до него сына император отложил на самую последнюю очередь. Очевидно, это было чистейшим "делом техники".

В три года Константина венчали на царство, как соправителя отца. Правящий сын родился у правящего отца — в знак этого, нечастого в Новом Риме обстоятельства мальчика и назвали Порфирогенетом, Рожденным в Пурпуре, Багрянородным. Но прошло еще четыре года, и колокола святой Софии проводили в последний путь его грешного отца. Вдова и маленький венценосец остались наедине с соправителем их покойного мужа и отца — Александром.

На дворцы Константинополя обрушился град опал, ссылок, арестов. Новый правитель остервенело раскидывал по тюрьмам, монастырям, дальним провинциям всех приближенных, доверенных людей покойного брата. Всех, кто мог бы заступиться за вдову и сироту умершего государя. То лихорадочно спешил, то начинал садистски растягивать время от одной кары до другой. Вокруг восьмилетнего императора все меньше становилось знакомых, привычных, дружелюбных лиц. Все реже и все неискренней улыбались малышу взрослые. Лишь одна улыбка становилась все шире, все искренней, все страшнее — улыбка злорадного торжества на лице дяди Александра.

И мама все чаще плакала по ночам.

А потом одним страшным утром мир мальчика перевернулся. Утром он пришел пожелать царственной матушке доброго утра — и пришел в опустевшую, перевернутую вверх дном опочивальню, по которой бродили хмельные императорские гвардейцы... Константин в ужасе убежал в спальню. ЭТО случилось с мамой. Рядом больше не было никого. Наверняка мальчик плакал. Наверняка шептал, кусая шелковые простыни, захлебываясь слезами: "Почему, почему, почему?". Остался ли к этому времени рядом кто-нибудь, способный объяснить: причиной всему — пурпур. Пурпур дворцовых сводов, пурпур плаща и сапог правящего императора, символ безграничной власти цесарей. Пурпур превратил безобидного, в общем-то, пьянчугу и дебошира в мрачного маньяка. Пурпур, лежавший сызмальства на плечах Константина, ослепил Александра, заставляя видеть в родном племяннике не человека, не перепу-

ганного малыша — ценную добычу, дичь, пушного зверька. И пурпур погубил его.

Александру неоткуда было знать первейшую дисциплину двора — дворцовые связи. Их не выучишь в кабаках и на охотничьих биваках. Не узнаешь, кого нельзя оставить на свободе, если арестовал другого. Александр оставил кого-то, быть может, и не приближенного Льва, но связанного с одним из опальных вельмож. Оставил в непосредственной близости не то от своего стола, не то от своего кубка...

После быстротечной, тяжелой болезни самодур и тиран завершил свое недолгое незаконное царствование. Вновь рыдали колокола святой Софии, а в гавани вернувшаяся из ссылки Зоя уже сходила на берег с корабля боевого адмирала Романа Лакапина.

В тот же день адмирал был объявлен опекуном малолетнего государя. Через шесть лет он становится тестем Константина, а затем и соправителем, императором Романом I. Цареградский пурпур жадно вцепился в очередную жертву, пребывавшую, словно человек в последней, предсмертной стадии бешенства, наверху блаженства.

У многодетного адмирала было четыре сына. Став императором, морской волк, недолго думая, венчал Христофора, Стефана и Константина на царство, в качестве соправителей, а четвертого, Феофилакта, сделал патриархом. В ромейской державе оказалось аж пятеро государей, и Рожденный в Пурпуре во всех документах числился лишь четвертым. Сама держава превратилась в семейное владение Лакапинов. Багрянородный неудачник оказался пленником в собственном дворце. Его единственным утешением стали книги огромной дворцовой библиотеки и алкоголь. Пока тесть водил флот на арабов, устраивал династические браки внукам, принимал послов, несчастный зять просто потихоньку спивался. Вино и книги помогали ему уйти в призрачный мир от чудовищной реальности, пропитанной пурпуром...

В 938 году у Константина и Елены Лакапиной родился сын, в честь деда названный Романом. Польщенный старый моряк объявил маленького тезку наследником и передвинул его отца с четвертого места в перечнях соправителей на второе. Не иначе, отношения в некогда дружной семье бывшего адмирала основательно разъело пурпуром.

И новое решение главы семьи отнюдь эти отношения не укрепило, наоборот. Взбешенные сыновья Лакапина свергли отца и сослали на пустынный скалистый остров в Средиземном море, под носом у пиратов, которых он когда-то успешно топил. Тихого пьяницу и книгочея в расчет не приняли, а зря. Очень скоро от грызни вероломного семейства заболела голова у всей столицы, не говоря про придворных и в особенности гвардию. Для гвардейцев родившийся и выросший во дворце Константин был гораздо притягательней, чем связанное с флотом, чуждое миру дворца семейство Лакапинов. И, кроме того, у Константина имелось еще одно неоспоримое преимущество: он был один, а не четверо. Кто не пытался исполнять приказы хотя бы двух не ладящих друг с дружкой начальников, тому не понять, КАКОЕ это было преимущество!

И вот уже гремит под пурпурными сводами: "Константин! Константин царь! Константин Рожденный в Пурпуре!". И очумевших Лакапинов, скрутив, волокут из опочивален во двор, нарочито долгой дорогой, чтоб успели спо-

ткнуться об трупы всех своих верных сторонников, разглядеть в полутьме озаренных факелами коридоров подленькие ухмылки и лицемерно-постные мины всех, кого считали таковыми. А там, на ступенях, болезненно морщась и щуря близорукие глаза, их тихий чудачок-зять читает при свете факела в лапе дюжего гвардейца:

— ...Как бесчестных и недостойных... презревших и обязанности подданных, и долг сыновний... стыд людской и страх божий... почитать низложенными и лишенными... сослать...

Неведомо, сам ли Константин или кто-то из его советников был автором мрачной шутки: свергнутых Лакапинов отправили на тот же остров, куда они сослали отца. Отца, которого почтительный зять и не подумал вернуть из ссылки. Можно представить, что сказал старый моряк сынкам при встрече!

Но его понять можно. Куда сложнее понять Константина. С самого детства он видел, как цареградский пурпур, словно отравленная рубашка Несса, стубившая великого Геракла, сводил с ума, ослеплял, и, наконец, убивал тех, кто к нему прикасался. Злобная улыбка дяди и его ужасная смерть. Роман, из честного моряка превратившийся во мрачного властолюбца, и переставшего доверять под конец даже родным сыновьям. Сами эти сыновья, свергшие и заточившие на пустынном острове собственного отца... Безумие и бесславная, страшная смерть — вот что нес своим жертвам отравленный пурпур Византии, и кто-кто, а Рожденный в Пурпуре должен был видеть это. Вероятно, ему, как многим книжникам, казалось, что он-то может все исправить, при нем-то все встанет на свои места, ведь он столько читал, столько знает!.. Он вновь превратит державу в достойную наследницу великого Рима, как при Юстиниане!

Государь — наконец-то полновластный государь! — мечтает, а евнухи застегивают под его горлом пряжку пурпурной мантии, и вокруг кипит пурпур, пурпур факелов и масляных луж, растекшихся из-под еще не убранных трупов, и пурпур сводов, и пурпур отражающих свет факелов глаз придворных, собравшихся приветствовать императора...

Пройдет несколько лет, и сын, любимый, единственный сын Константина Роман, окутанный слепой любовью матери — единственная память об ее сосланном отце! — и не чувствуя твердой руки родителя, соскользнет на кривую дорожку Александра, Михаила и многих иных не сумевших повзрослеть владык. Пока Константин пишет для него тома наставлений — "Управление", "Дворцовые церемонии" и еще 51 не дошедший до нас том, — юный государь чередует пиры с охотами, и ищет приключений в темных переулках портовых кварталов. От пиров в дворцовых палатах — к гулянкам в тавернах и на постоянных дворах, к загулам в грязных кабаках и притонах столичного дна. Там, на дне, он и встречает свою судьбу — совсем юную, но уже опытную Анастасо. Вскоре Константинополь узнает — наследник престола женится. Роман делает лишь одну уступку сраженным родителям — невеста пойдет к алтарю не под своим, очевидно, чересчур известным в городе именем. Отныне она — Феофано. Уж не вспомнил ли образованный свекор Феодору, супругу Юстиниана Великого, также смолоду приобщившуюся к "древнейшей профессии"? Если да, то сравнение было неудачным. Феодора поднялась, Феофано подняли. Феодора была умна и практична, и искала мужчин ради власти, добившись же любви самого влиятельного мужчины в империи, стала ему верной спут-

ницей и надежной опорой. Для Феофано, как мы еще увидим, титул и власть императрицы были лишь игрушкой, средством удовлетворения все новых и новых капризов и прихотей. Не говоря уж о том, что сам Роман ни в малейшей степени не походил на умнейшего, волевого, трудолюбивого Юстиниана.

Таков был жизненный путь человека, к которому ехали Ольга и ее сын. Он не остался в памяти потомков, как воитель или законодатель. Рожденный во дворце, он покидал его едва ли не только в грезах. Никогда не стоял он во главе войска или флота, и все его свершения были в дворцовых стенах. Сочинение многотомной энциклопедии для сына (который ее так и не прочел), безуспешная война с коррупцией дворцовых чинов, создание византийской таблицы о рангах... Это да горькие письма малочисленным друзьям, таким же затворникам и книжным червям, в которых полновластный владыка жалуется цитатами из самых тоскливых псалмов Ветхого Завета на одиночество — вот все, чем остался в памяти потомков Рожденный в Пурпуре.

3. Царь городов, Город царей.

*Старый сокол Царьград пролетает,
Царьград-город клянет-проклинает:
Есть в Царьграде серебро и золото,
Есть, что есть, что пить,
Есть и в чем ходить,
Только людям нету в нем отрады!
Украинская дума.*

Константинополь встретил русское посольство неласково. Вспомним, как Ольга зло поминала цесарю: "Постоишь, как я у тебя в Суду". Видать, долгими показались Ольге дни и недели, может быть — месяцы ожидания в цареградской гавани. Пекло Солнце, парили гнилые воды Суда, сточной ямы исполинского средневекового мегаполиса, куда клоаки и дождевые потоки смывали всю его скверну. Язычникам ароматы порта могли навевать мысли о сказочной Смородине — реке, отделявшей мир людей от владений Кощея, Чуда-Юда и прочей нежити. Название Смородина в переводе на современный язык как раз и означает — смрадная. Можно вообразить себе угрюмых варягов, преющих на часах, в раскаленных южным солнцем доспехах. Можно представить себе глазеющих на северных варваров ромеев — жгучую смесь обезьяньего любопытства южной толпы и крысиной порочности столичной черни. И посреди жара, тяжелой душной вони, галдежа смуглых зевак — отрок Святослав, молодой пардус-гепард в деревянной клетке ладьи.

Изредка, наверное, княжеское семейство выпускали в город, словно узников на прогулку. Русов в городе должен был сопровождать императорский чиновник, — царев муж, как говорили они — на этот раз выполнявший обязанности скорее гида, чем обычного полуконвоира-полузаложенника при опасных чужаках. Мы не знаем, выходил ли Святослав на эти прогулки. Дело в том, что перед входом в город у русов отнимали оружие. Вспомните, что меч был почти вместилищем души воина-руса, его вторым "я", мечом благословляли его при рождении, мечом опоясывали по достижению совершеннолетия, меч клали с ним в могилу. Не всех рабов на родине Святослава унижали, лишая ору-

жия. И если подданные цесарей не носили оружие, то при чем тут русы? Неужели, приехав в страну рабов, воин должен превращаться в одного из них?

В общем, Святослав вполне мог наотрез отказаться от городских прогулок. Не станем утверждать, что зря — причины для того были веские. Но он не увидел бы множества занимательных вещей. Не увидел бы многочисленных памятников основателю города и первому христианскому императору Константину Великому, убившему в борьбе за власть сына, жену, тестя и зятя. Не прогулялся бы по Бычьей площади, на которой возвышался пустотелый медный бык, возведенный по приказу другого светоча христианства, Феодосия Великого, законодательно запретившего языческие культы. Время от времени под быком разводили огонь и, открыв дверцу в медном боку, кидали внутрь быка живых людей — язычников и еретиков. Столичная толпа обожала подобные зрелища. Не меньше любили жители Константинополя ипподром — тот самый, на котором в дни подавления благочестивым Юстинианом восстания Ника было перебито пятьдесят тысяч их пращуров, на котором полвека спустя Василий II Болгаробойца будет зарабатывать свое жуткое прозвище, празднуя триумф над братьями в православной христианской вере. Не увидел бы Святослав, — по крайней мере, вблизи, — святую Софию, воздвигнутую Юстинианом в благодарность небесному императору за то самое истребление своих единоверных, единокровных противников, из обломков разрушенных древних храмов. Не увидел Святослав и парада — торжественного зрелища, на котором перед восхищенными горожанами и иноземными послами час за часом кружила одна и та же воинская часть, меняя оружие, коней и доспехи. Не увидел бы и еще одной, весьма любопытной достопримечательности Города царей... но об этом — позже.

Каким чужим и чуждым, диким, омерзительным должен был казаться юному князю Царь городов! Видел ли он его лишь из порта, или шел сквозь потные толпы на проспектах и площадях за "царевым мужем", все поводя левой рукой у пояса в бессознательной попытке опереться на рукоять отданного у ворот меча... И с каждым днем все меньше и меньше он понимал мать. Зачем они приехали в эту жару, вонь и гвалт, в эти застятые небо груды обтесанных камней над грязью улиц? Зачем терпят унижительное любопытство этих странных людей — слишком наглых для рабов, слишком трусливых и покорных для свободных?

А действительно, зачем? Чего хотела добиться Ольга своим сватовством?

Положение вдовы великого князя было крайне шатким. И обвинение в, по меньшей мере, соучастии в мужеубийстве, и не слишком знатное происхождение, и покровительство христианской партии (пусть и негласное, причем до поры крещение княгини было тайной даже для большинства христиан), и, наконец, ее противоречащие обычаю претензии на право мести за мужа и наследование ему, — все это отнюдь не упрочило ее полунезаконной власти. Больше того, противостояние христиан и язычников, не превращавшееся в гражданскую войну лишь оттого, что первые еще были слабы, а вторые — морально неготовы воевать с соплеменниками, пусть и богоотступниками, ослабляло всю Русь. Прекратились грозные походы, да и кто бы встал во главе русских дружин? Женщина? Или совсем юный отрок? Ослабление это мгновенно почуяли в Итиле.

Наш герой впоследствии освободит от хазар землю вятичей. Но она уже была освобождена от хазар Вещим Олегом! Когда же она снова попала под их власть? При Игоре? Вряд ли летописец упустил бы со вкусом расписать еще одно поражение князя-язычника. Вспомнить только, как он смакует гибель Игоревых дружин от византийских огнеметов и последнее поражение отца Святослава. По его смущенному молчанию можно догадаться, что славянское княжество, не иначе, отдала хазарам "премудрая" Ольга. А ведь княжество это не было ни бедным, ни отсталым — дань оно платило "по щелягу (серебряной монете) от плуга". То есть были и железные плуги, — а не деревянные рала — и серебро. Более того, хозяева Вятичской земли обретали власть над изрядной долей Волжского торгового пути.

В пятидесятых годах X века чаши весов зыбкого баланса между христианами и язычниками раскачались еще сильнее. На Руси появилась новая сила, вполне готовая к войне с христианами любой крови. Какая именно, я расскажу чуть позже, а пока можем заметить — у княгини были все причины замечаться в поисках поддержки. Брак сына с византийской принцессой отнимал бы сильный козырь — наследника законного государя — у язычников и давал христианам поддержку мощной державы. Может, и хазары остерегутся...

Многие годы — почти два века — историки с придыханиями расписывали визит Ольги в Царьград, как невиданное достижение русской дипломатии. Надо же было вообще хоть что-то написать о равноапостольной княгине, кроме ее зверств! И вообще, о святых или хорошо, или ничего... Не стоит слишком потешаться над ними. В Российской империи покушавшегося на репутацию святой равноапостольной государыни ждали совсем не смешные последствия.

Любопытнее, что после крушения империи прошло сорок девять лет, прежде чем М. В. Левченко обратил внимание на одно обстоятельство. А именно: Ольгу принимали не как правительницу! "Армянские, иверские феодалы, венгерские вожди, болгарский царь Петр при посещении Константинополя одарялись гораздо более щедро", пишет Левченко. По строжайшему дипломатическому этикету Византии, Ольгу принимали, как... посла. Ее ставили ниже племенных вождей полудиких кочевников-венгров!

Ни в коей мере не желая оскорбить память Левченко, скажу все же: наблюдательность его достойна индейца Зоркого Глаза из анекдота. Того самого, что, запертый бледнолицыми в сарай, на третий день заметил, что в сарае том нет четвертой стены. Действительно, не в обиду — другие и по сей день ничего не замечают, изводя бумагу на описание того, как Ольгу "с почетом" приняли в Византии. Хотя у Константина ясно сказано: "Прием, во всем подобный предыдущему (одного сарацинского посла), по случаю приезда Ольги, княгини русской".

И это было лишь звено в цепи унижений, которое предстояло пережить несчастной княгине. Еще были бесконечные переходы из залы в залу огромного дворца, необходимость являться по первому зову негостеприимных хозяев, единственно чтобы ответить на "предложенный препозитом вопрос от имени августы" — императрица не снизошла до прямого общения с варваркой, пусть и крещеной. И вновь кочевки из палаты в палату, чередование чужих, странно звучащих названий покоев — Триклиний Юстиниана, Лавсиак, Трипетон, Кенгурий — спертый воздух, тяжесть сводов над головой, и опять являться, как служанка, как сенная девка, пред очи Рожденного в Пурпуре, и

лишь с его разрешения осмелиться сесть.

Особенно хорошо вот это:

"В тот же день состоялся званый обед... Государыня и невестка ее сели на вышеупомянутые троны, а княгиня стала сбоку".

Стоит напомнить, что "невестка" эта, о чем не могла не знать "ставшая сбоку" княгиня — та самая Анастасо-Феофано, бывшая шлюха из портового кабака!

Ольга терпела. Она "говорила с государем, о чем пожелала", когда тот позволял ей, очевидно, обещала те самые меха, воск, рабов и войско. Мы уже знаем — за что. За брак сына, за поддержку против хазар и своих, кровных русов-"нехристей". Пока же вспомним, что все это происходило на глазах "анепсия" Святослава. Мы знаем, каков был его нрав, знаем, как и кто его воспитал. Но нам, ежедневно сносящим тьму унижений от правительства, начальника, просто трамвайного хамла, сложно представить, что испытывал в такой ситуации горячий подросток. Подросток из племени, где единственным ответом на оскорбление желающего оставаться мужчиной, человеком в глазах Богов и людей, мог быть удар меча. Даже если бы поездка Ольги увенчалась успехом, он возненавидел бы город, бывший свидетелем унижения матери, и его надменных владык, и всю их страну. С этого дня ненависть язычника к разрушителям его святынь, правителя — к врагам его народа, сольется в душе Святослава с личной ненавистью смертельно оскорбленного воина.

Но Ольге не повезло. Мало кто из владык Города царей подходил для ее планов меньше, чем Рожденный в Пурпуре. Стоит только прочесть тринадцатую главу его "Управления империей":

"Если когда-нибудь, какой-нибудь народ из этих неверных и худородных жителей Севера потребует войти в свойство с царем Ромейским и взять его дочь в жены, то тебе надлежит такое их неразумное требование отклонить".

Далее начитанный и просвещенный Константин сознается, что в его глазах варвары, неромеи, собственно, не люди даже. Они — даже православные болгары! — вообще какие-то "особи" другой "породы". "Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам" (Мк,7:27), и можно ли подумать, чтоб дочь христиан вышла замуж за пса-язычника?

Псы. Полезные, прикормленные, может, крещенные — все равно псы. После жары в порту. После изматывающе-бессмысленных переходов по коридорам и залам дворца. После "стояния сбоку" от обедающей августейшей потаскухи. После данных — уже данных, или не вспоминал бы их потом Ольге Константин — обещаний щедрых даров и военной помощи.

Можно только представить, как молча выла в подушку той ночью княгиня. И как не мог уснуть, глядя на окутанный липким жарким мраком каменный город-чудовище, юный князь. Можно представить, что видели в тот момент его глаза.

Зарево над коростой черепиц и золотушными пузырями куполов. Блеск

русских кольчуг, затопивший улицы. Копыта печенежских коней, расплескивающие по камням мостовых мечущихся двуногих крыс. Языки пламени, алчно лижущие трещащие, почерневшие дворцовые своды. И другие языки — языки псов, тощих уличных псов, жадно лакающих текущие по улицам алые ручьи...

В путеводителе по Константинополю, написанному в X веке, упоминается барельеф, на котором изображено разрушение "россами" Царя городов. Пророчество не сбылось. Но не прочел ли воплотивший чудовищное видение скульптор это пророчество в ледяных глазах белобрысого мальчишки-варвара на императорском обеде в среду, 9 сентября 957 года?

4. Чугунная поступь *Drang nach Osten*.

*Не жги бересту — это горят города,
И пепел их стен ветер несет на Восток.
Дм. Фангорн.*

*Ослеплен невежеством лукавым,
брат на брата поднял гордый меч...
Велеслав. Гнев Богов.*

Прибавило ли провальное цареградское сватовство Святославу уважения и любви к матери? Наверяд ли. Смертельное оскорбление нанесли надменные ромеи не просто женщине из знатного рода, — что уже было бы непростительно, — самой Руси, самим Русским Богам. Ольга же не двинула в ответ дружины за Русское море, не припомнила несостоявшемуся свояку Олегов Щит на Золотых воротах. "Отомстила" лишь злопамятно-бабьим: "постоишь у меня в Почайне...". И на оскорбление не ответила, и слова не сдержала.

Ольга понимала, как встретят на Руси известие об ее поездке. Один из немногих достоверных моментов описания этой поездки в летописи: на прощальные напутствия патриарха княгиня отвечает "Люди мои и сын мой — поганые; да сохранит меня бог ото всякого зла!". Какой панический ужас перед собственным народом, перед родным сыном сквозит в этих словах! После поездки Ольга уговаривала Святослава креститься. Это была ее последняя надежда, ее и всей христианской партии. Сын отвечал с брезгливым недоумением: "Меня моя же дружина засмеет". Один очень, вообще-то, неглупый историк умудрился написать по этому поводу вот что:

"Для хищнической дружины, стремившейся к грабежам, убийствам и грубым чувственным удовольствиям, круг христианский с его любовью, кротостью и воздержанием должен был возбуждать смех и презрение".

Как в таких случаях говорится — "не тем будь помянут", оттого я и не называю имени историка. Про "хищническую дружину" мы уже говорили. Но "христианский круг"-то русы, в отличие, видимо, от этого историка, не по романам слезоточивым о первых христианах знали! Вспомните, что мы знаем про Ви-

зантию. Не правда ли, как прекрасна любовь дяди Константина Багрянородного к родному племяннику, сыновей Романа Лакапина — к отцу! Какой кротостью веет от медного быка Феодосия Великого, в котором заживо сжигали людей, от ипподрома, окропленного кровью десятков тысяч православных христиан, погибших от рук палачей-единоверцев! Сколько воздержания в богохульных эскападах цесаря Михаила и его "патриарха" Грилла, в императоре Романе II и его кабацкой возлюбленной, вознесшейся с панели на престол! Дела "христианского круга" Византии не могли вызывать — и не вызывали — у самых небрезгливых язычников ничего, кроме омерзения, а в сочетании с беспримерным лицемерием слов "любви, кротости и воздержания" и впрямь "возбуждали смех и презрение"! К тому же отречься от веры предков для князя-воина было самым мерзким из человеческих деяний — изменой: "Как я захочу ин закон принять?!".

Очень интересно, как показали чуждость сына матери художники Радзивилловской летописи. На ее миниатюрах на голове Святослава в сцене беседы с матерью о вере и оплакивания умершей Ольги — тюрбан. Для века создания Радзивилловской летописи — символ "поганого", нехристя. В таком же тюрбане она изображает князя-колдуна, оборотня, Всеслава Брячиславича Полоцкого. Тюрбан — еще куда ни шло. В те же века северный летописец изобразит убийц конунга Олафа, крестителя Норвегии, то есть своих же, норвежских язычников, со смуглыми, горбоносыми лицами "сарацинов". Лукавая азиатская религия рядила в "азиатов" тех, кто защищал от нее Европу. Заставляла видеть в палестинских пророках — своих, а в собственных предках — чужаков-инородцев. Но и в этой лжи есть доля правды — преграды между членами одной семьи, возведенные новой верой, были так же неодолимы, как расстояние между Западом и Востоком, коим, как известно, "не сойтись никогда".

Перепуганная, лишившаяся последних надежд Ольга, очевидно, совсем потеряла голову. Иначе трудно объяснить то что она — иного слова не подберешь — вытворила в 959 году. На сей раз ее послы появились при дворе другого христианского владыки — кайзера Священной Римской империи германской нации Оттона I.

Послы "Елены, королевы ругов" — ругами, по старой памяти, называли варягов-русь на Западе, — просили "епископа и священников", наставления в истинной христианской вере. По тем временам подобная просьба означала признание себя вассалом, данником, по-русски — подручником того, кого прошишь.

Чтобы понять, как могли встретить на Руси весть о таких переговорах княгини, надо остановиться и повнимательнее приглядеться к тому, что из себя представляла столь пышно именуемая империя, в особенности — в отношении славян.

Во времена Ольги уже век как христианским попам и рахдонитам-работорговцам удалось развернуть при Карле-Давиде Великом... почему историки так охотно раздают титулы Великих палачам и разрушителям? Константин, Феодосий, Петр... так вот, удалось развернуть на Восток восьмивековой натиск тевтонов на юго-запад. Так началась трагическая взаимоистребительная война братских народов, тевтонов и славян, длившаяся тысячу лет. Печально знаменитый *Drang nach Osten*, ставивший след бесчисленных могил, стертых с лица земли городов и племен, и главное — взаимной неприязни, вражды бы-

лых братьев.

Послушайте, что пишут о землях, лежащих на Востоке, христианские монахи Герборд и Эбон:

"Изобилие рыбы в море, реках, озерах и прудах настолько велико, что кажется прямо невероятным. На один денарий можно купить целый воз свежих сельдей, которые настолько хороши, что если бы мы стали рассказывать об их запахе и толщине, то рисковали бы быть обвиненными в чревоугодии. По всей стране множество оленей и ланей, диких лошадей, медведей и кабанов, и разной другой дичи. В избытке имеются коровье масло, овечье молоко, баранье и козье сало, мед, пшеница, конопля, мак, всякого рода овощи и фрукты, и будь там еще виноградные лозы, оливковые деревья и смоковницы, можно было бы принять эту страну, как землю обетованную".

Не стоит почитать это захлебывающееся восхваление за невинные путевые записки миссионеров. Подобные рассказы зачитывали вслух по всей феодальной Европе, с ее деленой-переделенной землей, тесными городами, полями, истерзанными железными плугами в течение многих поколений.

Как звучали похвалы изобилию славянских земель в ушах голодных, полуничих швабских или франконских крестьян? Как внимали перечням дичи и охотничьих угодий младшие сыновья графов и баронов, лишенные доли в наследстве, а с ней и любимой забавы благородных? Как сволочь и рвань городов слушала рассказы о накрытых столах, доступных любому путнику, о сундуках и кладовых, на которые честные "варвары"-славяне не вешают даже замков?

Страшными словами завершает христианский соблазнитель свое описание. Он сравнивает земли славян с землей обетованной. Человек, знакомый с библейскими преданиями, — а иных в христианской Европе не было, — знал, что землей обетованной названа в Ветхом Завете Палестина. Единый бог благословил избранный им Израиль на захват этой "текущей молоком и медом" земли, а племена тружеников-язычников, создавших все ее богатства, милосердный господь иудеев и христиан обрек на поголовное истребление.

"Когда же введет тебя Господь, бог твой, в ту землю, с большими и хорошими городами, которых ты не строил, и с домами, наполненными всяким добром, которых ты не наполнял, с виноградниками и маслинами, которых ты не сажал, и будешь есть и насыщаться"
(Втор., 7;10-11).

"А всю добычу городов тех и скот разграбили сыны Израилевы себе; людей же всех истребили мечом, так что истребили всех их, не оставили не одной души"
(Ис. Н., 17:14).

Христиане называли — и называют — себя Новым Израилем. И не зря начавший *Drang nach Osten* Карл взял второе имя — Давид (мы уже вспоминали, говоря об Ольге, деяния этого "кроткого" царя в земле обетованной (2-я Цар., 12:31)).

Перечитайте теперь приведенное выше описание, и многие подобные ему. Лишь глухой не расслышит набатного: "На Восток, христиане! Смотрите, сколько богатств! Это — ваше! Это обетовано вам богом! Убейте язычников, разорите их храмы, переполненные, кстати, золотом и пурпуром, и обладайте всеми богатствами их земли! На Восток, Новый Израиль! Так хочет бог!".

Каким лицемерием разит от строк монастырских хроник, клеймящих "жадность саксов", мешающую-де утверждению христианства в славянских землях! Кто же разжигал-то эту жадность?!

Тем же, кто все-таки помнил об исконном родстве славян и тевтонов, фанатики вроде Бруно-Бонифация Кверфуртского грозили проклятием: "Что за общение христианам с погаными, что за мир между Христом и Велиаром? Как знамя святого Креста может развеяться рядом с кровавым стягом дьявольского порождения — Сварожича?". Другой монах, Видукинд Корвейский, разъясняет: славяне тевтонам не родня. Тевтоны-де ведут род от первенца Ноя Иафета, которому отец предрек власть над миром (Быт., 9:27). А вот славяне — от младшего сына Ноя, Хама, и его сына Ханаана.

"И сказал (Ной — Л.П.): проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих"
(Быт., 9:25).

Значит, и славяне обречены быть рабами тевтонов — по Библии, по слову божьему. А кто не согласен...

В средневековой Европе не соглашаться со словом божьим было небезопасно даже императорам.

Видукинд не сам измыслил сплетню о рабском происхождении славян. Многие охотно распространяли ее. Например, в еврейском сочинении начала X века "Иосиппон", в разделе о славянах сообщается: "а иные говорят, что они от сыновей Ханаана". О, эта омерзительно безответственная наглость! "Иные говорят", "есть мнение", "общеизвестно"... Какая она, оказывается, древняя! Походя, невзначай втоптана в грязь "свыше predetermined" рабства целая семья народов от Дона до Эльбы, от Адриатики до Ладоги. Кто виноват? Никто. "Иные говорят". Куда уж Видукинду с его немецкой прямолинейностью!

Впрочем, соплеменник автора "Иосиппона", испанский работороговец Ибрагим ибн Якуб, вполне откровенен. Славянские земли он прямо называет "Новым Ханааном".

Но что за выгода ему и неизвестному автору "Иосиппон" чернить славян? Церковь боролась с язычеством. Крестоносные орды тевтонов рвались к богатствам славянских земель. А они?

Швейцарский историк Адам Мец:

"Основной товар, поставляемый Европой, — рабы — являлся монополией еврейской торговли".

Знаменитый чех Любор Нидерле в книге "Славянские древности":

"Вся торговля славянскими рабами находилась в руках евреев".

Специально привожу эти цитаты дословно, дабы не быть обвиненным в пристрастных измышлениях. И могу добавить — в раннем средневековье еврейская торговля была представлена могущественной корпорацией купцов, так называемых рахдонитов. Это исторический факт, и вряд ли он может задеть чьи-то чувства. Впрочем, если кто-то считает себя наследником традиций расизма, ростовщичества и торговли людьми, тот вправе на меня обижаться.

Вот кто — попы и работорговцы, а вовсе не какие-то "фашисты", учили немцев видеть в славянине не брата, а раба и скотину. Недочеловека, одним словом. И если уж бороться с расизмом методом изъятия и уничтожения книг, то изымать и уничтожать надо не злосчастную "Main Kampf", а Библию. С ее богоизбранными и язычниками, самим богом определенными на рабство и истребление, с ее иафетами, рожденными властвовать, и ханаанами, рожденными подчиняться.

Ко временам Оттона гнусный посев дал пышные всходы. Саксы, те самые саксы, что бок о бок со славянами-велетами сражались против крестителей Карла-Давида, называли славян "собаками"! Еще бы, ведь сам милосердный Христос уподобил язычников псам (Мк. 7:27, Мтф. 15:22-28)! Дроздяны еще не стали Дрезденом, а Липецк — Лейпцигом, но славянский порт Гам уже превратился в Гамбург и в Бремене (от слова "бремя") была почти не слышна славянская речь. Маркграф Герон, созвав на пир 50 славянских вождей, сжег их вместе с палатой, куда собрал доверчивых язычников. Его соратники по проповеди любви и милосердия огнем и мечом захватывали славянские города, знаменуя свои победы чудовищной резней. Отец Оттона, Генрих I Птицелов, взяв город славян-гломачей Гане, перебил всех взрослых, а детей и подростков угнал в рабство. Великолепные храмы, потрясавшие даже воспитанных в европейской культуре захватчиков искуснейшим зодчеством и великолепной резьбой, расписанной не тускнеющими, не выцветающими красками, сжигались, кумиры разбивались или шли в переплавку. Многие авторы сетовали на "германскую свирепость", извратившую "кроткое учение" Библии и заставившее славян до последнего сопротивляться крещению. Поневоле усомнишься в знакомстве этих авторов с Библией. Жестокости германцев скорее не дотягивали до тех, что заповедал библейский бог своему народу в земле обетованной.

И конечно, за немецкими ратями стаями шакалов тянулись рахдониты. В те страшные годы столько овдовевших славянок, столько осиротевших славянских малышей угнали на Запад, что в языках Европы имя славянина на века стало клеймом раба. Sklave в немецком и slaef в голландском, английское slave и французское esclave, esclavo в Испании отмечают позорный и страшный путь рахдонитских караванов. В португальском escravo, знакомом россиянину хотя бы по заставке сериала "Рабыня Изаура" — их последний след. Сколько книг написано о несчастьях черных невольников... напишет ли кто-нибудь книгу о невольниках белых, о славянах, которых рахдониты продавали их же одурманенным братьям-европейцам?

Торговля людьми происходила при полном попустительстве церкви, а иной раз — при ее живом участии. Ведь это же всего лишь язычники! Что до отношений работорговцев с императорским престолом, скажу лишь одно: су-

пруга кайзера Оттона носила звучное имя Юдифь. До Реформации с ее поваль-ной модой на ветхозаветные имена оставалось полтысячи лет. Сохранились и имена тех, кто получал еще в IX в. от престола монополию на торговлю людьми: рабби Донат и Самуель, лионцы Давид и Иосиф, сарагосец Авраам

Вот к кому пошла на поклон Ольга, "Елена, королева ругов". Вот чьего на-ставничества искала, чьего покровительства — и не только для себя, для Руси! Можно разве что добавить, что бандиты Оттона и Юдифи разбойничали в тех самых землях, откуда пришли в Киев и Новгород варяжские предки Святосла-ва.

И надо обязательно отметить, что вовсе не все немцы позабыли Богов и прежнее братство. Мы уже говорили, что были и другие. Да живет в веках имя саксонца-язычника из королевского рода — Вихмана. Плечом к плечу со сла-вянскими вождями Стойгневом и Наконем, в союзе с датскими викингими и мадьярами он противостоял обезумевшим соплеменникам. Но к судьбе Вих-мана, Стойгнева и, в особенности, Накона, мы еще вернемся.

5. Первая победа.

*Он зело стыдобил княгиню-мать,
Он ее вопрошал с презрением:
" Не срамно ль дружину нам потешать
Непотребным, чужим крещением?!"*

И. Кобзев. "Падение Перуна"

Естественно, предложение Ольги встретили в Священной Римской импе-рии с восторгом. На Русь немедленно выехал спешно рукоположенный в "епис-копы ругов" благочестивый Адальберт, уже залитый потоками славянской крови, слегка разбавленной святою водицей, Полабье и Богемии. Выехал, по-нятно, не один...

Ольга, надо думать, и впрямь потеряла голову от ужаса и безнадежности. Или настолько уж привыкла к власти, хотя бы той ее видимости, которую да-вало ее призрачное положение и противостояние с языческой партией? На-столько не хотела признавать за сыном полноту власти, что, когда не призна-вать стало невозможно, согласилась, по сути, на интервенцию?

Рискну предположить, какие именно причины вызвали у Ольги панику, заставили заметаться между цесарем и кайзером. Речь идет о походе Стойгне-ва, Накона и Вихмана. Разбив на своей земле немцев, они перешли Эльбу, неся огонь войны в логово врага. Увы, там они утратили многое из того, что принесло им успех. На них больше не работало знание местности, да и мест-ное население видело в славянах опасных чужаков. А союз с дикими венгра-ми мог настроить против них даже местных язычников (Саксония еще вспых-нет восстанием стеллингов, "людей Старого Закона", но это будет много поз-же). И самое главное, после первых успехов вновь разгорелись старые родо-вые распри — бич славянства. Не было единого признанного вождя. Кто-то во-обще откололся еще за Эльбой, не желая воевать на чужбине...

В 955 году в страшной битве на реке Раксе Оттон разбил Вихмана и Стой-гнева. Стойгнев погиб в бою. Голову славянского вождя, тела его семисот дру-

жинников победители выставили на поле выигранной битвы. Между страшными трофеями тевтоны бросили умирать жреца славян — ослепленного, с вырванным языком и переломанными конечностями. Вихману с трудом удалось увести остатки союзного войска на восток. Завоеватели шли следом за ними, а вспыхнувшие после первых обед старые распри славянских княжеств не позволили им вовремя объединиться.. Вихман со своей дружиной еще долго бился с христианами в разных краях Европы. Жизнь истовый защитник Древней Веры закончил в схватке с поляками князя-вероотступника Мешко, предавшего Богов, и пытавшегося принудить к тому же поморян. Что случилось с третьим вождем восстания, Наконом, неизвестно. Неизвестно, но предположить можно. Куда было бежать ему и другим уцелевшим вождям? В соседние славянские земли, дожидаться участи дружинников Вихмана, выданных Оттону князьком-предателем Селибуром?

При вечной вражде полабских и поморских княжеств их и приняли бы далеко не во всех землях. И сама собой напрашивается древняя, задолго до Рюрика с братьями протоптанная дорога — Austrvegr, "Восточный Путь" скандинавов, за века до них освоенный варяжскими, вендскими мореходами. Там, на Руси — братья, родная вера, родная речь (особенно на Севере, в Новгородских краях). Там не тлеет торфяной пожар родовых раздоров, кровной мести, многолетних счетов, затмевающих в иных глазах и славянское родство, и самих Богов. Туда не дотянутся руки ненавистных христиан-немцев. Это лучше, чем прятаться зверями по норам в собственной земле. Это лучше, чем терпеть власть захватчиков, видеть ежедневно поругание святынь, осквернение отчих могил, лучше, чем провожать глазами все новые караваны Sklave, уходящие на закат, а то и самим брести в тех караванах...

Я уверен — Након, если только остался жив, избрал этот путь. И уж точно, с ним или без него, но многие из варягов в те страшные годы уплывали на восток. За их спиной несся к небу дым горящих сел и городов. И крик женщин. И рев атакующих кнехтов. И свист бичей над рахдонитскими караванами.

Плыли лишенные родины. Плыли вдовы, сироты, увозя в скудной клади окровавленные, пробитые тевтонским железом рубахи кормильцев и заступников. Плыли угрюмые, израненные бойцы. Плыли вожди, чьими землями правил соперник, переметнувшийся к врагу или наместник-маркграф.

Плыли люди, у которых, в отличие от язычников Новгорода и Киева, привыкших христиан в худшем случае презирать ("уродство есть!"), были все основания их ненавидеть. Люди, более чем готовые к войне с христианами-соплеменниками. На языческую чашу неустойчивого равновесия Руси ложилась не гиря — тяжелый варяжский меч. Христианская партия, а значит, и власть Ольги — или то, что казалось ей властью, — доживали последние годы. Вот вдовья княгиня и заметалась, совершая одну ошибку за другой.

То сватаясь к оголтелому византийскому шовинисту Константину, унижая себя и Русь в его дворце. То уговаривая креститься сына, чувства которого к новой вере, мягко говоря, не потеплели после поездки в Царьград. То, наконец, бросаясь за подмогой к тем, кто и выжил с родных мест напугавших ее язычников. Последнее уже было совершенным политическим самоубийством. Ведь не могли не знать на Руси, ЧЕМ была для славян держава Оттона и Юдифи. И равнодушными к этому быть не могли. Особенно варяжская знать. Особенно после появления беженцев.

Да и великий князь уже не был подростком, способным лишь глотать злые слезы, глядя на добровольный позор матери. Как истый язычник, Святослав чтит старших в роду. И именно как почтительный сын, он должен был помешать Ольге и впредь позорить себя и Русь, навлекая на себя, — да и на весь народ — гнев Богов.

Он и помешал. В летописях сказано: Святослав

"матери своей блаженные Елены не послушавшу, креститься не восхотешу и многих христиан изби".

"Житие св. Ольги" пышет злобой сквозь десять с гаком веков:

"Сын же ее великий князь Святослав, яко зверь был обычаем... не смыслил, не разумел, во тьме ходя и не желая видеть славы господа... зверским нравом живый".

Очевидно, переворот в Киеве был не бескровен, хотя немало вооруженных сторонников Ольги могли уцелеть. В те годы в Византии появляются дружины "россов", сражающиеся в Италии и на Ближнем Востоке. Скорее всего, это и есть русские христиане, спешно покинувшие отечество. Может, среди них были и те варяги-христиане, которых на свою беду взял в дружину отец Святослава. Им, если дожили, точно не оставалось места на Руси после падения Ольги-Елены. Любопытно, задумались ли они хотя бы там, почему потомки римлян, покорителей полумира, крестившись, оказались на четвертинке владений предков и вынуждены нанимать их, вчерашних язычников? Поняли ли, вблизи нюхнув византийской жизни, что выбрали? Я не про убийц Игоря, с ними все ясно. Я про остальных. Поняли? Не узнать. А жаль...

Ничего не подозревавшего Адальберта, радостно явившегося принимать в "духовное окормление" державу сынов Сокола, встретили в Киеве так, что новоявленный епископ едва унес ноги. Он еще долго плакался на коварство русов, и "Хроники продолжателя Регинона" эхом отзываются на его стенания и скрежет зубовный:

"В 962 году возвратился Адальберт, поставленный в епископы ругам, ибо не успел ни в чем том, за чем был послан, и видел свои старания напрасными. На обратном пути многие из его спутников были убиты, сам же он с великим трудом едва спасся"..

Вот уж и правда — коварство. Обещали без боя сдать страну, превосходящую по размеру державу Оттона чуть не в два раза — и такой облом...

Титмар Мезербургский поколение спустя уточняет в своей "Хронике", что Адальберта изгнали именно язычники, словно предвидя, что через тысячу лет это событие постараются свести к ссоре Адальберта с самой Ольгой, или недовольству киевских христиан (якобы византийской ориентации) западным проповедником.

Вместе с Адальбертом и его спутниками на запад бежали и иные их русские единоверцы. Во всяком случае, пять лет спустя, в 967 году папа Иоанн XIII, особою буллой дозволяя основать пражское епископство, строжайше вос-

прещает брать в епископы русских священников. Они-де ведут богослужение на славянском языке. Даже скучно говорить, что ни малейших признаков "норманнского" происхождения крещеных русов и их пастырей папа не заметил. Их попросту не было — вот и все.

За одно это деяние имя Святослава должно жить в сердце каждого потомка русов. Каждого славянина. На землях, попавших под тяжелую руку Оттона и его наследников, от славян остались разве что воспоминания. След, угадывающийся в названиях рек и городов от Эльбы — бывшей Лабы — до Одера — бывшей Одры. О Гамбурге, Бремене, Дрездене и Лейпциге мы уже говорили. Список можно длить и длить. В нем Бранденбург и Рацибург, бывшие Бранибор и Ратибор, Штеттин, бывшая Щетинь. Старгард-Рерик, откуда пришел в Новгород дед Святослава, стал Ольденбургом. Сохранили прежние имена понятные без перевода Любек и Росток. Сам Берлин со своим гербом-медведем ведет род от славянского "берло" — логово бера-медведя, берлога. Но, кроме названий и нескольких гербов, от славянских княжеств ничего не осталось. От многих не осталось и этого. Погибли в пламени Drang nach Osten богатейшие торговые города Волын и Винетта, дивные святыни Радигоща и Арконы, куда еще в XI веке сходились пилигримы из всех концов славянского мира, в том числе два с лишним века крещеной Чехии. Аркона стала центром противостояния северного язычества религии Юга. Туда приносил дары знаменитый датский конунг, восстановивший почитание древних Богов и изгнавший христиан из страны — Свейн Вилобородый. Аркона пала последней из варяжских твердынь в 1168 году. Рыцари почти всей католической Европы, исключая разве далекие, погрязшие в войнах с маврами Испанию и Италию, собрались на отроге маленького острова у юго-западного берега Балтики. Однако, как гласит предание, сокровища и святыни главного храма славян не достались крестоносцам. Когда последний защитник Арконы упал замертво, белую скалу, на которой стоял храм, сотряс мощный толчок и, отделившись от острова, скала погрузилась в холодные волны Варяжского моря, унося тела защитников и не успевших убежать врагов.

Говорят, до сих пор на рассвете является иным над волнами светозарная Аркона...

Так кончился Руян, Остров Русов, родина Рюрика. Остался Буян в сказках и заговорах. И остался остров Рюген, на котором через два века после завоевания умерла последняя женщина, помнившая славянскую речь, с удивительно знакомой фамилией Голицына. Российские Голицыны утверждали, что их пращур пришел из-за моря вместе с Рюриком.

А что же остальные варяги? Одних сородичи императрицы Юдифи продавали по всей Европе, на рынках Северной Африки и торжищах Ближнего Востока. Многим удавалось выбиться, как, скажем, великому визирю эмира Кордовского, Джафару ас-Саклаби, Джафару Славянину. Но огромное большинство других, десятки и сотни, если не тысячи, безвестно угасли вдали от родины, сошли неоплаканными в безымянные могилы...Другие погибли, сражаясь. Третьи...

"И ушли славяне, жившие в окрестных селениях,

— пишет знакомый нам Гельмольд, —

и пришли саксы, и поселились здесь. Славяне же постепенно убывали в этой земле, потому что стекались сюда из своих земель тевтонцы, чтобы населить землю эту, просторную, богатую хлебом, удобную по обилиям пастбищ, изобилующую рыбой и мясом и всеми благами".

Уходили на Русь, уходили и в другие земли — летописи до XIV века будут поминать то варягов литовских, что вкупе с жемайтами позовет на Русь Ягайло, то варягов дунайских. Но, пожалуй, горше всего оказалась участь четвертых, не нашедших сил ни покинуть родную землю, ни погибнуть, сражаясь за нее. Сохранив родину, они утратили веру, имя племени, память предков и саму их речь. Через два-три века тевтонские рыцари фон Беловы, фон Дабеловы, фон Руссовы придут на Русь с огнем и мечом. Бывшие славяне, они понесут в землю родичей ту веру, тот порядок и тот язык, с носителями которых на смерть бились их прадеды.

Я рассказываю об этом, читатель, чтобы ты понял, что было бы на Руси, не наберись Святослав мужества твердой рукою перехватить у неразумной матери кормило киевской державы. В Киеве, Минске, Новгороде говорили бы сейчас по-немецки, и не было бы сейчас ни русских, ни белорусов, ни малороссов-украинцев. Разве что в глухих болотах Полесья, в Карпатах или у Белого моря ютились бы крохотные анклавные дреговичей, дулебов да словен, как в Германии, где живут несколько общинок лужицких сорбов — единственного остатка гордых и сильных княжеств Полабья. Остались бы Польша и Чехия, но... Как повернулась бы битва при Грюнвальде, приди туда вместо витязей из Витебска и Смоленска бывшие русичи из Витбурга и Смольнштадта — естественно, под черно-белые знамена Ордена? Продержался бы Жижка, если бы с Востока в Чехию, вместо братьев-запорожцев, двинулись бы соплеменники и единоверцы его врагов? Да и дожили бы Польша до Грюнвальда, Чехия до Жижки, если бы навстречу *Drang nach Osten* рванулся бы с Русских земель *Drang nach Westen*? Уцелели бы вообще на земле славяне?

Мир без "Слова о полку Игореве". Без Гоголя и Достоевского, без Мицкевича и Сватоплука Чеха, без Репина, Яна Матейко и Альфонса Мухи, без Огинского, Сметаны, Римского-Корсакова. Без башен Вавеля, улочек Златой Праги и белокаменных храмов Владимира. Без Донского, Суворова, Владислава Ягелло. Без Яна Собесского, Коперника, Менделеева...

Этого не случилось.

В 962 году князь Святослав одержал свою первую победу. Благодаря ей, читатель, я пишу эти строки, пишу на русском языке, славянской "кириллицей", а ты их читаешь. наших с тобой пращуров не продали в Кордове или Венеции, с табличкой "Sklave" на груди. Не уморили голодом в замковых подземельях. Не заставили забыть речь и имя своего народа.

Это сделал Святослав Храбрый, сын Игоря из рода Сынов Сокола.

Я скажу больше, читатель. Мы рассмотрели не самый страшный вариант истории в случае успеха миссии Адальберта. Но об этом — позже...

Ольга с тех пор никем и ничем не распорядилась. На ее долю осталось сидеть в светелке княжьего терема, прясть, покрикивать на служанок. Так закончилось правление "мудрой" Ольги, начавшееся беззаконной резней данников-славян и ознаменовавшееся двумя унижительными посольствами к вра-

гам и ненавистникам славянских народов, а так же утратой власти над землей вятичей. Больше — ничем. Листайте летописи, хроники, анналы. Не найдете. Дутый миф о ее "мудрости" основан на одном-разъединственном факте — она крестилась. Все. Начала она с соучастия, возможно, невольного, в убийстве мужа, и едва не закончила виновницей геноцида своего народа. Спасибо, сын — тот, что "зверским нравом живый", — не покарал за первое и уберег от второго. Ольге повезло, что она жила в языческой Руси, а не в христианской Византии. Сын не убил, не ослепил ее, не сослал в дальний монастырь, на такое способны лишь люди, а он — "зверским нравом живый".

Да, если кому любопытно... Адальберт, после киевского провала, не успокоился. Отправился крестить воинственных пруссов, племя, жившее на землях нынешней Калининградской области. Племя это еще много веков будет отстаивать свою веру от преемников Адальберта и будет ими уничтожено. Все. До последнего человека. Останется Пруссия, а пруссов не будет. В X же веке пруссы очень даже были. Они и прославили неутомонно рвавшиеся в святые Адальберта в качестве мученика. Что ж, тоже неплохо. Не равноапостольный, конечно, но чем богаты...

Повадился кувшин по воду ходить...

Вернемся к герою. 962 год — первый год его полновластия. Год окончательного превращения из княжича в князя. Из юноши в мужчину.

7. КАРФАГЕН ТРЕТЬЕГО РИМА. ИДУ НА ВЫ!

*Дани. Пошлины. Пошлины. Дани.
Рынки рабьи да деньги в рост.
Пухни, пухни, казна каганья,
Мерзни, мерзни, шакалий хвост!*

*Были моросью, стали — наледью.
Пали пылью, да въелись ржой.
Не уйти, как бывало, налегке,
Дорожа своей головой.*

*Стены куплены, рати наняты,
Груды золота — не спасут...
Синеокая сталь язычников
Позвала каганат на суд.*

*За разбои. За глум над храмами.
За сведенных на торг невест.
Пламя жжет. Но лютее пламени
Жжет со знамени Хорсов крест.*

Озар Ворон.

1. У кормила державы

*Он поднял меч, и слева, справа
Соратники поднялись строем.
Увенчанный былою славой,
Их гордый стяг взлетел над полем...
Он поднял меч, и вспышки молний
Явили их холодным взорам
Ряды мечей, знамен и копий -
Врага бесчисленные орды.*

Александр Лобков.

Итак, пред нами двадцатилетний князь. Возможно, уже отец, и даже не еди-ножды. Его дальний потомок, Владимир Мономах, женился в 12 лет. Ско-рее всего, в Константинополь юный государь ездил еще неженатым — даже "премудрая" Ольга не могла рассчитывать, что император Восточного Рима выдаст родственницу во вторые или третьи жены. Хотя... как знать, один сын нашего героя выклянчил таки принцессу-невесту, имеючи на момент сватов-ства пять жен и восемьсот наложниц. Но мы сейчас не о женах и не о сыно-вьях. Да и нашего героя в дни вступления на престол это заботило в послед-нюю очередь.

Что бы стал делать, оказавшись правителем и военным вождем огромной державы, тот гуляка-разбойник, которого рисуют нам иные историки? Начал бы налеты на соседей, выбирая позажиточней — и послабее, бандиты всегда

трусливы. На худой конец, если соседи показались бы бедноваты, пристроился бы пощипать крымские владения Византии — земли богатые, но слабо защищенные, особенно от набега с моря.

Именно так, к слову, поступил его недостойный сын, коего как раз отчего-то числят в государственных умах и собирателях. Начал с грабежа соседей, выбирая послабее и побогаче. Ятвяги, радимичи, вятичи, опять вятичи, ляхи... Что жертвы набегов были братьями по языку, крови, вере, его не волновало ничуть.

Или волновало? Или он, — а может, стоявшие за ним, — как раз все хорошо продумал и уже тогда готовил погром Новгорода и алую от крови Припять под Туровым? Уже тогда приучал дружину видеть врагов во взывавших к Перуну воинах? Приучал рубить стариков, заслоняющихся деревянными образами щуров, за косы оттаскивать от алтарей кричащих девушек, грабить и жечь славянские храмы? Как знать... Закончил же "государственный ум" превращением в наемника византийцев. Никто, даже крестившийся Оскольд, даже Ольга, не опускались до такого. Подавил мятеж в богатейшем крымском городе, неплохо, надо думать, на том поживившись; а в качестве "ста бочек варенья и ста пачек печенья" получил из Царьграда "собиратель"-наемник ошейник с крестиком и чернявую смуглянку-принцессу. Снизости-таки "богоизбранные" императоры...

Но и здесь герой нашего повествования вступает в противоречие со "здравым смыслом" древних и нынешних робичичей. Он воин — и выбирает наиболее опасного врага, опасного настолько, что войну с ним можно уподобить поединку с драконом, исполином-людоедом или другим чудищем из древних легенд. Он князь — и направляет оружие против смертельного, старого недруга Руси. Он жрец — и поднимает меч на воплощенную Скверну, земное подобие бесовни Кромешного мира, ожившее оскорбление Северных Богов.

На Хазарский каганат.

Но робичичи не унимаются. В последнее время все громче, все наглее звучат голоса, что-де Хазария была славянам другом, чуть ли не заботливой матерью. И от кочевников славян хазары защищали. И с передовой культурой знакомили. И экономику развили. И даже Киев они основали. В общем, несли светоч просвещения дремучим славянам и полудиким русам. И все было бы замечательно, если бы не злой, неблагодарный князь Святослав...

Менее бесстыжие — у меня нет охоты марать бумагу именами и тех, и других — смущенно признают, что хазары славянам были как бы и не совсем добрыми друзьями... мол, всякое бывало. А Святослав, стесняются робичичи, все равно зря их бил. Гораздо лучше, как умненькие-благоразумненькие византийцы, использовать одних врагов против других, вот... гораздо-гораздо лучше...

О эти змиемудрые умники... в VI веке их пращурсы посоветовали бриттскому королю Вортигерну использовать против дикарей-пиктов дикарей-саксов. Саксы приехали, огляделись, и, вместо войны с пиктами, вырезали бриттских князей и захватили Британию. Другие их предки нашептали Конраду Мазовецкому натравить на пруссов крестоносцев из Тевтонского ордена. Те охотно откликнулись — и превратились на несколько веков в проклятие всех окрестных народов, прежде всего — подданных Конрада.

И почти везде их застенчивый шепоток становился предвестником грохота

рушащейся державы. Почти — потому что находились правители, без затей отправлявшие шептунишек на конюшню и сами разбиравшиеся со своими врагами.

Впрочем, читатель, если шепоток робичичей нашел дорожку к твоему сердцу, если ты тоже считаешь, что первейший долг воина и правителя — защищать шкуры... виноват, жизни и имущество подданных, а не всякую "вредную чушь" вроде истинной Веры, славы предков и воинской чести, утешу тебя. Политика Святослава, бывшая продолжением политики его предков, имела вполне "рациональную" сторону. Когда-то спартанцы не строили стен вокруг городов, говоря, что их города защищены отвагой жителей. И хотя русские города окружали стены, в Ладоге даже каменные, сам дух этого обычая близок русам. Русы-язычники не укрепляли свои границы "великими стенами" или цепями городков. Безопасность земли зависела от грозной славы князя и его победоносной дружины. Проще говоря, русы верили, что нападение — лучшая оборона. Этот дух блестяще выражен в древней былине "Богатырское слово". Мы увидим в ней подлинное отношение русов к Византии и ее костянкам боголюбовичам, прикармливавшим и науськивавшим на Русь и Киев хищных тугаринов змеевичей и идолов скоропеевичей. На просьбу князя сидеть в Киеве и беречь город, богатыри отвечают:

"Не извадились (не привыкли) мы сторожем стеречи, только мы извадились в чистом поле ездити, побивати полки татарские".

Воплощением этой же мысли были походы Вещего Олега и отца Святослава. Под стенами Царьграда они не только бились с врагами своих Богов и своего племени, но и защищали Русь — не всякий решится напасть на народ, не боящийся Нового Рима и берущий с него дань. Той же цели, помимо прочих, будут служить и походы нашего героя. Чем опаснее враг, тем славнее победа. А чем славнее победа, тем крепче безопасность родной земли победителя.

Могут заметить, что такая стратегия рискованна. Может быть. Однако, как говорил Наполеон, "сидя в крепостях, войн не выигрывают". Никого еще не спасли Великие китайские стены и линии Мажино. Что до тактики робичичей — мы уже видели примеры ее результатов. Так же действовала Хазария. Так же действовала Византия. Что характерно, ни той, ни другой давно нет. А Русь еще жива. И может быть, в этом есть немалая доля заслуги нашего героя и преемников его воинского искусства — Владимира Мономаха, Дмитрия Донского, Ермака Тимофеевича, Александра Суворова и многих иных, тех, что не прятались за стенами, не норовили поссорить врагов, а "в чистом поле ездили, побивали полки татарские".

А нам с вами все же будет полезно попристальнее взглянуть на ту державу, с войны против которой начал самостоятельное княжение наш герой. Чтобы понять, почему воевать с ней не просто стоило... Впрочем, об этом позже.

2. Рождение каганата.

*Кто мне телушко изранил,
Кто мне душу замутил,*

*Кто утробу задурманил,
Чудо-Юдо зародил?*

С. Городецкий "Юдо. Горюнья".

Когда-то славяне и хазары и впрямь не были заклятыми врагами. Они, собственно, и врагами-то не были, не из-за чего было враждовать. Полукочевое племя предгорий Северного Кавказа помышляло о далеком Поднепровье не более чем их соседи — аланы-ясы, касоги, савиры. Об озере Ильмень, реке Волхов, о городе Ладога в те далекие поры хазары и не слыхивали, наверное. Разве что от приходивших по Волге-Итили купцов с далекого Севера. Но купцы приходили отовсюду, и Ладога была такой же полусказкой, как Рим, Багдад или страна за каменной стеной по ту сторону Великой Степи. Гораздо больше внимание хазар привлекали частые войны с соседями, да богатства Крыма и Закавказья. Туда хазарские джигиты отправлялись в лихие молодецкие налеты

Сами хазары были обычной "варварской" державой. Правил ими священный, но при этом выборный царь-жрец каган. Войска же на врага водил военный вождь, каган-бек. Были среди знатных хазар христиане, иные приняли религию своих заклятых врагов — мусульман-арабов, но большинство хазар, и знати, и простонародья, сохраняло верность древней вере предков, язычеству-шаманизму.

В VIII веке все резко переменялось. Вместо большого и сильного, но, в общем-то, рядового союза полукочевых племен — империя от Арала до Днепра, от Камы до Кавказа, сжавшая все торговые артерии Евразии. Вместо языческой терпимости — "воинствующий иудаизм". Вместо удачных набегов за добычей и славой — планомерное выжимание соседей, данников, иноземных купцов, вообще любого чужака.

А началось все в далеком Хорезме, еще не мусульманском. На исходе VII века его сотрясала гражданская война. К власти рвался Хурзад — родич хорезмшаха по отцу и внук старейшины общины рахдонитов — по матери. За ним стояли все рахдониты Хорезма и секта еретика Маздака. Маздакиты говорили о равенстве всех перед богом и выводили из него необходимость равенства на земле. А чтобы не было неравенства, следовало отнять все у тех, кто что-нибудь имел, и поделить между теми, у кого ничего не было. И зловещим призраком — не привидением мертвого прошлого, а тенью страшного будущего — реяло над ордами черни, дряни и сволочи, сбегавшейся отовсюду к Хурзаду, знамя Маздака. Багрово-красное, со Щитом Соломона — пятиконечной звездой.

На словах идеи маздакитов звучали, может быть, и неплохо, но в отсталом средневековом неграмотном Хорезме было слишком мало книжников, способных предпочесть красоту теории тому, что видели глаза и слышали уши. И не было еще газет, телеграфа, радио, способных обогнать беженцев, рассыпавшихся во все стороны из захваченных Хурзадом городов и сел. И чернели лицом хорезмийцы, слушая рассказы уцелевших об арыках, красных от крови тех, кто не желал отдавать бандитам Хурзада нажитое потом и кровью. И о том, как кричали, стонали, хрипели, прежде чем замолчать навсегда, пущенные по кругу их дочери и жены. Ибо женщины — тоже имущество. А имуще-

ство должно быть общим. Так завещал учитель Маздак. Так повелел вождь Хурзад.

А самые наблюдательные говорили об уцелевших в растерзанных городах домах ростовщиков и работорговцев. К ним сносили в ожидании окончательного дележа после полной победы все отнятое у "врагов истины" имущество. Сородичи матери Хурзада богатели среди пепелищ и руин.

И по иному перехватывал рукоять тяжелого кетменя угрюмый дехканин. И молча шел седлать коня благородный багадур.

Хорезм поднялся. Весь. Пощады не было — мстители шли мимо пересохших арыков на мертвых полях, мимо гниющих туш недоделенного скота и гниющих рядом оскверненных тел женщин, мимо чинар, увешанных трупами "врагов истины Маздака", и их родни, невзирая на пол и возраст. Пощады не было — и первыми это поняли те, кто наживался в погибающих городах. С востока надвигались остервенелые хорезмийцы, с севера лежало Аральское море, а с юга уже катилась прилетевшим из аравийских пустынь самумом конница халифата. Оставался запад, благо там, на Нижней Волге и Северном Кавказе у рахдонитов были старые связи — кочевники за бесценок продавали им добычу и рабов. Над погибающими шайками еще мотались кровавые тряпки Маздака, когда последний караван, тяжело нагруженный сундуками с их добычей, пересек западную границу Хорезма Отребье Хурзада сделало свое дело и больше не интересовало тех, кто был их истинными хозяевами.

На новой родине хорезмийские рахдониты и не вспомнили об уравнительных идеях Маздака. Побрякушка для дураков — и если кто-то из них побежал за ней и сейчас кормил воронье в дымящемся Хорезме, так тем лучше для племени. Племени? Корпорация ростовщиков и работорговцев, раскинувшая метастазы от иранских нагорий до Альбиона, не была ни племенем, — хотя в нее входили только евреи, — ни религией, — хотя основывалась она на законах Талмуда. Скорее она была исполинской мафиозной "семьей". В случае необходимости она жертвовала и "соплеменниками", и "единоверцами". Ее земной святыней были Выгода и Власть. В Хазарии еще не было толп полуголодного рванья и заевшихся богачей. Идеи Маздака здесь не вели к Власти, не давали Выгоды. Здесь ценились отвага и знатный род. Что ж, нашлись и удальцы, отличившиеся в боях с арабами, и красавицы-жены для племенных князей. По законам Талмуда сын еврейки считался евреем, от кого бы ни был зачат. И росли маленькие княжичи, которых все вокруг считали хазарами, а матери воспитывали, как сынов Израиля.

Вскоре очередной военный вождь хазар, Булан, принял иудаизм и женился на Серах, дочери рахдонитского старейшины. Так же поступил его сын, Рас-Тархан. Внук уже носил иудейское имя Обадия. Спустя века каган-бек Иосиф, потомок Обадии, напишет испанскому единоверцу Хасдаю ибн Шафруту, придворному Кордовского эмира:

"Обадия обновил царство и укрепил веру согласно закону и правилу. Он выстроил дома собраний (синагоги) и дома учения (хедеры) и собрал мудрецов израильских".

Византийские и армянские летописцы и, в особенности, сама земля, сохра-

нили свидетельства, позволяющие, скажем так, существенно дополнить эту мирную картину.

Теперь не в Хорезме, но в самом каганате полыхала гражданская война. Старая языческая знать не смирилась с превращением иудаизма в государственную религию. И дело тут не в каком-то особом "антисемитизме" знатных хазар. Скорее уж дело в ненависти рахдонитов-иудеев к язычеству, ненависти, основанной на запретах Ветхого Завета, его непримиримых требованиях не поклоняться "идолам", сокрушать "кумиры", ниспровергать "столбы", вырубать священные рощи и опрокидывать жертвенники. "Волхвов" и "ворожей" должно было изгонять, побивать камнями, разрубать на куски. Рахдониты не стремились обратить в свою веру весь хазарский народ, но наверняка требовали исполнения этих заветов от своих хазарских внуков. И вряд ли жрецы и не породнившиеся с рахдонитами хазары пришли в восторг, увидев, что те, кого они считали братьями, стали избегать обрядов хазарских богов, уничтожать изваяния предков.

Война была беспощадной, потери несли и те, и другие. Обадия потерял и сына Езекию, и внука Манассию, так что престол перешел после войны к его брату, Ханукке. Но противники Обадии были обречены. Новые хозяева страны плотной стеной стояли вокруг престола уже принявшего иудаизм кагана, — и их враги становились в глазах большинства хазар врагами кагана и каган-бека, изменниками и мятежниками. У них за спиной не было опыта гражданской войны. Язычники, чтившие род, они видели в новой знати хоть и неполноценных, но соплеменников. Откуда им было знать, что принесенный чужаками закон не позволял "соплеменникам" видеть в них хотя бы людей? Они пытались договориться, приносили клятвы. Откуда им было знать, что новая вера прямо вменяет в обязанность обмануть язычника, а раз в год, в веселый праздник Йом-Кипур, освобождает от любых обещаний и клятв? Они не имели представления о изощреннейшем искусстве интриги, виртуозное владение которым позволит потомкам их врагов натравливать друг на друга племена данников каганата.

Но все это было неважно.

Гораздо важнее, — и гораздо страшнее — был новый, незнакомый степнякам метод ведения войны.

До сих пор пределом жестокости в степной войне было вырезать всех мужчин в племени, что не переросли высокой оси огромных, почти двухметровых колес кочевых кибиток. Такие свирепые расправы врезались в память степняков, о них пели у ночного костра, в промежутках между рассказами об одnogлазых людоедах и кровожадных мертвецах... но даже в этом случае оставляли в живых малышей и женщин, пополнявших гаремы победителей.

И ни у каких костров в самые темные ночи не пели такого:

"И сказал им Моисей: для чего вы оставили в живых всех женщин?
Итак, убейте всех детей мужского пола и всех женщин..."
(Чис. 31: 15,17),

"А в городах сих народов, которых Господь бог твой дает тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души"
(Втор. 20:16),

"И взяли город. И... все, что в городе, и мужей, и жен, и молодых, и старых, и волов, и овец, и ослов, все истребили мечом"
(Ис. Нав. 6:19-20),

"опустошал Давид ту страну, и не оставлял в живых ни мужчины, ни женщины"
(1 Цар. 27:9).

Можно длить и длить цитаты, но зачем? Кому в радость дикое смакование кровавейших сцен насилия и резни? Чьи души ублажит сладострастный рефрен:

"ни осталось в живых ни одной души, никого не оставил, кто бы уцелел и избежал, все дышащее предал мечу"?

Если найдется таковой, пусть перечитает то, что мы уже цитировали — про землю обетованную, про кроткого царя Давида.

На несчастной хазарской земле вновь облачались в истекающую кровью плоть чудовищные предания Ветхого Завета. О, новая власть Хазарии помнила, хорошо помнила и не повторяла ошибок прадедов. Из восставших городов, захваченных войсками Обадии, беженцев не было. Спустя тысячу с лишним лет археологи раскопали их руины — так называемые Семикаракорское и Правобережное Цимлянское городища. И груды костей.

Чего ожидали семьи защитников, когда победители сквозь проломы в стенах ринулись внутрь? Плена, грабежа, унижений? Оплакивали близких, собирались искать их среди тел у стен и мечтали найти лишь ранеными?..

Они не знали, что им не придется никого искать...

"Так что истребили всех их, не оставили не одной души".

Кости, кости, кости... Не только у стен. Не только на улицах. В каждом дворе. В каждом доме. Кости детей. Кости женщин. Кости стариков.

"И истребишь все народы, которые Господь, бог твой, дает тебе; да не пощадит их глаз твой"
(Втор. 7:16).

Вот "закон и правило", согласно которым Обадия "обновил царство и укрепил веру". И "мудрецы израильские" в "домах собраний" с удовольствием повторяли древние строки книги пророка Наума:

"Несется конница, сверкает меч и блестят копья, и убитых множество, и груды трупов; нет конца трупам, спотыкаются о трупы их... даже младенцы их разбиты на перекрестках всех улиц"(3:3-16) и завершали победоносным: "Празднуй, Иудея, праздники твои,.. ибо не будет более проходить по тебе нечестивый: он совсем уничтожен!"
(1:15).

В двадцатом веке это назовут тотальной войной. Дрезден, превращенный в

чудовищную печь бомбардировками союзников. Ядерные грибы над Хиросимой и Нагасаки. На крыльях бомбардировщиков XX столетия красовался тот же символ, что и на знаменах новых хозяев каганата: Щит Соломона. Пятиконечная звезда.

Но у каган-бека Обадии не было ни самолетов, ни ядерных бомб. Кто же исполнял чудовищные приказы?

Это было второе "оружие победы" новых владык. Арабские путешественники особо отмечают, как диковину, что в земле хазар войско "получает жалование", то есть состоит из одних наемников. Чужаки или разбойничьи шайки изгоев. Что им была Хазария, ее обычаи, ее древние боги? Новые хозяева платили им. И они делали свою работу — чужаки равнодушно, изгой, пожалуй, и с удовольствием.

Ужас охватил уцелевших. Большинство не выдержало — и покорно склонилось под тяжелую длань новых владык. Непокорные бежали, уходили целыми родами — к венграм, к болгарам. В Болгарии долго еще рассказывали про страшных людоедов-"джидовинов". Возможно, кто-то уходил и на Русь. Велимир Хлебников видел потомка хазарских язычников — хабаров — в русском землепроходце Хабарове.

Нам на Русь возвращаться рано. Присмотримся — какова она, держава, родившаяся в чаду и крови гражданской войны 90-х годов VIII века.

3. Логово прогресса.

Обложной, многолетний кошмар...

Рынок адским прибоем хлещет.

Превращаются люди в товар,

С молотка продаются, как вещи.

Светобор.

Верховным и абсолютным владыкой каганата считался по-прежнему каган. По-прежнему его выбирали, и арабский путешественник видел будущего владыку Хазарии, еще до избрания, на базаре. Юноша торговал лепешками. Так что хазары могли гордиться — и наверняка гордились — одним из самых демократичных устройств в мире. Подумать только — простой торговец мог стать владыкой державы! И ведь возносил его не заговор придворных, не карьера интригана и честолюбца, нет — свободное волеизъявление всего хазарского народа.

К избранному кагану приходил каган-бек (в их роду выборных не было, как писал каган-бек Иосиф, "чужой не может сидеть на престоле моих предков, но только сын садится на место отца"), накидывал на шею удавку и требовал назвать число — не более сорока. Цифра, выдвленная задыхающимся избранником, и становилась сроком его правления. Удавку снимали и каган... исчезал для всех. Его лицо не позволялось видеть даже гвардейцам-мусульманам, даже наложницам из гарема, куда в обязательном порядке отбирали дочерей вассальных правителей. Лишь каган-бек и верховный судья каганата, кундур-каган, смели входить пред лицо кагана, разговаривать с ним, заглядывать ему в глаза. В остальное время каган закрывал лицо особым покрывалом. Ко-

гда он покидал дворец, все встречные под страхом смерти должны были падать ниц, и не поднимать голов, пока каган, окруженный свитой и гвардией, не скрывался из глаз. Впрочем, каган не так уж часто покидал краснокирпичную, со щитами Соломона на башнях, цитадель на острове в дельте Волги, именовавшуюся Камлык — Дом Царя. Там он жил, там он и умирал, когда истекал срок его правления или в стране начинались бедствия — вражье нашествие, эпидемия, голод. Разъяренный народ требовал смерти кагана. В обоих случаях к нему снова являлся с удавкой и доводил до конца когда-то начатое каган-бек, иудей, который, по словам Ибн-Русте, "не давал отчета никому над собою".

Выборный владыка каганата оказывался просто символом, куклой в руках каган-бека, а вся хазарская демократия — бутафорией, фарсом, ширмой, за которой вершили дела подлинные хозяева страны. Просто контора "Рога и копыта" с "зитц-председателем" каганом, за все отвечающим и не решающим ничего, и всевластным и безответственным "Бендером" — каган-беком.

Кроме демократии, был в Хазарии плюрализм или политкорректность, называйте, как больше нравится. В верховном суде кундур-кагана сидело 9 судей, представлявших все религии каганата. Чем не светоч терпимости среди тьмы средневекового фанатизма?!

Только в суде этим делами монолитной иудейской общины — придворных и верхушки купечества — занимались трое судей. Еще трое вели дела мусульман — наемников из дворцовой гвардии и части горожан. Делами христиан, армян-григорианцев, готов-ариан, кипчаков-несториан, ромеев и осетин — православных, занималось двое судей. Наконец, делами абсолютного большинства населения каганата, язычников, со всеми их бесчисленными культами, обычаями, законами, занимался один-единственный судья. Тут уж вспоминается другое произведение двадцатого века, "Скотный двор" Оруэлла: "Все животные равны, но некоторые из них — равнее".

Сам хазарский народ разделился на две неравные части. Принявшая иудаизм знать — "белые хазары" — пожинала все блага управления сильным и богатым государством. Остальные хазары — "черные" — были в большинстве христианами, мусульманами или язычниками. "Черные" и "белые" — это не просто социальная символика, вроде нашей "черной" или "белой" кости. "Белые" действительно отличались внешне от земляков — отчасти из-за примеси еврейской крови, скрадывавшей грубые, рубленые черты степняков; отчасти из-за того, что в тени дворцов, садов и паланкинов лица и впрямь оставались светлее, чем обветренные, смуглые лица пастухов и охотников. Иногда лица "черных" хазар чернели от голода. На рынках Хазарии видели матерей, продающих своих детей. Так жили не рабы, не данники — свои, хазары!

Еще любопытнее такая черта: кроме "белых" хазар, их слуг и наемной охраны, никто не мог войти в каменные цитадели городов — по сведениям Баварского географа, их в Хазарии была целая сотня! — обновленного каганата. Могучие стены защищали дворцы и просторные сады. А снаружи лезли друг на дружку глинобитные сакли, теснились юрты и мазанки, опоясанные лишь земляным валом над неглубоким рвом — единственным заслоном в случае нападения врага. В крепость не впускали даже стражу! Хазария была, пожалуй, единственной страной, где патрули городской стражи обходили цитадель снаружи. И здесь опять придется обратиться к словарю XX века. Потому что

именно тогда получили имя такие порядки, и имя это — апартеид.

Податные племена — двадцать пять народов, плативших дань кагану, — за людей не почитались в принципе. Ибн Фадлан пишет, что хазары все соседние народы считают своими рабами. Каган-бек Иосиф в письме Хасдаю ибн Шафруту еще откровеннее: народы-данники "как песок". Песком, пылью под ногами виделись хазарам окрестные племена.

Вот лишь один пример тому. Вождь вассального племени венгров, Арпад, по приказу кагана ушел в поход со всеми мужчинами племени. Заклятые враги венгров, печенеги, нагрянули в незащитные кочевья и вырезали всех, кто там оставался — стариков, женщин, детей. Вернувшийся из похода на пепелища Арпад со своими овдовевшими, осиротевшими воинами ушел из каганата и поселился аж на Дунае.

Так рассказывает эту историю наш старый знакомый, Константин Багрянородный. Но он оставил в ней множество темных мест. Почему кочевники-венгры не двинулись в поход вместе с семьями, как то было в обычае у кочевников? Почему Арпад оставил свой народ незащитным, если вражда печенегов к венграм была столь свирепа? Знакомство с русскими летописями порождает новые вопросы. Дважды печенеги осаждали русские города — Киев и обязательно Белгород, — и оба раза осажденные вполне серьезно собирались отпереть ворота кочевникам. Значит, печенеги далеко не со всяким врагом обходились так беспощадно. Наконец, почему Арпад ушел из каганата?

В XX веке археологи обнаружили, что кочевья орды Арпада соседствовали с цепью хазарских крепостей... Вы еще не догадались, читатель? Арпад считал себя союзником хазар, и полагал, что оставляет жен, детей, стариков под надежной защитой. Что полагали хазары, сказано выше. В крепостях избранного богом народа не было и не могло быть места для грязных язычниц и их отродья.

"Я ничего не могу доказать, но я вижу — это гораздо важнее",

говорил патер Браун в "Сломанной шпаге". Вижу и я, хотя предпочел бы не видеть. Не видеть лиц мадярок в тот миг, когда они поняли: ворота не откроют. Не видеть волчьей усмешки, проступающей на медноскулых чернобородых лицах печенежских вожаков, понявших это. И глаз какой-нибудь венгерской девочки: ведь это не может быть правдой, эти равнодушные стены, и накатывающаяся сзади воющая стая; сейчас что-нибудь случится, распахнутся ворота или блеснет кольчугами и шлемами на горизонте дружина отца, что-нибудь обязательно должно произойти!..

И не видеть пытливых, умных, больших карих глаз, пристально взирающих со стен. Ахающих и взвизгивающих женщин. Мужчин — горячие южные люди! — бьющих об руку, делающих ставки: сколько еще будет уворачиваться от кривых печенежских сабель вон та женщина; кто из печенежских лучников первым подстрелит прячущегося в овраг мальчонку; оторвется ли голова у старика, которого волокут за конем на аркане... Седобородых книжников, важно поучающих кудрявых смуглых учеников: помните, в Книге сказано: "язычники — лишь животные, принявшие человеческий облик"? Вот, смотрите: животные. Звери!

Что ж, может быть. Можно, наверно, назвать животным мадярку, недавно униженно вывшую

"Детей, господин, хотя бы детей! Вот дочка, она будет хорошей рабыней!"

— а потом с безрассудной яростью самки отстаивающей какие-то жалкие секунды жизни своим детенышам...

И можно, наверно, назвать зверем печенег, в угаре кровной вражды творившего над слугами кагана то, что наемники кагана делали во взятых городах и становьях.

Но какое слово мы найдем для этих — умных, веселых, спокойных хозяев каменных стен?!

Неизвестно, искал ли Арпад суда и справедливости у владык каганата. Или все понял уже там — над грудями обглоданных лисами-корсаками костей, небрежно сваленных в ров, чтоб не валялись на торговой дороге. Известно одно — пути каганата и его бывших вассалов больше не пересекались. Никогда. А потомок Арпада стал союзником нашего героя.

Может показаться невероятным, что при таком отношении вассальные племена все же служили каганату, платили ему дань, воевали за него. Но его новые хозяева были непревзойденными мастерами интриги. Они холили и лелеяли, по временам разжигая до прямой резни, кровную вражду горных и степных племен, оставаясь при том в роли беспристрастных судей, справедливых защитников слабых. В IX веке взбунтовались гузы. Их подавили с помощью "черных булгар". Потом восстали "черные булгары", но власти каганата натравили на бунтовщиков алан. Через двадцать лет подняться против кагана решили уже аланы, но теперь каган превратил в карателей гузов — недавних бунтовщиков. Каганат берег недешево обходившихся ему наемников.

Впрочем, и наемникам в каганате жилось непросто. Да, много сытнее, чем рабам, данникам или даже "черным" хазарам. Но платили хозяева каганата только за победы. Проигравших казнили, и вряд ли их утешало, что их участь разделял хазарский полководец. Тому, прежде чем палач кагана рассекал его на части, предстояло наблюдать, как будут разыгрывать по жребью его имущество, жен и детей вчерашние друзья.

Когда на бой выходила вся армия каган-бека, выглядело это так: войско атаковало врага отряд за отрядом. Каждый имел свою задачу, каждый носил повосточному поэтичное название. Первая волна называлась "Утро псового лая". Здесь шла двуногая дань податных племен, преступники, соблазненные обещанием прощения и добычи, наемники последнего разбора. В визжащей и воющей ораве редко блестел шлем или кольчуга. Над месивом стеганых халатов и косматых бурок, башлыков, хвостатых малахаев и бараньих папах вперемишь с редкими саблями вертелись кизилевые дубинки, кистени, самодельные чеканы. Делом этой волны было поглотить, утопить в себе натиск врага, принять на себя его стрелы, дротики, копья, смешать его ряды. И поскорее, иначе со спины в "Утро псового лая" вламывался "Полдень помощи". Тут мчались наемники классом повыше и дружины вассальных вождей. Эти были обязаны своей мощью сломать оборону противника, прорвать его построения. Быстрее, быстрее — уже стонала земля, уже катилась стена всадников, от конских копыт до ощеренных личин шлемов забранных в железную чешую. Это наступал "Вечер победы". Длинные копья пронзали врага — или пытающегося бежать соратника. Тяжелые копыта втаптывали в землю и бегущих, и тех, кто пытался сопротивляться. Военская элита каганата — воины знатных родов,

наемники высочайшего класса, гибрид командос с бронетанковыми войсками, заградотряд и решающий боевой резерв в одном лице.

В племенах лесовиков, степняков, горцев вожди и их дружины шли в бой первыми. И это тоже играло на каганат.

Конечно, портрет каганата будет неполным без его экономической стороны. Из чего слагались те богатства, на которые нанимали огромные армии, воздвигали каменные твердыни?

Мы говорили уже, что каган жил в цитадели на острове в дельте Волги. Окружала цитадель новая столица каганата — Итиль. Прежняя столица, Семендер, была базой набегов на богатые земли Приазовья и Закавказья, и крепостью, позволявшей контролировать Дербент — "Железные ворота" Кавказа, в которых нередко показывались армии шахов Ирана или арабских халифов. Итиль лежал в глубине Хазарии, вдали от границ и фронтов, зато на пересечении двух важнейших торговых путей Евразии — Шелкового и так называемого Мехового, шедшего из Балтики на Восток по Волге и Каспию. Перемена столицы без слов объясняла, кто хозяин в Хазарии. Не крепость, а торжище и таможня, не Отвага и Честь степных удальцов, а Выгода и Безопасность правили теперь каганатом. Проезжающие купцы оставляли в казне каганов огромные пошлины и часто предпочитали продать товары в Хазарии. Хазары же — точнее, "хазары"-рахдониты — перепродавали их дальше, естественно, вздувая цены.

В многочисленных городах, возникших в Хазарии при новой власти, работали огромные мануфактуры-эргастерии. Благо все больше дешевой рабочей силы появлялось в стране — бесчисленные рабы, обнищавшие "черные хазары", данники, дотла разоренные мытарями каган-бека. Эргастерии выплескивали на рынки огромные партии товара, сделанного по очень простому принципу: дешевле, больше, быстрее. В потоках ширпотреба первым захлебнулось ремесло самих хазар, и так не оправившееся от борьбы с язычеством и свирепого запрета новой веры на изображение живых существ. Вскоре пошли на дно, закрывая разорившиеся мастерские ремесленники древних городов Черноморского побережья, хранившие еще с эллинских времен заветные дедовские тайны красок, тканей, сплавов. На что были новым хозяевам эти древние секреты? Да, эргастерии плодили убожество, а прежние мастера творили красоту. Но эргастерии были выгодны, — и это решало все.

На второй век новых порядков археологи лишь по мельчайшим деталям обрядов могут угадать, кто населял тот или иной город Хазарии: готы, аланы, печенеги, буртасы, греки, славяне, хазары? Одинаковые дома. Одинаковые украшения. Одинаковая посуда. Одинаковое оружие и орудия мирного труда. И опять просятся на язык слова XX века: массовое производство, рынок, унификация, стандарт.

Одним из основных источников выгоды была торговля людьми. Мы помним, что братья новых владык каганата по крови, вере и корпорации держали в своих руках работоторговлю в Европе. Благодаря столь удачному положению Хазарии, рахдониты контролировали всю торговлю Востока с Западом и Запада с Востоком. Как мы помним, основным товаром Европы при этих посредниках стали рабы.

Напоследок внесем еще одну выразительную черту в наш портрет Хазарии. В столице каганата, в государственных мастерских в массовом порядке чека-

нили фальшивые дирхемы мусульманских стран. Шли эти монеты на торговлю с северными и северо-западными соседями — как нетрудно догадаться, взглянув на карту, славянами. Чеканщики оставляли на монетах значки, напоминавшие "понимающим" о происхождении монеты. Купец-чужеземец не только вынужден был продавать товар в Хазарии по неполной цене — даже эту неполную цену он получал фальшивой монетой. К слову, во многих государствах и городах тогдашней Европы за попытку расплатиться поддельными деньгами полагалась мучительная казнь

Есть, право, в этом нечто неповторимо особенное. Править огромной империей; собирать дань с народов, многочисленных, "как песок"; повелевать мощной, хорошо оснащенной профессиональной армией; держать в руках всю торговлю Евразии... и выгадывать копеечку, обманывая неискушенных, не "понимающих".

Оглянитесь на заверченный портрет. Посмотрите, сколько знакомого людям нашего времени. Тут и замаскированная под демократию власть финансовых корпораций; и оруэлловское "равенство" народов и вер ("но некоторые равнее..."); тут и наемная армия, тотальная война, геноцид; тут и апартеид, и идеи национально-расового превосходства; террор и интрига, как основные средства политики; массовое, ориентированное на рынок производство, порождающее стандартизацию жизни.

Когда-то советские журналисты любили оборот "логово реакции". Хазарский каганат достоин имени логова прогресса. Хотя, справедливости ради, надо отметить: для хозяев каганата "прогрессивность" была не главным. Они о ней вовсе не думали. Их способ жизни был для них не просто выгодным или правильным, но в полном смысле слова богоугодным, святым — "кошер". Запомним это слово — оно нам еще встретится.

Все же, что жило и дышало вне строгих границ "кошер", было нечистотой, гнусностью, скверной и скотством — "треф". И конечно, самым "трефным" были соседние языческие племена. В том числе славяне.

8. ПЕРВОЕ ИГО.

*Птица Матерь Сва вновь крылами бьет!
Злая рать хазар бродит по степи,
Сквозь любую щель городских ворот
Все слышнее гул вражьей поступи!
Черным дымом в небо идут дома,
Жаль вопит, обрекая мыкаться.
До своих Богов, коих скрыла тьма,
Скорбный голос спешит докликаться...*

Игорь Кобзев.

*Раскинув сеть усобиц и разрух,
Жирует враг на пиршестве кровавом...
Светобор.*

1. Кошерища.

*И слышу я знакомое сказанье,
Как Правда Кривду вызвала на бой,
Как одолела Кривда...*

Н. Заболоцкий.

Мы уже говорили, что когда-то хазары и славяне жили более или менее мирно — настолько, насколько могли два варварских племени-соседа в раннее средневековье. Славяне обильно и безбоязненно заселяли щедрые черноземы нижнего Дона и Кубани. В VIII веке, во время войны с языческим еще каганатом, арабский полководец Мерван, прорвавшись в эти края, угнал в плен 20 тысяч(!) славянских семей. К цифре этой можно относиться по-разному. Даже такое количество человек для раннего средневековья почти невероятно — это сколько же тогда было в арабском войске? — а если учесть, что речь о семьях, и не о нынешних "папа, мама, я", а о нормальных семьях с двузначным числом чад и домочадцев... но одно можно сказать уверенно — славяне в тех краях жили, и было их немало. Скорее всего, тогда хазары и заимствовали славянское слово "закон". Об этом полезно помнить, чтобы понимать, кто на самом деле был "культуртрегером" в отношениях славян и хазар.

Нет ничего невероятного в том, что какие-то славянские удалцы, а то и пришедшие по Волге повольники-русы с Варяжского моря, присоединялись к хазарским джигитам в их походах на Крым или Закавказье. Возможно, об этих временах и вспоминают русская былина о витязе Казарине, арабское предание о трех братьях — Славяне, Хазаре и Русе. Северокавказский царек Шахрияр — уж не тот ли, которому рассказывала сказки Шахерезада? — писал халифу, что сражается с двумя "врагами всего мира" — русами и хазарами.

Все переменилось после 730 года. Наши летописи, полные сообщений о воинских союзах с печенегам, торками, половцами, берендеями, (было даже особое слово для степных союзников — "ковуи"), молчат о союзах с хазарами.

Молчат византийцы, много писавшие о союзах славян с гуннами и аvaraми. Молчат летописцы христианского Закавказья и мусульманские авторы.

Можно долго доискиваться причин такого отчуждения. Скажут, что каганат, с его мощной наемной армией, не нуждался в союзе со славянами. Скажут, и будут неправы. В древней Индии, с ее непревзойденными клинками и боевыми слонами, магараджи охотно использовали в войнах отряды "лесных племен". Обитающих в джунглях аборигенов, стоявших бесконечно ниже славян, и, собственно, еще не вышедших из каменного века. Великий Рим не брезговал делаться союзниками-федератами и самих славян, и бывших на том же уровне быта и военного дела германцев.

Можно — и несколько ближе к истине — сказать, что славянами недолго осталась незамеченной насаждаемая рахдонитами двойная мораль Талмуда. Она не просто ставила ни во что обещание, данное язычнику-"гою", но прямо вменяла в обязанность его обмануть.

Однако на деле все было и сложнее, и проще одновременно. И лучше всего говорит об этом былина "Иван Годинович".

Сюжет ее прост. Заглавный герой, киевский богатырь — в иных вариантах он даже племянник великого князя, — желает жениться. И не на ком-нибудь, а на Авдотье-королевичне, дочери "короля черниговского". Заботливый князь велит богатырю взять с собой дружину и щедро предлагает сто воинов от себя, и столько же — от дружины княгини (помните "малую дружину" Ольги?). Богатырь гордо отказывается. В Чернигове он узнает, что к Авдотье сватался "царице Кошерице" — вот как всплыло знакомое слово! Невзирая на это, богатырь все же берет в жены "королевну" и возвращается восвояси. В дороге на них нападает Кошерице. За конной стычкой следует пеший бой и, наконец, борцовский поединок. Силы соперников равны. Кошерице просит Авдотью помочь ему, говоря, что, став невестой Годиновича, она сделается "портомойницей", рабыней:

За Иваном быть, так холопкой слыть,
А за мною быть — так царицей слыть.

Очень странно — на первый взгляд. Ведь Иван Годинович — приближенный, а то и родственник князя, вождь собственной дружины. И ничего странного — если Кошерице и впрямь воспоминание о кошерных властелинах Хазарии. Вспомним Ибн Фадлана:

"Все же народы, живущие рядом с ними, считают хазары за своих рабов".

В глазах Кошерица русский богатырь, да и сам его князь — рабы по рождению.

Но на этом доводы Кошерица не исчерпаны. Он хвалит свою веру и ругает русскую. Насколько важен этот мотив, говорит его полнейшая исключительность. Враг в былинах может хулить богатыря последними словами — хотя холопом его не называет, Кошерице и тут оригинален — может грозить спалить Киев, убить князя, разрушить церкви. Но никогда, кроме этого случая, враг в былинах не заявляет, что его вера лучше, правильнее русской. Начинает же список преимуществ своей веры Кошерице словами:

У нас вера-та ведь и очень ведь есть легка -
Не надоть мыть своего тебе лица белого...

Можно предположить, что здесь отразилась известная нелюбовь степняков к мытью ("смывая грязь, смываешь удачу").

Можно предположить, что здесь идет речь о предельной нечистоплотности иных талмудических ритуалов (см. В.В. Розанов "Юдаизм").

Но первое было слишком уж общим местом. Почему же оно отражено именно и только в этой былине? Талмудические же ритуалы были таинством, на которое просто не могли допускаться язычники.

Однако вернее всего будет сказать, что после встречи общения с кошерницами славянину просто очень хотелось как следует отмыться. Почему — ярче всего отражено в былине. Г. К. Честертон как-то сказал, что если бы ему дали прочесть одну-единственную проповедь, он посвятил бы ее греху гордыни. Бьющая через край гордыня делала еще отвратительней то, что не могли не знать о каганате его соседи. Нечеловеческая жестокость наемников каган-бека. Голодные матери, продающие своих детей. Возведение в основы государства того, что язычники всегда презирали — ростовщичество, работорговли, наемщины. И над всем этим полыхал сернисто-желтым нимбом ореол бесовской гордыни хазар... Стоит ли удивляться, что соседи-язычники отвечали на нее почти физиологической брезгливостью? Попробуйте просто представить себе человека, действительно и всерьез считающего себя лучше всех. Не надо даже добавлять, что он сутенер и убийца, одного этого хватит для отвращения. Хотя тот, кто считает себя лучше всех, рано или поздно сочтет себя выше чужой чести — и станет сутенером, выше чужой жизни — и станет убийцей. Он не сможет ни одуматься, ни раскаяться — ведь он выше всех... Бессмысленно пытаться пересказать великолепную проповедь Честертона, тем более — в нескольких строках. Моя задача сейчас не показать, как "самоутверждение" и "формирование индивидуальности" превращают человека в чудовище. Я просто хочу сказать, что они делают это; с одним человеком или с целым народом, что они сделали это с хазарами. Даже у нас, испорченных веками цивилизации, вызывает тошноту народ, одобряющий бомбежку чужих роддомов, и визжащий, как о величайшем в истории злодействе, о взрыве двух своих торговых центров. Вспомните кликушество 11 сентября 2002 года — и вы испытаете тень тех чувств, которые испытывали к кошерницам наши предки. Для них каганат был населен чудовищами — в самом прямом смысле слова. С этими чувствами можно сравнить лишь чувства древних римлян к Карфагену. Точно то же физиологическое омерзение людей Чести к людям Выгоды (а гордыня и культ выгоды неразделимы), что звучало в неистовом *Esse delendam*, "Должен быть разрушен!" Катона.

Именно это, при всей очевидной выгоде союза с бронированными орлами каган-бека и торговли с пухнувшими роскошью городами, отталкивало славян от общения с былыми союзниками. Как там у Стругацких: "Мерзость, не прикасаться!". Но общаться приходилось. Кошерница упорно и очень настойчиво навязывали соседям свое общество.

2. Сказание о дани.

*За Почай с детьми угоняют мать,
И толпою — жен, и гурьбой — сестер!
За Почай, за Почай все, что можно взять,
А что взять нельзя — то в костер!*

В. Максимов "Это было на Почай-реке".

Не так давно археологи открыли цепь белокаменных крепостей на высоких мысах правого берега Дона, Северного Донца, Оскола. Археологи уверенно полагают, что цепь эта продолжалась и далее, возможно, до Днепра, но граница незалежной и самостийной Украины стала и границей этого научного открытия. Одну твердыню от другой отделяли 10-20 километров — можно сказать, стояли они почти вплотную. Под стенами крепостей нашли могильники — кладбища наемников каганата. Среди воинских погребений нашли немало женских. В армии каган-бека, как в сегодняшней израильской, служили и женщины. И у них, и у мужчин талии охватывали пояса в серебряных бляшках. Каганат был щедр к наемникам, среди которых можно распознать выходцев из черных болгар, печенегов, мадьяр и прочих степняков.

Но что они делали на правом, западном и северо-западном берегу рек? Оберегать хазарские пределы было гораздо удобнее на другом берегу, превратив сами реки в дополнительный, естественный оборонительный рубеж. На правом же берегу место не защитной заставе, а форпосту натиска, боевому прикрытию и для переброски войск на вражеский берег, и для отступления.

На кого наступали хазары?

"Вплотную к этой линии, — пишет археолог С. А. Плетнева, открывшая хазарские укрепления. — с севера и запада подходили поселения славян". Мы же скажем по-иному — это цепь хазарских крепостей вплотную подходила к славянским землям, стояла на них. Из них совершались разбойные рейды небольших шаек служилых кочевников, а в случае большой войны они прикрывали переправы армид бронированной конницы.

Идриси, восточный автор того времени, сообщает: мадьяры, вассалы хазар, регулярно ходили в набеги на славян и угоняли множество пленных. Их потом продавали грекам на крымских рынках. Базой таких налетов и были крепости на хазарской границе.

Вот так, и никак иначе, каганат "защищал" славян от набегов кочевников, создавая из последних военные поселения на славянских границах. Хазария действительно прекратила набеги, превратив их в регулярный террор бронированных орд. Разумеется, никакой "набег" никакой кочевой ватаги не может оказаться настолько разрушителен, как многолетний, целенаправленный, расчетливый, регулярный грабеж силами огромного государства. Теперь кочевники не уходили зимовать к морю, не тратили времени и сил на длительные кочевья туда и обратно. В любой день года ворота любого из разбойничьих гнезд могли распахнуться пастью тьмутлавого гада, и извергнуть на селения славян несущую разрушение, смерть и рабство живую лаву. Не отсюда ли легенды о чуде-Юде? Даже если бы сильное славянское княжество сумело

бы срубить одну голову — то есть осадить одну крепость, — гарнизоны соседних немедленно могли прийти на помощь осажденным. На месте одной головы выросло три.

Откуда у степняков умение строить крепости? Что за "огненным пальцем" отращивал себе головы чудовищный гад? Отчасти — еще хорезмийское наследие, вывезенное эмигрантами-рахдонитами. Но было и другое. В IX веке в каганат прибыл с дружественным визитом византийский инженер в чине спарококандата, патриций Петрона из знатной семьи Каматиров. Именно Петрона Каматир спроектировал печально знаменитую Белую Вежу — Саркел, и ряд других хазарских крепостей. Так славяне Приднепровья впервые близко познакомились с достижениями византийской цивилизации.

Русские былины сохранили память о хазарском нашествии:

Из этой из земли из Жидовския,
Проехал Жидовин могуч богатырь.
(*"Илья Муромец и Жидовин"*)

Со восточной было стороны
От царя было иудейского,
От его силы жидовския
Прилетела калена стрела.
(*"Федор Тырянин"*)

"Ветры злые с восточной стороны" из знаменитого "То ни вечер..." дуют из тех, давно минувших веков. А "калена стрела" — один из символов объявления войны, вроде копья, которое метнул в древлян маленький Святослав.

В былинах отразилась победа над каганатом в X веке, победы Олега Вещего и Святослава Храброго. Но было и иное. От "каленой стрелы" до крушения Хазарии прошло полтора столетия.

Полтора столетия хазарской дани.

Поляне заплатили дань мечами. По преданию, хазарские мудрецы истолковали эту дань, как предвестие грядущего поражения каганата в борьбе с киевскими князьями. Любопытно, что и историки желают видеть в летописном сказании некую аллегория. Между тем дань оружием в раннем Средневековье была обычнейшим явлением. Канут Великий, король Дании, брал с Норвегии дань секирами. Варини, предки варягов, платили королю остготов, Теодориху, дань мечами, как и поляне кагану.

Но стократ тяжелей, — даже если помнить, чем был меч для воина-язычника, — стократ тяжелей и страшнее легла дань на другие славянские земли: Северу, Вятичей и Радимичей.

В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях записано, что хазары брали от "дыму" (не то от дома, не то от родовой общины) *"по беле веверице"*. Историки долго спорили, как понимать эту запись. Не то по "беле (серебряной монете) и веверице (белке)", не то "по белой веверице". Сошлись на том, что первое маловероятно.

Но в XV веке в Московском княжестве, в землях тех самых вятичей, штраф за синяк составлял пятнадцать беличьих шкурок. То есть русский с русского, и

не с дома, не с общины, а с одного человека, и не в качестве дани, а в уплату за синяк брали в пятнадцать раз больше. А ведь и лесов, и белок за полтысячи лет стало меньше, и цена их меха должна была, соответственно, возрасти. Зная то, что мы знаем о хазарах — можно ли вообразить такую мизерную дань?

Но сохранилась другая летопись, Радзивилловская. И написано в ней иное. Такое, что поневоле понимаешь других летописцев. Так и представляешь, как монах в келейке неверяще глядит на древние строки, и переправляет по своему разумению — на ту самую "белую веверицу".

А написано было: *"По белой девице от дыма"*.

И рядом, на миниатюре, чтоб никто не ошибся, не принял за случайную опisku — стайка девиц и старейшина, склонившийся перед надменным хазарином.

Вот это как раз очень похоже на то, что мы знаем о каганате. Вспомните — Хазарией правил клан работорговцев. Что для них было естественней такой дани — и выгодной, и сокрушающей гордость данников, приучающей их к всевластию посланников каганата и собственному бесправию?

А теперь, уважаемый читатель, если вы еще не поняли, или не поверили, что хазары были в глазах славянских соседей чудовищами, постарайтесь примерить на себя. Попробуйте представить, что это вы, заслышав голос бараньих рогов-шофаров, идете к воротам — впускать в родное селение сборщиков дани. Идете и гадаете, кого они уведут. Сестру? Дочь? Невесту? Представьте, как это — жить год за годом в ожидании этих страшных дней. Представьте, каково было смотреть в глаза матерям девушек, которым выпадал безжалостный жребий. И каково было давить в душе мерзопакостное облегчение — нынче увели не твою! И знать, что когда-нибудь ты зашаришь по лицам сородичей отчаянным взглядом — "Дочку же! Доченьку..." — и увидишь тень этого, недодавленного облегчения. И какой бабий вой стоял в такие дни над тремя славянскими землями...

Виновники этого не могли быть людьми. Не "искажение", не "наслоение", не "эпическая фантазия". Леденящий кошмар высшей правды, обнажившей непотребство мутировавшей, выродившейся чужой души. Души, делавшей ее обладателей много омерзительней и страшнее, чем змеиная чешуя и огнедышащие головы. "Налетало чудо-Юдо коганое, требовало себе на обед красну девицу"...

3. Черниговские напасти.

*А въстона бо, братие, Киевъ тугою,
А Черниговъ напастьми.
"Слово о полку Игореве"*

Тому, о чем я собираюсь рассказать в этой главе, пока нет археологических свидетельств. Но поискать стоит, если верно все то, что мы знаем о славянах, о людях вообще. Бережливые хозяева каганата не зря тратились на белый камень крепостных стен, — ни одна другая граница Хазарии не была так укреплена! — и серебряные пояса наемников. Еще в VII веке византиец Маврикий

писал о наших предках: "Этот народ никакими силами невозможно принудить к повиновению в своей земле". И вот этот народ заставили платить дань женщинами! Да славянские земли должно было трясти лихорадкой отчаянных постоянных восстаний! Отчаянных — потому что племенные ополченцы с рогатинами и топорами, и умелые, но малочисленные дружинники мало что могли поделать против орд кочевых вассалов каганата и бронированных лав его наемников.

Мы знаем о двух таких восстаниях. Я начну с описанного в закавказских летописях. Обычно его относят к более ранней эпохе. Но летописцы Закавказья нередко удревняли на век-другой северные известия. Так, Тифлисские летописи перенесли на два века в прошлое поход русов на Византию IX века. Считают также, что известие это относится к кочевникам-савирам, соседям хазар, но есть причины — и я о них расскажу — относить рассказ летописи к северу, северянам.

Их вождя армянин-летописец назвал Илутвером; можно уверенно перевести это имя, как Лютовер. Лютовер решил восстать против кагана. Захожие проповедники из Византии убедили его, что если он примет христианство, Христос и его земной наместник, кесарь, помогут ему.

Лютовер принял новую веру. Из Византии приехал епископ со звучным именем Израель. Он собственноручно свалил священный дуб. Вот из-за этого я и думаю, что речь о славянской севере, а не о кочевниках-савирах. Те вряд ли могли поклоняться дубу, а у славян, как уже говорилось, дуб был святыней Перуна. Более того, сам этот дуб найден археологами в Десне, реке северян. Ствол дуба усажен клыкастыми челюстями кабанов — священных зверей Перуна. Срублен он был на рубеже VIII-IX веков, задолго до крещения Руси в 988 году. И, скорее всего, именно он стал жертвой фанатизма византийского проповедника.

Епископ не ограничился истреблением святыни северян. Он калечил обереги славян, маленькие коловраты-свастики, обламывая им зубцы и превращая в обычные кресты.

Понадеявшись на новых заступников, небесного и земного, Лютовер объявил войну каганату. Можно представить, как, с каким сердцем шли в бой люди, с чьих шей свисали изувеченные обереги, а перед глазами, верно, еще рушилось с обрыва тысячелетнее дерево Бога Побед.

Северяне были разбиты. Лютовер, взятый в плен, вынужден был принести кагану унижительную клятву покорности, и отдать в гарем кагана единственную дочь. Не отсюда ли в русской былине "королевна Черниговская", просватанная за "царице Кошерице"?

Бог христиан не двинул с небес, на помощь новым приверженцам, ангельские полки. Кесарь в далеком Константинополе не шевельнул пальцем, чтобы помочь новым единоверцам. Что там варвары-славяне, вчерашние язычники... Византия фактически предала хазарам даже крымских повстанцев-христиан Иоанна Готского.

Зато греки, наверное, как всегда, скупили немало полонян, которых хазары гнали из разгромленной, разоренной Северской земли.

Имя другого борца с хазарской напастью сохранило народное предание, справедливо позабывшее Лютовера. Князь Черный, основатель Чернигова, погиб в борьбе с завоевателями. Его дочь, княжна Черная (на Руси женщин ча-

сто величали по отцу — вспомним Ярославну и Глебовну "Слова о полку"), кинулась с башни, предпочтя смерть плену.

Много их будет потом на Руси. Много — но недостаточно, чтоб заткнуть поганые пасти, квакающие: "Какие чистокровные русские, татары всех баб перемели". Славянки не походили на нынешних манек и танек, с изнасилованными пещерным интернационализмом мозгами. Эти-то и впрямь лягут под любого мумбо-юмбо, лишь бы "человек" был "хороший" (то есть щедрый и с деньгами)... Женщины же славян и русов предпочитали смерть — в отчаянном шаге с башни, или в бою, с оружием в руках — рукам грязного дикаря. Тех же горемык, кто не успевал найти спасение ни в бегстве, ни в милосердных объятиях Мораны-Смерти, буквально разрывали многочисленные, озверевшие от долгого мужского поста степняки. Но скотов в человеческом обличье ничто не убедит в существовании людей. Ни скорбные легенды, ни распятые женские скелеты в разрытых археологами обугленных руинах, оставленных степными ордами. Были ли иные? Были. Но не правилом, как нынче, а исключением, и лучше всего показывает это все та же былина "Иван Годинович". Авдотья все же пришла на помощь Кошерищу. Вдвоем они связали русского богатыря. Но Кошерище вскоре гибнет от своей же стрелы, нацеленной в посланца Богов, вещего ворона, предрекшего ему смерть. А богатырь, освободившись, подвергает невесту-изменницу лютой каре: отрубает последовательно ноги, руки, губы, и только потом — иногда — голову. Беспремерна жестокость наказания — видно, беспремерна, исключительна была и вина спутавшейся с "царищем" дуры. Былина не осуждает Годиновича.

В той же легенде о князе Черном говорится, что древлянский князь не только не помог северскому князю, но и продолжал нападать на его земли... Как и на варяжских землях, находились те, кому прадедовские счеты из-за пашен и выпасов были дороже славянского братства. И не зря, наверно, русы воевали с древлянами и уличами, свирепо "примучивали" их, облагали жестоким данью. Впрочем, не будем судить их чересчур строго. Изощреннейшее интриганство рахдонитов оплетало людей и похитрее лесных князьков. А уж разжигать межплеменные распри было их любимой методой. *Divide et impera* — разделяй и властвуй.

Труднее понять... даже не так, труднее говорить о других. Но сказать надо. Потому что они были — славяне, служившие в войске каган-бека. Может, это были выращенные сызмальства в собачьей преданности хозяевам рабы, вроде египетских мамелюков или турецких янычар. Среди и тех, и других было, кстати, немало славян. Может, были то подневольные воины даннических племен славян с Дона и Кубани, дальних предков казаков. Очень хочется верить, что этим все и исчерпывалось.

Но мы не можем, не имеем права, увы, исключить и другую возможность. Возможность того, что сытое и сравнительно безопасное бытие наемника многим юным данникам казалось предпочтительней убогого и нищего житья в забитом податном племени. Возможности того, что уже тогда знамена поработителей слепили чьи-то юные глупые глаза сиянием Силы. Слепили так, что глаза эти не видели того, что отталкивало от каганата их предков, их сородичей: полнейшее отсутствие даже намека на Правду в этой наглой, незаконной, всеподавляющей Силе.

В полном соответствии с канонами голливудских ужастиков, жертвы вам-

пира сами начали сторониться солнца и облизываться на чужие артерии.

Хватит. Противно. Кому из читателей по душе любоваться мерзостями, пусть отложит эту книгу и включит телевизор.

Последнее — участь князя Черного разделили, очевидно, все князья полян, северы, радимичей, вятичей. Именно они становились во главе все новых и новых восстаний. И, в конце концов, хазары — скорее рано, чем поздно — вспомнили очередные наставления Ветхого Завета:

"И предаст царей их в руки твои, и ты истребишь имя их из поднебесной"
(Втор. 7, 24).

Повесть временных лет не упоминает среди восточнославянских земель, в которых ко времени прихода Рюрика было "княжение свое", никого из хазарских данников. И не из-за того, что вятичи или радимичи были дикарями. Просто их княжеские роды полегли все до единого человека. До последнего исполнили долг сынов Перуна, защищая подданных от чудовищного ига воплощенной Кривды. Да будет светла их память; жаль, что мы не знаем их имен, кроме северянина Черного.

Когда ненасытные руки каганов потянулись на север, к Ильменю и Белозеру, вот тогда-то славяне и призвали варягов-русь. И не стоит, наверное, говорить о контроле над торговыми путями, как иные историки. Это, скорее, хазарский взгляд на события тех лет.

Чтобы представить, отчего вольнолюбивые, воинственные, буйные славяне согласились признать над собой власть чужаков, не нужно рассуждать о геополитике и международной торговле.

Нужно просто представить себе надменное лицо кошерлица, въезжающего в славянский — твой — городок за русокосой, голубоглазой данью.

9. БОЙ НА КАЛИНОВОМ МОСТУ.

*Мы последний оплот, так ни шагу назад!
Слава Русской Земли в наших блещет глазах.
Умереть за свободу, за Правь русич рад,
Наши Боги за нас, и неведом нам страх!
И когда враг ударит стальной стеной,
Мы, как стая волков среди своры собак,
Примем грудью удар, и последний наш бой
Станет светлым мечом, разрубающим мрак!*
Велеслав. "Песнь Победы".

1. Русь и Хазария.

*Нас ведет за собой громовержец Перун.
Зорко смотрят орлы, неподвижны и горды.
Нет, не нам отступить; мы хранители рун,
Вновь об нас разбиваются желтые орды.*
Сергей Яшин. "Исполины".

По Никоновской летописи, когда словене, кривичи и меря, измученные усобицами и надвигавшейся с юга страшной опасностью, выбирали, кого звать в князья, одно из предложений прозвучало: "от козар".

Если только это не выдумка позднейшего летописца, уже не представлявшего, чем был каганат для славянских соседей, то слова эти говорят о многом. О том, что уже тогда завелись на еще не звавшейся Русской земле "прогрессивные, реально мыслящие" деятели. Люди, прости господи, которым политическая и экономическая мощь каганата застила все. Готовые превратить дочерей и сестер в дань, соплеменников — в "песок" под ногами кошерниц, лишь бы вкусить прелестей цивилизации. Конечно, их могли просто купить, как от веку делалось в любой демократии, а золота у владык Хазарии, мягко говоря, хватало. Но ведь нужно было найти готовых продаться.

К счастью, их оказалось мало. Так мало, что в большинстве летописей о них и не упомянуто. Знала земля наша счастливые времена.

И еще это говорит об изначально обозначившемся противостоянии варягов-руси хазарам.

Много сказано об уникальности добровольного призвания варягов-руси в князья. Но уникальной была и опасность. И опасность эту Рюрик-Сокол, судя по всему, отражал успешно. Он провозгласил себя великим князем, что, как отмечает "Иоакимовская летопись", равнозначно греческому титулу "василевс". На востоке этот титул тоже приравнивали к императорскому: "Глава же их называется каган-рус". Это был вызов. И вызов этот слышали истерзанные карателями, задавленные чудовищной данью славянские земли на юге. Пришел ОСВОБОДИТЕЛЬ! В мекленбургском предании, опубликованном Ксавье Мармье, как мы помним, говорится, что Рюрик с братьями освободили славянский народ, "страдавший под игом жесточайшей тирании, против которой

уже не осмеливался восстать".

"Славяне, живущие по Днепру, утесняемы бывши от козар, иже град их Киев и прочими обладаша, емлюще дани тяжкийи и поделениями [работами — Л. П.] изнуряюще... прислаши к Рюрику преднии мужи просити, да послет к ним сыне или ина князя княжити. Он же вдаде им Оскольда и вои с ним отпусти. Оскольд же, шед, облада Киевом и, собрав вои, повоева козар"
(*"Иоакимовская летопись"*).

Редкое описание действий русского князя против хазар. Оскольд, получается, захватил Киев, а уж потом собрал "воев", то есть полянское ополчение, и изгнал хазар.

Увы, вождем Оскольд оказался неважным. Он допустил три тяжелейшие ошибки, которые могли погубить Русь, но, к счастью, погубили лишь его самого. Первая — он занял оборонительную позицию, уступив инициативу врагу. И враг не заставил себя ждать. Каганат натравил на Киев черных болгар ("Убиен бысть от болгар Оскольдов сын") и мадьяр. Через некоторое время последовало нападение печенегов, Оскольдом отбитое ("Избиша множество печенегов Оскольд"). Само это племя, как помнит внимательный читатель, появилось впервые у русских границ в 915 году. Воевать с Оскольдом могли лишь печенежские наемники каганата. Не прекращали налетов уличи и древляне — и здесь, скорее всего, не обошлось без "дипломатии" рахдонитов.

Второй ошибкой было принимать всерьез вражду Хазарии и Византии. Их отношения и впрямь омрачились с тех пор, когда каганы выдавали дочек за кесарей, а те посылали инженеров проектировать укрепленные базы для хазарских набегов. Яблоком раздора стали богатые земли Крыма. Так что Византия и впрямь ничего не имела против лишнего врага для вчерашних союзников. Вот только быть этому врагу другом — не собиралась. "У империи нет друзей. У империи нет врагов. У империи есть только интересы" — эта формула британских политиков полностью исчерпывает смысл объемистых трактатов Константина Багрянородного, да и реальной политики Второго Рима.

Так Оскольд ступил на скользкую тропинку Лютовера. Его не вразумило даже прямое предательство "союзников". Во всяком случае, патриарх Фотий, говоря о нападении русов на Царьград, упоминает, как причину его, некое, видимо, общеизвестное, соглашение, нарушенное греками. Русы и впрямь обрушились на окрестности Царьграда с той свирепостью, с которой они обычно карали предателей.

Сам Фотий — замечательнейшая личность. Симон Логофет сообщает: императору Михаилу — тому, что задолго до нашего Петра устраивал "Всеобщий Синод" — доложили, что дворцовые служащие требуют удвоенное жалование. Оказалось, Фотий в проповеди с амвона святой Софии заявил, что у человека-де две души. Михаил, рассмеявшись, воскликнул: "Так вот чему учит эта хазарская морда!".

Насчет морды императору виднее, изображений Фотия не сохранилось. Но вот учение о двух душах — действительно иудейское, а не православное. Любопытная получается "вражда"...

"Хазарской морде" или кому-то другому удалось не только умиротворить

Оскольда (позднейшее церковное предание говорит о буре, по молитвам христиан сокрушившей флот "безбожной руси", но Фотий об этом чуде молчит). Князя даже убедили принять крещение. Чем это для него кончилось, мы помним.

Как говорится, спаси нас бог от таких друзей, а с врагами мы как-нибудь управимся сами.

Наконец, Оскольд умудрился испортить отношения с Рюриком, нападая на подвластную великому князю Полоцкую землю и принимая белых противников варяжской власти из Новгорода. Среди последних, надо полагать были не только честные, но малоумные гордецы-бунтари — такие всегда гибнут первыми. Бежать же, и не куда-нибудь, а в южный Киев, могли те, кто когда-то кричал на вече: "От козар!..".

Казнивший Оскольда-Николая Олег повел себя совсем по-другому. Он, человек "рода княжьего", действительно говорил и поступал, "как имеющий власть". Заняв Киев, Олег сразу наносит удар по древлянам. Древлянский князь Нискиня признает себя и свой народ данниками Олега и Игоря. Обезопасив таким образом тыл, Олег принимается освобождать данников каганата. Многострадальная Северская земля освобождается от жуткой хазарской дани и облагается "данью легкой" — а какая бы показалась тяжелой после той? Впрочем, летописец, верно, имел в виду, что дань эта была легкой даже по русским меркам. Затем следуют радимичи, и, незадолго до знаменитого греческого похода, вятичи (летописец не описывает специально их освобождения, но упоминает их в войске Олега). Освобождая от хазарской дани славянские земли, Олег говорил с простотой великого человека:

— Я — их враг.

Или:

— Не давайте хазарам, а платите мне.

Но и на этом он не остановился.

Ох, летописцы-чернецы...какими немногословными становятся они, описывая победы князей-язычников! Помните куцее "воеваша на печенегов", увековечившее подвиг отца Святослава? О победах Олега летописи — и то не "Повесть временных лет" — говорят еще лаконичней: "В лето 883 иде Олег на козары" ("Архангелогородский летописец"), Олег "повоева же козары" (Иоакимовская). Вот когда полетели каменные головы Юда!

Правители каганата в те годы наверняка припомнили и северные "ворота зла" мудрой науки Каббалы, и апокалиптического "князя Рос" ветхозаветных пророчеств. Наверняка немало наемников и их неудачливых полководцев расстались с жизнью. Не сумев одолеть в битвах, хазары попытались задуть Русь торговой блокадой. В последнюю четверть IX века на Русь перестает поступать восточное серебро. Лишь в начале X века хитроумные мусульмане протоптали тропку на Русь в обход державы каганов — через Хорезм и Волжскую Болгарию.

Неизвестно, произвело ли это какое-нибудь впечатление на русов. Скорее нет — поход Олега открыл новый торговый путь, знаменитый "Из варяг в греки". Так что даже купцам жаловаться было не на что. Большинство же русов, надо полагать, блокады не ощутили вообще.

Поневоле согласишься с учеными XIX века, считавшими, что прототипом Ильи Муромца, победившего чудовищного Жидовина, ходившего с богатыр-

ской дружиной на Царьград, убившего посягавшее на Киев Иудолице Коганое, стал именно Эльга Мурманец, летописный Вещий Олег. Кому, как не ему быть прототипом любимейшего героя русских былин? В.В. Кожин вообще полагает, что именно хазар заменили в былинах "злы татарове" — и это вполне вероятно.

Игорь сохранил завоевания своего наставника и расширил их. Возможно, хазары намеренно пропустили через свои земли к Руси печенегов. Не ворвутся же дикари в белокаменные твердыни! А судьба тех, кто родился и жил за их стенами, хозяев каганата волновала мало. Зато ненавистные северные язычники, проклятый "князь Рос" получит нового опасного врага!

Полководческий гений Сына Сокола обратил эти планы в пыль.

При Ольге Хазария воспряла. Мы уже говорили, что при ней каганат вновь прибирает к рукам землю вятичей. Восстановить ту, страшную дань уже не решились, с вятичей берут теперь по серебряному солиду-щелягу от плуга.

Мы уже говорили, что нарисованная нами картина последствий успеха Адальберта — не самая страшная. И мы действительно не рассмотрели наилучшего варианта.

Читатель, вы не забыли, кто следовал по пятам Drang nach Osten'a? Кто сидел на престоле рядом с кайзером Оттоном I?

Читатель, как по-вашему, на которую ночь рахдониты из германских обозов распахнули бы ворота русских городов кованной коннице единоверцев? Позвольте не говорить, позвольте даже не представлять, что ждало бы тогда наших предков. Как подешевели бы на Крымских рынках славянские рабы. И что стряслось бы с городами русов, безумных язычников, дерзнувших восстать на народ божий. Быть может, лишь в нашем веке немец-археолог, раскопав холмы над Днепром и, обнаружив руины в грудях мужских, женских и детских костей, занес бы в свой блокнот: "Предположительно — Kieff, упоминаемый в ряде источников раннего Средневековья".

Много памятников украшает или уродует собой улицы, площади, парки России, Украины, Белоруссии. Есть памятники достойным людям, есть и такие, перед которыми застываешь в изумлении — памятник Гиммлеру в Израиле смотрелся б естественней. Долго ли будет дожидаться памятника тот, кому славянские народы, во всяком случае, славяне Восточной Европы обязаны ФАКТОМ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ? Где он — воплощенный в бронзе или граните Святослав Храбрый?

2. Бросок Пардуса.

*Небо молнией расколото,
Гневом северных Богов
Кровь восстала против Золота
И мятеж ее суров
Сергей Яшин. "Восстание крови".*

Ученик Асмунда, безусловно, знал историю отношений своего рода с дер-

жавой каганов. Он и его воспитатель ни за что не согласились бы с прозвучавшим полтысячи лет спустя определением Руси "Третий Рим" — хотя бы потому, что держава, величавшаяся Вторым, не вызывала у них сколь-нибудь теплых чувств. Но Святослав бы увидел много близкого его сердцу в годах молодости Вечного города, и особенно — в его отчаянной битве с городом-чудовищем, логовом надменных ростовщиков и торговцев — Карфагеном. Он не мог не видеть, не понимать, что война Руси и Хазарии, как и та, древняя битва, могла закончиться лишь гибелью одного из соперников.

В самом деле, что каганату гибель наемной армии, что — взятая крепость, одна или десяток? Чиркнет чудо-Юдо пальцем в тусклом пламени золотых перстней и бриллиантов, — и ощерятся копьями или зубцами крепостных стен новые головы, в стальной чешуе или в броне белого камня

Парадокс нашего повествования в том, что самая блестящая победа нашего героя оставила на удивление мало письменных памятников. Сообщение летописи — лишь чуть менее лаконичное, чем описания подвигов Игоря и Олега.

"Пошел Святослав на хазар. Услышав об этом, хазары вышли на встречу со своим князем каганом, и сошлись биться, и одолел Святослав хазар, и град их [Итиль-Л. П.] и Белую Вежу [Саркел — Л.П.] взял".

По этому отрывку очень сложно определить, как была разбита Хазария. Можно только сказать, что были взяты две главных крепости каганата. Фраза "со своим князем каганом" ясности не вносит. Не то летописец просто перевел наполовину двойной титул военного вождя хазар каган-бека, не то Святослав настолько устрасил врагов, что сам каган нарушил священное уединение, выехав к войскам.

Араб Ибн Хаукаль в своей "Книге путей и государств" сообщает больше, но свидетельство его путаней. Он смешал волжских болгар с дунайскими булгарами, и то относит восточный поход русов на 358 год хиджры, — 969 нашего исчисления, год похода на Болгарию — то переносит на Волгу рассказ о суровой расправе нашего героя с болгарскими мятежниками. Он утверждает, что, наряду с хазарами русы "истребили" болгар и бургасов, так что их "не осталось и следа". А ведь Булгария при сыне Святослава появляется в летописях, как сильное и богатое государство, а бургасы исчезнут из летописей, хроник и записок путешественников лишь после Батыя. Да и не было смысла воевать с булгарами — по свидетельству Ибн Фадлана, те ненавидели хазар так же люто, как и прочие данники, и не стали бы за них биться. Разве что путаник-араб имел в виду черных болгар, верных вассалов каганата, и впрямь исчезнувших после святославова похода.

Кажется, рассказ Ибн Хаукаля можно и позабыть, тем паче, что сам путешественник явно не бывал северней коренных хазарских владений в Предкавказье. Однако и наша летопись сообщает, что Святослав, во-первых, пошел за год до хазарского похода в землю вятичей, но не стал облагать их данью, во-вторых, он сперва взял "град" хазар — Итиль — и только потом Саркел, Белую Вежу. Вырисовывается связная картина. Святослав ударил на врагов с земель вятичей, присоединив к своим дружинам их ополчение, оттуда прошел по Волге, по землям болгар и бургасов, двинулся в низовья, к столице каганата. Где-

то здесь он встретил и разбил хазарское войско во главе с самим каган-беком (а то и великим каганом).

Да и могло ли быть иначе? Лобовая атака на Саркел была мало того, что самоубийственно опасна — так и невыигрышна стратегически. Саркел стоял на днище естественного "мешка", образованного Северским Донцом и излучиной Дона. С севера в тыл наступающим могли через Дон ударить буртасы, с Юга, из-за Донца — те самые черные болгары. Врагу хазар пришлось бы постоянно беспокоиться за тылы — а Саркел был защищен и Доном, и стенами, возведенными по всем правилам фортификационной науки Петроной Каматиром. За ним лежали плодородные, богатые земли, откуда могли и подвозить припасы, и приходиться подкрепления. Нападающие понесли бы здесь страшные потери, страшные и бессмысленные. Не здесь была заветная игла кошерищ, не здесь таился огненный палец Юда. Не крепость была сердцем каганата. Чтобы уничтожить каганат, надо было уничтожить торжище.

Именно так поступил Святослав. Для проникновения на территорию врага наш герой выбрал земли народов, особенно не любивших каганат и его хозяев — вятичей и волжских болгар. Он прошел огненным смерчем по Волге, выжигая гнездовья рахдонитов. Разбил и обратил в бегство спешно собранные против него войска. Участь Итиля можно обрисовать одной фразой — археологи до сих пор ищут его останки. Затем ворвался в Предкавказье. Ибн Хаукаль говорит, что в этих местах русы "если что и оставили, так только лист на лозе", особое внимание уделяя мечетям, церквям и синагогам. Летопись — что Святослав разбил и превратил в вассалов воинственные племена Северного Кавказа — касогов-адыге и аланов, предков осетин. И только потом раздавил последний оплот рахдонитов — Саркел. Саркел, которому больше неоткуда было ждать ни припасов, ни подкреплений. Саркел, к которому впервые со дня основания враг подошел не с северо-запада, а с юго-востока, из коренных хазарских земель!

Держава-вампира, полтора столетия пившая все соки из соседей и данников, рухнула в один, 965 год.

Итак, что именно сделал наш герой, мы примерно можем представить. Осталось понять — как? И это в самом деле нешуточная загадка. Ведь русские дружины, пусть и подкрепленные ополчением вятичей, вряд ли могли потягаться в численности с ордами кочевых вассалов кагана. Не очень понятно, как они справились с кочевниками в их родном доме — степи. И наконец, русы, как единодушно свидетельствуют восточные авторы — Псевдозахария Ритор (VI век), Ибн Русте и Ибн Мискавейх (X век) — не были хорошими конниками. Верхом они сражались неважно. Лев Диакон позднее говорит то же о воинах нашего героя. Как же им удалось победить выросших в седле степняков?

На первые две загадки ответить проще. Русы и не собирались состязаться со всеми полчищами каган-бека. Как Александр Македонский, под Гавгамелами, не собирался истреблять рыхлое, пестрое воинство Персидской державы. Он, с небольшой личной дружиной, ударил в центр, на гвардию "бессмертных" царя Дария. После того, как македонцы разбили и обратили в бегство царских телохранителей, остальная армия попросту разбежалась. Примерно так же, надо полагать, обстояло дело и в Восточном походе Святослава. Серьезным противником была тридцатитысячное наемное войско, охранявшее Итиль — и только оно. Это — ответ и на вторую загадку. Святославу не при-

шлось, или почти не пришлось воевать с кочевниками. Его противниками стали наемники, чьим домом была не степь, а казарма. Кочевых же вассалов каган-бек просто не успел мобилизовать. Как уже говорилось, свой путь к Итилю Святослав проложил по землям племен, никогда не бывшими верными подручными хазар. В землях буртасов он не встретил серьезного сопротивления, в землях болгар его и подавно должны были принять с распростертыми объятиями.

Но все это требовало скорости. Как войско Святослава — по тому же Диакону состоявшее, в основном, из пеших кольчужников — могло поспорить в скорости с наемной кавалерией Хазарии? И здесь нам приходит на помощь летопись. Она, как известно, говорит, что Святослав "ходил легко, аки пардус". Пардус — гепард, с которым на Руси охотились на степную дичь. Молниеносно быстрый в спринтерских рывках на короткие дистанции (до 128 км. в час), зверь этот быстро утомляется. Поэтому к месту охоты пардуса подвозили на коне, на специальном сидении позади седла. Вот мы и подошли к разгадке тактики Святослава. Его тяжелая пехота передвигалась от одного места сражения к другому верхом! Так они могли оказываться в самых неожиданных для врага местах, и не вымотанные дальним переходом, а готовые к бою. Ведь ездить-то на коне на Руси умели все без исключения мужчины!

Помощь в войне против каганата оказали и старые вассалы отца Святослава, печенеги. Именно Ибн Хаукаль, как мы помним, называл их "острием в руках русов". Другой араб, Ибн Мискавейх, пишет, что в 965 году на Хазарию напали "тюрки" — уж не печенеги ли имеются в виду? Впрочем, арабы иногда даже русов(!) называли "тюрками".

Ибн Хаукаль сообщает также, что русы захватили земли каганата, и те из беженцев, кто захотел вернуться на родину после войны, просили у них дозволения. Русы согласились, на условиях признания их, русов, власти. Очень знакомо. Помните Бердаа? *"На вас лежит обязанность повиноваться вам, а на нас — хорошо относиться к вам"*. Это сообщение трудно переоценить. Речь, стало быть, шла не просто о грабительском налете или возмездии. Святослав сделал земли угнетателей своей державой. В особенности это касалось земель у Дона и Сурожского (Азовского) моря. Хазарские Саркел и Самкуш стали русскими городами Белая Вежа и Тьмуторокань. Их славянское население из забитых данников-полурабов превратилось в полноправных подданных Киевского князя. И Ибн Хаукаль называет "Русской рекой" уже не Дон, как Масуди, а Волгу.

Святослав достойно продолжил дело отца и его воспитателя, Вещего Олега. Не Дон, а Волга стала при нем восточным рубежом Русской земли.

Были у его первого похода и другие последствия. Но о них поговорим в отдельной главе.

3. Гибель чуда-Юда.

*Еще напор — и ворог мрет,
Перунов мор — врагу удел!
С. Городецкий. "Перун".*

Святослав подвел своим походом черту под вековым противостоянием Руси и Хазарии, под двумя столетиями хазарского ига. Но не только.

Каганат был частью, и, вероятно, гарантом монополии рахдонитов на торговые сношения Востока и Запада. "Основным товаром" Европы при господстве этих посредников были рабы. Надо ли объяснять всю чудовищность подобного положения? Часто говорят, что арабские, европейские, американские работорговцы обессилили Африку, затормозили ее развитие, подорвали силы. Что ж, какова тогда роль рахдонитов в том, что начало Средневековья зовется Темными веками? В X веке, вместе с каганатом, рухнула и рахдонитская монополия. В следующем столетии в Европе расцветают торговые города, цеховые ремесла, искусства. Наступает расцвет Средневековья, рассвет после ночи Темных веков.

Случайность? Или не мы одни задолжали памятник Святославу Храброму?

О роли каганата в жизни славян мы уже хорошо знаем. Эта книга написана не зря, если читатель найдет, что ответить на становящиеся расхожими смердяковские рассуждения о Хазарии, защищавшей-де славян от кочевников. Мягко говоря, такое лечение хуже всякой болезни, такая защита опаснее всех опасностей.

Но корни вражды лежали глубже и торговых выгод, и государственных интересов. Мы говорили, что у славян были причины призвать варягов, но были причины и у варягов прийти на зов. От богатства варяжских берегов, — помните восторги Герборда и Эббона? — от набегов на города христианской Европы, от господства над ее торговыми путями — в глушь, ельники и болота, на изматывающую войну с сильным и беспощадным врагом.

Слишком разным был взгляд на мир двух народов. Между "хорошо" и "плохо" двух вер пролегло слишком большое расстояние. Даже мир оказался тесен для него.

Одни относились к рабам, как к детям. Даже слова для обозначения тех и других почти одинаковые: чадь, челядь, отроки холопы-хлопы-хлопцы. "*С рабами они обращаются хорошо, и заботятся...* — удивляется Ибн Русте, и пытается объяснить: — *потому что торгуют ими*". Неуклюжее объяснение. Мало кто не торговал рабами в тот век, и никто не торговал ими больше хозяев каганата. Но Ибн Русте отчего-то пишет такое только о русах.

Другие к детям относились, как к рабам. Вспомните детей, которых продавали матери-хазарки.

Одни клялись — врагу, побежденному врагу! — "доколе мир стоит, доколе Солнце светит".

У других был ежегодный праздник — Йом Кипур — для освобождения от любых клятв и обещаний.

"Мертвые сраму не имут" нашего героя — и "лучше же псу живому, чем льву мертвому".

"...А на нас — обязанность хорошо относиться к вам" — и "а в городах сих народов... не оставляй в живых ни одной души".

Бескорыстные витязя — и наемная армия каганата. Князь, идущий в бой впереди дружины — и безликая власть его безымянных владык.

Поневоле вспомнишь, как Честертон говорил в своем "Вечном человеке" о вражде Рима и Карфагена. Главу, посвященную этому противостоянию, он назвал "Схватка Богов и бесов". Лучше него не скажешь, и я не прошу прощения

за обширную цитату, а прошу — за то, что не могу привести главу целиком. Она стоит многих исторических трудов, стоит, наверное, и этой книги; жаль, что историки не учат ее — скольких ученых нелепиц и академических благоглупостей избегли бы они!

"Нам вечно твердят, что люди воюют из материальных соображений. Но человек не умирает из материальных соображений, никто не умирает за плату. Не было платных мучеников. Призрак "чистой", "реалистической" политики невероятен и нелеп... Почему бы война не начиналась, то, что ее поддерживает, коренится глубоко в душе. Близкий к смерти человек стоит лицом к лицу с вечностью. Если даже им движет страх, страх должен быть прост, как смерть. Люди сражаются особенно яростно, когда противник — старый враг, вечный незнакомец, когда в полном смысле этих слов они "не выносят его духа"... Если я скажу, что это религиозная война, вы начнете возмущаться и толковать о сектантской нетерпимости. Что же, скажу иначе: это разница между жизнью и смертью, между тьмой и дневным светом. Таковую разницу человек не забудет на пороге смерти, ибо это спор о значении жизни. В такой войне сталкиваются два мира, как сказали бы сейчас, две атмосферы. Что для одних воздух, для других — отравы. Никого не уедишь оставить чуму в покое. Врагу, а не сопернику отказывались подчиниться римляне. Не о хороших дорогах вспоминали они и не о деловом порядке, а о презрительных, наглых усмешках. И ненавидели дух ненависти, владевший Карфагеном".

Возможно, я не убедил еще читателя, что в приведенной цитате можно с чистой совестью заменить римлян на русов, Карфаген — на Хазарию. Что ж, приведу еще одно доказательство. Оно косвенное, как многое в этой книге. Что ж поделывать, если, как и патера Брауна, "все то, что "не является доказательством", как раз меня и убеждает" ("Странное преступление Джона Боулнойза").

В Хазарии должны были скопиться невероятные сокровища. Вдумайтесь — страна два века была посредником, алчным мытарем в торговле Европы и Азии, подделывала арабские дирхемы, торговала людьми, вела грабительские войны. Хазария рухнула. Где же ее сокровища? Они не "всплывают" в экономике той или иной страны. Да рахдониты и не могли их вывезти — "легкий, как пардус" не дал им времени на сборы и бегство.

Победители каганата, русы Святослава, описанные Львом Диаконом, выглядят не богаче, а беднее русов Игоря, описанных Ибн Фадланом.

Так где же золото каганата? Один писатель построил на этой тайне весь сюжет многотомного романа. Но ответа не дал. Ответ, как водится, не в длинных и заумных новых романах, а в старой простенькой сказке.

У многих народов есть легенды о битве со змеем или драконом; чуть меньше легенд, в которых гад многоголов; чуть меньше — тех, где змей способен отращивать снесенные богатырем головы. Но, — поверьте на слово прочитавшему не один десяток сборников сказок, былин и преданий, — только у одного народа жены убитых змеев стараются погубить богатырей, превращаясь в роскошную, шелками и бархатом убранную постель, яблоню с золотыми яб-

лочками, колодец родниковой воды с золотой чаркой. И у этого единственного народа, у русских, этот сюжет появляется лишь в сказках, меченных именем чуда-Юда.

Младший богатырь — Иван Крестьянский сын, Иван Быкович и т.д. — облачает козни змеих, изрубив постель, яблоню и колодец.

Враг. Не противник, не соперник — именно Враг.

Враг, чьи ноздри ранит само твое дыхание, твоя жизнь ("Фу-фу-фу, русским духом пахнет!").

Его ключевая вода — яд для тебя.

Плоды его садов — отравы.

Роскошь его жилищ — погибель.

Воплощенная скверна, от любых следов которой мир надо очищать огнем и железом.

Помните, у Ибн Хаукаля: *"если что и оставили — так только лист на лозе"*?

Сколько древней, не остывшей за тысячелетие, непримиримой ненависти — "ненависти к аду и делам его", как выразился все тот же Честертон, — сохранила эта сказка! Вот оно, русское "esse delendam"!

Кому-то может показаться чересчур натянутым, чересчур романтическим такое рассуждение. Что ж, мы охотно верим в "Аннибалову клятву" или знаменитое присловье Катона, но поверить в то, что и наши предки были людьми, многим не под силу. Напомню пример из другой, более близкой к нам эпохи.

В XVI-XVII веках Белая и Малая Русь были землями Польско-Литовского государства, Речи Посполитой. Спесивые шляхтичи желали жить роскошно, но обеспечивать средства для этой роскоши не умели и не желали. Вместо этого они отдавали землю, с деревнями хлопков-крепостных, "на откуп", то есть в аренду иудейским купцам и ростовщикам. Как хозяйствовали на арендованной земле достойные преемники рахдонитов, хорошо описал Гоголь в "Тарасе Бульбе":

"Он уже очутился тут арендатором и корчмарем; прибрал понемногу всех окружных панов и шляхтичей в свои руки, высосал понемногу почти все деньги и сильно обозначил свое жидовское присутствие в той стране. На расстоянии трех миль во все стороны не осталось ни одной избы в порядке: все валилось и дряхлело, все пораспивалось и оставалась бедность да лохмотья; как после пожара или чумы выветрился весь край. И если бы десять лет еще пожил там Янкель, то он, вероятно, выветрил бы и все воеводство".

Таких "Янкелей" были десятки и сотни. Отсылаю читателя к работам Костомарова; там это описано подробнее и научней. Не буду говорить о черном, довлевшем над откупщиками, подозрении, подозрении воистину карфагенском, отдававшем залитыми детской кровью алтарями Молоха. Скажу о другом, несомненном. Арендаторы додумались до того, до чего в свое время не додумались рахдониты. А именно — они взяли на откуп церкви. Поставьте себя на место хлопков. Представьте: чтобы помолиться в церкви, окрестить дитя, обвенчаться, отпеть и похоронить покойника, чтобы сделать все эти вещи, для христианина естественные, как солнечный свет и необходимые, как воздух —

вы должны заплатить иноверцу. Да не просто иноверцу — потомку Иуды, потому что тех, кто кричал: "*Кровь Его на нас и на детях наших!*" (Мф. 27:25)! А поскольку денег у вас нет — их вытянул тот же иноверец — то ваш малыш может умереть некрещеным (представьте детскую смертность в описанных Гоголем условиях!), и попадет в ад или превратится в мелкую нечисть; вы с любимой останетесь жить во грехе и погубите душу; ваш старый отец будет зарыт неотпетым на неосвященной земле, как самоубийца, как павший скот!

Вполне естественно, что в годы Колиивщины или Хмельничщины гнев повстанцев-гайдамаков тяжелее и страшнее всего обрушивался на откупщиков. Сочувствовать ли жертвам собственной алчности, дело, читатель, ваше. Я затеял все это отступление для другого.

Гайдамаки, конечно, были страшные, дикие люди, почти звери, хуже — бандиты. Они охотно грабили панские усадьбы-фольварки и купеческие караваны. Но, вламываясь в дома откупщиков, они не брали себе ничего. Грабители и душегубы брезговали добром "врагов бога". Все имущество ломали, сваливали во дворе в кучи, и сжигали.

Может быть, сходство русов Святослава и гайдамаков не исчерпывалось усами, чубом на бритой голове и серьгой в ухе? И — сами-то вы, читатель, не побрезговали бы на их месте? Может, сестру вашей бабки продали за эти монеты? Может, эта шуба — из соболей, купленных у вашего деда-купца на фальшивые деньги; те деньги, за которые его сварили в масле в немецком городе? Может, этим, расшитым золотом поясом, расплатились с наемником за впропыхавшие животы беременных славянок, за пойманных на копье малышей?..

Помните норманнское "мы не станем носить в кошельках мертвых друзей!"?

Слишком тяжелым было хазарское золото. Тяжелым, как восемь поколений убитых или сгинувших в рабстве сородичей.

Об участии рахдонитов долго говорить не стоит. Просто поблагодарим предков за чистоплотность. Они не стали смаковать кровавые детали — не захватнической войны, справедливой мести! — в десятках "книг", "псалмов" и "пророчеств". Остался лишь космически страшный образ в былине "Федор Тырянин" — образ вражеской крови, чуть не поглотившей богатыря.

*Расступалася Мать Сыра Земля
Как на все четыре стороны.
Пожирала в себя кровь жидовскую,
Жидовскую, басурманскую, царя иудейского.*

Погибли, впрочем, не все хазары — Святослав был милосердней ветхозаветных героев. Кто-то, как мы помним из Ибн Хаукаля, бежал, чтоб потом вернуться под власть русов. Кто-то так и остался — в Хорезме, в Крыму. Кое-кто попал в плен. Мы можем уверенно говорить об одной такой пленнице. Ее Святослав подарил матери; вскоре хазарка стала любимой рабыней, "милостницей" Ольги и ее ключницей, завхозом, говоря на современный лад. Звали везучую рабыню Малкой.

Были, однако, и те, чья участь была еще менее завидна, чем у бывших владык каганата. Я о славянских наемниках армии каган-бека. Об их судьбе не сохранилось прямых сообщений. Но догадаться легко — она, думается, вполне

подобна судьбе греческих наемников, воевавших в персидском войске против Александра Македонского. После победы великодушный Александр отпустил по домам пленных персов, кое-кого даже взял на службу, пленных же греческих наемников поголовно казнил. В Болгарии мы увидим, как Святослав обходился с предателями. Вряд ли он был мягче во время хазарского похода. Так что, повторяю, завидовать судьбе славян-наемников я бы особенно не стал. И скорбеть о ней — тоже.

Чудо-Юдо погибло. Рухнуло царство воплощенной скверны, почти на тысячу лет отодвинулось ее воцарение. Ученые считают сказку про бой с чудо-Юдом на Калиновом мосту следом обрядов посвящения. Что ж, пусть так. Посвящением, испытанием была для юной Руси схватка с чудовищным каганатом. Мы сумели пройти через него.

Благодаря Святославу.

10. СЫНЫ СВЕТА, ЖИТЕЛИ ТЬМЫ. СЕРЕДИНА ЗЕМЛИ МОЕЙ

*Пусть ляжет на уста молчания обет.
Зажжем светильники и вознесем молитвы.
Мы знаем — близится мистический рассвет:
Мы собрались на мессу Бога битвы.
Пусть ночь темна и траурна палитра,
Но скрыть ли сумеркам божественный Завет?
Неся причастье закланых комет,
На Хара Березайт восходит светлый Митра.*

С. Яшин "Литургия Митры".

1. Путешествие топарха.

*Склоняли выю греки и хазары
Перед мечом с насечкой черт и рез.
А. Широпаев "Русь".*

Прихотливы бывают пути исторических источников. Окажись под рукой топарха — губернатора Климатов, крымских владений Византии, лист чистой бумаги, то есть, конечно, пергамента...

Но вот не оказалось. И черновик важного документа оказался начертан на чистых страницах подвернувшейся под руку книжки. Благодаря чему и уцелел, избежав обычной участи черновики. Чистовой вариант, надо думать, сгинул после взятия турками Константинополя. Завоеватели много дней тогда топили городские бани императорским архивом и книгами дворцовой библиотеки. Остается лишь сожалеть об уникальных источниках, навсегда утраченных для науки.

Не стану задерживаться на спорах историков вокруг этого документа, названного условно "Запиской греческого топарха". Их, как всегда, немало. А узнали мы из самой "Записки" вот что...

Жил-был топарх. Жил не тужил, управлял богатыми землями, да радовался, что столица далеко. А значит, он, топарх, вроде как сам себе хозяин. Но однажды сильно об этом пожалел.

Напали на земли по соседству с топарховыми Климатами злые варвары. То есть раньше они были не злые. Раньше они проявляли "справедливость" и "законность"; и "города и народы добровольно к ним присоединялись".

"Теперь же все нарушилось: они проявили несправедливость... в отношении к подданным, вместо того, чтобы заботиться о благе подвластных городов и к собственной выгоде управлять ими в добром порядке, они положили поработить и разорить их".

Города эти "под предлогом нарушенной клятвы сделались добычей насилия и меча".

Знакомо, правда, читатель? Точно то же мог бы написать сосед Бердаа... если бы Бердаа соседил с владениями ромеев. Но уж очень похоже на русов! И эта — бывшая — обязательность, и забота о подданных; и свирепая кара за "нарушенную клятву".

Тут топарх начинает путаться. Ясно одно — он столкнулся с одним из отрядов варваров, и столкнулся на уже разоренной ими земле. Впечатление складывается, что топарх решил под шумок прирезать к имперским владениям разоренную варварами землю — и наткнулся на них самих. Потерпев поражение в первой стычке, топарх спешно отступил за стены разрушенного города. А наутро вновь выступил на врага, справедливо полагая, что на руинах чужой крепости долго не просидишь. Было у него — сотня всадников и втрое больше пеших лучников и пращников. Только явить свою удасть в битве войску топарха не пришлось — варвары за ночь куда-то ушли.

Топарх остался укреплять стены города и строить башню, но на душе у него было более чем беспокойно. Он понимал, что бросил вызов страшной силе. Ведь только в соседних с его Климатами землях было опустошено 10 городов и 500 деревень. Карателям была "недоступна пощада". Поэтому топарх послал гонцов к своим "советникам" из местной знати. Как часто бывает в глухих провинциях, слово местных магнатов и плантаторов звучало не тише указов из далекой столицы. И сейчас совету предстояло решить ни много, ни мало, вопрос о дальнейшей судьбе края. О подданстве.

Имперский чиновник, понятно, призывал обратиться за помощью в Константинополь. Местная же знать, "или потому, что будто бы никогда не пользовались императорскими милостями, и не заботились о том, чтобы освоиться с цивилизованной жизнью, а прежде всего стремились к независимости, или потому, что были соседями царствующего к северу от Дуная, который могуч большим войском и гордится силой в боях... так или иначе решили заключить с ними (варварами — Л. П.) мирный договор и предаться ему ("царствующему на север от Дуная — Л. П.), и сообща пришли к заключению, что и я должен сделать то же самое".

И отправился приневоленный "советниками" топарх в неблизкий и опасный путь "по вражеской территории", мириться с теми, кого столь неосторожно задел. Настолько опасным представлялся путь, что чиновник богоспасаемой православной державы прибег к астрологическим изысканиям, проще говоря, гадал по звездам. Сатурн оказался в Водолее.

Я не поклонник и не знаток астрологии; мне неведом смысл этой подробности. Те мои знакомые, которые в ней смыслят, уверяли меня, что положение такое очень благоприятно ("Сатурн в своем доме"), в особенности для договоров, установления границ и тому подобной дипломатии. Что ж, возможно, так оно и есть, если только толкование этой позиции не изменилось за тысячу с лишним лет. Топарха она, очевидно, если и не ободрила, то укрепила в принятом решении. Порадовал результат топарховых изысканий и историков. Книжка, страницы которой использовал он под черновик, X века. Особенности почерка "Записки" говорят, что писали ее не позже начала следующего, XI столетия. Найти же на этом отрезке время этой астрологической позиции оказалось проще простого. Это 964-967 годы, либо 993-996. Последние отпадают. В конце X века рядом с Крымскими владениями Византии не было никаких ранее "справедливых" и могучих варваров, рассвирепевших на своих данников

из-за "нарушенной клятвы"; да и "к северу от Дуная" тогда не было "могучих большим войском и гордящихся силой в боях" правителей. Левченко, тот самый, что обнаружил посольский статус Ольги во время ее Царьградской поездки, предположил было, что речь о непомерно знаменитом сыне нашего героя. Но в 90-е годы X века он никак не мог отогнать от границ бывших вассалов своего отца и деда. О "силе в боях" говорить не приходится: самое яркое летописное свидетельство на этот счет говорит, как он... прятался от врагов под мостом. Только попытайтесь представить на его месте Олега, Игоря или самого Святослава! Никто и не считал его при жизни не то, что великим или славным — скольнибудь заметным воином и полководцем.

Зато слава нашего героя долетела до Византии. И именно таким — "могучим", "гордым", "сильным в бою" — рисуют его византийские хроники.

Итак, "царствующий" — это Святослав. Тогда соседние с Климатами земли — Хазария. А. Н. Сахаров предполагает, что речь идет о тех самых хазарских беженцах, вернувшихся под клятвой повиновения русам в родные места. Они, по мнению исследователя, эту клятву не сдержали, и, вполне естественно, поплатились за это. Может быть, так. Но может быть, "записка" просто отразила впечатление византийцев от разгрома Хазарии. По-древнерусски клятва и миропорядок назывались одним словом "рота". И причина истребления варварами-русами богатых городов Хазарии, коими, по мнению ромеев, следовало бы "управлять... к собственной выгоде в добром порядке", в нарушении хазарами законов миропорядка. Тогда сообщение "Записки" следует поставить в ряд с сообщениями Ибн Хаукаля и русской сказки.

Многочислителен и титул, которым награждает — в официальном документе! — топарх нашего героя. В начале книги мы говорили, с какой неохотой ромеи признавали царский титул за чужими правителями, даже христианами. Очень долго византийцы не признавали имени царя за царем болгар, за кайзером Оттоном. А тут вдруг язычник — и "царствующий"!

Но вернемся к топарху. Он проехал через некую "Черную крепость" — Маврокастрон — к "поселению" Бориону в устье Днепра. Там топарх со спутниками перезимовали. Местные жители, узнав о цели поездки, приняли чиновника очень радушно и гостеприимно. Его снабдили фуражом, припасами, проводниками. Выезжавшему топарху "рукоплескали", глядя, "как на близкого себе и возлагая большие надежды". Легко понять радость людей из неукрепленного селения на самой дороге из Руси в Крым. Война Климатов с русами сулила Бориону разрушения и гибель, мир — жизнь.

"Царствующий на север от Дуная" принял топарха милостиво, удостоил беседы. Он согласился оказать Климатам свое покровительство, оставить топарху его власть и даже не возражал против присвоения им одной из запустевших после похода русов хазарских областей. Так что для Климатов все кончилось благополучно.

Но сама ситуация, с точки зрения Константинополя, была, безусловно, нездоровой. Чтобы имперский чиновник — ладно бы еще просто вел переговоры с варварами! Но чтобы он самочинно ездил к их вождю за решением судьбы имперских владений?! Величал его "царствующим" и получал от него подтверждение титула и власти?! Этак он вскоре и вовсе решит, что его столица не на Босфоре, а там, "на север от Дуная"! Сегодня он едет к варвару за покровительством — завтра станет отправлять ему налоги!

Опытный чиновник, топарх не мог не понимать, что его, пусть единственно верное в этих условиях, поведение, выглядит очень подозрительно. Оттого и путается в черновике доклада, яростно вычеркивает строки, никак не может определиться с порядком изложения событий ("Записка" начинается возвращением топарха в Климаты и заканчивается "советом" и кратким описанием поездки к "царствующему на север от Дуная"), оттого и валит всю вину на "советников", отчаянно подчеркивая свою верность престолу. Оттого и расписывает радость и поддержку населения — не было вы истории деспотии, не ссылавшейся на "глас народа", "интересы нации", "общественное мнение". И даже свои упражнения в звездочетстве приплетает затем же: "Это не я! Я не виноват! Так решили звезды, так решила сама Судьба!".

Нет, все же это замечательно — чиновник православной империи включает в доклад отрывок из гороскопа, без пояснений и комментариев, явно рассчитывая на сведущее в звездной премудрости начальство. Когда читаешь негодующие излияния нынешних пастырей по поводу "языческого засилья суеверий и астрологии", вспоминается родина православия — богоспасаемая Византия...

Кто-то может спросить: а почему, в таком случае, топарх не попытался попросту утаить свое путешествие в Киев? Вопрос, конечно, очень наивный. Доносительство во Втором Риме процветало, если не со дня его основания, то со времен Юстиниана Великого. Того Юстиниана, что, по словам Прокопия Кесарийского, постановил отдавать всякое спорное дело на расследование донесшему первым. Единственным шансом топарха было как раз донести первым, успеть представить имперским властям свою версию событий. Иначе -двойное обвинение — в сепаратных переговорах с врагом, и в попытке их утаить. Явная измена, со всеми вытекающими...

Неизвестна дальнейшая судьба топарха. Поверили ли его оправданиям, сохранил ли он пост, свободу и жизнь? Одно несомненно: после "Записки" власти, если и пропустили мимо ушей грохот рухнувшего каганата, уже не могли оставить без внимания вышедшую к северным рубежам Восточного Рима державу.

Тем паче, что во главе империи в кои то веки стоял не бражник и не книжник, не завсегдай кабаков или библиотек, а боевой офицер, полководец. Впрочем, новый император и извилистая дорожка, приведшая его на трон — уже совершенно другая история.

2. Судьба императоров.

*И не завертывай ты во улицы мещанские,
А во те переулочки Маринкины.
И курва б...дь Маринка Игнатъевна
Отравила, провела до девяти молодцов,
Все царевичей-королевичей,
Отравит тебя во десятых.*

Былина "Добрыня и Маринка Игнатъевна".

Мы помним, как Роман II повстречал юную красотку по имени Анастасо.

Об уровне того, с позволения сказать, заведения, где наследник престола Второго Рима впервые увидел свою будущую супругу, говорит то, что Анастасо была не только его, э-э-э... сотрудницей, но и дочерью хозяина. Проще говоря, даже кабаком это место было трудно назвать. Притон — гораздо точнее. Однако не просто же тогда приходилось стражникам портовых кварталов! Поди поеди за порядком, если где-то на кривых улочках изволят развлекаться единственное чадо государя-императора. Шваль же и шпана, напротив, наверняка благоденствовали (точнее, благоночествовали), и желали молодому владыке всех возможных благ. Что ж, одно-то благо он обрел. Не благо даже, мы уже говорили — судьбу. Хотя, конечно, недалекий Роман не подозревал, что привел из вечной зловонной ночи портовых трущоб в чертоги властителей судьбу не одного, а целых трех (если не четырех) императоров.

Первое упоение чудесным вознесением из притона во дворец наверняка прошло достаточно быстро. И наверняка Анастасо — то есть уже Феофано — быстро надоел свекр, этот пожилой, крепко пьющий книжный червь, живущий грезами о былом величии империи ромеев. Спившиеся престарелые интеллигенты действительно бывают очень нудными, особенно же нудными они кажутся молодым и полным жизни животным вроде Феофано. Зная Константина, можно предположить, что, на правах государя и свекра, он почитал своим долгом наставлять юную сноху в обязанностях не просто знатной дамы, но супруги и будущей матери наследников восточно-римского престола. Судя по дошедшим до нас сочинениям, стиль Рожденного в Пурпуре не блистал ни увлекательностью, ни разнообразием. И поучения его, как легко догадаться, доводили Феофано до белого каления.

Подугас со временем и ореол сказочного принца, окружавший Романа в глазах юной жены. Не поручусь, поняла ли она, что "упорство", с которым он отстоял их брак, было просто капризным упрямством бородатого младенца, помноженным на беспомощность родителей. Елена Лакапина просто с материнской, животной слепотой обожала единственного сына, Рожденный же в Пурпуре оказался в роли отца совершенно несостоятелен. Наверное, все-таки сначала она не поняла этого. Все-таки нелегко признать, что, мягко говоря, ошиблась, приняв за героя, за мужчину своей мечты тряпку, ничтожество, неспособного повзрослеть ребенка. Гораздо легче найти виноватого. В этом случае и искать-то долго не приходилось. Конечно, Романа "подавляют"! И не кто-нибудь, а его проклятый папаша! Зануда багрянородная! Вот если бы его не стало, тогда бы мой Роман показал!

Ну и не последним было то обстоятельство, что Константин стоял на пути молодой четы к бесконтрольному использованию императорской казны по своему усмотрению.

Проницательный читатель уже догадался... ну да, в Константинополе такие вопросы решались довольно однотипно. Подчас они решаются так же и в нынешних семьях, в чем легко можно убедиться, почитав в любой газете раздел уголовной хроники.

Впрочем, как складывались отношения в императорской семье, можно догадаться по одному обстоятельству. В 958 году у Феофано рождается сын, Василий, тот самый, что останется в истории под жутковатым прозвищем Болгаробойцы. Несколько странно, кстати, почему именно кровавый триумф над болгарами так сросся с его именем. Император отличился не только им. Так, во

время войны с Грузией, он назначил плату за головы грузин (вне зависимости от пола и возраста). Принесенные солдатами страшные трофеи православный цесарь, за четыре века до Тамерлана, складывал пирамидами по обе стороны от дороги. Грузины, как и византийцы, были православными христианами. Но нам сейчас интересен не кровожадный нрав Василия, а его внешность. Современники описывают его, как двухметрового блондина с ледяными глазами светло-голубого цвета. Внешность, для ромея, мягко говоря, необычная! Обратите внимание на дату рождения будущего владыки Второго Рима. Впечатление такое, что его матушка проявила повышенный и отнюдь не дипломатический интерес к русскому посольству. Остается надеяться, что ее внимание привлек боярин или знатный дружинник из свиты Ольги, а не рядовой гридень-телохранитель или просто дюжий холоп.

Однако быстро же Феофано разочаровалась в своем муженьке, если стала искать утешения на стороне.

Охлаждения в отношениях, впрочем, могло и не произойти — Роман не отличался особым умом и проницательностью, а Феофано, безусловно, умела проворачивать свои дела в тайне. Во всяком случае, о достаточном взаимном доверии молодой императорской четы говорит заговор, составленный ими против пожилого владыки. В 959 году Константин умирает. Официально было объявлено, что император простудился во время паломничества в один из монастырей горы Олимп. Но в городе откровенно называли его убийц — беспутного сына и многим памятную под иным именем и в ином качестве сноху.

Так умер Рожденный в Пурпуре. И не пурпур ли застилал ему глаза в мучительные часы агонии, когда яд пожирал внутренности старого государя? Пурпур, проклятый ядовитый пурпур...

Багрянородный старик оказался первым из императоров, чьей судьбой стала девица из портового притона Константинополя.

Роман недолго горевал об отце. Первым делом он сместил с должностей всех его приближенных и заточил в монастырь неведомо чем не угодивших ему сестер. Отблагодарил венценосный подонок и мать за слепую ее любовь. Елена Лакапина была выслана из дворца вскоре после смерти мужа. Спасибо, хоть не в монастырь...

Вскоре преданная любимым сыном старуха скончалась. Говорили, от горя. Возможно, хоть и трудно поверить, что деятельная невестка оставила ненавистную свекровь на произвол судьбы, положившись на старость и горе императрицы.

Пожалуй, за всеми этими грязноватыми перестановками видна ручка красавицы Феофано. Что ж, лишний довод в пользу ничтожества ее мужа. Еще ярче оно обнажилось впоследствии. Став самодержцем, Роман не проявил никакого интереса к государственным делам. Он прожигал жизнь в малопочтенной компании, членов которой Лев Диакон сурово именует "рабами брюха и того, что под брюхом". Реальная же власть сосредоточилась в руках двух партий — придворных во главе с паракимоменом Иосифом Врингой и Феофано с ее новым любовником Никифором Фокой, известным полководцем, за спиной которого стояла армия. Над Врингой красotka Феофано не имела и не могла иметь никакой власти — на должность паракимомена, как и на многие иные придворные посты, в Византии назначали только евнухов.

Никифор вскоре ознаменовал царствование мужа своей пассивности победами

над арабами. Правда, первый успех ромеев пропал втуне — передовые отряды после бегства врага начали немедленно отмечать победу, да так, что, когда мусульманское войско вернулось, немногие смогли хотя бы убежать. Что ж, каков государь, таковы у него и подданные. Никифор Фока, однако, не позволил первому поражению обескуражить себя, и вскоре взял реванш, полностью очистив от арабов Крит. "Очистив" здесь следует понимать в самом буквальном смысле: победы над противником православное воинство отмечало безудержным грабежом и столь же чудовищной резней. Никифор Фока, по сообщению византийских хронистов, следил лишь за тем, чтоб его воины не осквернили себя (!) насилием над арабскими женщинами. Жуткие победы Фоки отозвались на мусульманском Ближнем Востоке христианскими погромами.

В столице тем временем происходили перемены. Новые друзья императора приохотили его к "противоестественным порокам", как то сообщает Лев Диакон. Естественно, влияние Феофано на мужа начало падать. Мысль о расставании с дававшей столько наслаждений властью была так невыносима, а муж, окончательно переставший напоминать мужчине, уже не вызывал у Феофано и тени чувства. Вскорости император по возвращении с новомодной забавы, псовой охоты, которой он предавался во время Великого Поста, тяжело захворал и испустил дух. Симптомы подозрительно напоминали смерть его отца — ощущение крайней слабости, сильнейшая одышка. Одни шептались о божьей каре, ученые медики важно толковали, что у цесаря "от неумеренной верховой езды начались смертельные спазмы", большинство же твердило, что Роман отравлен. Отравлен ядом, "принесенным с женской половины дворца", как обтекаемо выразился Лев Диакон. Простим почтенному хронисту туманность выражений — он писал свою "Историю" в царствование детей Феофано, Василия и Константина. Кроме двух сыновей кабацкая императрица родила и дочь — Анну. За отцовство двух младших детей, учитывая нрав матери и новые склонности формального отца, поручиться трудно, хотя Константин, родившийся уже после смерти Романа, очень походил на него характером. Он прибавил свое имя к списку венценосных гуляк и пьянчуг, рядом с именами отца, двоюродного прадеда Александра, Михаила III и многих, многих других.

Знакомый с историей Руси уже узнал имена детей Феофано. Да, именно на дочери этой, э-э-э... женщины женился недостойный сын нашего героя. И именно из рук ее братьев он принял новую веру. Если отца он и не был достоин, то невесты, шурьев, и, в особенности, тещи — вполне!

Итак, Роман умер. Так решила его судьба, судьба по имени Феофано, которую он когда-то собственными руками привел из грязного переулка под пурпурные дворцовые своды.

Встревоженный Иосиф Вринга в панике попытался устранить опасного популярностью в войсках и в народе, а главное, связью с Феофано, полководца, и написал письмо одному из офицеров Фоки, армянину Иоанну Цимисхию. В письме он предлагал все мыслимые и немыслимые блага, вплоть до императорского престола, за поддержку против Фоки. Но ветеран подкововерных баталий жестоко просчитался. Из кровной ли вражды фронтовых офицеров к придворным, из физиологической ли неприязни к "искусственно сделанной бабе", как Цимисхий величал Вринга, или просто из солдатского неприятия интриганства, Цимисхий не принял предложения.

Впрочем, зная ромеев вообще и Цимисхия в частности, можно предположить, что столь простыми и благородными причинами здесь не пахло. Очень возможно, что невысокий, но амбициозный, как Бонапарт, армянский офицер уже тогда сблизился с, мягко говоря, ветреной императрицей.

Иоанн не только не принял предложения Вринги. Он лично явился к командиру, предъявил ему письмо, и гневно понося придворных вообще и Иосифа Врингу в частности, стал требовать немедленного похода на столицу. Набожный победитель сарацин... упал в обморок. Иоанну с трудом удалось привести командира в чувство. Тем временем на шум сбежались остальные офицеры, и, услышав от армянина, в чем дело, горячо его поддержали. Никифор, не только благочестивый, но и благоразумный, хорошо представлял, чем может кончиться это мероприятие. Долго пытался отпереться, если не от участия, то хоть от руководства походом, предлагал в вожди и будущие императоры Иоанна (что значит — инициатива наказуема!). Тщетно. На сей раз офицеры не желали слушать любимого командира. Под рев солдатских глоток и блеск вынутых из ножен мечей несколько ошарашенного Никифора провозгласили императором, и войско двинулось к столице.

Сопротивлялись ему недолго. На стороне победоносного полководца было войско и жители столицы. Дворцовые гвардейцы частью бежали, частью перешли на его сторону. Даже церковь, в лице на редкость негибкого для византийского иерея патриарха Полиевкта, горячо приветствовала известного своим аскетизмом и постничеством, а так же победами над врагами веры Фоку. Особенно выгодно он смотрелся на фоне новопреставленного государя, развлекавшегося с любовниками в Великий Пост. Вринге пришлось искать убежища в той же церкви, куда он недавно загнал престарелого отца своего врага — Варду Фоку.

Вскоре победитель венчался на царство, правда, всего лишь как соправитель малыша Василия и новорожденного Константина. Попутно он обвенчался с их матерью, вдовой злополучного своего предшественника. Участь покойного, как видно, ничему не научила благоразумного и благочестивого воеводу.

Так еще один император вошел под пурпурные своды навстречу судьбе по имени Феофано...

3. Миссия Калокира.

*Ай же братец названный,
Старый казак Илья Муромец!
У нас кладена заповедь великая,
У нас подписи были подписаны, -
Слухать большему брату меньшего,
А меньшему брату большего,
А дружка за дружку обоим стоять*

Былина "Бунт Ильи против Владимира".

Какими бы извилистыми не были пути, приведшие Никифора Фоку на восточно-римский престол, сам он оставался прежде всего полководцем. Он не

оставлял скучные государственные дела на распутницу женушку и придворных скопцов. Грохот рухнувшего в одночасье каганата и перепуганные вопли проштрафившегося топарха не минули его ушей, не утонули в визге и хохоте пирушек, не заглохли в мертвом шорохе дворцовых канцелярий. Бывалый полководец понял — на севере появился новый, очень сильный и серьезный враг. Над византийским побережьем Черного моря нависла держава, в единственном году сокрушившая и поглотившая Хазарский каганат, давнего друга-соперника ромеев. Но государство — это прежде всего государь. Русь не представляла опасности, пока ей правила Ольга, запутавшаяся в отношениях с собственными подданными, как и Византия не особенно страшила соседей в правление Багрянородного книжного червя. Однако новый государь Руси... как там его? Сфентослав? Никифор Фока наверняка был о нем наслышан — хотя бы от "россов", вместе с его войсками воевавших на Крите с арабами. Как мы уже говорили — "россы", сражающиеся в имперской армии того времени, могли быть русскими христианами, бежавшими в Константинополь после переворота Святослава.

Молод и энергичен. Это известно.

Великолепный полководец — что-что, а это Фока оценить мог. Одно дело, очистить от врагов остров (хотя и это немало), но полностью уничтожить вражеское государство... лучшие стратеги Восточного Рима не помышляли о том, чтоб войти в Багдад или Каир. Да еще в один год?!

Сколько ему? Что?! Двадцать четыре?! Мать Божья! Мехеркле! Да... опасен. Очень опасен. Жаль, у нас таких нет. Заткнись, лизоблюд. Твой "Боже-ственный" сказал -нет.

Как жалел Фока, что помешанный на имперском престиже Константин не отдал десять лет назад за этого варвара какую-нибудь родственницу! Но что толку — дело прошлое. Как сообщают крещеные россы, служащие в войсках империи ромеев, молодой князь не терпит христиан. Кажется, там вышла какая-то история с христианскими наемниками из славянской Германии и его отцом... да еще Константин, этот Константин!

Ибн Хаукаль пишет, что русы в каганате особенно свирепо обрушивались на синагоги, мечети и церкви. Вряд ли последнее прошло мимо ушей нового цесаря. Впрочем, хватало пищи для размышлений и без этого. Тот же Ибн Хаукаль сообщает, что после разорения хазар, русы сразу обрушились на "Рум и Анатокус". Если путаник-араб не смешал опять восточный поход нашего героя с балканским, это может значить, что некоторые вожди из войска Святослава после разгрома Хазарии отправились "за зипунами" в малоазиатскую провинцию Анатолию. Другой араб, Яхья Антиохийский, говорит, что Русь и империя к этому времени уже находились в состоянии войны.

Впрочем, даже не конкретные нападения на северные берега Византии или крымские провинции были важны. Само отношение Святослава к христианству, известное в Константинополе от бежавших туда приверженцев его свергнутой матери, в глазах фанатичного христианина Фоки делало его врагом. Итак — враг, новый, сильный, молодой, очень талантливый полководец, и наверняка безумно популярный. Что такое популярность полководца, выигравшего войну, Фока, на волне этой популярности влетевший на трон, тоже понимал хорошо.

То есть организовать заговор тоже не выйдет. Эх, ему бы нескольких наем-

ников... из славянской Германии. Как отцу его. Так ведь не держит! Ни наемников, ни христиан! Нет. Бессмысленно сожалеть о том, чего нет.

Как не хватало сейчас полководцу Фоке данных о противнике! По старинке, по заветам Рожденного в Пурпуре тут ничего не поделаешь. Хазар больше нет, а пачинакиты, как ромеи называли печенегов, по слухам, вместе с русами громили хазарские города, и теперь только что жертвы кровавые не кладут "большому вождю с севера".

Наверняка набожный Фока долго твердил молитвы бессонными ночами. Спал он, к великому неудовольствию женушки, не на роскошной императорской кровати, а на каменном полу туалетной комнаты, на походной скатке. Отчасти, чтоб усмирять плоть, отчасти — по армейской привычке, отчасти — чтоб не поддаться столичной роскоши. И вымолил-таки решение.

В том же году в Константинополь приехало болгарское посольство. По придворной традиции, полагалось поднести послам дары для болгарского царского семейства. По той же традиции, подарки эти называли "данью" — в честь давних побед Аспаруха, Крума и Симеона Великого. От воинского могущества Болгарии давно не осталось и тени, соответственно, и "дань" приняла совершенно символический характер. Традиция, вежливый жест...

Когда время, положенное ритуалом аудиенции для вынесения подарков, давно минуло, а ими меж тем и не пахло, один из болгарских бояр имел неосторожность любопытствовать у цесаря, что там случилось с "данью". И тут началось...

Всегда более чем уравновешенный и осторожный Фока закатил, по другому не назовешь, сцену. Он соскочил с трона, налетел на послов, отхлестал их по щекам, кого-то сбил с ног, и пока послы и ошалевшие от такой "дипломатии" придворные приходили в себя, обратился к присутствовавшему отцу, патрицию Варде Фоке, с театральной речью.

"Неужели ты породил меня рабом и скрывал это от меня? Неужели я, самодержавный государь ромеев, покорюсь нищему, грязному и во всех прочих отношениях низкому племени и буду платить дань?". После этой тирады он повернулся к послам и изрек: "Передайте своему вождю, покрытому шкурами и грызущему сырые кожи: великий и могучий государь ромеев скоро прилет в твою страну, чтобы научить тебя, трижды раб от рождения, именовать ромеев своими господами, а не требовать с них податей, как с невольников".

После этого не пришедших в себя бояр вышвырнули из дворца, так и не дав сказать, что странно слышать про "низкое во всех отношениях племя" от братьев по православной христианской вере; что при болгарском дворе уже вторую сотню лет одеваются и едят по последней царьградской моде; что, наконец, когда на престоле Болгарии действительно восседали одетые в шкуры и пьющие из черепов язычники вроде Крума, Византия покорно платила им самую настоящую дань.

В лицедейской истерике Никифора, однако, ясно прослеживается настоящее отношение ромеев к славянам, будь то христиане или язычники. Стоит заметить, что царя болгар Никифор именуется вождем... ох, аукнулся бедолаге топарху его "царствующий", не мог не аукнуться!

Однако шутовство шутовством, но война, да с Византийской империей, да с Победоносным (именно так переводится имя императора) Фокой — дело совсем нешуточное. В Болгарии воцарилась паника. Страна, разодранная надвое усобицей царей и западно-болгарских князей-комитов, не могла противостоять даже шайкам кочевников-мадьяр, не говоря уж про панцирную кавалерию Византии, во главе с ее живой легендой — освободителем Крита, победителем сарацин Никифором.

Тем временем живая легенда занималась простеньким и незамысловатым делом. Призвав ко двору знатного юношу из Херсонеса, Калокира, сына херсонесского стратига, он возвел его в сан патриция. Новоиспеченного патриция отправили послом к русам, с предложением ударить в спину Болгарии, благо та как раз готовится к войне с Византией и не следит за северными рубежами. В дополнение к просьбе прилагалось не много, не мало — четыре с половиной центнера золота из царьградской казны. Никифор полагал, что делает варвару "предложение, от которого невозможно отказаться".

Вот ради чего был весь балаган. Болгары должны были стать козлом отпущения. "Варвары против варваров" — старая тайная тактика Второго Рима. Пусть молодой, сильный, победоносный варвар увянет в борьбе с другими варварами, с болгарами, коли он так уж не любит христиан! Война с братским народом пошатнет его популярность. Воюя с Болгарией, ему придется союзничать с мадьярами — это оттолкнет печенегов, кровных врагов мадьяр. Ну, и силы подорвет — нелегко все-таки сразу после одной большой войны ввязываться в другую. И Византия избавится от опасного врага. А Болгария... невелика цена.

Бедные болгары. Хорошо же отплатила им Византия за свое спасение от русов Игоря в 941 году. Что ж, такова участь предателей. Ими пользуются — и уничтожают по истечении надобности.

Однако Никифор перехитрил сам себя. К золоту Святослав, как мы увидим, был совершенно равнодушен, всякую наемщину презирал и от попытки нанять его самого мог только прийти в ярость. Да и тайная политика византийцев давно уже казалась тайной только им. Все труднее было Второму Риму находить охотников таскать каштаны из огня. И уж вовсе напрасно было искать таких простаков в Киеве. Через несколько столетий эта тактика — "варвары против варваров" — погубит Второй Рим. Призванные им против сарацин крестоносцы обрушатся на сам Константинополь. И так разгромят его, что Восточный Рим больше никогда не оправится, и сто с небольшим лет спустя будет без труда захвачен турками.

А главную ошибку Никифор допустил в выборе посла.

По прибытию в Киев молодой патриций обратился к великому князю с предложением, сильно отличавшимся от того, что поручал ему передать Никифор. А сказал он, по сообщению Скилицы и Льва Диакона, примерно вот что: "Болгария — отличный плацдарм для похода на Константинополь. На Константинополь, на престоле которого патриций Калокир будет смотреться ничуть не хуже патриция Фоки".

Историки давно ломают голову над этой странной историей. Предполагалось, что Калокир был предан Македонской династии, отстраненной, в лице малолетних Василия и Константина, "узурпатором" Фокой. В связи с этим указывают на некоего Калокира, отправленного при Василии II послом к Оттону

III, и утверждают, что это — тот самый Калокир.

Честно говоря, меня это не убеждает. Во-первых, никто малышней не "отстранял", и Никифор в этой ситуации был скорее регент, чем узурпатор. Честно говоря, оглядываясь на судьбу престола Византии в X веке, я не очень понимаю, кто тут "законный", а кто — "узурпатор". Не уверен, что сами ромеи X века это вполне понимали. Во всяком случае, Никифор, помазанный на царство в святой Софии по всем правилам патриархом Полиевктом, в тот момент был законнейшим, по византийским меркам, государем. Во-вторых, что это за странная манера быть верным династии — приглашать в страну врага? И ведь не просто врага. Житель Херсонеса, соседа Хазарии, должен был хорошо представлять, чем было для враждебной страны появление Святославова войска. Его сосед и современник топарх, во всяком случае, это отлично понимал. Какими бы благими намерениями не руководствовался византиец, приглашавший таких гостей в империю, он уподоблялся безумцу, поджигающему город, чтоб нагреть воды для умывания. Третье возражение: устранить Фоку было проще, действуя внутри дворца — его так и устранили, наконец — а не ведя из-за тридевять земель варварское войско к неприступным царьградским стенам.

Вторую версию выдвигает Вадим Кожин, правдами и неправдами тцившийся доказать, что византийцы русам были добрыми друзьями и союзниками. Он утверждает, что Лев Диакон и Скилица вообще злобно оклеветали преданного своему государю Калокира, что он честно выполнил поручение, а на столицу стал науськивать Святослава уже после того, как там воцарился убийца его государя и благодетеля. Чисто по-человечески это чуть больше походит на правду. Но все остальные соображения в силе. Мотив-то поясней стал, а вот средства, воля ваша... ну не всходили так на трон Византии — во главе иноземной армии! Даже не во главе, в обозе... И мстить за убитого государя, бросив на столицу, скажем, атомную бомбу — а последствия вхождения русов в Город царей были бы вполне хиросимскими — никто бы не стал.

Что до Калокира — у того же Льва Диакона говорится об еще одном Калокире, патриции Калокире Дельфине, что, примкнув к мятежу Фок (главных мятежников неоригинально звали Никифором и Вардой), попался в плен и был посажен на кол. Я не имею в виду, что Калокир Дельфин — то же лицо, что и дипломат, столь оригинально выполнивший поручение Фоки. Просто показываю, что в Византийской империи был отнюдь не один патриций Калокир. И не два. И не три, наверное.

А теперь я выскажу свою версию событий. Не могу сказать, что она очень обоснованна, скорее опять-таки по патеру Брауну: "все, что "не является доказательством", как раз меня и убеждает" и "Я ничего не могу доказать, но я вижу — это гораздо важнее". Основана она на двух соображениях. Во-первых, за Калокиром должны были стоять некие силы. Не на мечах же русских дружин он собирался просидеть все свое царствование. Но это были силы, совершенно не представленные в столице Второго Рима, силы, не имеющие касательства ни к одной из змеиноного клубка партий и групп, шипевших и кусавшихся под дворцовыми коврами. Это были силы, которым легче было привести в столицу варваров, чем вступать в сложную игру на доске мозаичных полов тронной залы Константинополя. Учитывая то, что Святослав недавно сделал с хазарскими городами — это были силы, готовые править на руинах. Проще говоря,

это были силы, которым было практически нечего терять. И все-таки стремившиеся к захвату власти в столице, пусть ценою ее, столицы, уничтожения. А может, к этому-то уничтожению и стремившиеся.

Второе соображение: Святослав мало того, что согласился на участие в плане Калокира... между прочим, это само по себе озадачивает. Вмешиваться в какие-то заговоры презренных ромеев? Вступать в соглашение с послом государства, с которым русы — вспомним Ибн Хаукаля и Яхью Антиохийского — находились в состоянии войны? Впутываться и впутывать свое войско, свой народ в какие-то грязные плутни вокруг проклятого трона трижды проклятого Константинополя? Это Святослав-то, с его знаменитым "Иду на вы!""? Непонятно, почему Святослав не приказал попросту утопить интригана с его золотом в Днепре. Но этого мало. Мало того, что Святослав согласился на план, где ему, вроде бы, отводилась малопочтенная роль наемника. Лев Диакон сообщает, что Святослав с Калокиром побратались. Пишут о том, что побратимство с варваром считалось у ромеев изменой — как будто такие вещи могли волновать человека, приглашавшего в свою страну вражье войско! Мне гораздо удивительней, что Святослав пошел на это! Побратимство было крайне ответственным шагом для воина-руса. Вспомним наши былины. Побратимов связывали нерушимые узы взаимоподдержки и взаимопослушания. Побратим становился продолжением твоего "я" — но и ты становился его продолжением. В знак этого побратимы в былинах обмениваются "цветным платищем", как бы переряживаясь, а на языке обряда — превращаясь друг в друга. В известном смысле они становились как бы одним существом. Как легко догадаться, на такое пойдешь отнюдь не с каждым. Причем Калокир — единственный известный нам побратим Святослава.

Рискну выдвинуть свое предположение.

Как отметил Андрей Валентинов в замечательной книге "Спартак", у нас не принято всерьез относиться к античному язычеству. Боги Севера еще внушают определенное почтение, а греческие... герои мультяшек и детских книг. Не религия — игра. Не Боги — куклы.

Для прививки от подобных суждений очень хорошо эссе Артура Мейчена "Язычество" или тот же "Спартак"

И само собой разумеется, что это "прекрасное детство человечества" не могло сколь-нибудь долго сопротивляться натиску христианства.

Христианская литература смотрит на дело еще проще. Идолопоклонство — это скорее ничто, чем нечто, "мерзость запустения", которую мы часто поминаем всуе, на самом деле — библейское обозначение языческих Богов. Тьма — отсутствие света. Переход от язычества к христианству — переход от тьмы к свету в комнате, где зажгли лампу.

Но источники свидетельствуют об ином. В житиях византийских святых тема диспута с язычниками остается актуальной до VIII века. На самих Балканах язычники держались до конца IX века, когда город Майна с округой на Пелопоннесе был захвачен войсками Льва VI Мудрого. Так погиб последний очаг античной религии и культуры. Нужно заметить, что речь здесь именно о последовательных, сознательных, откровенных язычниках. Двоеверие, включение в православный культ остатков древней веры, жило много дольше. Еще в начале XX века путешественники видели в греческих деревнях статуи античных Богинь с явными признаками почитания. Деревенский священник (!) на

расспросы иноземцев отвечал: это-де "святая Дамитра" (в православных святцах, понятно, не отмеченная).

И все это в сердце православной Византии! Стоит заметить, что апостол Павел проповедовал в Греции в I веке, а превращение христианства в государственную религию и запрет языческих культов произошли в IV.

Крым же в этом отношении — особенное место. Со времен Александра Македонского там действуют хорошо организованные братства-фиасы, своего рода языческие церкви. Святыни этих братств и их обряды сплошь и рядом были тайными, а это вырабатывало навыки конспирации. Особенно же отличались железной дисциплиной почитатели персидского Бога Света — Митры. Организованность митраистов объясняется просто: большинство "прихожан" персидского Бога были солдатами и офицерами армии Рима. Митра был Богом воинов, Богом легионов. Что до конспирации — ученые до сих пор гадают, в чем же состояло учение митраистов, и какие у них были обряды. Культ процветал во всей мировой державе, от Египта и Сирии до Британии и Рейна, а мы знаем о нем очень, очень мало.

Хотя в Херсонесе не найдено митраистских святынь, но... под Херсонесом стоял легион. Легион — и без Бога Легионов, Митры Непобедимого? Кстати, отец Калокира — стратиг. Представитель местной военной знати.

А сам Херсонес — глушь. Место ссылки. Ищейки церкви и империи досюда добирались нечасто. А если добирались, то не усердствовали. Глушь. Горы. Места дикие. Недолго и сгинуть безвестно чересчур ретивому фискалу.

Я не могу доказать, что так — было. Но доказать, что могло быть, я, надеюсь, смог.

Им нечего было терять. Их культ угасал, передаваясь внутри семей. Воины, они гибли в стычках, и кто-то мог не успеть посвятить сыновей, кто-то — вообще не оставить мужского потомства. В христианской империи нечего было и думать о вербовке новых преданных Светозарного Митры. Первый же кандидат мог стать доносчиком и погубить Братство. Не было будущего. Не было надежды. Была лишь слепая верность солдат, обороняющих последнюю крепость в захваченной врагом стране. "Боги погибли, и ничего не осталось Риму, кроме чести и холодной отваги отчаяния" — Г. К. Честертон писал это про Пунические войны. Но это — и про них, про последние осколки Рима под ногами торжествующего нового Карфагена, коварно укравшего речь, гордые имперские символы, само имя своего врага.

Что почувствовали они, когда на севере запылала нежданная заря? Не мне передать это. Не сам ли Непобедимый, сокрушитель кривды и тьмы сошел для них на землю в облике северного варвара?

Не знаю. Но могу предположить, что шепнул в ненайденном херсонесском митреуме отец-стратиг своему сыну сквозь холст и дерево ритуальных масок.

"Esse delendam!".

11. "СВЯТОСЛАВ, ЦАРЬ БОЛГАРАМ".

*И ждут окованные братья,
 Когда же зов услышат твой,
 Когда же крылья, как объятья,
 Прострешь над слабой их главой.
 И час придет: окрепнут крылья,
 Младые когти подрастут,
 Вскричат орлы и цепь насилья
 Железным клювом разорвут.
 Вставайте, славянские братья -
 Болгарин, и серб, и хорват.
 Скорее друг к другу в объятья,
 Скорей за отцовский булат!*

А. С. Хомяков "Орел"

1. Колчан Кубрата

*То брат вызывал на закланье брата,
 Чтоб вырвать у брата глаза!
 Сергей Калугин "Nigredo"*

Какой же была в те далекие поры Болгария? Начнем наш рассказ с легенды. В степях между Доном и Кубанью кочевало племя болгар. Правил им верховный хан — "хан сюбиги" — по имени Кубрат. Входило в то племя немало родов разной крови и языка, а оттого, хоть говорили болгары на тюркском наречии, но имена у них были все больше древние, сарматские. Встречались и другие — Гостун, Безмер, Телец. Видно, еще на Дону покумились степняки-болгары со славянами.

Перед смертью Кубрат собрал своих сыновей и приказал попытать силу — взяв стрелы из его колчана, переломить весь пучок разом. Даже у старшего сына, силача Батбая, ничего не вышло. Усмехнулся старик, и, вынимая из колчана по одной стреле, стал ломать их своими дрожащими морщинистыми руками. А потом сказал сыновьям: *"Вы, сыновья — стрелы в моем колчане. Пока вы вместе, вы сильны, сильно наше племя. Держитесь вместе, чтоб не переломали вас, как эти стрелы"*.

Но сыновья со временем забыли завет Кубрата. порознь ходили их кочевья в степи, с людьми разных племен завели они дружбу. И когда родичи-соперники, хазары, нагрянули из-за Кубани в их земли, сбылось пророчество старого хана — по одиночке были разгромлены сыновья. Батбай со своими людьми остался на родине, платить дань кагану. Его народ стал прародителем черных хазар, ставших цепными псами каганата и вместе с ним сгинувших.

Брат Батбая, Аспарух, ушел на Запад. В 678 году он подошел к Дунаю, где изнемогали в неравной борьбе с двумя могучими врагами — Аварским каганатом и Византией балканские славяне. Авары на завоеванных землях измывались над покоренными славянами, женщин из племени дулебов заставляли возить их в телегах, запрягая их вместо волов или лошадей. Зимовали в сла-

вянских селениях, распоряжаясь добром славян и их женщинами будто своими. Спустя сто лет, когда моравская держава князя Само переломит хребет каганату, озверевшие данники попросту вырежут авар-обров. И останется от жестоких кочевников лишь поговорка, попавшая в русские летописи: "погибоша аки обре". То есть сгинули бесследно, не оставив ни потомства, ни доброй памяти. К чести Аспаруха, он не кинулся "благоразумно" поддерживать сильных, затаптывать упавших. Он встал на сторону славянской державы "Семь Племен", заключил со славянской знатью союз — и вскоре изгнал с нижнего Дуная и авар и византийских захватчиков. Своим столичным станом он сделал славянский городок Плиска, рядом поселились его соплеменники. Впрочем, и славян болгары с места не сживали. Помнил молодой Аспарух завет отца -держаться вместе, и теперь — лучше поздно, чем никогда, не на прежней родине, так на новой — был полон решимости выполнить его, не давать больше врагам ломать стрелы Кубрата поодиночке. В 680 году Аспарух разгромил войска и флот Константина IV. А через год был заключен почетный мир с империей и возникло Болгарское государство. Византия, однако, не оставила попыток подчинить его. Девять страшных походов предприняли Царьградские императоры против Болгарии. Под этими ударами, в горниле постоянной войны с общими врагами — обрами и империей — все ближе становились болгары и славяне. Вдали от родных степей болгары волей или неволей учились новому для себя оседлому быту, сельскому и городскому, перенимая у славян навыки, ремесла, язык. Особенно крепким стало это единство при Круме, которого чаще звали князем, чем ханом.

Когда в 811 году Крум отправился в поход на аваров, император Никифор I вторгся в Болгарию, внезапным налетом взял и разорил Плиску. Отяжелевшее от добычи византийское войско поползло назад, но в горных ущельях было настигнуто стремительно вернувшимся Крумом. Ромеи были разгромлены, император Никифор I попал в плен и был казнен. Из его черепа сделали чашу и Крум пил из нее на победном пиру, чествуя своих союзников — славянских князей. В Константинополь Крум посылал послом тоже славянина — Драгомира. Крепко держал он в руке стрелы Кубратова колчана, не позволяя рассыпаться в разные стороны. Впрочем, Крум и бежавшую из столицы врага опальную знать привечал, требуя лишь одного — отказа от христианства. Христиан Крум не терпел.

Грозный князь наносил ромеям поражение за поражением, приносил жертвы Богам под стенами вражеских городов, взял Девельт, Месемврию, Адрианополь. Над Константинополем нависла угроза осады. Во Втором Риме появилась поговорка — "сделаться добычей мисян", то есть быть уничтоженным, разбитым дотла, что-то вроде нашего "как Мамай прошел". Мисянами греки звали жителей Болгарии, располагавшейся на месте древней римской провинции Мисия.

Но в 814 году Крум, нестарый и крепкий человек, внезапно умирает под стенами вражеской столицы. Для его сына Омуртага смерть отца, по видимому, не была загадкой. Крум не терпел христиан, но не преследовал их — как Святослав в Киеве. Омуртаг, едва взойдя на престол, начал на них яростные гонения. Уж не убийца ли своего отца истреблял молодой князь?

Как и отец, Омуртаг не только боролся с христианством, но и мирволил славянской знати. Славянками, видимо, были и его жены, иначе отчего среди

имен его сыновей нет ни одного неславянского? Звали их Нравота Воин, Звеница и Маломир. Любопытен также новый титул Омуртага — "от Бога князь". Явно подразумевался не Христос!

Неприятие христианства Омуртаг внушил своему наследнику Маломиру. Тот даже казнил брата Нравоту зато, что тот крестился. Понимал Маломир, что нужно держаться вместе, держать в пучке все стрелы из колчана Кубрата. А как это сделать, если часть болгар почитает себя "богоизбранным народом", "новым Израилем", а остальных сородичей, в том числе собственных предков, да и его, государя Маломира, считает погаными язычниками, псами? Но наследник Маломира, Пресиян, стал к ним гораздо терпимее и даже позволил строить монастыри.

Христиане немедленно "отблагодарили" Болгарию за терпимость. При следующем князе, Борисе, на земли Болгарии вторгся наш старый знакомый, цесарь-богохульник Михаил III. Организатор "всеобщей собор" вовсе не был хорошим полководцем. Однако он достиг успехов, каких византийские войска давно уже не видели в Болгарии. Войско болгар было разгромлено, крепости пали, князь попал в плен.

Летописцы Восточного Рима не скрывают, что причиной ошеломительных успехов Михаила стали болгарские христиане. Эта "пятая колонна" поставляла вражеской армии разведчиков и проводников, изнутри открывала перед ромеями городские ворота. Разделенные новой верой, ломались болгары, ломались стрелы Кубрата.

Победитель предложил Борису мир, и даже возвращения пограничной крепости Загоры на условии крещения самого князя и всей страны. Византийские стратеги важно толковали Борису о мощи христовой, пособившей им в этом походе. Монахи показывали изображения Страшного Суда и твердили, что до него осталось сто с небольшим лет.

Князь принял условия захватчиков. Он даже поменял столицу в государстве, переехав из "языческой" Плиски в Преславу, расположенную ближе к Византии и, по-видимому, населенную немалым количеством христиан. К чести Бориса будь сказано, он не стал строить новую столицу посреди болот на фундаменте из болгарских костей, а просто перенес ее в уже существующий город.

О том, какими способами князь-отступник, нарекшийся вскоре царем, обращал свой народ в новую веру, лучше всего говорит его переписка с папой римским, Николаем I. Напомню, читатель, что церковь в те времена была еще едина, не делясь на католическую и православную. Римский папа в глазах восточных христиан не только был вполне достойным священнослужителем — "Табель о рангах", составленная Рожденным в Пурпуре, наделяет его званием "лучшего друга" императоров Второго Рима и определяет ему место за пиршественным столом справа от цесаря. Патриарх Константинопольский, согласно тому же документу, должен был сидеть слева от царствующей четы. Любопытно, состоялся ли в Константинополе хоть один обед, на котором "лучший друг" занимал положенное ему место?

Итак, слово Николаю I: "Вы сообщаете нам, что крестили своих подданных, вопреки их согласию, вследствие чего возник мятеж, угрожавший вашей жизни. Хвала вам, ибо вы поддержали ваш авторитет, приказав убить негодных овец, отказавшихся войти в овчарню; вы ничуть не погрешили, проявив столь священную жестокость; напротив, хвала вам, ибо вы уничтожили врагов, не

пожелавших войти в лоно апостольской церкви, тем самым вы открыли царство небесное народам, подвластным вам. Да не убоится царь совершать убийства, если они могут держать его подданных в повиновении или подчинить их вере христианской! Бог вознаградит его за грехи в этом мире и в жизни вечной".

Папа лишь слегка пожурил Бориса, что в истребленных им 52 знатных семействах, отказавшихся предать Богов, он не пощадил грудных младенцев. Ведь они могли вырасти христианами... ну да ладно, все простительно, что делается "из ревности к христианской вере". Да что там чужие дети — собственного сына, Владимира, отказавшегося разделить с отцом отречение от веры предков, отступник ослепил и бросил в тюрьму.

Читатель, когда вам на глаза или на слух попадет очередная благоглупость, что, мол, только злые католики творили насилие и навязывали свою религию, а восточные-де христиане действовали исключительно кроткой проповедью; что славяне-де по какому-то духовному сродству охотно принимали православие — очень вас прошу, вспомните княжича Владимира. Вспомните того, кто предпочел сменить дворцовые покои на сырую темницу, но не променять веру праотцев на византийскую, кто предпочел навсегда расстаться с дневным светом, но не с родной верой. И 52 семейства безымянных мучеников-болгар.

Однако, невзирая на зверства Бориса, многие болгары продолжали держаться религии предков. Так, житие Георгия Святогорского упоминает "болгар, именующихся славянами", почитающих — в 1056 году — каменный истукан некоей Богини. "Солнце и дождь, и всякое благо дается нам от Нее, которая имеет власть даровать смерть и жизнь кому пожелает", говорили люди, чьи предки пронесли свою веру через кровавую баню Борисова крещения, "освободительную" резню Цимисхия и кошмары византийской оккупации времен Болгаробойцы. В Великом Тырново найдена надпись XIII века, упоминающая Сварога. В 1243 году анонимный автор латинской рукописи из библиотеки Торино говорит, что народы, живущие в северных областях Болгарии, "поклоняются идолам". Старая вера держалась в Болгарии так же крепко, как и в других краях Европы.

Другой сын Бориса вырос в заложниках при византийском дворе. Он даже имя с рождения носил византийское — Симеон. Византийцы, надо полагать, старались воспитать его, как свое орудие. Ему должны были всячески внушать, что болгары — "духовные дети" византийцев, и поднимать руку на своих "отцов" — тягчайший грех.

Вся это история вызывает в памяти две другие. За полтысячи лет до Симеона при Константинопольском дворе воспитывали другого варварского царевича, точно так же стараясь внушить ему трепет и преклонение перед "державой ромеев". И через полтысячи лет после Симеона в Константинополе, ставшего уже столицей другой, Оттоманской, империи и называвшемся Стамбулом, воспитывали княжича-заложника из дунайского княжества. Турки, надо полагать, не меньше ромеев желали воспитывать из юных заложников послушных вассалов.

Первого мальчика звали Аттила. В историю он вошел под грозным прозвищем "бича Божьего". Он создал могучую варварскую державу, на много десятилетий ставшую кошмаром для обеих Римских империй, Западной и Восточ-

ной. В его стране в ходу были изображения, где коленопреклоненные императоры прислуживали Вождю.

Второй заложник звался Влад. История сохранила за ним два прозвища, одно страшнее другого: Цепеш-"Сажатель на кол" и Дракула-Дьяволеньш. Он прибывал турецким посланникам фески к бритым черепам, он бил в пух и прах спаги и янычар, отступая, он гнал к своей столице толпы пленных турок, и каждый день забивал каждого десятого, варил и кормил чудовищной похлебкой девятерых уцелевших. Пленных, доживших до конца пути, он поголовно посадил на колы у стен города, где дал последнюю битву армии султана — и разгромил ее наголову.

Точно та же история получилась с Симеоном. Нет, он не отличился той полужвериной, полубожественной свирепостью, что прославила других воспитанников Царьграда. История называет его не "Бичом Божьим" и не "Дьяволеньшем", а Великим. Но это было единственным, чем могли утешаться ромеи. Хотя Симеона в юности и звали со снисходительным одобрением "полутреком" за успехи в учебе, складывается впечатление, что учил он в Царьграде не Аристотеля и Козьму Индикоплова, а "Стратегемы" и Вегеция. Он не менее византийских стратегов грезил о воссоединении Болгарии и Византии, но... но, как легко догадаться, под властью болгарских царей, точнее — самого Симеона. В конце концов, великий Юстиниан был полуварваром из дунайских провинций (одно время его даже считали славянином), император Лев III был сирийцем, Лев V — армянином. На памяти самого Симеона из провинции Македония пришел грязный, неграмотный крестьянский парень Василий, стал конюхом одного из вельмож, затем слугой цесаря Михаила, был возвышен им в придворный сан, затем задушил своего государя и благодетеля и стал основателем Македонской династии, императором Василием I Македонянином. Так что мешает встать во главе империи императору Симеону I Болгарину? Византийская армия? Мелочи какие...

В 897 году Симеон разбил византийцев во Фракии под городом с выразительным названием Булгарофиг. В 904 захватил изрядную часть истерзанной арабскими пиратами Фессалоники. В 913 году беспутный император Александр, тот самый дядя Рожденного в Пурпуре, заключил с Симеоном мир по его условиям, за Симеоном официально признавался царский титул, и закреплялась помолвка маленькой дочки Симеона с ненавистным племянником Александра. Император, видимо, считал малыша уже покойником и мог смело обещать его руку и сердце хоть эфиопке. Симеон, со своей стороны, рассчитывал сделать своим зятем правителя Византии, получив, таким образом, высокий титул "василеопатера" — государева отца, что позволило бы ему венчаться на царство как соправителю и мирным путем оказаться на престоле Второго Рима. Судьба, как мы помним, распорядилась по-другому, и вернувшаяся из ссылки Зоя решительно порвала помолвку сына. В этом ее поддерживал адмирал Роман Лакапин. У него тоже была маленькая дочь и определенные планы.

Разъяренный Симеон, у которого прямо из рук уплыл казавшийся уже своим венец императора, вновь объявил войну Восточному Риму. В 917 году он разгромил армию Византии под Ахелоем, разбил так, что место страшной битвы века спустя носило жуткое название "Кокыле" то есть "Кости", подчинил Сербию. В следующем году — вторгся в Элладу. Узнав, что Роман Лакапин вы-

дал за Константина свою дочь, Симеон ясно дал знать, что не собирается оставаться у разбитого корыта, и присвоил себе "авансом" титул "императора болгар и ромеев". Его войска вторглись во Фракию, подходили к Константинополю. Роман Лакапин на людях негодовал на несусветную наглость варвара, предпринимая тем временем, отчаянные попытки завязать с Симеоном мирные переговоры, от которых царь уклонялся, и интриговал против него в Сербии и Хорватии. Хорватия вступила в союз с Византией. Во время похода против нее Симеон впервые был разбит в битве, а вскоре заболел и умер. Это был последний правитель Болгарии, достойный славы Аспаруха и Крума.

Особенно ревностным христианином Симеон не был, хотя и приютил в Болгарии изгнанных из Моравии немецким духовенством учеников Кирилла и Мефодия, и щедро поддерживал сплотившийся вокруг них кружок книжников. Однако делал он это скорее из соображений престижа, чем из усердия в христианской вере. Иначе трудно объяснить, отчего его старший сын, Михаил Боян (в Болгарии тогда, как впоследствии и на Руси, христиане носили наряду с крещеным, календарным именем старое, дохристианское), изумлявший всех своим умом, начитанностью и поэтическим даром, оказался убежденным сторонником прежней веры. Под давлением вельмож — в первую очередь наверняка ветеранов карательных походов Бориса, хорошо представлявших свое будущее при царе-язычнике — Симеон вынужден был заточить старшего сына в монастырь. Монастырское заключение никому не бывало легким, тройне не тяжело оно было для язычника. Уже после смерти отца Боян бежал из монастыря, одно время выступал как претендент на трон, но потом исчез. Власть объявили, что мятежник умер, но народ верил этому с трудом — за последним язычником болгарского царского рода держалась упорная слава волхва, чародея и оборотня. Его бегство из монастырской тюрьмы объясняли, как легко догадаться, колдовством. Но куда же на самом деле исчез Боян? Существует версия, ее высказал еще в начале XIX века Ю. И. Венелин, а вслед за ним — болгарин В. Николаев и советский исследователь А. Л. Никитин, тот самый, что выдвинул столь увлекательное и убедительное предположение об Асмунде, как сыне вещего Олега. Версия эта отождествляет Бояна-Михаила Симеоновича с Бояном, Велесовым внуком, "соловьем старого времени" "Слова о полку Игореве". И действительно, в великой поэме много мест, звучащих, как отсылки ко временам нашего героя. Так, "поганые", которые "емляху дань по обеле (рабыне — Л. П.) от двора", больше похожи на хазар, чем на половцев или печенегов, никогда и никакой дани, тем паче столь чудовищной, на Руси не бравших. Прямо приписываемые Бояну слова "Тяжко ти голове, кроме плечю, зло ти, телу кроме головы — Русской земле без Игоря", скорее можно отнести к Игорю Рюриковичу, великому князю всей Руси, чем к правителю микроскопического княжества Новгород Северского. Эта версия трактует фразу "Боянъ ходы на Святославль песнотворца", как "Боян, певец походов Святославовых". Бояну "Слова...", как и болгарскому царевичу, приписывается и поэтический дар, и способности оборотня-кудесника: "растекашется мысию (белкой — Л. П.) по древу, серым волком по земли, шизым орлом подь облакы". Его песнетворчество — скорее шаманское чародейство, волшба, чем привычное нам рифмоплетство.

Но тогда получается, что Боян действительно не умер. Возможно, он понял, что, выступая против брата-царя, он ослабляет родную страну, действуя на ру-

ку ненавистной Византии, помогая ей ломать стрелы Кубрата. Но жить на предавшей Богов родине, под властью брата-ничтожества он тоже не мог. И тогда естественным решением был уход в ближайшую страну, сохранившую древнюю веру славян. На Русь. Если это так, то можно предположить — по цитатам в "Слове...", что Боян пережил Игоря и дожил до походов его сына, возможно, и до Болгарского — иначе к чему множественное число? Вернулся ли он на родину, мы не знаем. Жаль, как же жаль...

Но что можно легко предположить — царевич-язычник, вплотную знакомый с христианством во всех его видах — вплоть до монастыря — был одним из главнейших и активнейших участников языческой партии. Возможно, ее следовало бы называть не партией Асмунда и Святослава, а партией Асмунда, Бояна и Святослава. Можно предположить, что волхв-болгарин и воспитатель Святослава стали близкими друзьями. Уж очень много общего у них было — оба убежденные противники христианства, оба — сыновья великих воинов, правителей и полководцев, отцы обоих воевали с Византией и осаждали Царьград. Правда, отец одного сам был ярым язычником, а отец другого даже имени древнего не имел. Что ж... годы монастырской тюрьмы наверняка восполнили тот недостаток неприязни к новой вере, который мог отличать воспитание Бояна от воспитания Асмунда.

Как ни жаль, нам придется расстаться с вещим Бояном, читатель. У нас нет ни единой зацепки, позволяющей судить о его роли в событиях балканского похода Святослава. Зато мы многое знаем о его брате, занявшем престол в это беспокойное время, о брате, которому выпала незавидная доля быть противником Святослава в этой войне.

2. Сын гения

*Все свои девизы
Поменяла знать
С "Veni, vidi, vici"
На "fuck твою мать"
О. Медведев "Моя религия"*

Второго сына Симеона Великого звали Петр Сурсувул. И был он лишним подтверждением старой избитой истины, гласящей, что на детях гениев Природа отдыхает. Как раз он показал себя не просто ярким христианином, но и прилежным грекофилом. Вот кто всерьез воспринял мысль о духовном отцовстве ромеев. Петр всю жизнь относился к империи с таким трепетным почтением, какое ей редко оказывали собственные подданные. Прежде, чем перейти к рассказу об его жизни, следует отметить одну любопытную деталь — из двух сыновей Симеона именно носитель славянского имени оказался убежденным язычником, а носитель имени собственно болгарского сделался истовым поклонником Византии и ее бога. Это еще раз подчеркивает еще при Круме и Омуртаге обозначившуюся связь между славянским происхождением, или хотя бы симпатией к славянам, и неприятием христианства. Вспомним, что каменной Богине в X веке поклонялись именно "болгары, именуемые славянами". Языческие погребения, продолжавшиеся в Болгарии еще век, а где и два после описанных здесь событий, тоже славянские. Очень вероятно, что Бо-

ян и Сурсувул были детьми Симеона от разных жен. Хотя многоженство и воспринималось церковью резко отрицательно, оно очень долго отмирало в среде народов, принявших христианство. Достаточно сказать, что у русских многоженство — не блуд или "бегание налево" от законной супруги, а именно стабильная семья с двумя и более проживающими вместе с мужем, ведущими одно хозяйство женами — сохранялось кое-где на Русском Севере вплоть до начала XX века. Двух жен имел в XI веке Святослав Черниговский, сын Ярослава Мудрого. Тем более естественно это явление для Симеона, христианина всего лишь во втором поколении, и, как можно судить по старшему сыну, не очень усердного.

Петр начал свое правление с мирного договора с византийцами. Он сам прибыл в Константинополь, женился на внучке Романа I, Марии-Ирине, вернул империи земли, отвоеванные его отцом — Девельт, Агафополь, Созополь, Месемврию, Визу. В ответ Роман милостиво признал за мужем внучки титул царя болгар и дозволил болгарской церкви иметь своего патриарха. Центром болгарской патриархии стала не столица, а дунайский городок Доростол, прославленный христианскими мучениками III-IV веков, в наше время называемая Силистрой. В те времена славяне называли этот город Дристрой. Вслед за ними его начали именовать так же подданные Второго Рима. Но его летописцы продолжали его называть, пущей научности ради, Доростолом. То же античное название утвердилось и в нашей науке — скорее из соображений благозвучия. Будем придерживаться его и мы.

Царь Петр всегда прилежно соблюдал все пункты этого договора, хоть это и нелегко давалось его стране и его народу. Именно этой верностью договору 927 года объяснялось то, что при появлении русских судов у берегов Болгарии в 941 году болгары поспешили сообщить о них в Константинополь. Как мы помним, болгары расплатились за это печенежским нашествием в 944..

Далеко не всем болгарским вельможам, даже христианам — а других у царского трона после репрессий Бориса и не осталось — понравилась такая "гибкость" их государя. Земли, отданные Петром, были завоеваны Болгарией в тяжелейших войнах, стоивших огромных жертв болгарскому народу. Новый же договор возлагал на болгар ответственность за безопасность европейских владений империи от русов, мадьяр и печенегов. Все это вызвало глухое, но сильное недовольства среди знати и вылилось в заговор, прочивший во главу государства третьего, младшего сына Симеона Великого, носившего эпическое имя Иван. Во главе заговора стояли ближайшие сподвижники покойного владыки, лучшие полководцы и воители царства. Кадровые военные-фронтвики, как правило — плохие конспираторы. Петр раскрыл заговор, однако был поставлен перед крайне неприятной необходимостью покарать родного брата и собственными руками лишить свою страну лучших защитников. Царь не решился стяжать мрачную славу братоубийцы, оставлять же брата в стране панически боялся. Вместо этого он отослал Ивана в Константинополь, наивно полагая, что Роман, блюдя союзнические обязательства, обезопасит его от неблагонадежного родственника. Император немедленно отблагодарил Петра за такое доверие, приняв ссыльного с почестями, и в дальнейшем обращался с Иваном отнюдь не как с узником, но скорее как с царевичем в изгнании. Иван был принят при дворе, осыпан дорогими подарками и всяческими милостями, а вскоре женился на одной из самых знатных и богатых невест Константино-

поля, причем сватом выступал сам император. Петру ясно дали понять, что отныне у Второго Рима есть претендент на его место, каковой и будет на него водворен при малейшем неповиновении Петра.

В 930 году бежал из монастыря и занял вместе с приверженцами долину реки Струмы Михаил Боян, старший брат Петра. Впрочем, мы уже говорили об этом происшествии и о том, чем оно закончилось.

Вдобавок на Болгарию, истощенную войнами Симеона, с севера обрушилась новая напасть — мадьяры. Их орды огненными смерчами пронеслись по стране, оставляя за собой трупы и разрушения. В 934 году стены Константинополя увидели медноскулых всадников в косматых накидках поверх кольчуг, с тремя черными косицами на выбритых черепахах. Власти Восточного Рима метали грома и молнии в адрес нерадивого союзника. Петр лишь беспомощно оправдывался. Что он мог поделать с ужасом всей Европы, внушавшим не меньший ужас, чем набеги норманнских и вендских викингов и сарацинских пиратов? Мадьярские сабли — кстати, это слово в русском языке именно мадьярского происхождения — поливали в те годы кровью поля половины Европы, венгры на своих лучших в Европе скакунах долетали до Парижа. Болгарию они вообще, складывается впечатление, едва замечали, она была для них не государством, а местом, краем, по которому пролегла дорога в богатые края Восточного Рима. Что могла Болгария, чьи войска были обезглавлены казнями и опалами самых одаренных и любимых воинами полководцев после краха заговора Ивана? Византия лишь требовала защиты своих рубежей да грозила карами, но и не думала помогать союзнику. Зато Роман I поддержал отколовшегося от Болгарии сербского князя Часлава, и немедленно признал сербское государство.

Если наивный Петр полагал, что хуже его положение стать уже не может, то он глубоко заблуждался. Его иллюзии были разрушены, когда Роман, а через год — и его сыновья были свергнуты и к власти пришел Рожденный в Пурпуре. Мы уже говорили, что для Константина VII — и он откровенно говорил об этом — болгары были скорее некими "особями" совершенно иной "породы", нежели богоизбранный, как выражался в свое время патриарх Фотий, и благородный, по выражению самого Константина, народ ромеев. Честно говоря, очень трудно сказать, что понимал Константин под благородством: мы уже говорили, что на престоле империи ромеев оказывались и армяне, и сирийцы, армянами были семейство Лакапинов и Иоанн Цимисхий, а патриарх Фотий, к примеру, и вовсе был, по выражению Михаила III, "хазарской мордой". Мы еще увидим и печенегов в чине патриция! К тому же в империи уже тогда было в ходу распространенное заблуждение, что смешанная кровь улучшает качества человека. Право, византийцам стоило посмотреть на соседнюю Болгарию. Будучи государством чистокровных славян и чистокровных болгар, она была третьей в Европе державой после самой Византии и империи франков. После смешения двух народов о Болгарию стало можно вытирать ноги — что византийцы и делали. Однако, как бы ни обстояли дела в действительности, новый император почитал болгар существами низшего порядка, а византийская жена Петра принадлежала к свергнутой им семье Лакапинов и никаких теплых чувств у Рожденного в Пурпуре не вызывала. На счастье Петра, августейший книжник не был ни воином, ни дипломатом, говоря кратко, не был человеком действия, и его неприязнь к Болгарии оставалась сугубо платони-

ческим чувством. Сыну же его вообще не было никакого дела до происходящего за стенами его дворца, точнее, тех его палат, где он с, мягко говоря, дружками устраивал оргии. Для Болгарии это был как раз тот, описанный Эзопом еще случай: чем царь-аист, для лягушек лучше уж царь-чурбан...

Вот только раньше никому бы не пришло в голову сравнивать болгар с лягушками.

Шестидесятые годы X века ознаменовались двумя новыми доказательствами ничтожества уже пожилого правителя Болгарии.

В 963 году, когда "смертельные спазмы, развившиеся вследствие неумеренной верховой езды" или же отравы, "принесенная с женской половины дворца", отправили беспутного Романа II в иной, не обязательно лучший, мир, новые правители империи потребовали от соседа обновления договора 927 года. Собственно, было пора — одним из условий договора был его срок — на 30 лет, и они давно минули, просто тогда императорам было не до того — резко обострились отношения пожилой четы императоров и молодой пары, явилось русское посольство, да и новый патриарх Полиевкт доставлял немало головной боли Константину. Потом молодым владыкам было не до того — оба пустились во все тяжкие, освободившись от досадного надзора старого императора, и лишь после смерти Романа на троне оказался человек, помнивший о таких вещах, как договоры с соседями. Нечего говорить, что договор 927 года со всеми его статьями и обязанностями Болгарии в отношении восточного соседа был подтвержден и действие его продлено. Более того, сыновья Петра, царицы Роман и Борис — чего, однако, стоит выбор имен: имя человека, превратившего родину в духовную провинцию Византии и имя византийского императора, трепетавшего перед отцом Петра... так вот, Роман и Борис были отправлены в Константинополь как заложники. Так Петр лишний раз подтвердил свою беспредельную покорность Царьграду. Притом никакой насущной необходимости в таком низкопоклонстве не было: войска Византии почти полностью сосредоточились на восточном фронте, воюю с вечными врагами империи — мусульманами. Это холуйское поведение перед исконным врагом вызвало сильное недовольство болгар. Царь терял уважение подданных. Но это было еще не все.

В 965 году, когда Святослав ходил на Хазарию, Петр заключил договор с мадьярами, бывшими вассалами каганата. Читая его, следует помнить, что Петр заключил с Византией договор, обязывающий его всячески препятствовать кочевникам в походах на Византию. Что в столице Второго Рима в заложниках находятся его сыновья.

Договор содержит обязательство венгров не разорять болгарских земель, если Петр не будет им мешать в их набегах на Византию.

Я не знаю, сохранил ли народ Болгарии какое-нибудь уважение к своему государю; я не знаю, сохранил ли сам этот человек какое-нибудь уважение к самому себе.

Татищев сообщает, опираясь на неведомый нам источник, "что болгары помогали козарам" против войск нашего героя. Если только это так — трудно заподозрить Петра в таком "безумстве храбрых". Остается сильнейшим образом подозревать, что это в очередной раз загребала чужими руками жар змиемудрая Византия, а Петр, в очередной же раз, покорно сунул пятерню в раскаленные докрасна угли. Любопытно, подоспела болгарская помощь хотя бы ко

взятию Саркела? Или вообще явилась на руины?

Можно представить себе, в какой шок повергла пожилого холуя Византии внезапная опала со стороны хозяина. Всю жизнь Петр Сурсукул вел себя как примерный примак в доме строгого и богатого тестя, как забитый, затюканный сынишка рядом с деспотичным папашей. Всю жизнь он глядел в рот владыкам Царьграда. И вот, на склоне лет, награда — его послов вышвыривают из дворца, стране объявляют войну — к которой она, мягко говоря, не готова. Не знаю, что бы с ним случилось, пойми он — хозяева с Босфора превратили его и его страну в кость, брошенную волку. "Духовные отцы", послушным сыном которых всю долгую жизнь был этот несчастный человек, швырнули сына на алтарь — не бога, как ветхозаветный Авраам сына своего, Исаака, это хоть и больно, но простительно — собственных шкурных интересов.

И в тот момент, когда он напрягал свой ум в тщетных попытках уразуметь — "За что?!", за его спиной грянуло обрекающее:

3. Иду на вы!

Святослава в Болгарии можно сказать, ждали. Не только язычники — это само собой, для них сын Перуна из северных краев был долгожданным освободителем от гнета чужеземной веры, от огречившихся господ. Отряды скамаров — полуповстанцев-полуразбойников — спускались с гор и шли за дружинами русского князя. Выходили из лесных убежищ старики волхвы, жадно вглядываясь в багряные стяги с Соколом Рюриков и Крестом Дажбога. Покидали родовые грады во главе дружин бояре глухих окраин, сохранившие верность Богам Крума, Омуртага и Маломира.

Но его ждала и Болгария. Вся Болгария ждала Воина, Правителя, Мужа — ждала после почти полувека под постылым бескостным царьком, окончательно обабившимся под старость. Ждала, как ждут выстрела в потолок, как конь — благостного ожога бича, указывающего путь; как уставшие от собственного непослушания дети — тяжелого кулака об стол, говорящего — пришел Отец.

Наспех собранное Петром войско просто разбежалось после первого же натиска русской дружины. Большинство из них укрылось в обители патриарха, Доростоле. Святослав прошел по стране страшной летней грозой — на дворе стоял август, и болгарские города один за другим падали в его руки, словно созревшие наливные яблоки. Восемьдесят городов в одну осень распахнули ворота русскому войску. Это трудно было назвать завоеванием. Опять придется вспомнить слово из XX века — аншлюс. Воссоединение.

Соблазнительно было бы предположить, что во взятии восьмидесяти городов Святославу помогали Братья Калокира в Митре. Тем паче, что римские провинции Мизия и Дакия, на землях которых стояло Болгарское царство, буквально кишели митреумами. Они найдены в Филлипополе, будущем Пловдиве, Дуросторуме-Доростоле, Сердике-Средце, будущей Софии, Тресмисе неподалеку от Переяславца Дунайского, а также в Еске, Томах, Трояновом Трофее, Бессапаре и Монтане. Увы, мало того, что сама принадлежность Калокира именно к Братству почитателей Митры сугубо гадательна. Так и предположить, что митраистам удалось выжить и сохранить веру в этом проходном дворе варваров — готов, гуннов, славян, болгар — можно только человеку с во-

все уж необузданной фантазией. Все же земли Болгарского царства — это не укрытая горами и морем глушь вроде Херсонеса или Майны. Да хватало и других причин.

В громе этого стремительного похода, в последних суматошных попытках сопротивления, в ликовании одних и панике других никто толком не заметил незначительного, в общем-то, события.

В неизвестной крепости, брошенный войском и вельможами, жестоко преданный теми, кого привык почитать и забытый теми, кем привык повелевать, ненужный даже врагам, умирал несчастный старик, Петр Сурсувул, сын Симеона Великого, уже больше не царь Болгарии. Умирал долго и тяжело, в истощении всех телесных, душевных и умственных сил, небогатый запас которых был отведен ему скупой судьбой. Жаль, что некому было сказать ему — после смерти Болгарская церковь провозгласит его святым.

Хоть что-то утешило бы гаснущего, всеми презираемого старика. — Заботы цесаря Никифора.

*Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умеют только мертвых.*

А. С. Пушкин "Борис Годунов".

Наверное, Никифора Фоку сначала обрадовали вести с Дуная. Вроде бы все шло согласно его планам.

Честно говоря, Никифор не мог похвастаться, что в согласии с его планами в империи пребывает все или хотя бы многое. Оказалось, что управлять империей много сложнее, чем командовать войском. Дела, дела, дела наваливались со всех сторон, осаждали, словно сарацины. Давно уже прошло первое упоение царским саном... да было ли оно? Патриций Фока — не пустоголовая шлюшка из портовых переулков. Придворный, он давно понимал, что жизнь цесарей — далеко не один сладкий мед, а командование действующей армией давно должно было показать этому неглупому человеку одну простую печальную истину: чем больше часть, которой ты командуешь, тем труднее добиться от нее не то чтобы повиновения — хотя бы порядка для начала.

Если он не постиг этого в армии, то сейчас ему приходилось постигать это сполна. Вся любовь горожан к победоносному полководцу, резко пошла на убыль, как только Фока из героя восторженных баек прогуливающих жалование по столичным кабакам наемников и сводок с дальних фронтов, да изредка являющегося в Царе городов триумфатора, раскидывающего горстями арабское серебро, превратился в постоянного жильца императорского чертога.

Началось с его победоносного входа в столицу. Когда схлынула эйфория, охватившая горожан после победы их любимца, защитника веры Христовой, над мерзким евнухом и интриганом Врингой, многие горожане припомнили, что солдаты Фоки вели себя не слишком благонаравно. Проще говоря, не все из них, входя в собственную столицу, смогли или захотели отказаться от милых привычек, нажитых при взятиях сарацинских городов. Ну, столица. Ну, купола над крышами венчают кресты, а не рогатые полумесяцы. Ну и что? Или девки и бабы на улицах не такие смазливые? Такие же точно... и точно так же много всякого плохо лежащего или стоящего — а так же плохо запертого, на-

детого и прибитого — так и просится в руки доблестным воинам. И вообще, ты где, сука, был, когда мы с корешами на Кррите за вас, за кррыс тыловых...

Знакомая песня, звучащая всюду, где место война — жреца Войны — занимает солдат, которого в бой гонит жажда денег или страх перед начальством.

Припомнили горожане, и подались было к императору жаловаться. И даже добрались до него со своими жалобами, что говорит о том, что солдатики Фоки прищемили хвосты вовсе не простым обывателям. Но император показал себя солдатом во всем. Как всякий командир, он, при ссоре своих людей с какими-то штатскими, горой вставал за своих. Сказал он буквально следующее: "Ну, пошалили парни. Их много тут было, за всеми не уследишь". Наказывать он никого и не подумал.

После этого благочестивый Фока — при нем на монетах впервые начали чеканить лик богородицы, которую император-солдат считал своей покровительницей — поссорился с церковью. Он прекратил выдачу средств из казны на благотворительность, да еще и пояснял во всеуслышание, что иные епископы "дурно используют" выделенные для этих целей средства. Он поставил на следование имущества епископов под надзор государства. Он требовал от патриарха принять догмат о приравнивании павшего в походе война к святому мученику, не взирая ни на какие обстоятельства его жизни и смерти. Честно говоря, последняя идея вызывает немалое уважение. Фока действительно был хороший командир, он заботился о солдатах даже после их смерти. Вспоминая, что в его войске на Кррите служили "россы", задумываешься — а не у вчерашних ли язычников, с их верой в благое по определению посмертие война, подцепил император эту идею? Но у церкви, особенно после первых двух новшеств, третье не вызвало никакого сочувствия.

Затем Никифор настроил против себя купцов и ростовщиков. Начеканив денег со своим изображением, он распорядился не принимать к оплате никаких других. До этого было неважно, какой император на монете — абы был какой-нибудь. В принципе, можно было расплатиться монетами хоть Никифора I — того самого, из которого Крум сделал себе кубок — хоть самого Константина Великого, если бы нашелся такой антик у какого средневекового нумизмата. Старые деньги было велено сдавать. Причем принимали по номиналу, а не по весу, выдаваемые же на обмен новые деньги качеством не блистали. Можно вообразить, какой хаос внесли распоряжения императора в жизнь бесчисленных столичных рынков. Засуха в провинциях Гонориада и Пафлагония погубила сады, поля и виноградники. Начался голод. Император не только не сделал ничего, чтобы помочь голодающим, но даже вдвое поднял цену на казенный хлеб. Что в этих условиях вытворяли частные хлеботорговцы, можно только гадать. Цены на хлеб взлетели немислимо. Рассказывают такой анекдот: во время учений к императору подошел седой старик и попросил взять его на службу. Император удивился, что такой дряхлый старец желает служить, на что тот ответил: "Я нынче сильнее, чем в молодые годы, государь. В юности я с трудом мог поднять мешок хлеба стоимостью в один золотой, а нынче я унесу его в одной руке". Император посмеялся над престарелым остроумцем, но наказывать не стал.

Недоумение и неудовольствие жителей столицы вызвало стремление Никифора превратить дворец императоров в крепость. Он обнес дворцовые постройки стеной, выстроил внутри склады и наполнил их снадью и прочими

припасами, выстроил мастерские и пекарни. При этом Никифор сносил ради своего замысла многие прекрасные здания, много веков украшавшие Город царей, не щадя ни церквей, ни дворцовых чертогов. Что до того, что иногда цесарь, засучив рукава, сам выходил на строительство...

И уж точно не прибавили любви к новому императору — на сей раз не только у жителей Царя городов, но и у всех подданных империи ромеев — многочисленные новые налоги. В дополнение к уже и так фантастически многочисленным и разнообразным податям и поборам, пополнявшим казну Второго Рима.

Наверное, грустнее всего императору было полнейшее непонимание подданных. Ведь не из мелочной же скупости он изобретал новые налоги и хитрил с монетами, не из пошлого страха за свою шкуру возводил в сердце Царя городов несокрушимую цитадель. Никифор был воином — всегда, во всем, прежде всего. Этим объяснялись все его нововведения. Деньги, которые он, к негодованию горожан, выгадывал на торговле казенным хлебом, и деньги, которые не отдавали на благотворительность, и деньги, которые Никифор Фока нажил на денежной реформе, и новые налоги — все это шло на любимое детище Никифора.

На армию.

Никифор особенно пестовал и холил среди прочих войск клибанофоров, или, как их еще называют, кактафрактов, панцирную конницу. Доспех клибанофора был чрезвычайно тяжел, ему даже щита уже не полагалось. Такой степени защиты воина и коня достигнут только рыцари на исходе Средневековья, в XV-XVI веках, когда упавший наземь рыцарь и впрямь не мог подняться самостоятельно, но зато выходил невредимым из-под града ударов. Разумеется, такой доспех, покрывающий и коня, и всадника, был очень недешев. Тем более недешев, что ремесло в Византии еще далеко не достигло того уровня, что в Европе времен битвы при Грюнвальде и Столетней войны, а снабжал им Никифор не малочисленную прослойку феодалов, а византийские армии. Ибн Хаукаль замечает, что, благодаря финансовой "сметке" Фоки, ему удавалось оплачивать большие походы только за счет налогов, не тратя ни гроша из казны. И тут же добавляет, что подданные за это ненавидели владыку. Византиец Зонара впоследствии напишет, что сборщики податей при Никифоре разоряли страну не менее свирепо, чем враги, от которых их защищала его армия.

Проще говоря, император-солдат был не императором византийского народа. Он, с его новыми налогами, выжиманием средств на армейские нужды, с готовностью встать на сторону солдат в любом конфликте со штатскими и превращением дворца в военный лагерь, был, скорее, императором византийской армии, и только.

Впрочем, в азарте накопления, Никифор Фока ущемил и армию, обложив новыми налогами воинскую добычу, что уронило его и в глазах солдат. Брат же императора, Лев, вообще не помышлял об армии, а резвился вовсю на ниве спекуляции хлебом в голодающей стране. На правах брата императора, он скупал хлеб по дешевке, на тех же правах продавая его втридорога. Обычай, во Втором Риме закрепленный законом, запрещающий знатым людям занятия торговлей и ростовщичеством, был Льву Фоке не писан. Иоанн Цимисхий, тот самый, что отказался предать Никифора, и был одним из его пособников в захвате власти, попытался просить императора унять брата, роняющего пре-

стиж двора и воинской знати в глазах горожан. Никифор Фока, уже давно подозревавший Иоанна в связях со своей женой, использовал "дерзость" своего офицера, чтобы сослать его в дальний Халкедон.

В довершение всего, вскоре до столицы дошли слухи, что один из южных городов стерт с лица земли сильнейшим землетрясением. В самом Царе городов всю середину лета, не прекращаясь, хлестали ливни, словно пытаюсь смыть детище Константина в море. Обозленный налогами, голодом и дороговизной народ шептал о знамениях и гневе божьем. Говорили, что придворный астролог предсказал Фоке скорую гибель во дворце. Говорили, что бывший полководец замыслил оскопить малолетних царевичей и положить начало новой династии. Вспоминали Василия I Македонянина, что, увидев в праздник на улицах мрачные лица голодных, попросту — бывший конюх — спросил у них о причине их хмурого вида. Узнав же о засухе и высоких ценах на хлеб, призвал к себе ответственных за торговлю казенным хлебом и устроил им страшный разнос. После этого велел продавать хлеб в шесть раз дешевле прежнего. Вспоминали Василия явно в пику Никифору. Да и то, что речь идет о прапрадеде и тезке законного наследника-царевича, от имени коего правит сквалыга Фока, тоже подразумевалось. Короче говоря, от любви жителей Города царей к новому цесарю не осталось и следа. Ее место заняла глухая ненависть.

Вскоре произошло событие, которое сделало чувства горожан к цесарю очевидными. В городе произошла безобразная драка моряков и городской черни из портовых кварталов с армянскими солдатами из столичного гарнизона. Побоище оставило после себя немало трупов. Эпарх — городской голова Константинополя и его главный судья — Сисиний, попытавшись со своей стражей разнять дерущихся, сам едва не погиб. После этого император уже не мог закрывать глаза на нездоровую атмосферу в городе и решил что-нибудь предпринять. Он вспомнил про давно не устраивавшиеся зрелища на ипподроме и приказал в ближайший же праздник организовать скачки. До какой степени дошло недоверие ромеев к своему государю, показывает немедленно поползший по столице слух, что император хочет отомстить горожанам за недавние беспорядки, и перебить их, как Юстиниан когда-то, на ипподроме. Жадные до зрелищ греки, однако, не отказались от любимого развлечения, и, отдав дань мрачным сплетням, отправились смотреть на скачки. Ничего не знавший об этом Никифор Фока решил еще и потешить горожан сюрпризом в виде военных маневров на огромном поле ипподрома. Таким способом император солдат хотел заронить в сердца горожан приязнь к его драгоценной армии.

И в перерыве между заездами на ипподром из нескольких ворот двинулись отряды солдат, с пением рожков, с боевыми кличами, с обнаженными клинками.

Сюрприз удался.

Зрители нижних рядов, оказавшиеся у края оцетинившейся сталью арены, рванулись вверх, по головам и телам сидевших за ними; зрители верхних рядов одновременно кинулись к выходам.

Тщетно император срывал горло, пытаясь перекрыть тысячеголосый вой смертельно перепуганной толпы и предсмертные вопли раздавленных. Попытки навести порядок сигналами воинских рожков только усиливали панику. Кое-где под грудями людских тел обрушились трибуны...

Десятки убитых портового побоища каплей в море сгнули в сотнях жертв ходынки на ипподроме.

На следующей неделе, когда император со свитой возвращался от чудотворного источника в одном из городских предместий, толпа родственников погибших на ипподроме окружила его на хлебном рынке. Неясно, случайно ли было место, но более удачного для нападков на нового императора было не подобрать. На площади толпились люди, у которых с языка не сходил бешеный рост цен, бесстыдное лихоимство императорского брата, засуха и неурожай, для человека Средневековья ясно показывающие отношение небес к новому царствованию (и пусть те, кто не слышал, как его современники валят на правительство все, включая плохую погоду, кинут в них камень).

Со всех сторон слышалось: "Преступник! Убийца! Ездил смывать христианскую кровь, душегуб? Ты же в ней до самых глаз!". Вслед за оскорблениями и проклятиями в императорский кортеж полетели и более ощутимые проявления чувств горожан: булыжники, уже тогда превращавшиеся в любимое оружие византийского пролетариата, грязь и вся дрянь, что в изобилии украшала улицы крупнейшего города Средневековья. Горлопанам могло бы прийтись очень несладко, но их против воли спас император, к величайшему смятению спутников рухнувший в обморок. Вероятно, эта склонность, часто отмечаемая хронистами у Фоки и, мягко говоря, странная для боевого офицера, была следствием какой-то болезни, возможно, нервной. Могла она быть последствием сотрясения мозга, полученного в одной из битв. Шествие кортежа быстро превратилось в отступление, если не паническое бегство, под злорадное улюлюканье с каждым часом наглевшей от безнаказанности толпы. Под градом камней, нечистот и хлама свита с бесчувственным государем вырвалась к площади Константина, и только там властям города удалось взять происходящее в свои руки. Цепь "благонамеренных горожан" в штатском отгнала смутьянов и сопровождала императора и его спутников до самого дворца, оглашая улицы хорошо срепетированными "проявлениями народного восторга", звучащими на фоне недавнего происшествия откровенным издевательством, каковым их, возможно, и воспринимал уже очнувшийся Фока. Жутко было слушать, как гаснут дежурно-радостные вопли наемников эпарха во враждебном молчании городских улиц.

По словам Скилицы, именно в тот день император понял, что его ненавидят.

Вот в эти, скажем так, беспокойные дни, и грянули сообщения о Дунайских событиях. И утешительными они оставались очень недолго.

Быстрота, с которой Болгария свалилась — другого слова не подберешь — в руки Святославу, оказалась для Никифора столь же неприятным сюрпризом, как для горожан — потешные бои на ипподроме. Вместо затяжной, кровопролитной войны славян, вместо ослабления русов, произошло их чуть ли не бескровное воссоединение. Аншлюс. Да еще под рукой язычника Святослава, давнего недруга Византии.

Плохие интриганы получают из военных. Вот попробовал себя Фока в этом деле, и чего добился?

Был Святослав за морем — оказался рядом, под боком.

Был у империи тихонький, выдрессированный, послушный, как комнатная болонка, сосед — Петр Сурсувул. Благочестивый, смиренный, на империю

христу-богу молился. Теперь нет его, теперь у империи другой сосед — в один год снесший громаду хазарского каганата, в одну осень взявший 80 болгарских городов. Христиан презирает, хоть и не утесняет вроде, идолам своим верен.

Променял Никифор Фока болонку на лютого волка.

Оставалась надежда, что Святослав разгромит Болгарию, пожжет церкви да монастыри, и уберется восвояси. Может, еще и Болгарию... то есть то, что от Болгарии останется, удастся к рукам прибрать.

Но вскоре пришлось Никифору и с этой надеждой распрощаться. Пришлось, когда показали ему золотую монету. Новехонькую, блестящую, с надписью "Светославъ Цър Българомъ".

Я не выдумываю, читатель. О такой монете писал советский историк Мавродин. К сожалению, изображения монеты он не привел, а жаль. Это ведь очень много значит — что на деньгах изображают. Совсем хорошо было бы, если б было на ней изображение самого Святослава. Подумайте только — прижизненный портрет Святослава Храброго! Да и вообще — на какие монеты она походила, что брали за образец чеканщики?

Если кто-нибудь знает что об этой монете — сообщите, пожалуйста. Буду безмерно признателен.

Появиться она могла только в 967-968 годах. В 968 в Болгарии появился свой царь -Борис Петрович, и Святослав на его власть не посягал. Себя он мог именовать царем только в первый год на Балканах, когда Петр уже умер, Борис сидел в заложниках в Царьграде, и единственной властью в Болгарии был он, Святослав. Летопись наша говорит, что, придя в Болгарию, Святослав сел там княжить. Любопытно, что, по словам Льва Диакона, Святослав видел перед походом сон, где он правил Болгарией. Вот уж действительно — сон в руку! Монеты же говорили испуганной, смятенной стране — пришел не разбойник, не налетчик. Пришел Хозяин. Не грабительский набег — поход государя. Смотрите, болгары, какая тяжелая, добрая золотая монета! Читайте — "цър българомъ". Не чужак-захватчик — ваш царь! А что пришлый — так разве Аспарух не пришел когда-то из-за Дуная? Монета была не "платежной единицей". Болгары держали в руках маленький золотой манифест нового владыки. А побледневший Никифор читал письмо врага. "Ты звал меня? — без слов говорила монета. — Я здесь. И я не уйду".

Говорит эта монета и еще об одном обстоятельстве. Вряд ли сам Святослав настолько хорошо знал жизнь болгар, чтобы понимать значение хода с монетой. Кто ему подсказал? Калокир? Боян? Или кто-то из местных сторонников? Ведь это не быстрое дело — вырезать новые штемпели для монет, найти золото, устроить чеканку.

Никифор понял, что перехитрил сам себя. По дорогам империи понеслись курьеры, и уже вскоре в мостовые Константинополя грянули копыта латной конницы и подкованные сапоги-калиги пехотинцев. Шли войска. Факела, по ночам освещавшие главные улицы Константинополя, отбрасывали на закрытые ставни и двери притихшего Города царей чернильные тени рядов копий, пернатых касок, фигур в угловатых доспехах, похожих на диковинных оживших идолов.

Царьградцы запирались в домах и тряслись от страха, проклиная родню затоптанных на ипподроме сограждан. Надо ж им было кидаться на цесаря! Жи-

тели Царя городов наверняка не сомневались, что Никифор решил отомстить им за позор бегства, за камни и хлам, летящие в него и его свиту. В ночи из утихающего городского шума все яснее выделялся стук множества плотницких топоров, доносящийся издали. И многим не давали заснуть жуткие видения виселиц и эшафотов, поднимающихся над площадями и перекрестками Города царей.

На другой день, ближе к полудню, горожане смогли облегченно вздохнуть. Клибанаторы вели себя мирно, сидели по казармам, в которые их разместили. Офицеры уже гуляли по рынкам и лавкам, вертя в руках товар и костеря сквозь зубы столичные цены. Никаких эшафотов на площадях тоже не возникло. Зато на стенах и башнях города Константина громоздились деревянные чудища — копьёметы и камнебой, развернувшие неживые рыла на северо-запад. А в управе городской гавани толклись купцы, уныло переругиваясь с секретарями-спафариями. Толку от ругани не было — еще ночью несколько упряжек огромных быков, с натугой ворочая ворота в башнях Кентинарий и Кастеллярый на разных берегах Босфора, подняли со дна обросшую ракушками древнюю цепь и перегородили пролив. Эта цепь уже один раз перегораживала Босфор — во времена Олега Вещего, о котором греки предпочитали не вспоминать, ни к ночи, ни ясным полуднем.

Горожане не знали, что цесарю уже не до них, и даже не до прискорбного инцидента на хлебном рынке. Фока всерьез готовился к обороне столицы.

Впрочем, Никифор не был бы сыном своего народа, если бы ограничился чисто военными мерами. В тот же день Константинополь покинули несколько человек. Это были невзрачные с виду, совсем непримечательные люди, обычные купцы или казенные курьеры, или странники-монахи. Никто бы не заподозрил этих людей в том, что они — на важной государственной службе. Одни из них должны были пробраться в Болгарию, к тем христианским вельможам, чьи дочери покинули Болгарию вместе с царевичами Борисом и Романом. Девушки ехали даже не в свите высокородных заложников, а... на смотрины. Никифор решил подобрать невест своим багрянородным подопечным. Василию в то время было девять лет, Константину — пять. Что и говорить, самое время жениться! Теперь люди Никифора должны были напомнить отцам "невест", у кого гостят их дочери. Бояре обязывались поднять мятеж против Святослава — если только не хотели, чтобы их дочек в царьградских дворцах переселили из роскошных, но хорошо охраняемых покоев в не хуже охраняемые, но куда менее уютные подземелья.

Гораздо более сложная и опасная задача стояла перед другими шпионами Никифора Фоки. Им предстояло странствие в глубь печенежских степей. Целью было — разрушить союз русов и печенегов, науськать кочевников на Русь. Задача эта была далеко не так проста, как может показаться. Напомню, что и на Руси, и в степи выросли два поколения людей, не воевавших друг с другом. Печенежские современники Никифора родились и выросли в племенах, видевших в русах — сильных, достойных уважения союзников, но уж никак не добычу. Если это уважение и было частично утрачено при Ольге, Святослав, одним движением смахнувший "с подноса вселенной" громаду Хазарии, сторицей возместил потерю. Груды добычи, взятой печенегами на руинах разрушенных русами крепостей каганата, были и залогом дружбы с русами, и напоминанием об их мощи. Подкупом тут дела было не решить; часто забывают,

что печенеги были просто чересчур дики, чтоб их подкупать. Виднейшая отечественная исследовательница кочевого мира Великой степи, С. А. Плетнева, полагает, что печенеги по уровню развития стояли с индейцами северно-американских прерий XIX века, отличаясь от них разве что знакомством с металлом и, кажется, колесом. Попробуйте представить себе подкуп кого-нибудь из героев Карла Мая или Фенимора Купера.

Однако Святослав сам дал в руки шпионам Царьграда важный козырь. В походе на Болгарию мадьяры, как и рассчитывал Никифор, стали естественными союзниками Святослава. За десятилетия набегов на Византию по Болгарской земле мадьяры хорошо изучили ее — дороги, долины, перевалы, расположение и силу крепостей. Да и основной военной силе русов — "стене" латной пехоты — было нужно прикрытие с флангов. И в этом отношении, как и во многих других — разведка, диверсии — легкая конница мадьяр была незаменима.

Однако мадьяры были кровными врагами печенегам еще с тех пор, когда оба племени кочевали в причерноморских степях — помните резню, учиненную печенегами кочевьям Арпада. Святослав взял в новый поход печенежских кровников, бывших псов кагана, а их — не взял. Лишил доли в добыче и, что еще обиднее — в славе. Шпионы Никифора умело разожгли обиду кочевников.

Заржали кони, засвистели бичи над впряженными в кибитки быками. Орда двинулась на Русь.

Вскоре до Дуная долетела страшная весть — Киев, мать городов русских — в осаде!

12. "ЧУЖОЙ ЗЕМЛИ ИЩЕШЬ".

*Но только свет луны двурогой
Исчез пред утренней зарей,
Весь Киев новою тревогой
Смутился. Клики, шум и вой
Возникли всюду. Киевляне
Толпятся на стене градской...
И видят — в утреннем тумане
Шатры белеют за рекой;
Щиты, как зарево блистают,
В полях наездники мелькают,
Вдали подъямля черный прах;
Идут походные телеги,
Костры пылают на холмах.
Беда: восстали печенеги!*

А. С. Пушкин.

1. Киев осажденный.

*Орда темна и смуглолица,
Тысячерука, тяжела...
В.Якушев "Орда".*

Впервые печенеги пришли на Русь врагами — впервые после 915 года. Кончились полвека мира, отвоеванные для южной Руси отцом Святослава. Город отвык видеть врага у стен. Люди в ужасе бежали на Гору, в княжескую крепость. Печенеги, надо думать, обрушились внезапно, в описанной Феофилактом Болгарским манере. С киевских стен горожане взирали на захлестнувшее окрестности половодье вражьего войска. Ревели волы и верблюды в печенежьих повозках, доносились вопли на гортанном степном наречьи, и надо всем этим висел утробный рев огромных печенежских труб, сделанных в виде голов священных животных-предков печенежского племени — быков-огузов. Всадники помоложе, в нарядных поясах с серебряным набором подлетали почти под самые склоны киевской Горы, гарцуя на красавцах-аргамаках, подбрасывая и ловя копыя. А к городу все тянулись новые и новые орды, над которыми колыхались знамена из звериных шкур.

В город сбежался народ со всей округи, а на дворе была весна — самое голодное время, когда осенний урожай уже съеден, а озимый — не сжат. В городе замаячил призрак голода.

По Льву Диакону, Святослав созвал в поход на греков "все молодое поколение россов". Такие походы, где основную силу составляет вся масса свободных неженатых людей, в Новгороде будут зваться позднее повольем. Именно повольники освоят земли до Урала, проникнут в Сибирь, и еще до Куликова поля и Вожи нанесут поражение Золотой Орде. Но городу, из которого ушли все молодые крепкие парни и большая часть прирожденных бойцов княжьей дружины, было оттого не легче.

Воевода Претич собрал ополчение северы, привел к Днепру, но никак не

мог решиться переправиться через реку. Ни осажденные, ни черниговская подмога не могли связаться друг с другом. А в городе между тем становилось нечего есть. Вече всерьез обсуждало сдачу города печенегам. Это, кстати, любопытная деталь. Мы уже припоминали, что в летописи дважды говорится об осаде печенегами русских городов, и оба раза осажденные всерьез помышляли открыть печенегам ворота. О позднейших осадах русских городов половцами, тем более — ордынцами, ничего подобного не говорится. Или не рассматривали русы печенегов, как таких уж страшных врагов? Но ведь знали, не могли не знать, что печенеги способны на многое — вспомним Феофилакта Болгарского, вспомним вырезанные становья орды Арпада. А плен, в особенности — плен у степняков, русы рассматривали как величайший позор, и готовы были на самоубийство, чтоб избежать его. Загадка!

В конце концов стали искать кого-нибудь, чтобы сообщить людям "той стороны Днепра" — киевляне больше не могут терпеть. Вызвался один "отрок" — не то подросток, не то младший дружинник: "Я проберусь". Ему ответили: "Иди". Парень вышел из города — очевидно, ночью — и, с уздечкой в руках, расспрашивая встречных печенегов — "Не видали ли моего коня" — добрался до реки, скинул одежду, кинулся в воду и поплыл. Лучники печенегов не смогли его подстрелить, а с другого берега, привлеченная шумом погони уже приближалась ладья.

Что здесь можно сказать? Во-первых, отрок здесь все же младший дружинник. Он знает печенежскую речь, у него есть печенежская узда (она отличалась от русской сплошными удилами), он может стремительно раздеться и плыть, ныряя, уходя от выстрелов печенегов — великолепных лучников. Трудно предположить такие качества в подростке. Раздеться, кстати, было необходимо, и не только оттого, что одежда могла помешать плыть. Пробраться через печенежские становья отрок мог только в печенежской одежде, а вот с того берега человека в наряде степняка могли, долго не разбирая, поприветствовать стрелой или копьем. Ополчение ведь, посоха лапотная. А напуганный и вооруженный штатский — очень опасное существо, спросите любого военного.

Но вот что самое интересное — печенеги приняли его за своего! И при том он вряд ли прятал лицо и шарахался от костров. Такое поведение — лучший способ привлечь к себе нездоровое внимание часовых или просто коротающих время у тех же костров воинов. Что же получается? А получается, что печенеги не так уж походили на привычный нам облик степняка с плоским носом, узкими глазенками, торчащими скулами и чахлыми волосками на верхней губе и подбородке. Автор X века, Абу Дулеф, описывает печенегов, как людей "длиннобородых и усатых". В устах, скажем, китайца, такое описание стоило бы немногого, но пишет-то араб, представитель народа, растительностью на лице не обиженного! Печенеги, значит, обладали внешностью если и не нордической, то вполне европеоидной; во всяком случае, киевлянин X века, пращур украинцев, среди них мог сойти за своего. Да и немец Бруно-Бонифаций, что полвека спустя отправится в печенежские степи проповедовать христианство, не нашел их внешность достойной особого описания, что непременно бы произошло, походи печенеги на монголов или калмыков. Очевидно, печенеги были европеоидным, сармато-аланским по происхождению, лишь недавно перешедшим на тюркский язык, племенем. Стоит в этой связи ска-

зять несколько слов про самих печенегов.

Печенеги делились на восемь племен-фем. В каждом племени состояло пять родов. Имена родов не сохранились, а племена перечисляет в своей книге Рожденный в Пурпуре. Ученые восстановили их тюркское звучание и смысл следующим образом: Явды Эрдим — прославленные подвигами. Куэрчи Чур — синий (небесный, священный) вождь. Кабукшин Йула — предводитель цвета древесной коры. Суру Кулпей — Серые Кулпей. Кара Бей — Черные Князья. Боро Толмат — Темно Говорящие. Язы Копон — Вожак Язы. И, наконец, Була Чопон — Оленьи Пастухи. Каждым родом и каждым племенем правил особый вождь — архонт, по выражению Константина. Русская летопись называет старейшин печенегов "лучшими мужами в родах". Из знати выбирали десятников и сотников, но многое решала и сходка -вооруженное собрание всех свободных мужчин племени. Власть вождей передавалась внутри одного семейства, но только к двоюродным братьям. Явды Эрдим, Куерчи Чур и Кабукшин Йула звались "кангары", и считались более мужественными и благородными, чем все прочие. Полагают, что это имя печенеги получили на своей среднеазиатской родине. Китайские авторы упоминают там "страну Канг Юй", прославленную "небесными конями с кровавым потом". Из этого последнего можно понять только то, что кони у печенегов были хороши, и производили на китайцев то же впечатление, что мадьярские кони на европейцев. Они-то, видимо, и обеспечивали набегам хозяев ту самую быстроту "удара молнии". По данным раскопок, кони печенегов столь же мало походили на вьевшийся в наше сознание образ "степной лошадки", приземистой и толстомордой, как и их хозяева — на типовых плосколицых "степняков" наших исторических романов и фильмов. Это были пращуры туркменских аргамаков, ахалтекинцев. Само слово печенеги толкуют, как "дети Бече". Азиатские народы еще в исторически очень недавние времена, в XIV веке, получали названия по именам вождей — ногайцы, узбеки. Вытесненные со своей родины тюрками-огузами, которых объединял с ними язык и культ предка-быка, Огуз-хана, "сыны Бече" покинули Канг Юй и двинулись на запад. Дальше было то, что мы уже знаем — резня в становьях мадьяр, первая встреча с русами, победоносный поход Игоря. Печенеги ходили в походы на Византию с Симеоном Великим, и это могло быть еще одной причиной для Святослава не брать их на болгар. Союзниками Симеона, скорее всего, было племя Язы Копон, граничившее с болгарями, и Кабукшин Йула, граничившие с венграми. С Русью граничили на правом берегу Днепра Кара Бей и Явды Эрдим.

Одежда печенегов, как можно судить по словам Константина, представляла что-то вроде халатов. Они, как уже сказано, были длиннороборы и усыаты, а волосы, как и все тюрки, заплетали в косу. Основными промыслами их были война, охота и скотоводство — разводили они овец и коней. Ремесел у них не было, кибитки, упряжь, посуду каждый сам мастерил и чинил, или добывал в набегам на соседей. Серебряные и золотые сосуды из разграбленных дворцов и церквей Болгарии и Византии соседствовали в становьях с уродливым горшком печенежской работы — ручной лепки, необожженным, из глины, смешанной с коровьим пометом.

Эпос родственных печенегам огузов, сохранившийся у их потомков в Азербайджане, воспеваает чудеса и мудрость великого шамана и певца "Отца Нашего Коркута". Но вождь с таким именем — Куркуте — был у печенегов в истори-

ческие времена, и многие отождествляют его с Курей, князем печенежским нашей летописи. Правда, Константин упоминает Куркуте, как деятеля прошлого, времен прихода "детей Бече" из страны Канг Юй в южнорусские степи, а в летописи Куря пережил Святослава. Это противоречие снимается как раз эпосом огузов. Там Куркуте-Коркут — вещей старец, "Отец" племени и его верховный духовный авторитет, советник ханов и провидец, вечный глубокий старец, которого никто не помнит молодым, у Константина — обычный военный вождь. Можно предположить, что перед нами один и тот же человек в разные этапы своей жизни. В молодости — военный вождь, затем — шаман, наконец, верховный шаман и высший авторитет для разрозненных печенежских племен, "Отец" печенегов. То, что говорит наша летопись о Куре, согласуется с этим образом... но об этом в свое время.

Итак, благополучно миновав вражеский лагерь, избежав смерти от стрел кочевников и в холодных водах весеннего Днепра, отрок сообщил людям Претича: "Если не подойдете завтра к городу, сдадутся люди печенегам". Воевода обратился к своим ратникам: "Пойдем завтра в ладьях, и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем так, погубит нас Святослав". Хорошо предложение; хороша и аргументация. Общинный воевода Северского Левобережья, очевидно, хорошо представлял возможности и боевой дух ополчения. Вопреки иным сегодняшним певцам общины и ее лапотных воителей, защищавших-де землю Русскую почти без отрыва от производства хлеба и иных сельхозкультур, Претич вовсе не думает, что в силах его воинства разгромить или хотя бы отогнать кочевников. Все, что можно сделать — взять на внезапность, на испуг, и быстро вывести из Киева мать и детей великого князя. О судьбе стольного Киева, матери городов Русских, никто и не вспоминает. Основной довод — страх перед князем. "Бояху бо ся зело его, зане был муж свирепый" — приводит Татищев строки недошедшей до нас летописи.

Вот оно, ополчение — в полный рост.

Страх перед грозным князем пересилил страх перед огромной ордой на другом берегу. В глухой предрассветный час ополченцы Претича в ладьях скопом двинулись на другой берег, трубя в рога и трубы, крича, и вообще производя побольше шума. В ответ поднялся шум и в городе, Татищев даже сообщает, что киевляне сделали вылазку, и "начали жестоко биться с печенеги". В сонных головах не ожидавших ничего подобного степняков молнией ударило:

— Святослав!!!

В один миг "бесчисленное множество" степных дикарей словно слизнул языком их предок Огуз-хан. Только шаяли непрогоревшие костры и темнели в утреннем тумане неопрятными грудями опрокинутые и затоптанные в паническом бегстве шатры-вежи. Конечно, печенегам не пришло в голову, что князь никак не мог подойти с другой стороны Днепра, что не мог он и появиться у днепровских круч из дальней Болгарии столь стремительно. Во-первых, все произошло слишком внезапно, чтобы рассуждать, а страх перед Святославом был слишком силен. Печенеги ничуть не хуже Претича сознавали разницу между ополчением с топорами и рогатинами и княжеской дружиной — особенно той, которую ведет Святослав. Полки Претича они равнодушно созерцали все это время; одна весть, одна мысль о появлении дружин Святослава обратила орду в безоглядное, повальное бегство. Во-вторых, печенеги

наверняка испытывали перед Святославом тот почти религиозный трепет, который вызывают сильные и жестокие полководцы цивилизованных народов у дикарей. Вспомним поклонение азиатов Искандеру Зуль-Карнайну, Александру Македонскому, вспомним репутацию Ермолова у народов Кавказа, и некоторых британских полководцев времен империи у арабов (стоит вспомнить "Бездонный колодец" Честертона, с его "арабской легендой" — лордом Гастингсом). Можно вспомнить и нашего Ермака, которого аборигены Сибири почитали богом и сделали его могилу местом почитания. Святослав был силен и беспощаден, Святослав в один год уничтожил казавшуюся кочевникам вечной Хазарию — этого было достаточно, чтобы печенегы смотрели на него, как на бога. А в отношении бога всякого рода умствования о том, что он "не мог" или "мог", в высшей степени неуместны. Греша против своего земного божества, осаждая его родной город, кочевники, сознательно или нет, ждали кары -внезапной и страшной, как удар молнии. Они ждали этого громового рева труб в предрассветье, потому и отреагировали на него мгновенно.

Только вождь печенегов, в силу своего положения обязанный быть самым храбрым в племени, рискнул вернуться и посмотреть, что же на самом деле происходит. В "бесчисленной" орде не нашлось ни одного человека, рискнувшего к нему присоединиться. Что ж, и это тоже долг вождя — отвечать за племя перед богами. И если земной бог гневается на сынов Бече, то кто лучше вождя объяснит ему, зачем они пришли сюда, кто лучше сможет вымолить у свирепого Белого Бога с Севера прощение для племени? Если же не сумеет... что ж, он — вождь, ему отвечать.

Это тоже привилегия вождей, князей, конунгов — ложиться очистительной жертвой за народ на алтарь гневного божества.

Может, Он насытится одной жертвой. Может, Он не будет наказывать племя.

Подъехав ближе, вождь печенегов увидел наверняка ничего не прояснившее ему зрелище эвакуации Ольги с двором и внуками.

Его заметили. Претич, наверняка махнув отрицательно рукой какому-нибудь чересчур ретивому ополченцу, ухватившемуся за лук, выехал навстречу нарядному одинокому степняку на красавце-скакуне в пышной сбруе.

Еще не подъехав вплотную, печенег окликнул...

Вот еще недомолвка — на каком языке они говорили? Претич мог знать язык кочевников. Но, учитывая обстоятельства, скорее уж печенег обратился к нему, коверкая, наверно, безбожно русские слова: "кто се приде?" Кстати, и по стилю диалога можно догадаться, что на родном языке говорил, строя сравнительно длинные предложения, Претич. Печенег же изъяснялся рублеными фразами.

Претич ответил: "Люди с той стороны". Ответ, что называется, дипломатичный — ничего нового печенег узнать из него не мог. Он и сам видел, что перед ним — люди, и что они только что переправились из-за реки Варух, как сыновья Бече звали Днепр.

Я так и чувствую через десять с лишним веков молчание, повисшее вслед за этими словами. Слишком важным был для дикаря следующий вопрос, слишком страшным мог быть ответ, чтоб его было легко задать.

Наконец, вождь решился: "А ты князь ли?"

Претич ответил: "Я дружинник его, пришел в сторожах, а за мной — глав-

ное войско и князь, бесчисленное множество". Летописец замечает: "Так сказал он, чтобы напугать печенегов". "В сторожах" — говоря нынешним языком, в разведотряде. Так что пред нами диалог командира русских разведчиков с вражеским главкомом.

Печенег едва ли слышал его, буквально раздавленный свалившимся на него после первых слов воеводы облегчением.

Не Он! Пусть Его человек, но — человек, не Он!

Вряд ли привыкший перед своими воинами быть непроницаемым вождь удержал мальчишечью ухмылку облегчения. А может, и удержал, только вспыхнули бешеной радостью темные рысьи глаза.

"Будь мне друг", сказал степняк Претичу.

"Так и сделаем", отвечал ему воевода.

Они ударили об руки. В те времена это был не такой дешевый, напрочь обесцененный дежурной вежливостью, хуже — корректностью, жест, как в наши дни. Что далекий X век — еще лет сто назад далеко не всякому в обществе подавали руку. Еще раньше всякое важное дело между людьми закрепляли рукобительем. С момента, когда сват ударял об руку с отцом невесты, брак считался делом бесповоротно решенным. А Новгородская судная грамота 1471 года требует закреплять рукобительем крестное целование, самую, в общем-то, священную для христиан присягу. Уж не отсюда ли пошла потом русская поговорка: "По рукам, и за бога"? Не был этот обряд чужд и восточным народам арийского происхождения, к которым, как уже говорилось, принадлежали печенеги. "Поданная правая рука — самый верный залог дружбы у персов", писали древние путешественники, "Ведь после того, как подана правая рука, не позволено у них ни обманывать, ни сомневаться".

Чем это было для Претича? Просто дипломатическим ходом? Два раза печенеги осаждали русские города, согласно летописи, и два раза вече всерьез толковало о сдаче. И оба раза печенегов обманывали, проводили, словно медведя на вершках и корешках, словно и впрямь бледнолицый хитрец — простодушного сына прерий. За другими степняками история не сохранила такой репутации простаков, наоборот. Так что ж — и это просто обман? Надул хитрый Претич дикаря? Мне кажется, нет. Мне кажется, что рус, воин и воевода прекрасно понял степняка, понял, что и зачем его привело. Человек, в одиночку идущий туда, откуда сбежало огромное полчище — храбрец. Человек, готовый ответить за свое племя перед богом — истинный вождь. Пусть он и дикарь из степного племени — он достоин уважения и дружбы руса.

Печенег подарил Претичу коня, стрелы и саблю. О том, что такое конь для воина-степняка, написано немало. Этот дар, собственно, был символом безграничного доверия вождя печенегов к новому другу. Ну не с двумя же саблями и не с заводным же конем он прорывался против подхваченного ураганом паники, обезумевшего от ужаса племени?! Конь кочевнику — друг, почти побратим. Больше — это половина собственного "я" степняка. Он живет верхом на коне. Как надо было стремиться к дружбе, кого видеть в новом друге, чтоб сделать такой подарок?

Претич оценил дар и ответил равноценным. Он подарил печенежскому вождю меч, броню и щит. Дар этот был, конечно, очень ценен и в чисто материальном плане — вспомните, читатель, как оценивали кольчуги и мечи славян и русов арабы, великолепный оружейники. Как ромеи собирали русские

клинки, как Рено де Монтабан стал неуязвим для оружия врагов благодаря "кольчуге из Руси". Но, конечно, смысл дара был в ином. Меч, наследие отца — вспомните: "Я не оставляю тебе иного наследства, кроме этого меча" — неразлучный спутник воина-руса. Этот дар стоил печенежского скакуна. Это показывает, насколько серьезно отнесся воевода к дружбе с кочевым вождем. Более того, он не расстался с дарами друга до смерти — его так и положили в могилу. С конем в печенежской сбруе, с печенежской саблей, с печенежскими луком и стрелами. Его курган носил имя Черной могилы — предание связало его с именем защитника своего края от хазарской чумы, князя Черного. Но, после раскопок, в нем обнаружили останки руса X века с доспехами и конем, в сопровождении жены и мальчика-подростка (сына? Оруженосца?), нашли в кургане монету Никифора Фоки и печенежское оружие. Тогда и вспомнили знатного руса, жившего в одно время с Фокой и поменявшегося оружием с печенегом.

Жаль, не найдено печенежской могилы, с русской кольчугой и шлемом, с мечом, меченым именем Людоты или Славимира. Хотя, как знать — судьба степняка переменчива. Может, и не было у храброго вождя никакой могилы, и тризну по нему правили коршуны с воронами, а плакала на ней пробежавшая тучка...

Но я верю, что Боги степи не оставили храбреца. Уже после гибели нашего героя от рук печенегов, к его старшему сыну пришел и поклялся служить ему печенежский князь Илдея. Что-то уж очень знакомое в этой преданности и беззаветной отваге. Уж не Илдея ли выехал тогда к Претичу?

Надо думать, подарил воевода печенегу и коня — не пешком же он нагонял свое племя? Его и на коне было теперь отыскать непросто, а пеший степняк в чужой, а после набега — просто враждебной — стране почти готовый покойник. Просто русский конь, пусть и неплохой, пусть и дружинный, на фоне скакуна вождя печенегов поблек и в летопись не попал.

Как видите, тактика киевских князей себя вполне оправдывала. Правда, при этом князь должен внушать уважение даже диким разбойным соседям. Вот младший сын нашего героя печенегам такого уважения не внушал. Вспомнить только, как у брода на Трубеже — в 50 километрах от Киева! в одном дне пешего пути! — печенежский вождь кричал ему: "выпусти мужа, а я своего, да пусть борются. Твой одолеет — дам три года мира, мой одолеет — будем вас три года разорять!". Этот степняк по наглости побивает, пожалуй, даже Басаева — тот все-таки хамил в лицо "всего лишь" премьеру, а не правителю русской державы. А тот предложение степняка принял. И во всем-то его войске не нашлось никого пригоднее ремесленника-кожемяки. Спасибо ему, защитил Русь. А ну как не одолел бы? Очень показательны эти сказания о двух отроках — том, что с уздечкой, и кожемяке. Видно, как изменилось отношение печенегов к Руси, к ее правителю, после крещения. Собственно, к нему проявляли гораздо меньшее почтение, чем к рядовому язычнику, "пришедшему в сторожах".

Но мы отвлеклись. До крещения, до дикаря, смеющегося в лицо сыну того, чье имя обращало в бегство орды его предков — еще не одно десятилетие. Пока же — подведем черту под повествованием о том, как сметка русов и бесстрашная честность печенега положили конец интриге Никифора Фоки.

2. СЫНОВЬЯ.

*Выводил орел сврих детушек,
Сизых молодых орлятушек.
Как добрый молодец стал на возрасте,
Его детушки стали быть на возрасте.
Баллада "Гнездо орла".*

Печенеги ушли, но память о них осталась. И не только память — бродили еще по русской земле разбойные ватаги, Киевляне боялись поить коней в речке Лыбеди, названной по имени сестры основателя Киева и первого полянского князя. На Русь, очевидно, пришел не один вождь, и не одна орда. Тогда на Дунай и поспешил гонец с черной вестью.

"Ты, князь, — говорилось в послании, — чужой земли ищешь, и о ней заботишься, а своей пренебрегаешь, а нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если не придешь, и не защитишь нас, то возьмут нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, своей матери, детей своих?"

Что было купцам и ремесленникам объединение славян? Что им была участь соплеменников, оказавшихся по Восточной Римской империей или Священной Римской империей Германской нации? Что им было имя славян — сакалиба, Slave — превратившееся в клеймо раба? Не было им дела до единоверцев, которыми, по заветам святого Мефодия, набивали брюхо галеры византийских работорговцев, или мостили страшный путь Drang nach Osten. Не было дела до смертельной опасности, угрожавшей славянской вере между смыкающихся челюстей христианских империй. Даже той простой вещи, что именно добытая в "поисках чужой земли" слава государя спасла их от кочевников, они не желали понимать. Они знали только одно — их жизням, их имуществу угрожала опасность, а князь был где-то в далеких краях.

Дожили ли они о того дня, когда византийский Христос развернул свои знамена над Киевом, когда рухнули Боги, а их клинками и кнутами погнали в купель Днепра? Вспомнили ли свое нытье? Боги им судьи...

Святослав не стал брать с собой молодое и быстрое, но бестолковое поволье. Оставил его сидеть в гарнизонах — засадах по-древнерусски — на воеводу Волка, оседлал коней и поспешил с дружиной в Киев. Там он, поприветствовав мать и детей, собрал ополчение и устроил "зачистку" Русских земель от остатков печенежской орды и бродячих отрядов. "И был мир", заключает летописец. Что ж, Святослав знал, как надо за мир бороться!

Любопытно, что во Второй Балканский поход Святослава греческие авторы упоминают в его войске "пацинаков". Создается впечатление, что князь встретился-таки с печенежскими вождями — уж не при посредничестве ли воеводы Претича и его нового друга? — выслушал их и согласился взять в поход на ромеев. Любопытно, выяснилась ли уже тогда роль византийцев в организации набега на Русь? Вряд ли. Будь это так, никакие силы не удержали бы князя от немедленного возвращения на Дунай и начала военных действий про-

тив империи.

Но происшедшее поставило князя лицом к лицу с очень важным и требующим немедленного решения вопросом. Во время его походов на Руси должен был оставаться князь!

Как мы помним, русы представляли себе общество, как живое существо, причем князь был его головой. В данном же случае возникло положение, когда "тело", не зная, где "голова" и что с нею, оказывалось беспомощным при нападении врага. Как говорил вещей Боян -жив ли еще был старик? — "тяжко ти, голове кроме плечю, зол ти, телу кроме головы". Тот же образ всплывает и у Даниила Заточника два столетия спустя: "Видих: велик зверь, а главы не имеет; тако и многи полки без добра князя". Даниил мог видеть подобное своими глазами: в 1152 году князь Изяслав выставил отряд оборонять броды через Днепр от половцев. Однако охрана бежала под натиском атакующих степняков. Летописец объясняет причину поражения просто: "Да тем и не тверд был ему (князю Изяславу) брод, зане не было там князя, а боярина не все слушают". И дело было не в возрасте, не в личных качествах князя, не в его отваге, опыте и полководческом искусстве. Прежде всего, было нужно его наличие. Должен был быть князь, человек Соколиного рода Рюриковичей. Еще и отсутствием князя объяснялась беспомощность киевлян и ополченцев Претича. Быть может, мы слишком строго судили их. Их далекие потомки у бродов на Днепре будут держаться много хуже. И времена бескняжья в огромном большинстве русских городов-государств последующих веков будут восприниматься, как тревожное безвременье смуты. Другое дело, когда есть князь — пусть мальчик, едва сидящий на коне, едва способный толкнуть ручонкой легкую сулицу за конскую морду... да, я про него, про нашего героя, про его первый бой. А иногда и того не надо. Как Вещему Олегу, когда сошел он из ладьи на песок днепровского берега и бросил Оскольду и Диру, указывая на малыша Игоря на руках дюжего варяга: "Не князья вы, и не княжьего рода, а я княжьего рода и вот — сын Рюрика!".

Руководствуясь этими важными соображениями, Святослав решает посадить сыновей в князья. Речь идет, естественно, не о "разделе Руси". Это будет уже позже, при его младшем сыне и внуках. Ведь не разделилась же Русь при отце Святослава, когда сам он был в Новгороде. Святослав вот таким образом отозвался на жалобы киевлян.

Жен у Святослава было, конечно, много, как у всякого уважающего себя правителя языческой державы. Татищев упоминает, что тестями князя были правители угров-мадьяр и поляков. Более того, он называет и имя мадьярки — жены Святослава. Звали ее... Предславой. Честно говоря, я не очень понимаю, что думать по этому поводу. Отчего мадьярка носит славянское имя? Проще всего, конечно, заявить, что Татищев-де все выдумал. Да, а еще проще, как я уже говорил, вообще не заниматься историей. Нет причины подозревать Татищева в выдумках, его уникальные сведения много раз находили подтверждение в находившихся позже источниках, в том числе археологических. Поэтому примем за данность, что Татищев и на этот раз не фантазировал, а сообщил имевшиеся в его распоряжении данные не дошедших до нас летописей, каковых, как всякий понимает, за нашу многотрудную историю сгорело или погибло иным образом немислимое количество. В таком случае могут быть три объяснения славянскому имени у мадьярки. Объяснение первое: Предсла-

ва, собственно, не мадьярка, а жена одного из славянских князей с захваченных мадьярами земель. Таких в те годы должно было оставаться немало. Кстати, в западных франкских хрониках упоминается, как союзник саксонца Вихмана и ободритов Накона и Стойгнева, некий загадочный "венгерский гунн Братизлао". Вот уж загадка так загадка. Гуннами средневековые европейские хронисты называли самих венгров-мадьяр, но что обозначает "венгерский гунн"? Явно славянское имя — Братислав? Брячислав? — заставляет вспомнить, что иные авторы той же эпохи — знакомый нам Гельмольд, например, — звали гуннами... славян. Так что же, к войску ободритов и саксов-язычников присоединился такой вот славянин, живший под рукой мадьярских вождей, потомков Арпада? Возможно, конечно, но хроники, описывающие поход Вихмана, Стойгнева и Накона, говорят именно о мадьярской коннице, которую тогда в Европе прекрасно знали. В нашем случае вызывает легкое сомнение, что великий князь киевский удостоил своей руки дочь какого-то мелкого князька. Второе предположение — Предслава была дочерью князя мадьяр от жены-славянки. Мы помним о том, какая трагедия предшествовала переселению мадьяр на Дунай из южнорусских степей. В орде Арпада больше не было женщин. Вообще ни одной. Женились они на пленных славянках. Отсюда в венгерском языке все слова, описывающие земледелие, домашний быт, женскую одежду — славянские по происхождению. Так что славянка-мать вполне могла дать дочери-полумадьярке славянское имя. Что там женщины, если один из наследников Арпада, старший современник нашего героя, носил наряду с мадьярским именем Вер-Булчу славянское Волисуд. Наконец, предположение третье. В древности у многих народов было в обычае при браке давать жене новое имя. В Индии это до сих пор нормальное явление. У скандинавов, судя по некоторым источникам, такое тоже было. Славянские княжны, дочери поляка Земомысла или поморянина Бурислава, остались в скандинавской истории, как Сигрид, Астрид и Тордис — вряд ли их нарекли этими именами при рождении на свет. У нас в летописях тоже прослеживаются остатки этого обычая. В свое время не то кривичанка, не то варяжка из Плескова Прекраса стала княгиней Ольгой, а одну из снох нашего героя, Рогнеду, после свадьбы нарекут Гореславой. Так что, вполне возможно, что какая-нибудь Ирма или Ютоша могла стать киевской княгиней Предславой. Это тем более вероятно, что старший сын нашего героя, Ярополк, назовет именно Предславой свою жену, младший его брат наречет Предславой дочь. Да и во времена Игоря в Киеве будет какая-то Предслава, причем достаточно близкая к княжеской семье — ее упоминают в договоре с греками в числе первой десятки лиц, представленных на переговорах своими послами. Возможно, это та самая Предслава, супруга нашего героя, точнее, в те времена еще нареченная невеста. В этом нет ничего невероятного: детей знатных родителей могли сосватать еще во младенчестве, в закрепление союза родителей. А в присутствии при заключении договора ее посла, кстати, с явно неславянским именем Каницар, не больше странного, чем в присутствии там же посла трехлетнего Святослава, Вуегаста. Но против двух последних предположений говорит заметное в наших былинах и балладах резкое предубеждение к бракам с иноплеменницами, в особенности — азиатского происхождения. Так что я действительно не знаю, какой из этих вариантов более вероятен. А вот имени дочери польского князя Земомысла летописи до нас не донесли. Правда, настаораживает, что одну из

них звали Свентославой, и отдали ее замуж за иноземного государя, вроде бы за шведского конунга... а если нет? Но тут нельзя сказать ничего определенно-го. Тем более, что "ляхами" наши летописи называют и лютичей с поморянами. И гораздо естественней предположить, что Святослав женился на дочери князя одного из этих языческих народов, чем на сестре уже крещеного Мешко. Не знаем мы и того, кто из сыновей Святослава от какой жены был рожден.

Итак, в Киеве Святослав посадил князем Ярополка, своего старшего сына. Здесь он был во главе Киева и полянской земли — но и всех тех, обезглавленных хазарами земель — Северской, Радимичской, Вятической — на которых русы возлагали "легкую" дань, которые видели в киевских князьях не столько захватчиков, сколько освободителей. Кстати, Ярополку — мальчишке было лет тринадцать — Святослав привез из Балканского похода живой "подарок", юную монашку Юлию. Ее-то и нарекут Предславой. Летописи говорят, что она была царского рода. Вполне возможно, что в далеком монастыре, среди варваров-болгар оказалась жертва каких-то интриг, бурливших во дворцах Константинополя. В Деревской земле, кроваво "замиреной" Ольгой на памяти еще живущих, был посажен Олег. Он был князем над "примученными" данниками Киева, уличами (Баварский географ звал их "народом свирепейшим"), и бунтарями древлянами. Сторонники Киева в тех беспокойных краях тоже должны были иметь живое знамя, "голову". Это было необходимо и в случае мятежа — Боян должен был рассказать князю, как "вовремя" вспыхивали восстания за спиной его отца, Симеона Великого, во время его походов на Византию. Это было необходимо и в случае еще одного внешнего нападения — тех же печенегов. Константин Багрянородный говорит, что печенежское племя Явды Эрдим может ходить набегами в земли уличей и древлян.

На этом летописный список старших Святослава исчерпывается. Иоанн Скилица упоминает, что флот империи подавил мятеж хазар в крымских владениях Византии в 1015 году под руководством крещеного хазарина Георгия Чулы. Сильно помог византийцам сын Святослава, имя которого Скилица передает как Сфенг (Свен? Звенко? Звяга?), напавший на мятежников и взявший в плен Чулу. Видимо, Святослав не оставил обезглавленными и земли, отвоеванные им самим у Хазарии. Вряд ли "Сфенг" помогал ромеям из любви к ним или хотя бы из христианских чувств — нигде не сказано, что он был христианином, имя он носил явно языческое. Да и многие православные соседи Второго Рима — Грузия, Болгария — не питали к нему никаких братских чувств, впрочем, и оснований к тому не имели. Скорее уж сыном победителя каганата двигала ненависть к хазарам — кровным врагам русов. Судя по быстроте действий "Сфенга", княжил он где-то неподалеку от мест мятежа, скорее всего — в Тмутаракани.

Итак, Ярополк в Киеве, Олег во Вручьем — этот город, ныне Овруч, стал столицей Древланской земли вместо сожженного Ольгой Искоростеня. "Сфенг", как бы его ни звали на самом деле, в Тмутаракани. Вроде бы все...

Но оказалось, не все. Пришедшие в это время в Киев знатные люди из Новгорода возмутились таким распределением княжичей. Что ж они — хуже древлян и уличей? Им тоже нужен князь! Или государь позабыл, в каком городе он сам начинал княжить? Позабыл, откуда пошел здесь, по эту сторону холодного Варяжского моря его соколиный род?! Если так, новгородцы вновь, как во времена Рюрика, сами призовут себе князя!

Святослав не воспринял всерьез эту угрозу. Усмехнулся: "Да кто к вам пойдет...". Не то чтобы земля Новгородская была таким уж незавидным владением. Она и за сто лет до того была, как известно, "велика и обильна", а уж теперь, когда новгородцы могли ходить в арабские и персидские земли, не опасаясь хищных мытарей каган-бека, когда проложен был путь из варяг в греки, торговля Новгородская и вовсе должна была процветать. Норманнские пираты еще не терзали ее берегов — они прорвутся к ним позднее, когда боевое братство Йомских витязей из славянского Волына, хранившее закон и порядок во всей восточной части Варяжского моря, поляжет почти поголовно в Норвегии. Другое дело, что самовольно садиться князем во владениях победителя Хазарского каганата, полководца, в одну осень захватившего Болгарию и взявшего восемьдесят городов, мог только князь или конунг, одержимый манией самоубийства. "Даже слепой до сожженья полезен — что пользы от трупа?", вопрошала Старшая Эдда. Старших сыновей князя тоже не привлекала мысль о княжении в далекой северной земле. Отказался, по-видимому, и "Сфенг", если только не сидел уже в далекой Тмутаракани.

Есть основания полагать, что у Святослава был еще один сын... но ему князь прочил совсем другое будущее. Впрочем, об этом — позже.

Новгородские послы приуныли. Но тут встретился им добрый молодец. Звали молодца по былинному — Добрыня, но на этом всякое сходство и связь его с былинным богатырем, победителем лютой Змеихи, заканчивается. Потому как был этот Добрыня братом Малке, рабыне-ключнице старой княгини Ольги, и, если не был ей братом нареченным, что вполне могло случиться — поручил великий князь отроку присматривать за глянувшейся рабыней, сказал: будь, мол, ей за брата. Ну и пришлось... так вот, если все-таки был он ей кровным, а не названным братом, значит, был он хазарином.

Тут надо сказать несколько слов о давным-давно в прах раскритикованной, но все еще не из всех голов выветрившейся версии, будто и сам Добрыня, и его сестра были детьми древлянского князя Мала. Сразу скажу — серьезных оснований для нее никаких. Так, некоторое созвучие между именем древлянского мятежника и некоего "Малька Любечанина", отца Добрыни и Малки. В других летописях ее называют ославяненным именем Малуша, но в Никоновской, сохранившей множество древних подробностей — например, что поход на болгар Святослав начал по наущению цесаря Никифора, что Оскольд воевал с черными болгарами, и многое иное, — в этой летописи сохранено и подлинное имя сестры Добрыни — Малка. Так и будем ее называть. Так вот, ни намек на древлянское происхождение Малки и ее брата в летописи нет. Если бы Малка была древлянской княжной, то ее сын и стал бы править в Древлянской земле. Нет и намек на то, что Мал или его сын — наследник! — мог остаться в живых после побоища 946 года. Ольга — точнее, стоявшие за нею люди — не могли оставить в живых родню человека, обвиненного ими в смерти государя Игоря. Если же Мал с семейством были посвящены в заговор, они тем более были обречены.

Невзирая на очевидную слабость этой версии, она то и дело возникает в популярной литературе. В 1970-1980-е годы ее яростно отстаивал украинский краевед Анатолий Маркович Членов. Он не был профессиональным историком, но на основе этой хлипковатой версии и притянутых за уши "данных" русских былин выстроил целую "древлянскую теорию". Все его идеи переска-

зывать слишком долго, да и не нужно. Для характеристики автора и самой идеи хватит нескольких пунктов: Членов с какой-то биологической ненавистью относился к варягам, которых, "естественно", считал норманнами. В своих работах он с энергией фронтового политрука поносил Рюрика, Олега Вещего и Игоря, Святослава же изображал недалеким воякой, марионеткой в руках "варяжских интервентов", истратившим энергию на ненужные-де Руси походы. Хазар он, напротив, считал добрыми друзьями Руси, защищавшими ее от... арабов (!!!). Все гадости про хазарское иго — конечно же, выдумки злых варягов из ужасного "Варяжского дома". Непонятно только, как же они попали в летопись, если любимец Членова, Владимир, победил их и все последующие князья, при которых составлялись летописи, были его потомками, и представителями хорошего "Древлянского дома". Завершает фундаментальный труд Членова фраза, которую следует привести — она полностью характеризует и книгу, и автора: "За... образец государственного устройства Руси была, видимо, взята Добрыней и Владимиром... библейская федерация 12 свобододобрых племен, вырвавшихся из-под ига фараона и ведомых могучей рукой Саваофа. Истинными преемниками их были объявлены 12 (??) федеральных земель (???) Руси". Более к этой книге добавить нечего.

Гораздо состоятельнее версия, выдвинутая в 1970-е годы гебраистом В. Емельяновым и А. Добровольским. В 1997 году ее — увы, без ссылки на первооткрывателей — высказал Алексей Карпов в вышедшей в серии "ЖЗЛ" биографии "Владимир Святой". Основа имен Малки и ее отца — Мальк -не славянская. Цитирую Карпова: "В семитских языках (арабском, древнееврейском) слово "Malik" означает "царь", "правитель". Вот с предположением, будто Мальк был "хазарским беком, обосновавшимся в русском Любече", согласиться невозможно. Никаких "беков" в Любече не было и быть не могло уже во времена Олега Вещего. Скорее можно предположить, что летописец или его источник так ослаблял какое-то хазарское прозвище или титул. А вот с дальнейшим: "Славянское же имя сына Малька Добрыни в этом случае не должно смущать" — остается полностью согласиться. Да, не должно. Еще в "киевском письме", документе из деловой переписки иудейской общины Киева, которая та за век до Святослава вела с единоверцами Каира, среди прочих встречаются Йегуда Северята и Гостята Кабиарт бен Коген. Очевидно, Мстиславы Ростроповичи, Владимиры Гусинские и Борисы Березовские — совершенно не новое явление.

Так вот, Добрыня подошел к новгородским послам и посоветовал просить у Святослава Владимира. Оказывается, ушлая рабыня успела соблазнить молодого князя и родила от него мальчика. Мальчика назвали Владимиром, и отправили вместе с матерью с глаз долой. Сердобольная Ольга выслала их в принадлежавшее ей сельцо Будутино, скорее всего, спасая от сына — легко догадаться, как отнесся бы Святослав к отродью хазарки. Следует напомнить, что у балтийских славян, от которых происходил его род, отец мог убить нежеланного младенца, и это было в порядке вещей. Впрочем, и у русских есть былина, как Илья Муромец убивает сына — правда, уже взрослого — от женщины из враждебного племени и остается при том любимейшим героем былин.

Впрочем, казаки, через полтысячи лет развлекавшиеся с пленными азиатками, принимали еще более крутые меры по предотвращению нежелательных последствий. Эх, не был наш герой похож на Стеньку Разина...

Новгородцы вновь пришли к Святославу снова и попросили в князя Владимира. "Вот он вам", был краткий ответ. Князю не хотелось говорить об отроде рабыни из ненавистного племени. Возможно, он предполагал, что именно в северном Новгороде, рюриковой твердыне, столь близкой к стальным волнам Варяжского моря и высящимся над ними скалам Арконы, "робичич" — сын рабыни — будет безопасен. Может, он даже надеялся на то, что воспитание "людей новгородских от рода варяжска" уравнивает хазарскую кровь его младшего сына. В таком случае, князь не учитывал или не знал, что вместе с Владимиром на север отправился и Добрыня, не собиравшийся пускать воспитание племянника на самотек или доверять его северным язычникам. Да и мысли Святослава были заняты уже совсем другими делами.

3. Славянской державе — быть!

*То не слово врывается в слово:
От Урала и до Балкан
Крепнет братство, грозное снова,
Многославное братство славян.
И сольется с новью преданье,
Раз в единый и грозный ряд
Встали Люблин рядом с Любанью,
Рядом с Белгородом — Белград.
С. Наровчатов. "Польские стихи"*

Раздел престолов между сыновьями Святослава был завершен. Теперь Святослава ничего не держало в городе, ставшем ему почти чужим. Его столицей была его дружинная ставка. Город на Днепре после нескольких лет походов казался скучным и тихим, его терема и стены — обузой, тяжким бременем. Люди, жившие здесь, купцы и ремесленники да владельцы ближних полянских земель, жили в каком-то другом мире. Не для их спокойствия он крушил каганат и приучал степных дикарей видеть в нем гром небесный. Поляне, когда-то звавшие с севера Соколиный род Рюрика на княженье, искренне считали, что потомки Рюрика сделали все, что нужно. Ведь хазары разгромлены, на горизонте славянских земель больше не маячат их разбойные гнезда из белого камня. Кованая конница каган-бека больше не будет топтать полянские нивы, не будут полыхать деревни... Чего ж еще надобно государю?

Святослав смотрел на мир по-другому. Он видел долг князя и воина в защите Правды — Правды, а не набитых добром лабазов киевских бояр и купцов. Да, и в том, чтоб простые люди могли спокойно жить по заветам предков, собирать урожаи, возиться в мастерских, торговать с дальними землями, не боясь ни лихих людей, ни дикарей из лесных, степных или горных племен — тоже Правда. Но не вся, что бы ни думали об этом кияне. Рядом с ним был Након — а не сам Након, так его земляки. Рядом с ним был Боян. Рядом с ним был Калокир. Жив ли еще был Асмунд — трудно сказать. Но то, что Святослав слышал от новых друзей, складывалось в страшную картину, подтверждающую все, что юный князь слышал когда-то от сына Вещего Олега.

Киевляне думали, что мир, если и изменяется, то к лучшему. Вот — плати-

ли дань хазарам, теперь не платим. Хазары могли напасть — теперь не могут. Была смута — теперь на престоле сильный и страшный врагам государь. Разве не лучше стало? А христиане... что они? Ну, страна — так за морем. Ну, в Киеве — так горстка.

Святослав видел, как изменяется мир. Тот мир, что жил и дышал в избавившемся от осады Киеве, был вчерашним днем для земли Накона. Након мог сказать: "Вчера и мы думали так. Вчера и у нас христиане казались безобидными чужаками. Щетинские волхвы предлагали им поставить кумир их Распятому в главном городском капище, чтоб они могли молиться вместе со всеми. А в Волыне, когда монах из дальней земли, не умевший двух слов связать по-нашему, накинута с топором на кумир Волоса, жрецы отняли его у разъяренной толпы, и со смехом проводили, полуживого от побоев и страха, на корабль.

Теперь мы воюем с ними. Они приводят войска из разных земель, у них много сил. Но мы бьемся — и иногда побеждаем. Мы уже изгоняли проклятых немцев с нашей земли — изгоним еще раз".

Боян мог сказать:

"Вчера мы воевали с христианами. Крум штурмовал их столицу. Маломир гнал их и казнил. А когда решили, что они не опасны — они открыли ворота наших городов врагу. Не ромеи. Мы тоже когда-то говорили "болгары или христиане", мы тоже когда-то звали христианство ромейской верой, как вы, варяги, зовете немецкой. Но наши, болгары, стали одними из них, а мы не умели воевать с братьями. Не все смогли встать вровень с Маломиром. И теперь христиане правят нами. Вы, наши единоверцы, терпите христиан. Они нас не терпят. Они лишь позволяют крестьянам в деревнях поклоняться старым богам, да городской черни — мешать старое с новым. Те же из знатных, кто хочет остаться верным — забиваются в горы, на планины, в глушь. Они ждут — вдруг все вернется..."

Калокир мог сказать: *"И мы уходили из столиц. И мы ждали. Это было вчера. И у нас позволяли поклоняться в глуши старым богам или прятать идолов за иконами. Это было вчера. Сейчас мы забились в самые глухие углы. Мы живем под занесенным топором палача, под вечным страхом доноса, конфискации, казни. Нас горстка, как у вас — христиан. Но нас не терпят, как вы терпите их.*

У нас долгая память. И мы помним — было время, когда Рим — тот, первый и единственный Рим, Вечный Город Катона и Цициона, Цезаря и Траяна — был силен и могуч. Как сильна и могуча Русь."

Он тоже терпел христиан.

Након, Боян, Калокир. Варяги, Болгария, Византия. Поступь Рагнарека: Византия, Болгария, варяги...

Русь?!

И везде, везде — расплесканная бесполезно, обращенная друг на друга, брат на брата сила славянских народов. Древняя Правда — без силы. Юная Сила — без правды. Боян говорит — на Морее уже растут дети, не знающие славянскую речь. Након говорит — даже славяне уже величают Гам — Гамбургом.

4. Поступь Рагнарека.

Что делать, если ничего сделать нельзя? Для воина ответ один — биться. Бьются не ради победы. Бьются потому, что таков долг воина. Но бился и Крум. Бился и Стойгнев. Нужно все-таки победить!

Нужна держава. Новый Рим. Чтобы переломить хребет империям — источникам заразы. А переломить можно — разве не рухнул казавшийся вечным каганат? И почему не рухнуть так же державам кайзера и цесаря? Только делать это нужно скорее.

Они говорят — скоро их бог придет на землю.

Что ж — мы встретим его.

Как? Ответ дал Олег Вещий, отец наставника Асмунда.

Он перенес столицу почти на поле боя — в Киев. Не в этот, тихий и мирный — в то хазарское пограничье, что было здесь семьдесят лет назад. И уже отсюда, из нового военного стана — в походы, в свирепые непрерывные походы. С дружинами — за данью, а дань — на новые дружины. И собрать данников в единый кулак, народ к народцу, гнуть шеи упрямым Нискиням, а если не гнутся — ломать, как изменнику Оскольду!

Занять приграничные с империями земли. Поставить там столицу. Собрать окрестные славянские народы, отбирая данников у империй. Болгары уже приняли его — как поляне приняли Олега. Хорват и прочих смутьянов — примучить, как Олег и отец — уличей с древлянами. Дикарей-язычников — в союзники. Но перед этим — показать силу. Чтоб мадьяры запомнили его имя, как помнят печенеги имя отца! Нечего и им тратить удадь в бессмысленных набегах на дальние Парижи. Пусть служат державе. На сворку степных волчар!

Возможно ли это? Святослав не спрашивал себя о таких вещах. Олегу, отцу, самому ему удалось на Руси — ему и его потомкам удастся на Дунае. Под соколиный стяг встали поляне и северы, кривичи и словене, дреговичи и полочане, вятичи и древляне, уличи и радимичи, тиверцы. Что ж, теперь очередь сагудатов и велегестичей, струменцев и смолян, драговитов и северов, верзичей и баюничей, рунхинов, милингов и езеричей. Всех болгар, хорват, сербов.

И тогда — на Царьград! Не в ладьях, как Олег и отец — по суше. Греки привыкли ждать врага с моря, как хазары — из степей и лесов. Не надо делать так, как привык враг. Пусть он делает, как привык. А мы сделаем — как надо!

Не нужно щита на воротах. Пусть сбудется отроческая мечта. Пусть Царьград разделит место в Пекле с Итилем!

И пусть потом приходит их Мертвец. Если будет — куда.

Еще до раздела престолов между сыновьями Святослав сказал матери и боярам: "Не люблю мне в Киеве. Хочу сидеть в Переяславце на Дунае. Там будет середина земли моей. Туда стекается все лучшее. Из Греции — золото, шелка, вина и плоды, из Чехии и из Венгрии — серебро и кони, из Руси — меха, мед, воск и люди".

В переносе столицы для Руси не было ничего особенно нового. Лет семьдесят назад Олег перенес столицу из Новгорода в Киев. Сейчас, после победы над каганатом, Киев из воинского стана на глазах превращался в сытый и тихий глубокий тыл. Место же князю и дружине его, а значит — столице, в челе войска. Поближе к врагу. Это было естественно и более или менее понятно. Князь оставляет детям безопасные мирные земли и отправляется туда, где нужна его

рука и железная воля.

Но вот то, что сказал Святослав потом...

Историки толкуют что-то о "торговых путях". Что общего между Святославом Храбрым и торговлей?! Вчитайтесь!

Святослав перечисляет земли, с которых собирается брать дань! Он уже берет дань с русских земель — теперь она, естественно должна будет идти и в Переяславец. А теперь к списку данников присоединятся Балканы и Центральная Европа. Это для начала, чтоб свалить Византию, как свалили Хазарию. А там...

Вряд ли Святослав оставил бы без внимания земли пращуров-варягов. "Середина земли моей"... Гляньте на карту. Граница Руси на Востоке проходит по Волге — новой "реке Рус" для арабов. Найдите Переяславец в Дунайском устье. И отсчитайте столько же на Запад. Как минимум — твердый предел по Лаббе для тевтонского *Drang nach Osten*. И на юг, конечно — до Мореи. Еще не всех милингов и езеричей ромеи вывезли на каирские рынки!

Это намерение Святослава ясно отражено в летописи. Как мы увидим далее, оно отразится и в "Истории" Льва Диакона. Могло ли это ему удалиться? На мой взгляд, вполне могло. Может, я и делаю слишком сильный упор на приверженность Святослава старым Богам и неприятие им новой веры. Конечно, все было не так однозначно. Играло свою роль и естественное для воина и князя желание славы, и отроческая еще ненависть к Константинополю, и желание объединить славянские народы. Но желание создать такую державу вполне очевидно. Была, верю, и возможность. За двести лет до того Карл-Давид "Великий" создал-таки огромную империю. Когда-то создавали свои державы Александр, Цезарь, Аттила, Хлодвиг. Многие из них начинали с меньшего. Другой вопрос — как долго продержалась бы такая держава? Но в любом случае она изменила бы лицо Европы — если не мира. Впрочем, поговорим о вероятностях, или, как модно сейчас говорить, виртуальностях, когда дойдем до "ключевого", переломного момента в истории Святослава. Пока до него неблизко.

Ольга ответила сыну: *"Видишь — я больна. Куда хочешь уйти от меня? Похоронишь меня — и иди, куда хочешь"*.

Неожиданной человечностью веет от этих жалобных слов. Это не бывшая правительница державы обращается к отнявшему власть сопернику. Это не глава и знамя киевских христиан говорит с врагом и гонителем веры христовой, заклятым язычником.

Старуха-мать просит повзрослевшего сына.

Ольга действительно была больна. Только три дня она прожила после этого разговора. Может, близость смерти и помогла ей освободиться от самого сильного чувства к сыну-язычнику, которое до тех пор испытывала будущая святая — от страха. Возможно, она поняла, что есть вещи и люди куда страшнее ее сына, когда вокруг Киева задымилась костры степных полчищ. Перед смертью она просила Святослава о последней милости — позволить ей уйти к ее богу по христианскому обряду. Без буйной тризны с хмельными ковшами, со звоном мечей и обильными жертвами, без надменно вздымающегося к небесам кургана. Лечь в могилку вровень с землей. Ольга, сообщает летопись, исповедовала христианство в тайне, и очень боялась, что по смерти ее похоронят по языческому обряду.

Сын пообещал. И исполнил. Хоронил Ольгу ее "презвутер" — священник. Плакали по ней привыкшие к бабке внуки. Плакали люди киевской христианской общины. Плакал и Святослав. Так говорит летопись, и возможно, это не просто литературный трафарет описания смерти праведного правителя. Люди той эпохи гораздо меньше стеснялись выражать свои чувства. Нелепое табу на мужские слезы — суеверие много более поздних времен. Не стеснялись проливать слезы суровые и беспощадно-жестокие люди. Плакали патриархи Ветхого Завета и герои Гомера. Не прятали слез герои былин, саг и рыцарских романов. Плакали русские князья и монгольские ханы. Им не приходило в голову, что "мужчины не плачут" — может, потому, что у них не было оснований сомневаться в собственном мужестве?

Нарушили заветное обещание Ольги много позднее. Уже после смерти Святослава. Не язычники — единоверцы Ольги. Молодой русской церкви требовались реликвии. Могилу разрыли, извлекли кости и поместили их в шиферный саркофаг в Десятинной церкви, украшенный розетками и пентаграммами. Даже после смерти не получила она покоя. Хотя, как знать, может, ее и утешило бы, что она и по смерти послужит делу христовой веры на Руси.

Теперь больше ничто не мешало Святославу в осуществлении его помыслов. Ничто не держало князя в городе, который в его глазах уже перестал быть столицей. Земли Киева и Искоростеня, Новгорода и Тмуторокани обрели юных князей, наместников своего отца. Теперь у русов и местных сторонников Рюриковичей будет вокруг сплотиться в случае беды. А большего пока и не надо. Ни на одной из границ нет врага, способного напасть на державу Сынов Сокола. По Волге Русь вроде бы граничит с Хорезмом, но на деле там дикая, пустая степь, по которой кочуют орды торков-гузов и половцев-кипчаков. Предкавказье после хазарского похода — "выжженная земля". На Тмуторокань долго еще не посягнет никакой враг. Что до запада, где княжат сын Олег и два данника-союзника под рукою Святослава, полочанин Рогволод и дрегович Турый — там попросту нет врагов. Тесть Волисуд, шурин Мешко-Мечислав. А между ними и Русью — полоса диковатых лесных и болотных народцев, от Карпат до Варяжского моря. Белые хорваты, дулебы, мазуры, ятвяги, литва, жмудь, летьгола с земьголой, пруссы. Не враги и не друзья, не нужные ни как данники, ни как союзники. Печенеги теперь мирные. На Руси все спокойно — кроме новых земель. Место его там, на переднем краю, в передовом полку. В его новой столице — Переяславце Дунайском.

И князю напомнили об этом очень скоро. Ольга, согласно преданию церкви, преставилась 11 июля — за несколько дней до столь важного для Святослава праздника — Перунова дня. Князь, судя по всему, и в первый поход на болгар вышел после праздника своего небесного покровителя, Метателя Молний, Бога Побед. Неизвестно, успел ли он его отпраздновать на сей раз, или черные вести, идущие уже с Дуная, настигли его за распределением престолов между сыновьями.

Вести эти гласили — в Болгарии мятеж против русов, воевода Волк собрал все войска в Переяславце и держит оборону. Святослав, не дожидаясь окончания сборов ополченцев, возложил это дело на воевод и поспешил с отдохнувшей в Киеве дружиной и новыми союзниками — легкими на подъем печенегами — в Болгарию.

13. ГРОЗА НАД ВИЗАНТИЕЙ. МЕРТВЫЕ СРАМУ НЕ ИМУТ.

"Варвары!" — в хрип переходит крик,
Фыркнула кровь из груди часового.
Всадник к растрепанной гриве приник,
Вслед ему — грохот тяжелого слова:
"Варвары!". Вздогнул седой Ватикан.
Тяжесть мечей и нахмуренных взглядов,
Боли не знают, не чувствуют ран,
Не понимают, что значит — преграда.
Город ли, крепость, стена ли, скала -
Что бы ни стало, едино разрушат.
И византийских церквей купола
Молят спасти христианские души.
Только сам бог что-то бледен с лица.
Страх, как комок перепутанных нервов.
И под доспехами стынут сердца
Старых и опытных легионеров.
Хмурое небо знаменья творит,
Тучи в движеньи томительно-сером.
"Варвары!". Посуху плыли лодьи к окаменевшим от ужаса стенам.
С. Гнедин "Варвары".

1. "Тот, кто крепко строил замок..."

Хитрости Цареграда,
А и мудрости Ерусалима...
Былина "Соловей Будимирович".

Пока дружины Святослава шли на Киев, пока разгоняли от русских границ кочевничьи шайки, пока делил великий князь престолы-наместничества своей огромной державы между сыновьями и хоронил мать, в Болгарии люди цесаря Никифора Фоки не теряли времени даром. Очень скоро — быть может, Святослав еще не покинул страны — болгарское "посольство" стояло в Константинополе перед престолом того самого цесаря, который столь недипломатично обошелся с их предшественниками. Болгарские бояре "с воздетыми руками умоляли императора защитить их" от злого язычника.

Кого могло представлять посольство? Болгарское государство? Но "царем болгарам", как мы помним, в то время считался Святослав, на основаниях не менее и не более законных, чем те, на которых сам Фока занимал престол Царя городов. Проще говоря — по праву сильнейшего. Он княжил над болгарами, чеканил монеты и облагал данью пограничные греческие города. Западной Болгарией, выделившейся в отдельное царство, правили Комитопулы — четверо братьев, сыновей комита покойного царя Петра, Николы — Давид, Самуил, Моисей и Аарон. Братья, с их ветхозаветными именами, были христианами. Их земли частично соседствовали, частично включали в себя земли сер-

бов и хорватов, уже три века к тому времени принявших христианство. Но при этом, на протяжении всей истории Западно-Болгарского царства, оно будет непримиримым врагом Восточного Рима. Болгарский народ? Но многие болгары до конца, до "освободительной" резни Цимисхия и страшных дней Доростольского сидения, будут биться бок о бок с русами против "освободителей" из Второго Рима.

Так кого же представляли люди, что, "воздев руки", стояли той весною перед императором? Надо полагать, то был, так сказать, актив христианской партии Болгарии, верные сторонники Константинополя, из тех, что окружал беспомощного Петра Сурсувула. Вовсе не обязательно все они были родственниками несчастных заложниц — "невест" малолетних царевичей. Разве болгарские христиане, за сто лет до того открывавшие ворота родных городов полчищам Михаила III, делали это из-за каких-то родственниц-заложниц? Нам, знавшим Россию XX века, легче — нет, не простить — понять таких людей. Разве германский генштаб держал ствол у виска маленьких дочурок большевиков-пораженцев? Разве Андрей Дмитриевич Сахаров юродствовал на трибунах из-за родни, взятой в заложники ЦРУ или Моссадом? Разве ковалевы или новодворские и их опогоненные "братья по разуму" унижали Россию перед крохотным племенем горных бандитов ради близких, сидящих в чеченских зинданах? Космополитическая идея делала их бескорыстными пособниками врагов своей нации. Идея "общечеловеческих ценностей", носивших в начале XX века имя коммунизма, в конце его — демократии, а в далеком X столетии — христианства.

И в "посольстве", явившемся к Никифору тоже были и болгарские сахаровы с ковалевыми. Конечно, император принял это посольство куда ласковей прежнего. Куда подевались "нищее, грязное, и во всех прочих отношениях низкое племя" и его "одетые в шкуры вожди, грызущие сырые кожи"?! Император внезапно "вспомнил", что болгары — братья ромеев по вере, и проникся величайшим сочувствием к бедствиям соседа. С послами обошлись в высшей степени любезно, но... никакой реальной помощи не обещали. Войска империи увязли на арабских фронтах. Все лучшие силы направлены туда. Вы, как христиане, должны понять...

Еще чего не хватало — проливать лишний раз ромейскую кровь, или губить наемников, за которых дорого плачено из имперской казны и кармана подданных Второго Рима! Ради этого, что ли, Никифор Фока терял любовь своего народа, облагал его зверскими налогами, выгадывал каждую копейку? Нет уж, пока только это возможно — пусть варвары бьют варваров!

Вместо этого император отпустил с посольством на родину Бориса и Романа Петровичей, сыновей покойного царя болгар. Пусть у мятежников будет знамя, а у врага — соперники в праве на болгарский престол.

Трудно сказать, что чувствовали в это время молодые сыновья Петра. Они, конечно, были христианами, выросли в сугубо христианской семье и полжизни провели в столице православия, Константинополе. Но вряд ли они были большими сторонниками Византии. О, я не подразумеваю, что братья-заложники были полными подобиями своего Великого деда. Но узник редко любит тюрьму, даже отделанную золотом и пурпуром, и подавно никогда не любит тюремщиков. В роскошных дворцах Города Царей царевичи чувствовали себя пленниками, да ими и были. О Святославе они могли слышать очень немно-

гое. Скорее всего, они считали и его, и Никифора в равной степени врагами своей несчастной страны. Отделаться от византийцев пока невозможно — что ж, попробуем отбить хоть одного врага.

Заговор, между тем, был сработан на совесть. Спецслужбы императора Фоки смело можно было поздравить. Никто не успел предупредить воеводу Волка о готовящемся мятеже, никто из других городов не пришел на помощь. Можно предположить, что кое-где гарнизоны русов и их сторонники были захвачены врасплох и попросту вырезаны. Да и население пребывало в некоторой растерянности — Петр мертв, новый "църрь българомъ" ушел куда-то на север, и неведомо, вернется ли еще, а воевода Волк явно не царь и не болгарин. Зато на стороне мятежников — царевичи, дети Петра, Борис и Роман. Вскорости Волк со своим войском молодых повольников был осажден в Переяславце. Пищи не хватало — никто не готовился к осаде, а в городе, кроме жителей, пребывало многочисленное русское войско. Приступ за приступом отбивало воинство воеводы Волка, но припасы таяли. Кроме того, некий доброжелатель известил воеводу, что в городе зреет заговор с целью открыть ворота войску царевичей...

Никифор Фока мог потирать руки. Наконец-то все идет по его планам! Радостные вести шли и с восточного фронта. Там, в Сирии, войсками Второго Рима командовал патриций Петр, придворный евнух. Современники отмечали, что человек этот, невзирая на телесную ущербность, проявлял и мужество бойца, и мудрость полководца. Можно добавить — и безжалостную свирепость завоевателя. Когда отряд Михаила Вурцы влез на стены Антиохии, и, перерезав стражу, открыл ворота византийскому войску, победители подождгли город с четырех сторон, обратили в рабство всех жителей, а уцелевшее имущество Петр поделил между солдатами, лучшую долю, естественно, присвоив себе.

Надо, впрочем, сказать, что, по византийским меркам, Петр вел себя еще довольно человечно. За четыре столетия до него другой решительный и умный полководец императора Юстиниана, Нарзес, тоже придворный евнух и армянин по происхождению, воюя в Италии, захватил шесть тысяч пленных. Поскольку у Нарзеса не было провианта на такое количество рабов, а охрана огромного полона парализовала бы его войско, евнух, не мудрствуя лукаво, приказал наемникам попросту перерезать пленных. Шесть тысяч безоружных людей, европейцев и христиан.

Кроме успехов в Сирии, Никифора Фоку радовали и другие события. Удалось выкупить у египетских арабов взятого в плен в Сицилии византийского командира, патриция Никиту. Любопытно, что выкупом послужил... меч. Один-единственный меч, захваченный Фокой в одном из боев в Палестине. Но современники отнюдь не сочли выкуп малым, напротив, живший тогда в качестве посла кайзера Оттона при дворе Фоки лангобардский епископ Лиутпранд ехидно заметил, что Никиту выкупили за сумму, много большую, чем он того стоил. О том, как воспринял этот выкуп правитель Египта, стоит рассказать особо.

Меч принадлежал Мухаммеду. Тому самому пророку Мухаммеду, основателю ислама.

Скажем еще раз — Никифор Фока был хорошим командиром. Он действительно заботился о своих солдатах и офицерах.

Потрясенный эмир Аль-Муиз, в чьих руках оказался клинок посланца Аллаха, повелел освободить из египетских зинданов не только Никиту, но и всех, взятых в плен вместе с ним. И более того — всех пленных ромеев, сколько их ни было в его государстве. Никакие деньги, никакие сокровища казны Восточного Рима не помогли бы добиться такого; никакие сокровища не стоили бы в глазах эмира этой полосы отточенного железа. Весть разлетелась по всему мусульманскому миру, и толпы паломников устремились в Египет, надеясь увидеть если не саму святыню, то хотя бы дворец, ставший ееместилищем.

А навстречу им по дорогам Египта брели, цепляясь друг за друга, щуря отвыкшие от дневного света глаза, брели десятки и сотни живых скелетов, еле прикрытых лохмотьями, со следами кандалов на руках и ногах. Начинали свой долгий, трудный и опасный путь на родину освобожденные щедростью своего государя и благочестием эмира византийцы.

Когда первые корабли с возвращавшимися домой пленниками показались в гавани Царя городов, по всем церквям Константинополя зазвонили колокола. Император устроил праздник в честь освобождения из сарацинского плена своих подданных. И на сей раз ликование подданных было вполне искренним и не омрачилось безобразными инцидентами, вроде кошмарного происшествия на ипподроме.

Кроме того, завершались мероприятия по подготовке к обороне Константинополя, теперь уже казавшиеся, наверно, самому Фоке излишней перестраховкой. Хотя Никифор всегда был очень осторожным человеком и полагал, что от северных язычников можно ожидать всего.

Наконец, подходила к концу постройка крепостных стен вокруг императорского дворца.

Помнится, у Дюма, в "Королеве Марго", несчастный король Карл все повторял зловещую песенку: "тот, кто крепко строил замок, в нем не будет жить". Не знаю, была ли эта песенка в ходу в Царе городов, но к цесарю Никифору она имела самое непосредственное отношение.

В день празднования взятия патрицием Петром Антиохии — был праздник с жутковатым на наш слух названием "День сонма бесплотных сил" — к Никифору Фоке подошел некий неизвестный монах, сунул в руки императора записку и скрылся. В записке было сказано: "Провидение открыло мне, червю, что ты, государь, переселишься из этой жизни на третий месяц по прошествии сентября". Сама формулировка может показаться странной, но надо помнить, что православная церковь празднует Новый Год в сентябре. В сентябре, кстати, празднуют свой Новый Год, Рош -Хашана, и иудеи. Так что в письме, собственно, говорилось, что произойдет сие прискорбное событие на третий месяц византийского года. Поскольку День сонма бесплотных сил отмечался 8 ноября (почти Хеллоуин!), предупреждение сильно запоздало.

Монаха, естественно, искали, и искали очень тщательно. Однако его и след простыл; не помогли даже хорошо развитые в Византии навыки сыска. Поэтому я склонен предполагать, что предупредивший императора монах не был святым провидцем. Такой возможности, разумеется, нельзя вовсе отрицать, но предсказатели такого рода — монах Авель, Серафим Саровский, святой старец Григорий Ефимович Распутин — все же редко ограничиваются единичным анонимным пророчеством, чтобы потом бесследно раствориться в толпе.

В чудеса я верю. Как говаривал патер Браун, давненько не появлявшийся на наших страницах, "я верю и в тигров-людоедов, но они не мерещатся мне на каждом шагу" ("Чудо "Полумесяца"). Поэтому я и позволю себе предположить, что человек, предупредивший Никифора, не был святым провидцем. Собственно, он, по-моему, вообще мог не быть монахом. Какая бы еще одежда подошла лучше монашеской сутаны для того, чтобы беспрепятственно подойти вплотную к благочестивому государю, оставаясь неузнанным? Затем несколько шагов в праздничную толпу, пара мгновений на развязывание пояса, на стаскивание сутаны — и император, оторвавший изумленные глаза от пергамента, может сколько угодно звать стражу, приказывать "немедленно отыскать этого монаха", и тщетно шарить глазами вокруг. Его взгляд и не задержится на лице передавшего записку. Можно смело предположить — прекрасно знакомом лице. Оттого загадочный "отшельник" и выполнил свое дело в полнейшем молчании, что боялся — император узнает голос.

А сейчас он вернулся к свите, встретился глазами с встревоженным, требовательным взглядом владыки, наверное, поклонился, разводя руками, наверное, сказал что-нибудь вроде: "Никаких следов, государь". Больше он ничего сделать не мог, кто бы он ни был — заговорщик ли, решивший подстраховаться на случай провала; или заговорщик же, внезапно почувствовавший угрызения совести; или, наконец, просто случайно узнавший о заговоре человек, скорее всего, небольших чинов. Впрочем, в заговоре были задействованы лица, становиться поперек дороги которым было небезопасно и высшим чинам.

Даже императорам.

К несчастью Фоки, рядом с ним не оказалось здравомыслящего патера Брауна. И император, постник, аскет и мистик, полностью уверовал в сверхъестественную природу предупреждения. Он еще сильнее ударился в изнуряющую аскезу, спал, по одним версиям, на камнях, по другим — на земле (в дворцовом саду, что ли?), постоянно и истово молился, особенно богородице, к которой этот человек испытывал, похоже, подобно пушкинскому "бедному рыцарю", личные чувства. В таком, кстати, случае, война с мусульманами, безусловно отрицающими святость матери Христа и непорочное зачатие, могла для него быть особенно святым делом... но мы уклонились от темы. Чувства Фоки приобрели еще более мрачное направление после смерти его отца, патриция Варды Фоки, которого венценосный сын очень любил и чтил; недаром в свое время евнух Иосиф Вринга, узнав о войске Никифора, идущем на столицу, пытался захватить Варду, чтобы использовать его в качестве заложника.

Смерть престарелого патриция никак нельзя было назвать безвременной. Старик прожил долгую и небесславную жизнь, участвовал во многих войнах, и упокоился в семейном склепе. Тем не менее императора, по отзывам современников, жестоко подкосила кончина отца. Впечатление было таково, что она, обрушившаяся вслед за мрачным предупреждением в тот момент, когда измотанный треволнениями и заботами император имел неосторожность поверить в то, что все, наконец, идет на лад.

Так поступают бывалые палачи. Дают измученному узнику тень надежды, смягчают условия заключения, быть может, даже позволяют гулять во дворе тюрьмы или видаться с близкими.

И после этого вновь швыряют в пыточную.

Говорят, так ломаются самые стойкие. Может быть, недаром элины поме-

стили надежду среди бедствий и болезней в ящик Пандоры, а норманнские язычники называли Надеждой струю ядовитой слюны, истекающей из пасти адского пса Гарма, прикованного у входа в преисподнюю.

Крепко строил свой замок Никифор Фока, полководец и император.

2. Святые государи Константинополя.

*И, лик свой наклона над сверженным врагом,
Он наступил на труп узорным сапогом
И в очи мертвые глядел, и с дрожью зыбкой
Державные уста змеилися улыбкой.*

А. К. Толстой

В один из дней, которые император проводил в скорби об умершем отце, к нему явилась его супруга, императрица Феофано. Одна, без придворных дам, общество которых, можно предположить, тяготило воспитанницу портовых закоулков. Феофано воспользовалась прострацией мужа, и накинулась на него с пламенной речью. Она требовала, умоляла, заклинала вернуть из ссылки Иоанна Цимисхия. Лев Диакон полностью привел ее речь, действительно достойную называться образцом красноречия, но... скорее всего, целиком вымышленную им самим. Кто мог быть его источником, кто передал речи, с которыми императрица наедине обращалась к своему венценосному супругу? В одном нет сомнения — она была красноречива, страстна и убедительна. Среди уличных женщин, особенно южных, это не такая уж редкость. А уж Анастасо, сумевшая женить на себе Романа II, наверняка умела убеждать.

Удалось ей это и на сей раз. Никифор внял уговорам прекрасной супруги, и Иоанн был вызван из провинции, где пребывал в изгнании, в столицу. В должности доместика Востока он восстановлен не был, но получил право ежедневно являться при дворе. Иоанн этим правом воспользовался в полной мере, особенно он зачастил на женскую половину. Там он обнаружил вполне созревший заговор против Никифора, который его пригласили возглавить. Поскольку на сей раз предложение исходило не от "искусственной бабы" Иосифа Вринги, а от вполне настоящей, нестарой и привлекательной женщины, Иоанн охотно согласился.

Кроме него, в заговор вошли Михаил Вурца — тот самый, что первым поднялся на стены Антиохии, тысячник Лев Авалант, другой Лев, из старой придворной фамилии Педиасимов, и даже неведомо как затесавшийся в эту компанию крещеный негр Феодор Аципофеодор. Во всяком случае, византийские источники именуют его темнокожим. Что это может означать, если типичного византийца Фоку наш знакомый, посол Лиутпранд, называл "черным эфиопом", судите, читатель, сами.

Но, конечно, душой заговора была судьба императоров, прекрасная Феофано. Она обеспечивала связь между заговорщиками, принимая курьеров в "темной камерке" в глубине своего будуара. И можно не сомневаться, что именно она вовлекла в заговор львиную долю его участников.

Цимисхий, этот армянский Бонапарт, рвался к власти, да и к мести Никифору за нанесенную обиду. Кстати, его прозвище, на родном языке полководца произносившееся как "Чмушк", значило то же самое, что и другое, латинское, под которым вошел в историю один из государей древнего, первого Рима. Гай Юлий Цезарь Калигула — Гай Юлий Цезарь Сапожок. Михаил Вурца злился на Никифора за то, что тот не оценил его доблесть при взятии Антиохии, не наградил, да еще и отчитал последними словами. Не иначе, осторожного Фоку взбесил лихой авантюризм Вурцы. Возможны и иные причины, которых уже не узнать, как не узнать мотивов иных заговорщиков. Мы можем только предполагать, что Авалант примкнул к заговору из личной преданности Цимисхию, а утонченного потомственного придворного Педиасима могли увлекать презрение и ненависть к солдафону Фоке. Что до загадочного Аципофеодора, то его уж наверняка вовлекли в интригу прелести падкой на экзотику Феофано.

А вот что двигало самой императрицей? Просто женская тяга к новому, модному, не успевшему надоесть? Или многострастную императрицу вывел из себя аскетизм венценосного муженька?

Или просто то, что Фока не стал покорной игрушкой ее прихотей, ее, собственноручно отравившей прежнего мужа, расчищая ему дорогу на трон? То, что он осмелился иметь какие-то дела, какие-то интересы кроме нее, единственной? "Меня использовали!" — вечный вопль разъяренной женщины, не сумевшей использовать мужчину. Что ж, она имела все основания полагать, что новый государь будет обязан ей много большим. Она извлекла его из ссылки, она нашла людей для заговора, она обеспечивала связь и проникновение во дворец. Фока был обязан престолом ей и армии, его преемник будет обязан ей, только ей!

Но сам-то Фока... откуда такое безоглядное доверие к женщине, которой приписывали смерть свекра и уверенно обвиняли в смерти первого мужа? Возможно, Никифор и впрямь любил великолепную Феофано. Возможно также, что дело тут в столь же вечном мужском убеждении, что женщина, предавшая другого ради тебя, делает это из-за его пороков или твоих достоинств. Что она вообще предала ради тебя. Глубочайшая и очень опасная ошибка. Женщина либо не способна изменить, что случается крайне редко, либо способна, и это значит, что завтра она изменит тебе. А изменяет женщина исключительно ради себя любимой.

Вот Цимисхий, как показали дальнейшие события, это отлично понимал. Но не будем опережать их, эти события.

Итак, настал день "Ч" для заговорщиков, точнее, ночь — штормовая зимняя ночь 10 декабря. Вечером накануне на молебне в дворцовой церкви один из служек сунул императору в руку новую анонимную записку с сообщением о готовящемся убийстве и советом осмотреть женские покои дворца. Никифор отдал приказ об обыске, поручив его придворному евнуху Михаилу, брату патриция Никиты, того самого, которого Никифор выкупил у египтян за меч Мухаммеда. Увы, Михаил был преступно невнимателен в обыске. То ли евнух боялся Феофано, то ли сам был посвящен в заговор, и император напрасно доверился брату спасенного им человека. Впрочем, глава заговорщиков, Цимисхий, приходился двоюродным братом самому Фоке.

Получив доклад, Никифор несколько успокоился и уединился в своих поко-

ях, на войлоке, укрывшись вместо одеяла рясой своего покойного дяди, известного благочестием и святостью монаха по имени Михаил. Через некоторое время к нему пришла супруга, завела разговор о болгарских девочках-заложницах — тех самых "невестах". Забеспокоилась: "бедняжки, наверно, боятся — даже здесь слышно, как ревет море. Я схожу, проведу их, а потом вернусь, так что не закрывай дверь, любимый". И, взглянув в последний раз в глаза обреченному ей мужу, Феофано покинула его. А Фока снова принялся молиться, но потом усталость и напряжение последних дней взяли свое — цесарь уснул.

По жутковатой иронии судьбы, именно в этот день ему доложили об окончании строительства укреплений вокруг дворца. "Тот, кто крепко строил замок..."

Убийцы уже были во дворце. На набережной дворцового парка они ждали главы заговора. Вскоре показалась движущаяся по волнам пролива лодка с гребцами. Свистал северный пронизывающий ветер, мокрый снег хлестал по лицам убийц. С площадки набережной скинули веревку с корзиной, и по одному втащили в ней всех прибывших. Цимисхий, словно капитан, покидающий корабль, шел последним.

На миниатюре византийской летописи, повествующей об этой достойной пера Шекспира сцене, изображена сама Феофано, помогающая соучастникам втащить корзину с Цимисхием наверх. Рядом — выведенный рукой писца комментарий: "Какое же блаженство ты испытала во время убийства? Себя пожалей, несчастная — из-за своего злодеяния печальную долю ты нашла в поцелуях". Современник убийства, араб ибн Аль Атир, рассказывает о проникновении убийц во дворец по иному. Этот романтичный земляк Шахрезады утверждает, что Цимисхий со товарищи проникли во дворец в женской одежде, под видом родственниц императрицы. Конечно, чего не бывает на свете... только очень сомнительно, чтобы у Анастасо-Феофано были принятые во дворце родственницы. Вообще, она, скорее всего, постаралась забыть о своей родне сразу же по восшествии на престол. Не уверен, что старания эти простерлись до "окончательного решения" проблемы нежелательных родственников, хотя... женщина, хладнокровно отравившая престарелого свекра и первого мужа и открывшая двери опочивальни второго супруга убийцам, могла пойти на многое. Так что разумнее предположить, что Ибн Аль Атир попросту на основании слухов об участии в убийстве Фоки "Ибн Шамушкой" (Цимисхием) коварной жены императора, сочинил историю в духе "Тысячи и одной ночи".

Обнажив мечи, убийцы прокрались в оставленную незапертой доверчивым самодержцем дверь опочивальни. Тут их ждало немалое потрясение — кровать оказалась пустой. Заговорщиков охватила паника: предупрежден, ушел, ловушка, все погибло! Однако Цимисхий сумел обуздать охваченных ужасом соумышленников, а Педиасим напомнил об аскетических пристрастиях императора. Стали искать, и нашли на полу соседней комнаты, у камина.

Император Фока, наверное, впервые в жизни проснулся от совершенно нового для него ощущения — его пинали несколько ног в тяжелых зимних сапогах. Он поднял голову — Лев Авалант ударил его по лицу мечом в окованных ножнах, рассек бровь и лоб. На лицо императора, заливая глаза, хлынула кровь. Отчаянный вопль Фоки, понявшего, что окружен убийцами "Богородица, помоги мне!", заглушил властный голос из соседней спальни "Волоките его

сюда!".

Ноги отказывались служить обессиленному раной и страхом Никифору, и его действительно приволокли к ногам восседавшего на царской кровати Иоанна Цимисхия. Схватив за бороду дрожащего императора, армянин рычал ему в лицо: "Или ты забыл, кто возвел тебя на престол, кто провозгласил императором? Да как ты осмелился меня, которому ты был обязан тронем, отстранить от командования войсками, сослать в деревню к грязным мужикам?! Меня, превосходившего тебя, труса, мужеством, внушавшего ужас врагам, твою единственную опору? Кто теперь защитит тебя от меня? Ну, говори, оправдывайся, если можешь!". Никифор, которому только что несколько раз жестоко ударили по щекам рукоятями мечей, только сплевывал в крови выбитые зубы и размозженными губами взывал к царице небесной. Если он и надеялся в этот миг на чью-то помощь, то разве что на помощь небес.

Чуда не произошло. Иоанн с силой пнул Никифора в грудь, и крикнул общникам — "Бейте!".

И стали бить. Мечом еще раз, уже без ножен, рубанули по голове, расколов череп, арабским клевцом-акуфием ударили по спине, пронзив насквозь, и долго еще рубили и топтали уже безжизненное тело.

В дверь личных покоев императора стали ломиться — это запоздало сбежала на предсмертные вопли Фоки дворцовая гвардия. Цимисхий, раньше других потерявший интерес к телу своего врага, уже натягивал оставленные тем у кровати пурпурные сапоги — один из символов императорской власти. Позднее один мятежник про такие скажет — "Надев пурпурные сапоги, их уже не снимают". Действительно, их снимали разве что вместе с головой. Услышав грохот в дверь множества увесистых кулаков, Цимисхий отдал приказ чернокожему Аципофеодору. Негр сноровисто отделил от тела изуродованную голову жертвы, и, подойдя к выходившему в коридор зарешеченному окну, показал жуткий трофей гвардейцам. Мгновенно воцарилась тишина, лишь несколько мечей из ослабевших рук звонко брякнулись на пол. Окованные железом двери личных покоев распахнулись, и в тишине перед гвардейцами предстал Иоанн Цимисхий. С мечом в руке и в красных сапогах.

Через секунду тишь под пурпурными сводами древнего дворца расколол отчаянный вопль наиболее догадливого гвардейца: "Иоанн цесарь! Слава самодержцу Иоанну Цимисхию!". "Слава!" — подхватили остальные, падая ниц, к обутым в пурпур ногам узурпатора-братоубийцы.

Что ж, это на далеком севере дикие язычники почитали своим долгом умереть вместе с вождем... здесь же была просвещенная, христианская Византия. Не сказано ли в Писании: "Живой пес лучше мертвого льва"?

Довольный Цимисхий прошелся вдоль согбенных спин, отыскал одну, в лирее придворного слуги. Ткнул пурпурным сапогом, и, встретившись с исполненным преданности и обожания взглядом, мотнул черной бородой на черневшую разрытой могилой дверь опочивальни: "Прибрать!".

Труп убитого самодержца выбросили на улицу, под снег, где он и провалялся больше суток, прежде чем Иоанн вспомнил о нем и отдал приказ пристойно похоронить убитого им предшественника. А так же государя, друга, боевого соратника, командира и двоюродного брата.

Поневоле вспоминаешь — тела убитых им Оскольда и Диры Вещий Олег похоронил под огромными курганами, по почетному обряду. Но то ж дикий

язычник...

Все эти дни по улицам Царя городов разъезжали воины, провозглашая Иоанна, вкупе с маленькими царевичами, самодержцами ромеев. За ними следовал с юношами-слугами глава придворных евнухов Василий Ноф, сын Романа Лакапина от славянской рабыни. Этот прожженный интриган служил еще при дворе Рожденного в Пурпуре, после его смерти был отстранен и смнен на посту своим недругом Врингой. Он принял деятельнейшее участие в возведении на престол Фоки, и был награжден высоким чином проедра, изобретенным специально для него. Отблагодарил он самодержца не менее активным участием в заговоре против него. Лев Диакон дипломатично определяет характер этого типа: "отличался предприимчивостью, изобретательностью и умением применяться к обстоятельствам". Проще говоря, Василий Ноф был законченный подлец. Незадолго до покушения осторожный и хитрый евнух "тяжко заболел" и слег в постель, однако весть о победе заговорщиков немедленно исцелила его, и теперь он, с отрядом юношей-слуг следовал поодаль за воинами и возглашал славы и здравицы новому цесарю. Отметившись таким образом, он поспешил во дворец, где они, вкупе с Иоанном приступили к государственным делам. Первым из таковых оказался указ, воспрещавший ограбления под страхом смертной казни. В просвещенном и богоспасаемом граде почиталось хорошим тоном выражать народное одобрение смене правителя, грабя дома сторонников его предшественника. Узурпатор с евнухом безжалостно лишили горожан столицы этого любимейшего развлечения. Вторым государственным делом было... но не будем спешить.

Вскоре Цимисхий двинулся со свитой соучастников и Феофано к собору святой Софии, чтобы быть там помазанным на царство по всем правилам. Но тут дорогу им заступил патриарх Полиевкт. Об этом человеке следует сказать особо. Не только в византийской церкви, но и во всей многовековой истории православия Полиевкт составлял редчайшее, почти исключительное явление. В то время, как для остальных иереев главной заповедью были, судя по всему, не Христова "Любите друг друга", а Павлово "Несть власти, аще не от бога", в то время, как верхи церкви из века в век кланялись не только перед православными императорами, но и перед ханами-язычниками Золотой Орды, магометанскими султанами, безбожными комиссарами-большевиками, такие редкие люди, как Полиевкт, решительно отказываются "властям предержавшим повиноваться со страхом". Полиевкт был головной болью еще для Рожденного в Пурпуре, и это именно по поводу его устранения с поста главы церкви ездил император советоваться в олимпийский монастырь. С его сыном Романом он ссорился, настойчиво требуя удалить от двора монаха-расстригу Иосифа, изгнанного из монастыря за множество всяческих мерзостей. Знакомство с Фоккой духовный глава православных начал с требования отбыть епитимью за вступление во второй брак, а из-за вмешательства Никифора в церковные дела совсем с ним рассорился. Но это не значило, что убийство императора вызвало у строгого священнослужителя теплые чувства. Напротив, он громогласно обвинил нового государя в цареубийстве, в сожительстве с чужой женой, распутницей и мужеубийцей. В общем, патриарх наотрез отказался впускать в храм новоиспеченного самодержца.

Иоанн ответственвал, не моргнув глазом, что не убивал государя, даже рукой к нему не прикоснулся (что правда, то правда — "прикасался" он к Фоке

ногой!). "А убивали моего несчастного родственника и государя вот они", продолжал хитроумный армянин, указуя на своих сообщников. "Эй, стража, взять негодяев!". Оторопелых убийц тут же радостно скрутили и поволокли в темницу.

Возможно, Феофано молчаливо одобрила расправу своего нового возлюбленного со сделавшими свое дело маврами. Может, даже польщенно приняла за проявление ревности — ведь наверняка догадывался Иоанн, как императрица "убеждала" их примкнуть к заговору! Она еще не догадывалась, какой сюрприз умница-армянин приготовил ей. В отличие от Фоки, он не испытывал к прелестной интриганке ни малейших нежных чувств, и уж подавно — не доверял ей. Оставлять в своем дворце, в своей постели убийцу трех императоров?! Помилуйте, Иоанн Цимисхий не был самоубийцей! Судьба императоров отыгралась в дворцовые игры. Она возвела его на трон, а никакой другой роли в своей жизни для кабацкой императрицы Цимисхий не отводил.

"Соблазнила же меня и их на участие в этом богопротивном деле вот эта нечестивая женщина, про которую ты, владыко, столь справедливо говорил сейчас. Увы мне — и я пал, как Адам, соблазненный женою! Но более не могу терпеть рядом со мной соблазнительницу и мужеубийцу. Взять ее!" — не веря своим ушам, услышала Феофано. После минутного замешательства дюжие евнухи, которым мигнул Василий Ноф — ох, не об одних грабежах беседовал с ним Иоанн! — схватили визжащую и вырывающуюся императрицу, быстро припомнившую язык своей кабацкой юности, и впихнули в неприметную, но крепко сбиту повозку без окон, тихо следовавшую за кортежем к собору.

Приятно удивленный столь немедленным и деятельным раскаянием грешника, патриарх потребовал немедленного изгнания из государства ромеев всех цареубийц. Иоанн покорно склонил голову. Воодушевленный Полиевкт стал требовать ссылки для императрицы — Цимисхий и тут не возражал. Не для того он прилюдно обвинил в мужеубийстве эту обольстительную гадину, чтобы оставаться с ней в одном городе. Порешили заточить Феофано в отдаленный монастырь в Армении. Больше у главы церкви не было никаких претензий к главе империи, и патриарх впустил братоубийцу в главный храм православных. Вскоре под его куполами загудел торжественный канон помазания на царство.

Феофано удалось вымолить перед ссылкой единственное свидание со старшим сыном. Мать на прощание отхлестала будущего Болгаробойцу по щекам — то ли чтобы запомнил и не забывал этот день, то ли безо всяких осмысленных причин, просто в приступе слепой ярости. Для коронованной потаскухи в этот момент монастырь казался хуже смерти. Вот уж поистине — "печальная доля в поцелуях"!

Про дальнейшую судьбу Феофано сохранилось два предания. Одно — что она вернулась из ссылки через семь лет, после того, как Василий Ноф вкупе с юным наследником отравили самого Цимисхия, а потом достойный сын Феофано отправил на тот свет своего искушенного в интригах сообщника. Но мне, читатель, почему-то хочется верить в другую, пусть менее достоверную версию — версию средневековой славянской "Повести об убиении Никифора Фоки", называвшегося также "Повестью о злой жене". По этой версии, разъяренные убийством Фоки горожане перехватили повозку Феофано по дороге в порт, вытащили прекрасную злодейку наружу и прикончили. "И уличные

псы — передает древний автор, — долго трепали кишки из ее распоротого чрева". В самом деле, должна же была хоть тогда существовать на земле справедливость! Очень не хочется думать, что это существо так и не получило по заслугам.

А право, жаль, что авторы современных романов столь безграмотны! Какая героиня могла получиться из Феофано! Как вздыхали бы чувствительные читательницы над ее нежной, искренней страстью к каждому новому возлюбленному! Как любовались бы феминистки ее "сильным характером", "независимостью", "яркой индивидуальностью"¹ Право, жаль. Ведь это законное место Анастасо-Феофано, рядом с Анжеликой и Скарлетт О'Хара. Дарю эту идею любому небрезгливому автору. Роман можно так и назвать — "Судьба императоров".

Иоанн же вскоре сочетался браком с юной девушкой из знатного рода по имени Феодора. Она не обладала ни ослепительной красотой Феофано, ни ее искусством обольщения, ни ее изощренностью в постели. Это была тихая, скромная и послушная, а главное — верная простушка. Иоанн был счастлив с нею все те семь лет, что отвела им судьба.

На этом, читатель, я с несказанным наслаждением покидаю дворцы Константинополя. В сам Город царей мы ненадолго вернемся еще, но не во дворец, хвала Богам! Как невыразимо приятно покинуть навсегда его пурпурные своды, под которыми свивались в змеинные клубки властолюбие, ненависть, гордыня, зависть, ложь — и предательство, предательство, череда бесконечных непрестанных измен! Как приятно покидать царственные чертоги столицы родины православия! Вдохнуть свежего, чистого воздуха!

Напоследок сообщу, читатель, одну подробность. Официальным обращением к православным самодержцам богоспасаемой Византии было — "агиос дэспотэ" — "святой государь"! Их при жизни изображали с нимбами вокруг голов, и рисовали всегда анфас, как Христа и святых на иконах. Всех — и сквернавца Михаила III, и Василия Македонянина, шагнувшего на трон через труп своего благодетеля и государя. И беспутного Романа II, соучастника отцеубийства, и Никифора Фоку, и его убийцу. И обоих сыновей Феофано — кровожадного Василия и гулящего Константина — будут изображать и величать точно так же.

Да оберегут Боги нас от подобной "святости", а с нечистью помельче мы как-нибудь управимся сами!

3. Колья Филлипополя.

*Перед Господом не роняй головы,
Перед кесарем не склоняй головы.*

А с друзьями речь:

"Только я да вы",

А с врагами речь:

"Я иду на вы".

С. Наровчатов "Василий Буслаев".

Мы оставили воеводу Волка в осажденном Переяславце. Мятежные бо-

яре-христиане, сторонники уже помазанного на царство Бориса II, стояли под стенами с огромным войском, в городе зрел заговор против русов, подходили к концу припасы еды. К воеводе Волку можно отнести очень по разному. Привычные к позднейшей, московской форме русского патриотизма, несомненно, осудят его. Они вспомнят, как отбивались защитники Смоленска, без надежды на помощь, без видимого смысла — в Москве в тылу уже сидело польско-литовское войско. Но я напомним иное — "С потерей Москвы еще не потеряна Россия". Была, была у нас и иная традиция — жертвовать землями ради сохранения жизни людей. Отдавать Москву, сохраняя армию, способную, отдохнув и окрепнув, эту Москву отбить. Воевода Волк, несомненно, полагал себя не воеводой крепости Переяславец, но воеводой русского войска. И это войско — а не крепость — он хотел сохранить. Поэтому он прибег к тактической хитрости. На городской площади прилюдно объявил о решимости отставить Переяславец до последнего, Волк повелел забивать коней, солить и вялить мясо. Само по себе решение вполне оправданное, да и символический жест, по силе не уступающий пресловутому сжиганию мостов или кораблей.

Вот только в оборот этот образ не вошел, потому как оказался военной хитростью. Той же ночью воевода собрал войско, подпалил город в нескольких местах (можно поспорить, это были как раз дворы горожан, стакнувшихся с мятежниками), и, пока болгары за стенами гадали, чтобы это могло означать, вырвался из города к реке, захватил ладьи сторонников царя Бориса, и в них ушел вниз по Дунаю.

У самых пределов Руси, в устье Днепра, ладьи воеводы Волка повстречались с войском Святослава и новой силой — союзными печенегами. Не сохранилось сведений, как великий князь отнесся к весьма неоднозначному поступку Волка. Однако, судя по тому, что рассказ о переяславском сидении воеводы до нас все же дошел, причем без единой нотки осуждения, можно предположить, что — сравнительно благосклонно. В смысле, никого не казнил. Свой гнев Святослав берег не для выполнившего, как мог и умел, свой долг воеводы.

Кому не стоило ждать для себя ничего хорошего, так это — болгарским мятежникам. Вспомним, как русы относились к нарушившим клятву. Вспомним окрестности Царьграда, залитые кровью воинами Аскольда и Дира. Вспомним Бердаа. Вспомним, наконец, записку топарха, и города, что "под предлогом нарушенной клятвы сделались добычей меча". Ведь Святослав в Переяславце княжил. Чеканил монету. Следовательно, ему присягали. А теперь присяга эта оказалась нарушена.

Святослав мог быть снисходителен к поверженному врагу. Примером тому был недавний мир с печенегами да и сами болгары. Но он, как и все русы, был совершенно беспощаден к предателям. Дружины Святослава, по воле Волка и печенежская конница ворвались в Болгарию. С другой стороны в Болгарию вторглась мадьярская орда. Кстати, в этом походе Святослав по-настоящему показал свой авторитет — воины двух разделенных кровной враждою племен, мадьяр и печенегов, не смели и думать рядом с ним о сведении старых счетов.

Устюжский летописец говорит, что переяславцы пытались обороняться от Святослава и даже решились на вылазку. Силы у сторонников царя-христианина были немалые, и какое-то время даже казалось, что они побеждают, но

князь переломил ход сражения мощным ударом и на плечах бегущего неприятеля ворвался в город. Он вновь провозгласил Переяславец своей столицей — "Се град мой" — и начал возобновленное правление Болгарией с расправы над "изменниками". В число таковых могли входить как жители города, по сообщению Волка, сговаривавшиеся с воеводами Бориса, так и сами попавшие в плен бояре, особенно те, кто присягал "царю болгарам".

Болгария всколыхнулась. Ревнителю старой веры, ненавистники греков воспряли. Весь север Болгарии оказался ненадежной опорой для сторонников Бориса, и им пришлось отступать на юг — на близкие к Царьграду земли, к большим городам, в которых правили тесно повязанные с греками торговцы. Центром мятежа стал Филлипополь, будущий Пловдив, основанный и нареченный в свою честь еще отцом Александра Македонского Филиппом. Ни в наших летописях, ни у византийцев не сохранилось и намека на хотя бы попытку болгар отстоять столицу царства — Преславу. Видимо, его население мятежники сочли неблагонадежным. И правда — уже много позже Преславацы будут бок о бок с воинами Святослава отбиваться от греческого войска.

А Святослав шел по Болгарии за отступающим противником, страшный, как гнев его золотоусого Бога. Замки-"грады" мятежного боярства, на века превратившиеся в руины, отмечали его путь.

Святослав взял Филлипополь едва ли не с налета. Победу он ознаменовал деянием, которого Балканы не видели со времен нашествия славян в VI веке, и не видели потом много лет, вплоть до Влада Цепеша. По сообщениям византийцев, он приказал посадить на колья под стенами города двадцать тысяч пленных. Пусть даже византиец увеличил число казненных в десять раз — картина все равно жуткая. Не один год, надо полагать, окрестности Филлипополя считались потом у болгар "дурным местом". Это ж только представить себе — лес кольев, тяжкий дух мертвечины, стоны тех, кто по природной ли живучести, по толщине ли кола еще не отмучился, сытое карканье воронья...

Но, если вдуматься, это не хуже множества подобных расправ православных правителей Византии. И вполне в духе ненависти русов к клятвопреступникам. Ведь и первые казни Цепеша, когда эта страшная расправа еще не стала у него откровенной манией, валашский воевода объяснял, что с теми, кто ведет себя "по-женски" — неверен, не держит клятвы — и поступать следует, как с женщинами. Показательно два обстоятельства этой жуткой истории. Во-первых, сами болгары вполне поняли князя и долго еще сражались на его стороне. Во-вторых, в Филлипополе ли или раньше, в Преславе, Святослав захватил в плен Бориса и его брата. Казалось бы, именно их следовало бы казнить — но, как выяснилось впоследствии, сыновья Петра Сурсувула не были не только казнены, но даже не были лишены свободы передвижения и царских регалий!

Мнимый парадокс объясняется просто — братья никогда не приносили Святославу присяги. Не клялись ему в верности. А следовательно, и расценивал их Святослав не как предателей, а как военнопленных, как побежденных врагов. А к ним, как мы уже не раз видели, и отношение было совершенно иное. И в летописи, и в былинах русский князь или богатырь может сидеть с побежденным врагом за одним столом, или попросту отпустить его восвояси, но предательницу-жену или побежденного и прощенного, но пытающегося коварно, в ночи, взять реванш супостата убивает безжалостно и жестоко.

Какой контраст с нашими, в худшем смысле слова варварскими временами, когда казаков Краснова, никогда не присягавших советской власти, эта власть обвинила в измене и обрекла на участь не лучшую, чем у жертв Филлипополя! Впрочем, в той войне и к побежденным врагам относились без призрака языческого рыцарства минувших веков. O tempora, o mores!

Возможно, Святослав просто хорошо знал — от Бояна или Калокира, неважно — о сложившейся в Болгарии за десятилетия царствования византийского холуя Сурсувула "партии" таких же, как он, "агентов влияния" Восточно-римской империи. Конечно, молодые царевичи, выросшие в "почетном" заточении в Царе городов, попав на родину, не могли не оказаться в их тесных объятиях. И мятеж, и попытки сопротивления Святославу — не столько дело рук молодого царя и его брата, сколько работа их "советников" из близких к покойному Петру людей.

Святослав не стал лишать Бориса и Романа знаков царской власти. Он уже не был "царем болгарам". Он был правителем исполинской державы от Волги до Родопских гор, от Ладоги до злополучного Филлипополя. В Новгороде от его имени правил его сын Владимир, в Киеве — Ярополк, во Вручае — Олег, в Тмутаракани — загадочный "Сфенг". И пусть в новой вассальной столице правит по-щаженный, то есть — вспомните "Ряд людской" — как бы усыновленный им Борис. Князьком "под рукою" великого князя Переяславецкого и всея Руси Святослава больше, князьком меньше...

Борис явно сумел оценить отличия пребывания под властью князя-язычника от золотой клетки "братского" Константинополя. Это показывает то, что он и не пытался использовать предоставленную ему свободу, чтобы бежать к ромеям или как-то связаться с ними, просить о помощи, о вызволении. Более того, он решил, если уж не удалось избавиться от русов с помощью ромеев, расправиться с помощью русов с Византией. Он подробно объяснил Святославу, что весь мятеж был провокацией Царьграда. Князя, в общем-то, и не надо было настраивать против Второго Рима. Еще осенью 969 года — доживал последние месяцы злополучный Фока — дружины русов вторглись на земли империи. Что, кстати, само по себе разрушает предположения некоторых исследователей — того же В. Кожинова — что до убийства Фоки наш герой был-де лояльным союзником этого последнего. А весной Иоанн Цимисхий выслал посольство, и в ультимативной форме потребовал, чтобы варвар, сделав то, за что получил плату от Фоки, ушел в свои земли или к Босфору Киммерийскому (Тмутаракани), а Болгарию оставил... ромеям, ибо та-де является законной частью византийской провинции Македония.

Это было обычное для греков, мягко говоря, вольное обращение с исторической правдой. На самом деле за полвека до того, при Симеоне Великом, именно Македония стала на время частью Болгарии. И тон для общения со Святославом, и тему Цимисхий выбрал самые неподходящие. Святослав презирал наемщину, и мало чем можно было заслужить большую ярость князя, нежели обращением с ним, как с наемником. Просто трогательно читать рядом с этим образчиком имперского "дипломатического" хамства слова Диакона, что-де Святослав "проникся варварской наглостью и спесью". Боги благие, ну чья бы корова...

Святослав — в изложении Диакона — ответил на имперскую наглость и спесь армянина вполне соответственно. Он издевательски потребовал "при-

платить" — выдать... выкуп за каждый город и каждого болгарина. В противном же случае пусть азиаты-византийцы "покинут Европу, на которую они не имеют права, и убираются в Азию, если хотят сохранить мир". В этом заявлении видят воспоминание о тех временах, когда славяне владели Балканами безраздельно — мы говорили, что и в Византии их помнили. Рожденный в Пурпуре писал про ту эпоху: "Ославянилась и оварварилась целая страна". Я же склонен видеть здесь, во-первых, проявление ясно различимого в былинах расового чутья русов. Былины четко делят мир на европейцев, с которыми не зазорно заключать браки, а войны с ними следует, словно семейные ссоры, предавать забвению, и азиатов, войны с которыми составляют главное содержание эпоса. Брак же и вообще сожителство с ними столь постыдно, что мужчина может пойти на них лишь под чарами колдуньи-азиатки, женщина же должна избегать их любым путем — вплоть до самоубийства или убийства. К первым относят "Землю Ляховецкую (или Политовскую)" и "Землю Поморскую", королевство "Тальянское", загадочный Леденец за Виряйским (Варяжским) морем, из которого приплывает Соловей Будимирович. Ко вторым — всевозможных степных "татар", Хазарию ("Землю Жидовскую" или "Задонскую"), племена лесных дикарей ("Корела проклятая, неверная", "Чудь белоглазая" и "Ливики"), и... Византия в лице "царя Константина Боголюбовича" и ведьмы "Маринки Кайдаловны", повелительницы Корсуни-Херсонеса. Обязательно надо заметить, что это не расизм рахдонитов и Рожденного в Пурпуре, когда всех, кроме самих себя, считают за "песок", "холопов" или "особей". Это именно здоровое расовое чутье, деление мира на "своих" и "чужих". При этом, как уже говорил я в этой главе, самого отъявленного чужака могли пощадить, но "своему" предателю пощады не было. Во-вторых же, здесь получило явное продолжение киевское заявление Святослава. Помните — "Середина земли моей"? Святослав явно собирался присоединить к своим владениям всю европейскую часть Византии.

Что означает, самое малое, захват и разрушение Константинополя.

Иоанн ответил посланием столь же наглым, как и первое. Он требовал "похорошему" убраться из Болгарии, грозя в противном случае изгнать русов из нее. Более того, он язвительно напомнил Святославу о гибели флота его отца под струями византийских огнеметов. Он даже приплел здесь и последующую печальную участь Сына Сокола. Именно из письма Цимисхия стали известны историкам подробности про два дерева, меж которых его разорвали, и про участие в его гибели загадочных для большинства историков "германцев". И вряд ли эти подробности появились здесь случайно. Версия, предложенная мною в главе "Убийство в Древлянской земле", полностью оправдывает упоминание об участии Игоря в послании Иоанна. Цимисхий недвусмысленно намекает на участие пособников Византии в его убийстве и угрожает Святославу, подразумевая, что очередные "германцы" могут оказаться и рядом с ним. Увы, как показали последующие события — император не совсем блефовал. "Если ты вынудишь ромейскую силу выступить против тебя, — грозил император, — ты найдешь погибель здесь со всем твоим войском, и ни один факелоносец не прибудет в Скифию, чтобы возвестить о постигшей вас страшной участи". Скифия здесь, конечно, Русь. Факелоносцами же в древней Спарте называли полковых жрецов, сопровождавших войска спартанцев в походы, и почитавшихся неприкосновенными. Гибель факелоносца была метафорой,

символом гибели всей армии до единого человека. Намекает ли здесь Цимисхий на эту метафору (что было бы странно в письме кавказского солдафона вождю варваров), или подразумевает, что в русском войске были подобные жрецы? Трудно сказать. Наверняка, какие-то полковые жрецы в воинстве Святослава были. Можно вспомнить искалеченного тевтонами жреца Стойгнева и Накона, захваченного в плен после битвы на Раксе. Но это — все, что мы можем по этому поводу сказать.

И снова хамство Цимисхия получила достойный ответ. В своем послании Святослав вежливо советует цесарю не утруждать себя путешествием в далекую горную страну варваров. Скоро он, Святослав, намерен сам разбить свои шатры под стенами Царя городов. Если же сам Цимисхий осмелится встретиться с русами в чистом поле, то он на деле узнает, что русы — "не какие-нибудь ремесленники, добывающие средства к пропитанию трудами рук своих, а мужики крови, оружием побеждающие врага. Твои же угрозы способны напугать разве что очень уж изнеженную бабу или грудного младенца", презрительно завершает послание Святослав. Он подтверждает свое намерение захватить Константинополь.

Русская летопись передает речи князя более лаконично, но смысл остается тот же. "Хочу на вы идти и взяти ваш град, аки сей", сообщал Святослав, согласно ей, в Царьград из Переяславца.

Прозвучало грозное "иду на вы". И вслед за спешащими с ответом князя в Константинополь гонцами двинулось войско Святослава.

Разумеется, подготовка Цимисхия к войне не исчерпывалась написанием злобных и хамских ультиматумов. Прежде всего, император позаботился о своей личной безопасности в готовящейся войне. Он окружил себя "живым доспехом" — гвардией отборных воинов, получивших название "Бессмертных", как и телохранители древних владык Персии. Командовал отрядом с персидским названием сын критского эмира Абд эль Азиса Анемас, урожденный Аль Ну Мин. Владыка-армянин, окруженный отрядом телохранителей с персидским названием, возглавляемым арабом — можно ли удивляться, что Святослав называл византийцев азиатами, и считал, что им не место в Европе?

Затем Цимисхий, прекратив столь близкие сердцу его предшественника войны против арабов, вызвал с восточного фронта двух уже становившихся легендами полководцев — Варду Склира и знакомого нам храброго скопца, патриция Петра. Про этого последнего Диакон рассказывает, что он отражал набег "скифов"-руссов на провинцию Македония. Там якобы во время сражения некий вождь русов богатырского телосложения, "надежно защищенный панцирем", вызывал ромейских смельчаков на поединок. Петр вызов принял и варвара одолел. И все бы хорошо, вот только Диакон проговаривается, внезапно раскрывая обстоятельства "поединка": "Тогда Петр... мощно развернулся и с такой силой направил обеими руками копьё в грудь скифа...". "Развернулся"... ромеи в это время бежали, и их вождь, внезапным ударом сумевший свалить увлекшегося преследованием руса, исключением не был. "Вызов" руса, вероятно, был простыми насмешками над удирающим неприятелем. А участие в битве Петра, покорителя Антиохии, яснее ясного раскрывает подлинное значение "стычки", "отражения набега". Маршал Рокоссовский или Жуков несколько неуместны в ликвидации отряда немецких диверсантов, проник-

ших через линию фронта, не находите, читатель? Полководцев масштаба Петра бросают только на серьезные сражения. И они, как, например, Петр, эти сражения иногда проигрывают. Ибо, закончись бой победой византийцев, в труде Диакона он, конечно, стал бы не "стычкой", а генеральным сражением. Впрочем, о Диаконе, его братьях по перу и о войне Византии с Русью мы расскажем чуть позднее. Пока же закончим рассказ о приготовлении к войне противника нашего героя. Итак, Варда Склир и Петр должны были расположиться со своими войсками в пограничных областях и зимовать там, готовя воинов к боям в новых для них краях, при совершенно ином климате, и оберегать границу от русов. Как мы только что увидели, получалось последнее не всегда.

Третьим мероприятием Цимисхия была подготовка корпуса шпионов для засылания их в тыл врага. Для этой работы были необходимы люди, владевшие языками и болгар, и русов. Их снабжали "скифской", то есть русской одеждой, едва ли не снимавшейся с павших в боях русских воинов. Не хочу думать, что среди шпионов Цимисхия были крещеные русы из армии Византии. Все-таки русы и воины!

Все эти меры рисуют нам лицо Цимисхия — полководца и человека — с поразительной ясностью. Это уже не "православный крестоносец" Фока. Это умный, хитрый, расчетливый и циничный человек. Никаких нравственных ограничений у него нет. Ему нужна победа, победа любой ценой. Он охотно заплатит за нее своей честью и чужими жизнями. В общем, перед нами очередное подтверждение того портрета, что можно было нарисовать еще по дням заговора против Никифора. Амбициозный и беспринципный хищник, не ведающий запретных путей к единственному своему идеалу — Победе. Не победе Византии или православия, не победе Христа и богородицы — победе Иоанна Цимисхия! Противником может оказаться старый враг или вчерашний друг, христианин, мусульманин, язычник, вождь варваров или свой собственный государь — Цимисхию все равно. Задолго до Борджиа, Сфорца, Макиавелли православная Византия породила этот человеческий тип. В Никифоре Фоке могло найтись нечто, достойное уважения. Цимисхия, воплощавшего все наиболее мерзкие для руса черты Византии, Святослав мог лишь ненавидеть. словно сама Судьба, почитавшаяся язычниками, как сила, правившая и людьми, и Богами, поставила против нашего героя человека, во всем ему противоположного. Впрочем, довольно пока о нем.

Вернемся к войне, что вели два настолько разных человека, настолько разных народа, настолько разных державы и религии.

4. Меч над Царьградом.

*К вам средь моря иль средь суши
Проложу себе дорогу
И заране ваши души
Обрекаю Чернобогу!*

А. К. Толстой "Боривой".

Очень показательное сказание, которым начинается рассказ об этой войне летопись. Она говорит, будто греки, якобы испугавшись войны со Святославом, прислали посольство с согласием на уплату дани. Послы также смиренно просили сообщить им число русских воинов, для установления размера этой дани. Святослав, чтобы дань была больше, вдвое завысил число своих воинов. Но хитрые ромеи интересовались численностью русских полков вовсе не для уплаты дани. "Выведав" путем этой несложной уловки количество бойцов Святослава, они выдвинули вдвое большее войско. Князь оказался лицом к лицу с четырехкратно превосходящим его воинством полчищем византийцев. "Ибо лживы греки и до сего дня", добавляет летописец.

Очевидно, в этом простодушном предании отразились впечатления русов от столкновения с методами агентурной работы той самой шпионской сети Цимисхия. Хотя странно представление здесь русского князя таким мелочным корыстолюбцем, занимающимся самыми настоящими приписками. Это противоречит всем данным той же летописи и прочих источников.

Но для нас сейчас любопытен не сам рассказ чернеца-летописца. Обратим внимание на последние его слова. Это не единичный навет обиженного за предков славянина. Точно так же о характере подданных Второго Рима — двуличных, коварных, изворотливых лгунов — отзываются европейцы. Хитрость, как их основную черту, подчеркивает Исидор Севильский (VI-VII вв.), а папа Иоанн VIII упрекает их в лукавстве. Анастасий Библиотекарь уточняет: греки исполнены "лукавства, точнее, коварства". А вот как знакомый нам злоязыкий лангобард Лиутпранд отзывается о Фоке: "Речь у него — бесстыжая. По уму он — лисица, по вероломству и лживости подобен Уллису". Фока, как мы помним, на фоне своих соплеменников выглядел довольно бесхитростным человеком. И даже азиат Дизавул, каган тюрок, разгневанный лицемерием и изворотливостью византийских послов, заметил им: "У вас, ромеев, десять языков, у меня — всего один".

Про славян источники ничего подобного не сообщают. Напротив, все, даже недоброжелательные к язычникам немецкие монахи, подчеркивают правдивость и честность славян. У их соседей скандинавов ни один скальд не посмел бы приписать своему вождю деяний, которых тот не совершал. Это считалось не хвалой, а оскорблением и насмешкой.

К чему это я? К тому, читатель, что у очень многих историков складывается странноватая привычка судить об отношениях Византии с русами исключительно по византийским источникам. Не упоминают ромеи о победах русов — значит, не было их, это все русы выдумали. Мы уже встречались с этой разновидностью "критики источников", когда говорили о Вещем Олеге. Но то же самое пишут и про Игоря. Византийцы молчат об его победоносном походе в 944 году, о взятой на греках дани — стало быть, ничего этого не было, все выдумка русского летописца, из патриотических соображений приписавшего князю победу, которой он не совершал. Было только поражение 941, которое и хронисты Второго Рима, и русские летописи описывают примерно одинаково. И в походе Святослава не было никаких побед над греками, ведь Скилица, Зонара, Диакон ничего об этом не пишут!

Нет, не пишут. Если судить о Балканской кампании Цимисхия по источникам Второго Рима, то была это сплошная цепь "побед и одолений". То тут, то там очередной византийский удалец поражает безымянного варварского во-

ждя, после чего "россы" исправно обращаются в бегство. Вот так они и бежали... до Аркадиополя, который отделяло от столицы империи всего дня два пути. Впечатление складывается такое, будто непобедимое воинство Византии гнало врага на собственную столицу! А чего стоят несусветные множества русов, от шестидесяти тысяч у Диакона, до... 308 тысяч у Скилицы. Или доблестные победы имперской армии над этими ордами, в которых византийцы теряли, скажем, пятьдесят пять воинов, а их противники — "более двадцати тысяч". Да... тут уж все агитпропы XX века вкупе с "Кавказ-центром" Мовлади Удугова просто отдыхают.

Именно по освещению авторами Восточно-Римской империи войны с русами можно судить об их правдивости. Она, "правдивость" эта, полностью укладывается в общее мнение современников-соседей о греках. "Ибо лживы греки и до сего дня...". Пропаганда, обычная военная пропаганда, по меркам XX века иногда наивная и безыскусная, но для раннего Средневековья — оголтелая, безоглядная брехня. Зерна правды из нее приходится добывать, как жемчужное зерно из той кучи. На наше счастье, историки Второго Рима жили все же не в XX веке, и часто проговариваются, как это вышло с "поединком" патриция Петра.

Как же рассказать о Балканском походе нашего героя? По русским летописям? Но их писали через много лет после похода, а большинство его участников погибло. Придется использовать крупницы сведений и оттуда, и отсюда. Кое-что можно почерпнуть из независимых источников, вроде армян или арабов, кое-что — восстанавливать по косвенным данным. И еще — сильно помогают сведения о воцарившейся в Константинополе в это время самой настоящей панике.

Мы уже говорили о барельефе-пророчестве, изображавшем разрушение Царя городов русами. Вообще, славяне и русы были давним кошмаром Константинополя. Мало кто знает, что "Акафист богородице" ("Взбранной воеводе"), сложенный не то Романом Сладкопевцем, не то патриархом Сергием, создан во время нападения на Константинополь русов в VII веке. Акафист этот перешел и в русскую церковь, и тысячу лет русские князья, цари и императоры просили победы и воодушевлялись на брань строками, прославлявшими разгром и гибель их предков. Такая вот исконно русская религия... но это — к слову.

Об ужасе, охватившем Константинополь при известии о приближении Святослава, в самом прямом смысле вопиют камни. Сохранилась эпитафия, начертанная на саркофаге Никифора Фоки новым патриархом, Иоанном Милитинским. Старый, Полиевкт, к тому времени преставился — не то взяли, наконец, свое немалые годы желчного старика, не то армянин-император счел, что дешевле будет разориться на дозу известного снадобья, чем и дальше ссориться на виду у державы с вздорным первосвященником.

Вот строки из этой эпитафии:

"Ныне встань, владыка, построай фаланги и полки своего войска: на нас устремилось русское всеоружие. Скифские племена рвутся к убийствам. Все те народы, которые раньше трепетали от одного твоего образа, грабят твой город. Если же не сделаешь этого — дай нам приют в твоей могиле!".

Свидетельство, что и говорить, красноречивое. Особенно, если помнить, что его выгравировал посреди столицы на гробнице убитого глава имперской

церкви, а на престоле в это время сидел убийца. Ужас перед Святославом сделал то, что не всегда удавалось страху божьему — пересилил страх пред государством!

Вот что пишет в это время византийский поэт Иоанн Геометр:

А кто опишет бедствия на Западе?

Там скифов орды рыщут вдоль и поперек,

Вольготно им, как будто на своей земле!

Иссяк источник силы, чести, мужества...

Повергнуты во прах большие города;

Где люди жили, там сейчас коней пасут.

О, как мне не заплакать, поглядев вокруг!

Горят поля, деревни гибнут в пламени.

Но что с тобой, Византий, город царственный?

Ты бедами всех превзошел, как раньше всех

Превосходил благополучьем — каждый день

Не ты ль трясешься, рушишь стены, весь дрожишь?

Из тех, кого ты вырастил своим теплом,

Одни уж пали в битвах, посеченные...

Другие ж бросили прекрасные дворцы,

Бегут в ущелья, на пустынных островах

Нашли убежище, от страха чуть дыша...

Заслуживает внимания, что поэт, мирянин, заканчивает стихотворение отчаянным воплем к христианскому небу, к Спасителю. А патриарх, глава церкви, взывает к мертвому императору. В одном этом — чудовищный лик паники, рушащей веру в привычное, повседневное, заставляющее искать крайних средств.

Поверив летописцам Второго Рима, мы не поймем их современников. Но все становится ясным, если предположить, что старательно расписанные Скилицей и Диаконом уже после гибели нашего героя "победы" их земляков — и впрямь победы в поединках с безымянными русами. Поединках, происходивших на фоне проигранных имперскими войсками сражений.

Под Адрианополем против русского войска вновь выставили патриция Петра.

А. Н. Сахаров предположил, что именно про это сражение сохранилась память в летописи, как про битву, где Святославу противостояло вчетверо превосходящее его численно войско. Именно там, по мнению историка, Святослав произнес свои ставшие бессмертными слова:

"Некуда нам деться, надо биться — волею или неволей. Не посрадим земли Русской, но ляжем здесь костями, ибо мертвые сраму не имут. Если же победим — будет нам срам. Так не победим же, но встанем крепко. Я буду впереди вас. Если паду я — сами о себе позаботьтесь".

И дружина ответила, как и надлежало "мужам крови":

"Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим".

Впрочем, другие относят эти слова к Аркадиопольской битве или даже к страшному Доростольскому сидению.

Важно другое. По словам того же А. Н. Сахарова, после этой битвы храбрый скопец со своим войском исчезает из византийских летописей.

Перенесемся, читатель, в последний раз в Город царей. Перенесемся в те

дни, когда вольнодумец-поэт вспомнил о небесах, а патриарх молил мертвеца об убежище в его гробу — для себя и всех православных. Пройдем по его улицам, вдохнем пропахший едкой, словно дым пожарами, паникой воздух.

Вон толпа уличных босяков встревожено окружила инока, почтительно внимая строкам пророчества о "князе Рос". И кто-то испуганно спрашивает: "Отец, а имя его, Сфентослава этого самого — оно как будет по-нашему?"

Инок хмурится. Трудный вопрос, хотя многие жители Царя городов понимают с пятого на десятое язык варваров, торгующих с ними, служащих в императорском войске.

"Сфен-то-слав... это будет... это по-нашему... по-нашему — Люциф..."

И осекается, испуганно захлопнув сморщенной ладошкой рот.

Поздно. Услышали. Поняли.

Да и чего уж тут не понять...

Вон, что ни день — идут с запада подводы с беженцами. После того, как пал перед варваром Адрианополь — только на столичные стены и надежда, да на святыни града Константинова. Иные — чуть не из самой Мизии-Болгарии бредут. И каждый рассказывает о знаменах цвета адского пламени, о вышитых на них поганских знаках — птице хищной, что на вилы бесовские похожа, и кресте с богохульно переломанными концами.

И про стального вепря бронированной пехоты варваров. И про черные стаи диких всадников, "гуннов"-мадьяр и печенегов, кружащие вдоль его пути. Помните, у Иоанна Геометра: "Горят поля, деревни гибнут в пламени".

Воет над Константинополем сорвавшийся с цепи Северный ветер. Слово до срока, до конца земного мира, вырвался из оков Тот, кого когда-то приковали к нему архангелы.

А может — срок?

Мы уже говорили, что в те годы христиане и на Востоке, и на Западе ожидали конца мира. В труде того же Диакона это ожидание сквозит очень явственно. И кого должны были видеть христиане города царей в непобедимом язычнике, идущем на их город от северных "Ворот зла", очень хорошо можно представить.

И впрямь — в пору политического убежища в гробу искать.

К Царю городов подходили авары и арабы, болгары и венгры. Но никогда враг, стоявший у стен города, не вызывал такого страха. Священники и патриархи привычно молились Христу, поэты столь же привычно прославляли оружие императора — вполне здравствующего — если вообще замечали, творческие натуры, со своих парнасов какую-то суету грязных варваров и грубой солдатни у древних стен Византия. Лишь один раз патриарх воззвал к мертвецу, прося спрятать его в могиле, лишь один раз поэт возопил к богу, и вспомнил о грехе и покаянии...

Остановить русов войска Второго Рима смогли лишь под городом Аркадиополем. Ныне это Люле-Бургаз в Турции. Читатель может взять атлас или карту этой страны с указанием масштаба и проверить по линейке — от Константинополя, ныне Стамбула, поле битвы отделяли 120 километров. Два дня пути по хорошей дороге — а дороги в этой части империи сохранились еще с римских времен. Два дня пути отделяло Святослава от воплощения его мечты, от пира на руинах Константинополя. "За малым не дошел Царьграда" — отмечает летопись.

Впрочем, об этой битве — потом. Рассказ о ней полон недомолвок и загадочен — а ведь именно эта битва решила судьбу войны. Он заслуживает особой главки. Именно эта битва явилась одной из тех самых развилок истории, о которых сейчас так любят рассуждать и историки, и писатели-фантасты. На нее, однако, не обращают внимания, начиная рассказ о вероятностях в истории Руси с ее крещения. А что, мол, если бы Русь приняла ислам, или западный вариант христианства? Хоть где-нибудь прочитайте бы — а что могло произойти, продержись Русь в язычестве еще век-другой, как Литва, или вообще сохрани она древнюю веру до наших дней, как Индия или Япония? Но нет — и в христианах, и в атеистах крепко засело, что язычество — это "первобытность" и "племена"... как будто не бывало в истории языческих империй и до, и после Святослава!

Между тем такой православный автор, как Вадим Кожинов, при всем своем несочувствии язычеству, подчеркивает, что на те рубежи международных отношений, на которых стояла Русь X века, христианская Россия выйдет лишь к XVIII столетию. А видный историк И. Я. Фроянов еще в 1988 году писал, что возможности языческого общества на Руси X века далеко еще не были исчерпаны.

Даже если бы Святослав не взял Константинополя, а только осадил его, как Симеон или, точнее, как Крум, история могла бы измениться серьезнейшим образом.

Недавно еще за незыблемую истину почиталась — естественно, на словах — невероятная глупость: история-де не терпит сослагательного наклонения. Естественно, это "правило" то и дело нарушали. Ведь как оценить то или иное событие, не прикинув хоть на глазок — а что было бы, если б все обернулось по другому? Вот вам и сослагательное наклонение готово. Поэтому, читатель, не обращайтесь внимания на попугаев, затвердивших эту нелепую фразу. История, возможно, его и не знает, а вот историкам без сослагательного наклонения шагу не шагнуть.

В те времена Второй Рим раздирали распря между столичной бюрократией и местной военной знатью. Помните топарха и его "советников"? Вот так было по всей империи. И если бы столицу взяли штурмом варвары, местная военная знать растащила бы империю на княжества. Ведь, кроме бюрократии, в империи не было иных сильных централизованных структур. На Западе полному распаду препятствовала церковь с папой во главе, а на Востоке церковь была элементом бюрократической машины. От потери столицы Византия бы уже не оправилась, и превратилась бы в федерацию полунезависимых феодальных державок, масштаба Грузии.

А Средневековье без Византии — это совсем иное Средневековье. И не только в смысле сильной и независимой Грузии, которой не пришлось бы воевать на два фронта — с мусульманами и хищными "братьями по вере". И даже не в смысле на век-другой отложенного (а то и вовсе не случившегося) крещения Руси. Это и совсем иная Европа. Василий II никогда не переселит в Болгарию павликиан из Малой Азии. И эта ересь так и останется одним из пятен в ярком и пестром ковре Востока. В крайнем случае, станет государственной религией в одном из остатков Византии, как ересь монофизитов в Армении. Но не будет богомилов, не будет и катаров, и альбигойцев. А значит, не возникнет созданная в нашем мире для борьбы с этими ересями инквизиция. И суровый

рыцарь Симон де Монфор, и строгий монах Доминик прославятся чем-нибудь совсем другим. Это раз. Не возникнут также трубадуры и труверы с миннезингерами — вся эта полувосточная-полухристианская певчая братия, пропитанная идеями альбигойцев. А это направит по другому пути всю культуру и искусство Запада. Скажу одно — это принципиально иное отношение к любви и к женщине. Это два. "Аристотелева революция" Фомы Аквинского тоже пройдет как-то совсем иначе. Потому что не будет ни угрозы "манихеев" из катарского Лангедока, ни притока греческой философской литературы с ее вопросами и ее ответами на основные вопросы бытия. Это три.

Иная церковь. Иная культура. Иная философия. Даже архитектура не переживет того византийского влияния, что в XII-XIII веках смыло тяжеловесность романского стиля. Будет что-то другое, совсем другое.

Вот какое влияние на мир окажет только уничтожение Царьграда. А оно "технически" было вполне возможно. За плечами Святослава стояла огромная северная Держава — не кочевые становья полудиких мадьяр, не небольшие государства болгар или аваров. Крестоносцы Константинополь взяли. Вооружены они в 1204 году были немногим лучше воинов Святослава, а организованы, не имея единого вождя, говоря на разных языках, и вовсе хуже.

Но ведь изменения не ограничатся исчезновением Второго Рима. Будет та самая северная Держава, от Волги до Адриатики, от Ладоги до Пелопоннеса... то есть, в этом варианте, конечно, Мореи. Со столицей в Переяславце... то есть, конечно, Переяславле Дунайском, в устье главной реки Европы. И не важно, что она вряд ли переживет своего основателя. Пусть его сыновья или даже внуки поделят ее. Нужно только, чтобы Святослав прожил еще лет двадцать пять-тридцать. Чтоб выросла поколение, привыкшее к существованию в едином культовом, культурном и геополитическом пространстве. Привыкшее смотреть на достижения культуры Средиземноморья не как на откровения Неба, а как на добычу отцов. Чтобы были свои каменные здания, а не подражания чужеземным. И — чем рок не шутит — чтобы успела появиться действительно своя, русская (а не переводы с апокрифами) литература, на пять-шесть веков раньше, чем в нашей реальности. Чтобы славяне покрепче уцепились корнями за плодороднейшие черноземы Дона и Кубани. Одно поколение — и никаким половцам не выжить их оттуда. И не будет набегов каждые три года. И "Волга, и Поморье, и Посулье, и Сурож, и Корсунь, и Тмутаракань" никогда не станут для русов "землей неизвестной", становьем степных хищников. И Орда три века спустя упрется в густозаселенную богатую и сильную страну вольнолюбивых, привычных к оружию (казаки!) подданных потомков Сфенга Тмутараканского. Как в нашей истории она уперлась в языческую Литву. Уже одно это — Русь без Орды и ига, несожженный Киев... даже если эта страна и примет христианство — это уже совсем иная Русь.

На западе эта держава станет за спиной варяжских княжеств по Лабе и Балтике. Даже если и не включит их в себя — они больше не будут загнанными, обреченными бойцами против всего христианства Европы. Христианская Польша князя Мешко не осмелится бить им в спины, опасаясь, в свой черед, поворачиваться спиной к русам — родичам и единоверцам варягов. А когда в Польше запылывает восстание язычника Маслава, кто-нибудь из Святославичей может и воспользоваться моментом. На самой Балтике авторитет исполнинской языческой империи Рюриковичей станет гарантом торговли венд-

ских городов со странами Востока. С оглядкой на восточного великана погодят креститься многие вожди в Скандинавии — а это не одно лишнее десятилетие эпохи викингов. Славянские колонии в норманнских землях не заглохнут, а сохранятся. В целом для язычников и христиан Средней Европы русы станут противовесом германцам и в мирной жизни, и в военных делах.

Вот на северо-востоке дела будут похуже. Гнет азиатской религии, а с XV века — и полуазиатского государства не будет выжимать варягов-новгородцев в безлюдные пустыни Севера. Такими темпами Русь нескоро дойдет до Тихого океана — если вообще дойдет.

А зачем, собственно? Ведь Русь Святослава осуществит мечту геополитиков XX века — осуществит "непрерывную пространственную связь между Северным морем и Персидским заливом" (Артур Дикс), захватив "европейскую геополитическую диагональ". Так на кой шут русам захватывать дикие земли — и дичать там самим рядом с их дикими племенами?

В этом варианте истории нет никакой "Евразийской державы". Русь — это четкость границы, рубеж между азиатами и Европой. Ничего смутного, "вечно бабьего", никакой безответственности, бесформенности, бестолочи, безалаберности, безобразности. Гораздо меньше грязи, скотства и рабства, столь любезных нашим "евразийцам"-азиопцам, пытающимся выдать их за некую исконно русскую "особость". Здесь Константин Леонтьев не станет сетовать, что понятие "славизма", "славянской культуры" не имеет образа, четкой формы. Здесь Алексей Толстой не сложит горьких стихов про то, как "наглотавшись татарщины всласть, вы Русью ее назовете".

Сталь волн Варяжского моря. Сталь глаз соколят из Рюрикова гнезда. Ясность. Четкость. Ответственность. Прямые полосы тяжелых клинков, беспощадных и справедливых, несущих честное имя кузнеца-руса на своих стальных телах. Четкость строя "стены" кольчужников-русов и четкость каст-"родов". То, что пытался выразить в своих полотнах прозревший сквозь века Константин Васильев. Не мутненькая холопья славянщина "голубиных народцев" и "мужичка-богоносца", а стальная ясность славянства — жрецов, воинов, господ.

Вот она — несбывшаяся Русь. Уже в XII-XIII веках это необратимо иная страна в необратимо ином мире.

Несбывшаяся. Под городом Аркадиополем в провинции Фракия колесо на прялке Макоши-Судьбы повернуло в другую сторону. Что ж, пора поведать об этой битве, воистину изменившей мир.

5. Битва загадок.

*Не корова лижет соль языком,
Ветер в полюшке ласкает траву.
Возвратился юный князь в отчий дом.
Осень сбила крылом смерти листву.
Будут долго тучи плакать навзрыд
Будут долго листья плыть по реке.
Взгляд яснее стал; и сокол парит,
Отражаясь на остывшем клинке.*

Велеслав "Юный князь".

Кажется, что ничего нельзя придумать однозначнее битвы. Вот павший побежденный, вот торжествующий победитель. Так может подумать кто угодно, но только не историк. И дело не только в неполноте или неточности источников, хотя и она вносит немало путаницы. Это, пожалуй, еще мягко сказано — источник способен вообще перевернуть факты с ног на голову.

Вот пара таких примеров. Расшифровав египетские иероглифы, ученые, помимо прочего, узнали, как фараон Рамсес II в страшной битве при Кадеше одолел малоазиатское племя хеттов, северного соседа Страны Пирамид. Перечислялись побежденные полководцы царя хеттов, хвастливо описывалась добыча и гордо — названия воинских частей египтян-победителей. Все историки так и записали — при Кадеше Рамсес разгромил хеттов. Эта битва вошла во все учебники военного дела. Дельбрюки и Клаузевицы вычерчивали схемы битвы при Кадеше, стараясь вычислить, откуда какое египетское войско ударило на злокозненных северян.

На немногочисленных историков, умудрившихся заметить, что после этой эпохальной победы граница между хеттами и египтянами сильно сдвинулась... к югу, смотрели, как Петрухин на антинорманиста. То есть, как на чудака, неведомо зачем наводящего тень на ясный день. Да и как могли хетты одолеть Рамзеса? Ведь про хеттов историки почти ничего не знали, и, следовательно, они были дикари и варвары. А египтян историки знали очень хорошо, знали, что у них было государство, пирамиды, храмы. Не понятно ли, кто тут одержал победу, а кто — просто не мог ее одержать? Так что не лезьте со своими глупыми границами и прочими — ха-ха — фактами.

Уверяю вас, читатель, я далек от шуток. Образцы такой же точно логики наполняют сегодня ученые книги об отношениях Руси и Второго Рима.

Так продолжалось до тех пор, пока в начале XX века чешский археолог Бедржих Грозный не расшифровал письма хеттов. И тогда ученые прочли надпись хеттского царя в честь славной победы при Кадеше, где доблестные хетты наголову разгромили подлого Рамзеса и его нечестивцев-египтян. Тут уж пришлось вспомнить "чудаков" с их границами. И конечно, выяснилось, что множество маститых, видных ученых просто "не так поняли", что они всегда сочувствовали этим "чудакам", а смеялись над ними в своих статьях — так, для виду.

Впрочем, в учебниках и популярных книжках для детей по сию пору расписывается великая победа могучего Рамсеса над хеттами в битве при Кадеше.

Я бы не вспомнил об этой истории, но в нашей истории тоже существует такая "битва при Кадеше". Это война хазарина Пейсаха против руса Х-л-гу из так называемого "Кембриджского документа". Его анонимный автор рассказывает, как Пейсах победил Х-л-гу, напавшего по наущению "злодея Романа" на хазар, и заставил его воевать против самого Романа. Там Х-л-гу был побежден огнем, бежал оттуда в Персию, где и погиб.

И вот на основании этого документа Л. Гумилев и В. Кожинов рассказывают ужасные истории о победе хазар не то над Игорем, не то над самими Вещим Олегом, осаде Киева (про которую в документе ни слова) и т. п.

И совершенно не обращают внимания, что ни один современник Олега и

Игоря почему-то не знает об их "зависимости" от хазар. Что Лев Диакон называет русским "Босфор Киммерийский", а Масуди называет "русской рекой" Дон, что никак не сочетается с "зависимостью". Сколько на сей раз ждать, пока историки обратят внимание на такую мелочь, как государственные границы?

"Кембриджский документ" — это просто очередная "битва при Кадеше", попытка задним числом превратить поражение в победу. Странно, почему столь строгие к данным летописца историки так доверчиво уверовали в этот клочок пергамента. Хотя... они и летописные байки глотают, словно голодные птенцы, не задумываясь, лишь бы там говорилось о проигрышах русов (вспомним историю "Игорева смерти"). Нет, странные все-таки люди.

Но битва при Аркадиополе не из этого числа.

У нас есть несколько описаний этого сражения — особенно, если считать, что описанная в летописи битва Святослава с греками — это и есть аркадиопольское сражение.

Но все равно невозможно понять, кто победил в этой битве. То же, что с битвой на Каталаунских полях, что с битвой при Бородино. Историю этих битв писала победившая в войне сторона — и они превращались в ее победы. Но когда всматриваешься в источники повнимательней, однозначность исчезает. Так и с битвой при Аркадиополе. Мы достоверно знаем, что после нее в войне русов с империей наступила передышка. Но кто победил?

Поверить византийским летописцам очень трудно. И не только из-за подробностей, достойных Удугова или Мюнхгаузена. Да-да, та самая битва, где ромеи, по Диакону, потеряли-де пятьдесят пять бойцов, а "россы" — свыше двадцати тысяч. На одного византийца — пятьсот русов? Воля ваша, читатель, но таких соотношений потерь не было, наверно, даже в колониальных войнах другой, Британской империи, где brave Томми Аткинсы садили из автоматических винтовок по полуголым зулусам и масаям, прикрытым лишь щитами из зебровых шкур. Но Скилица собрата по перу переплюнул. У него из трехсот восьми тысяч русов, вкупе с "порабощенными" болгарами, "пацинаками"-печенегами и "турками"-мадьярами, "только совсем немногие спаслись", а византийское войско потеряло... 25 человек!!! Да кто после такой победы вообще сопротивлялся ромеям? На кого на следующий год пошел в поход Цимисхий?

И еще — в таком случае русского летописца снова придется заподозрить во вранье из "патриотических соображений". Он ведь пишет, что поход Святослава на Царьград закончился выплатой греками контрибуции-"дани" русскому князю и его войску. Опять-таки, воля ваша, но тут в патриотическом вранье легче заподозрить кое-кого другого. По крайности, наш летописец не жонглирует такими фантастическими цифрами. Более того, один раз в описании Балканского похода он явно грешит против истины, причем отнюдь не патриотично. Он пишет, что окончательный мирный договор этой войны был заключен русскими послами, пришедшими к Иоанну Цимисхию "в Доростол". То есть император вроде бы взял этот город, чего не утверждают даже греческие удуговы — Диакон со Скилицей. Доростол как раз и был последней твердыней русов на Балканах. Договор с Цимисхием был заключен под ним, что летописец, очевидно, и понял неправильно. Так что летописца в чем — в чем, а в чрезмерном патриотизме не обвинишь. Так же, как его коллег из Второго Рима — в чрезмерной преданности фактам.

Тогда получается — победили русы? И опять-таки не выходит. Главкомандующего имперской армией под Аркадиополем, одного из талантливейших полководцев Восточного Рима, Варду Склира после этой битвы отсылают на восток. Не против арабов, а на подавление мятежа в восточных провинциях империи. Его поднял Варда Фока, родственник убитого императора, а шла за ним местная знать, воины и землевладельцы, опирающиеся на крестьянские общины, предпочитавшие служить близкому господину, а не кормить налогами и податями бездонное брюхо чиновничьего Константинополя. Помните, читатель, мы с вами говорили о раздоре между столичной и местной знатью? Вот это он и есть, так сказать, в действии. Но если бы над столицей висели войска победоносных варваров — кто бы отправил лучшего полководца на подавление какого-то мятежа в дальней провинции? Кто спасает ногу ценой головы? Да и как, в таком случае, Царьграду удалось бы избежать если не уничтожения, то хотя бы осады?

Единственный вывод, позволяющий согласовать и объяснить все имеющиеся у нас данные — в чудовищной сече с армией Варды Склира не получила преимущества ни одна из сторон. Даже Диакон, при всех его вольностях, сообщает, что "успех битвы склонялся то в пользу одного, то в пользу другого войска и непостоянство счастья переходило бесперечь с одной стороны на другую". Не было победителей. Войско Святослава не смогли разбить лучшие воины империи. Его удалось только остановить. Только убедить пойти на переговоры.

Попробуем реконструировать ход битвы, исходя из того, что византийские авторы не погрешили против истины в описаниях деталей хода сражения, а наш летописец — в общей оценке его итогов.

Итак, при приближении варварского войска Варда Склир с войском заперся за стенами Аркадиополя. К битве он приступил, выйдя ночью, тайком, из города, и расположив на местности засадные полки. В разведку навстречу неприятелю он выслал отряд патриция Алакаса, крещеного печенег. Мда, арабы, сирийцы, армяне у нас уже были, даже один негр — только печенег в высоком сане патриция нам и не хватало! Патриции, настоящие патриции настоящего, первого Рима, наверняка перевернулись в своих мраморных склепах, когда этим саном наградили дикаря, родившегося в кибитке и не стыдившегося поедать своих вшей!

Крещеный печенег столкнулся с конницей своих сородичей и отрядами мадьяр. Притворным бегством он заманил степняков в расположение византийских войск. Те, привыкнув, очевидно, к зрелищу удирающей от них византийской кавалерии, ничего не заподозрили и на полном скаку влетели в засаду. Очень возможно, что конникам враждующих племен помутило разум и соперничество, стремление первыми настичь улепетывающих ромеев, захватить добычу (Склир наверняка нарядил своих "живцов", как на парад), и отличиться пред Святославом.

Пропели трубы условный сигнал, и за спиной кочевников повалила из укрытия, торопливо смыкая строй, пехота из засадного полка. А навстречу им на неторопливо — покуда неторопливо — ступающих исполинских жеребцах выехали закованные в латы клибанофоры-броненосцы. Когда-то печенеги мгновенно бросились бы наутек, и возможно, многие бы успели спастись. Помните: "отступление их тяжело и легко в одно и то же время, тяжело от

множества добычи, легко от стремительности бегства"? Но... эти печенеги слишком долго воевали рядом с русами. Слишком долго шли под стягами Святослава. Может быть, они отвыкли бежать, привыкнув быть частью непобедимой силы? Или... или дикари усвоили русское убеждение в постыдности бегства? Как бы то ни было, печенеги не побежали. Они атаковали окруживших их ромеев. И погибли все.

Любопытно, Алакас испытал хоть что-нибудь, глядя на истребление заманенных им в ловушку сородичей? Или настолько уж проникся христианской заповедью "Кто не отречется от брата своего ради Меня, тот не достоин Меня"?

В это время Варда Склир с главными силами ударил на войска русов. Битва длилась долго. У обоих византийцев ее описание наполнено типовыми лубочными образами поединков византийских удальцов с огромными и страшными русами, в которых, конечно, неизменно побеждают христиане. Однако один такой поединок неизменно привлекает внимание. Некий "скиф, гордившийся размерами тела и неустрашимостью души", в "блестящих доспехах", возбуждал мужество в своих воинах. Варда напал на него. Рус ударил мечом византийского полководца. Однако шлем Варды выдержал удар, а сам магистр страшным ответным ударом развалил противника надвое. Этот поединок переломил, согласно византийским авторам, ход сражения.

Без прикрытия с флангов, которое осуществляли печенеги, боевые построения основной силы Святослава, тяжелой пехоты, были очень уязвимы для атак византийской кавалерии — тяжелых клибанофоров и легких акритов. Поэтому не удивительно, что воины Святослава не вышли победителями в этой битве. А вот в их бегство с поля сражения я верю не больше, чем в цифры потерь у Скилицы. Скорее всего, Варда отошел назад в крепость, а понесшее тяжкие потери войско русов отступило в свой лагерь.

Следует также отметить, что приемы войны, использованные Вардой Склиром против Святослава — заманивание врага ложным бегством в ловушку, засадные полки, по сигналу бьющие в спину неприятелю — все до одного были азиатскими. Столь же азиатскими, как, скажем, кривые сабли. На Руси их впервые применили в Куликовской битве, причем, как справедливо отмечал писатель С. П. Бородин в романе "Дмитрий Донской", происходили эти приемы прямоком из заветов азиата Чингиза. В Европе подобного не было до самого конца Средневековья. Империя лишний раз обернулась к Европе варваров "своею азиатской рожей".

В этот момент к Аркадиополю и подошло высланное Иоанном Цимисхием посольство. Послы пришли в лагерь Святослава, просить о мире. И опять принесли золото. Святослав, не глядя на него, мотнул чубом: "Уберите". Послы, говорит летопись, возвратились к императору и доложили о провале своей миссии. Один из приближенных цесаря посоветовал попробовать еще раз, но в качестве даров послать варвару меч и прочее оружие. Святослав новый дар принял, и просил поблагодарить цесаря. "Лют будет муж сей, — доложили послы императору — богатством пренебрегает, а оружие любит". Дошло, слава те господи, с третьей попытки подкупа дошло! Советники предложили Цимисхию уплатить дань, чтобы отвести опасность от столицы.

Святослав дань принял, брал и на живых воинов, и на погибших — для их осиротевшей родни. Он согласился на мир. Слишком много русов полегло под Аркадиополем. Требовалось подкрепление, требовался отдых для войска. А

для этого нужна была передышка и мир. После Аркадиополя Царьград мог оказаться русскому войску не по силам. Этот мир стоил князю союза с печенегами. Во всяком случае, под Аркадиополем печенеги шли в его войске, а в конце войны Святослав говорит: "печенеги с нами ратны". Скилица прямо утверждает, что печенеги "были раздражены тем, что он заключил с ромеями договор". Возможно, печенеги не простили Святославу мира с теми, кто убил, коварно заманив в засаду, их детей и братьев. Дикарям из степного племени были чужды абстракции вроде государственных нужд или соображений стратегии. Ничто не могло оправдать отказ от мести за побратимов! И еще — Святослав пошел на мир с врагом. Он поступил не как Бог, а как человек, он, бывший для степняков Богом Войны! Впервые он удовлетворился чем-то меньшим, чем полная покорность побежденных. Впервые согласился всего лишь на дань!

Страшное это чувство — разочарование в кумире. Печенеги, возможно, простили бы князю гибель сородичей, и мир с их убийцами. Но того, что Он, их бог, вдруг оказался всего лишь человеком, они простить не смогли.

Но что случилось с князем? Почему он все же пошел на этот мир, он, сам до тех пор рассуждавший исключительно категориями воинской чести, бывший идеальным вождем для русов, богом для их диких союзников. Что с ним случилось? Отчего он вдруг почувствовал себя всего лишь человеком?

После этой битвы Святослав производит страшное впечатление сломавшегося человека. Человека, разуверившегося в своей судьбе. Что случилось, что могло произойти? Не могло же так подействовать на воина и вождя банальнейшее поражение в битве! Тем паче, что и поражения-то, как такового, скорее всего, не было.

Здесь я снова вступаю на тропку предположений. Мне кажется, ответ на этот вопрос скрывают два других вопроса.

Почему Святослав так благодарил цесаря за подарок? Мечи у византийцев вовсе не отличались таким уж отличным качеством скорее, наоборот. Арабы, столь восторженно оценивавшие русские клинки, о мечах ромеев отзывались более чем сдержано. Да и сами воины Второго Рима в эту войну не стыдились обшаривать поля сражений, собирая мечи убитых русов. Тем самым они без слов, но очень красноречиво высказались о качестве своих и русских мечей. Престижность подарка? Но Святослав вовсе не трепетал перед престижем цесарей Византии, лично же к Цимисхию он, как покажут дальнейшие события, питал лишь заслуженное презрение.

Так, может быть, правильной будет поставить вопрос по-иному: чей меч принесли Святославу византийские послы? Чье оружие?

Второй вопрос: кого убил под Аркадиополем Варда Склир?

В описание этого поединка многое вызывает, скажем так, сомнения. Как я только что сказал, клинки византийцев не блистали качеством. Не были они и тяжелыми рыцарскими мечами. Вспомним малоприятные подробности смерти Никифора Фоки. Помните, как несчастному императору били "по щекам" рукоятями мечей, вышибая зубы, а он бормотал молитвы к богородице? Если бы злополучного Фоку ударили бы рукоятью русского "харалужного", каролингского клинка, ему, как минимум, напроочь разнесли бы кость челюсти, если не убили бы попросту на месте. Меч византийцев той эпохи — это легкая кавалерийская спата, подобие позднейшей шашки. Зарубить ей, конечно,

можно. Но разрубить пополам защищенное доспехами тело? Не верю. Да и Варда Склир отнюдь не был богатырем. Во всяком случае, нигде не говорится про его сверхъестественную силу. В общем же все описания русов и славян византийцами и людьми схожего с ними телосложения — арабами, сирийцами — начиная с VI века, с Феофилакта Симмокаты и Захарии Ритора наперебой твердят, что это "люди с огромным телом", император "удивлялся величине их тел", "они высоки и стройны, как будто пальмовые деревья" и т. п.

Так как же ромейский клинок мог развалить надвое руса в доспехах? По моему, это могло случиться лишь в одном случае.

Если рус этот не был взрослым мужчиной.

Романтически настроенный читатель может предположить, что вместе со Святославом в поход отправилась одна из жен, настолько любившая молодого государя (нашему герою 28 лет), и так сильно любимая им, что у них не было сил перенести разлуку. Вообще-то это вполне вероятно. Позднее византийские мародеры будут находить на полях битв женщин в русских доспехах, так же, как после разгрома под Константинополем в VII веке, того самого, про который сложен "Акафист богородице". "Небесную царицу" благодарили и за гибель русских женщин... и этими самыми словами их правнуки будут славить ее же за "защиту" православной Руси.

Но мне самому представляется более вероятным иной вариант. Возможно ли, чтобы Святослав всех своих сыновей оставил в Киеве, на попечение и воспитание не очень любимой матери? Ему самому было два года, когда от его лица говорил посол Вуегаст на переговорах с Византией, четыре — когда пришлось ехать впереди войска на бой с древлянами. Он был сиротой, но не был сиротой Владимир Мономах, в 13 лет с отцовской дружиной отправляясь в опасный путь по земле вятичей. И младший сын Игоря Святославича, Олег, в десять лет отправившийся с отцом на половцев, тоже сиротой не был.

Где место сыну князя? С обряда постригов, что совершали над трех, пяти, семилетним мальцом, его место с мужчинами, с воинами. С отцом.

Мы ведь уже знаем ("Сфенг"!), что летопись называет не всех сыновей Святослава Храброго. Так что он вполне мог быть, этот действительно "отличавшийся размерами тела" от прочих воинов вождь русов. Мы даже не знаем его имени. Просто Княжич...

У молодости острые глаза. И Княжич — так уж случилось — первым заметил, что воевода болгарских язычников-скамаров заваливается в седле, пробитый стрелой. Что его молодцы, увидев это, начинают придерживать коней. А то и вовсе поворачивать.

Они сейчас побегут!

Княжич помнил, что рассказывал ему на привале старый скамар. Они никогда не сходились с латниками ромеев или царской дружины в открытом бою. Для них это — смерть. Поход вместе с "братушками господаря Светослава" — первый, в котором не они бегут от латников, а те убегают от них.

И еще Княжич помнил: "Велик зверь, а головы нет — так и полки без князя". А отец не успеет. Они с дядей Глебом — там, в переднем полку. И если сомнут болгар — ромеи пройдут в тыл и ударят им в спину...

У него был хороший печенежский конь. Отец старался, чтоб у него было только лучшее. И старый дядька-боярин только отчаянно крикнул вслед, да пришлось пригнуться к гриве и прищпорить коня, уходя от пятерни грид-

ня-телохранителя.

Они уже бегут!

Княжич, пришпоривая Печенега, несется туда, где разворачивают коней черноусые скамары. Сзади — топот коней телохранителей. Пусть, уже неважно, главное — другое, главное — успеть... — Стойте! Стойте! Перун! Перун с нами, братья!

Услышали ли? Неизвестно. Откуда-то сбоку — гремящая железной чешуей скала — ромейский конник. В черной кудлатой бороде — белый оскал. — Перун!

Меч, направленный нетвердой рукой подростка, соскальзывает с чужого шлема. В ответ взблескивает перечеркнувшая небо спата. И разрубленное пополам небо плещет кровью в лицо. — Пер... ру...

Спафарий-оруженосец магистра Фоки спрыгнул с коня. Ну и мечи у этих нехристей! Да и ножны с перевязью в золотых бляхах тоже хороши. Просто грех будет оставлять ее на зарубленном господином варвареныше...

Тело Княжича лежало на погребальном костре. Тела дядьки и гридней — на другом. Только этим мог гневный князь-отец наказать их — отпустивших его первенца на верную гибель, хуже того — допустившим, чтоб с его тела содрали перевязь с ножнами, а из коченеющих пальцев вырвали меч. Тот самый меч, которым он, Святослав, некогда благословил сына. Тот, с которым в руках он принял смерть.

Как он предстанет теперь перед Метателем Молний? Что скажет ему Золотоусый? Да, можно положить на костер и иной клинок, но это будет... все равно, что обвенчаться с сенной девкой вместо стоворенной невесты-княжны.

Даже себе Святослав не признавался, что мыслями о мече отгоняет чудовищную боль. Сын. Любимый сын, первенец. Именно его он видел на престоле огромной державы посреди Переяславля Дунайского.

Боги, Боги мои, за что?!

Когда ему доложили о появлении греческих послов, погасшие было глаза князя страшно вспыхнули.

Вот кто ляжет на костер сына. В ногах, как рабы или собаки — те самые собаки, с которыми рабы Мертвеца равняют чтящих Древних Богов.

Он приказал позвать послов. Сел, наслаждаясь ожиданием. Какие у них будут лица, когда поймут, зачем их позвали сюда...

Но он вскоре забыл обо всем этом. Забыл, когда воин в доспехах с золотой насечкой, с пышными белыми перьями на шлеме шагнул вперед, держа на протянутых руках меч.

Тот самый меч.

Князь вскочил, почти не слыша голоса толмача: "Божественный Иоанн Цимисхий выражает соболезнование катархонту россов и посылает...".

Тот самый. Узор рукояти с переплетенными в поединке чудовищами. Имя кузнеца на голомени. Красная кожа ножен и бляшка в виде Сокола, знака Рюриков.

Его сын не один уйдет сегодня за небо. Не один.

Слезы, которых он тщетно ждал весь этот страшный вечер, хлынули на скулы. Он сморгнул.

— Передайте... — голос сорвался, — Передайте мою благодарность... цесарю. Возможно, вот так все и было. "Я не могу ничего доказать. Я вижу — это го-

раздо важнее".

14. ДЛИННЫЕ СТЕНЫ ДОРОСТОЛА.

*Дымом горящих крад
Память в сердце стучится.
Проклят будь, Цареград!
Мертвых застыли лица.
Нет дороги назад.
Ветрам о скалы биться,
Вечно волнами яриться,
Брызги ронять в закат
Велеслав "Поход".*

1. Измена.

*А и где это слыхано, где видано:
Брат на брата с боем идет?!
Былина "Данила Ловчанин".*

Итак, Святослав заключил мир с Цимисхием. Русские войска, получив выкуп, покинули провинцию Фракия. В Болгарии и в Македонии хозяином оставался Святослав. Возможно, его даже устраивало такое положение. Ведь не Олег Вещий взял Саркел. Не взять Царьград — закрепиться на Балканах, создать здесь державу, что, пусть поколением позже, сможет свалить проклятый Город царей.

Беда была в том, что Цимисхий тоже отлично понимал, чем грозит его власти, его государству создание на Балканах языческой державы. К войне он готовился всерьез. Он употребил все силы к тому, чтобы развязать себе руки для войны на западе. Он торопил Варду Склира — надо поскорее покончить с мятежом Варды Фоки. Варда Склир, отправившись на восток, в охваченные мятежом провинции, действовал очень по-византийски. Для начала он снесся с вождем мятежников, уговаривая его сдаться на милость императора.

Варда Фока в милость Цимисхия верил слабо. Цимисхий убил его дядю, императора Никифора, а отца, того самого, ненавистного византийцам из-за спекуляции хлебом в голодные годы Льва Фоку вместе со старшим братом Варды, Никифором, ослепил и сослал на остров Лесбос. Сдаваться палачу своих родичей Фока не спешил.

Тогда Варда Склир отправил шпионов к его ближайшим сподвижникам, обещая полнейшее прощение и даже почести, если они предадут Фоку. Те, поразмыслив, решили, что синица в руках лучше журавля в небе, и вместе со своими войсками примкнули к имперской армии. Среди них были Симеон Ампел и патриций Андралест, двоюродный брат предводителя мятежников. Впрочем, магистр Варда Склир приходился своему мятежному тезке свояком — на сестре Фоки был женат его брат Константин Склир. Свояком был магистр и императору — его сестра Мария была Цимисхию первой женой. А сам армянин-самодержец был, как мы помним, двоюродным братом убитому им Никифору, и, таким образом, двоюродным же дядей вождю мятежа. Это не ис-

тория, а какая-то "Санта-Барбара", право! Сколько здесь родственных предательств, сколько братских убийств из-за угла...

Потрясенный предательством близких ему людей, Варда Склир обращался к оставшимся, заклиная не предавать его, уверяя, что победа еще возможна, напоминая о принесенных им клятвах, о боге. Те, истинные православные византийцы, слушали, кивали в нужных местах, крестились в нужных местах, а потом по ночам сбегали один за другим в лагерь Склира. В полном отчаянии Фока с тремя сотнями личной охраны тайком покинул лагерь и бежал в крепость Антигус. А на брошенных предводителем мятежников обрушился с непомерно разросшимся из-за перебежчиков войском Варда Склир. Уступавшие в числе, оставшиеся без командира воины Фоки сопротивлялись недолго. Всех их, захваченных в плен в лагере Фоки, Варда Склир приказал ослепить. Чтобы в следующий раз предавали побыстрее. Фока заперся в Антигусе, Склир осадил крепость, не переставая слать к мятежнику послов с требованиями сдачи, обещая сохранить жизнь и ему, и его близким. Иоанн торопил своего полководца. Мир, мир на востоке как можно быстрее! Армия нужна на западе!

Поразмыслив, Фока, прекрасно осознававший безнадежность своего положения, согласился. На сей раз Цимисхий сдержал обещание. Бунтаря всего лишь постригли в монахи и сослали вкуче с семьей на дальний остров в Средиземном море. А исполинская армия Склира, впитавшая в себя отряды перебежчиков Фоки и его последних защитников, двинулась на запад.

Не терял времени и сам Иоанн Цимисхий. Он, не скупясь, вербовал наемные армии ("Щедрость помогла ему собрать воинов", поясняет Скилица), начисто выскребал гарнизоны, толпами гнал из деревень рекрутов-стратиотов. Из Средиземного моря в Черное друнгарий-адмирал Лев вел армады грозного флота Восточного Рима. Сообщающие все эти сведения византийские авторы не упоминают об одном немаловажном обстоятельстве. А оно должно бы учитываться всяким, кто пишет про эту войну.

Для столь полного сосредоточения всех сил империи на единственном участке ее границы нужен мир со всеми соседями Второго Рима. Со всеми! Так и представляешь, как хмурится, оглаживая бороду, Повелитель Правоверных в Багдаде, внимая послам Цимисхия, как Аль Муиз, эмир Египта, кладет смуглую руку на рукоять меча Пророка — да благословит его Аллах и приветствует!

"Сват-Саклаб? Это тот, что жег мечети в Хазарии? Русы? Те, что тридцать лет назад захватили Бердаа? Да, конечно, мы подпишем мир. Не сказано ли в Коране: "самые близкие по любви к уверовавшим те, которые говорят "Мы — христиане!" (сура 5, аят 82)".

Суровые полководцы императора Оттона в Италии хмурили брови, внимая латинским монахам-переводчикам:

"Свентосклав? Тот, что изгнал епископа Адальберта, потомок дикарей с Рюгена? О да, кайзер подпишет мир!".

А в тени престолов калифов и кайзеров, эмиров и пап ползло змеиным шорохом:

"Проклятый язычник, дерзнувший поднять руку на народ божий! Истребитель избранников Предвечного! Разрушитель каганата! Мы, хозяева жемчугов Персидского залива, хозяева рабских торжищ, банкиры Востока и Запада, говорим вам, наши вечные должники в коронах, чалмах и тиарах — мир Визан-

тии!".

Против Святослава ополчилась не армия ромеев. Не империя Второго Рима. Даже не христианский мир. Все единобожие, все почитатели завета, данного в бесплодных недрах палестинских пустынь Абрахаму-Аврааму-Ибрагиму, весь Юг ополчился против вождя языческого Севера. Не армии, не государства, не народы, — две Веры, два взгляда на мир сошлись в смертельной схватке на берегах Дуная. По длинным горным ущельям — "клизурам" — византийская армия одним броском вышла к столице Болгарского царства — Преславе. В это же время в Дунай вошел огромный имперский флот, снабженный последним словом византийской военной техники, "напалмом Средневековья" — "греческим огнем".

Но как армия Второго Рима могла пройти через ущелья незамеченной? Этот кратчайший путь от сердца Болгарии к Византийским пределам и обратно был уже не один век известен воинам и полководцам обеих стран. Именно в одной из "клизур" Крум настиг Никифора I и разгромил его армию. Возможно ли, чтобы болгары, сражавшиеся на стороне Святослава, не рассказали князю об этом опасном месте? На мой взгляд, нет. Возможно ли, чтобы Святослав, опытный воин и полководец, не поставил охраны около ущелий? Тоже невозможно. Кому он доверил их охрану? Мы не знаем. Но догадываться можно... впрочем, об этом — позже.

Разумеется, Иоанн Цимисхий и не подумал предупредить врага о нападении. Пусть дикие язычники посылают врагам свое "Иду на вы". А он — просвещенный правитель цивилизованной христианской державы. К чему ему какая-то варварская "честь"?

Впереди византийского войска двигался в окружении закованных в броню "бессмертных" сам император, а за ним — отборные воины империи — 15 тысяч пехоты и 13 тысяч всадников. А в отдалении движется остальные полчища. Численности их византийские авторы не сообщают, дабы не портить картину "героизма" своих земляков, но легко можно представить себе хотя бы порядок — если одних отборных почти 30 тысяч, то остальная рать, надо думать, исчислялась сотнями тысяч. С войском шли осадные машины и камнеметы. За арьергард отвечал уже известный нам Василий Ноф. Цимисхий взял его в поход, надо полагать, не столько из-за его выдающихся воинских или полководческих качеств — таковых у Василия, в отличие от его собратьев по несчастью, Нарзеса и патриция Петра, не наблюдалось, — а просто потому, что опасался оставлять в своем тылу, да еще в его родной дворцовой стихии, этого прожженного интригана. Подобравшись к Преславе в момент, когда русский гарнизон почти полностью находился на учениях за стенами города, ромеи, под вопли, грохот тимпанов и рев труб кинулись в атаку.

Теперь представьте, читатель, эту сцену. За стенами города, в чистом поле, находится 6 тысяч русских воинов. Они вышли на учения — то есть вряд ли с полным вооружением. В абсолютном большинстве — пехотинцы. И на них накидываются с диким шумом готовые к бою отборные вояки, наполовину — конные. Да и превосходящие их числом в пять раз — это реально, а каким показалось превосходство врага внезапно атакованным русским ратникам, можно себе представить.

Цимисхий, безусловно, рассчитывал, что русы испугаются и побегут. А там можно будет настигнуть их в распахнутых воротах Преславы и на плечах бе-

гущих ворваться в крепость. Так поступали многие полководцы до и после Цимисхия.

Они воевали не с русами.

Лев Диакон сообщает: "их (русов — Л. П.) охватил страх, и они почувствовали себя беспомощными". То ли удугов Второго Рима был незаурядным телепатом, то ли судил по себе и своим соплеменникам. Из описанного им поведения русов такой вывод сделать невозможно. Кто-то из них, скорее всего, самый старший и опытный, прикинул расстояние до ворот. Понял: добежать до них раньше ромейской конницы они не успеют.

Византийцы не верили своим глазам. Варвары, вместо того, чтобы в панике броситься бежать, построились. Сомкнули огромные щиты. И с ревом, "наподобие диких зверей, испуская странные, непонятные возгласы", рванулись на впятеро превосходящее войско врага. Они понимали, не могли не понимать, что обречены. Тех, кто стоял против них, было впятеро больше. А за их спинами уже выливалась из жерл ущелий стальная лава несметных полчищ Иоанна Цимисхия. Смертников это уже не пугало.

Надо было дать время другим русам, там, за стенами Преславы, закрыть ворота, подготовиться к отражению штурма.

Они успели. Но полегли все до единого.

Стальное море византийского войска захлестнуло окрестности Преславы. Сколько их было — триста тысяч? День и ночь били тараны — во все ворота города. Над стенами висели тучи стрел и камней, выпускаемых метательными машинами византийцев. Русы не успевали скинуть одну лестницу — на ее место, жадно дрожа под чьими-то сапогами, подсовывались две новых. Шли на приступ арабы, сжимая в зубах кривые клинки зеленоватой дамасской стали, лезли по лестницам угрюмые наемники-франки... день и ночь шел непрерывный штурм. Иоанн Цимисхий мог позволить себе не беречь "человеческий материал" — в его распоряжении было более чем достаточно солдат. Ратники православного воинства, как простодушно сознается Диакон, "сражались храбро, надеясь получить достойную награду".

А на какую награду рассчитывали те русы, что своей гибелью выкупили соратникам этот день?

Странно читать в иных сегодняшних изданиях, что наемщина-де не совместима с православием. С русским духом, вырастающим из наследия язычества, она действительно не совместима, но при чем тут православие? Скилица и Диакон ясно дают понять — на родине православия это явление процветало.

Дешевая храбрость наемника — впятером на одного, за щедрую награду клиента...

Только к утру следующего дня войско православного владыки Иоанна Цимисхия прорвало первый круг обороны руссов, и ворвалось в крепость. Рухнули под напором таранов ворота, муравьиное полчище латников Второго Рима захлестнуло стены. Тут же, вне дворца — а стало быть, на свободе, а не в русском плену, был захвачен вместе с женой и малолетними детьми молодой царь Борис, у которого, по словам Диакона, "едва пробивалась рыжая борода". На нем были взяты захватчиками и царские регалии. Так что царь, судя по всему, не был лишен русами ни свободы, ни престола — как мы об этом и говорили.

Русское войско отступило в царский дворец. Командовал им воевода Сфен-

кел, по Диакону, или Сфангел, по Скилице. С. Гедеонов давно предположил, что это и есть воевода, вошедший в русские летописи под именем Свенельд. В некоторых списках этого персонажа называют Свенгельдом, что еще больше сближает звучание летописного имени с именем вождя русов у Диакона и Скилицы. Сфенкела греческие авторы называют первым по Святославу, а наша летопись называет таковым Свенельда. Иногда это отождествление пытаются отвергнуть: мол, Сфенкел-Сфангел, как будет видно в дальнейшем, погиб, а Свенельд пережил Святослава. На это возражение ответил еще Гедеонов. Данные греческих источников можно отнести и к просто тяжело раненому человеку. В конце концов, на поле боя судмедэкспертизы никто не проводил, а Диакон со Скилицею не пишут, чтобы византийцы захватили тело Сфенкела. Никак нельзя исключить того, что русский воевода попросту упал, получив ранение, с коня, а ромеи — а может, и иные русы — сочли его убитым. Имя Свенельд звучит по-скандинавски, но скандинавские источники — море саг, надписей и средневековых документов — этого имени не знают. Гедеонов сопоставлял Сфенкела-Свенгельда с литовцем Свенкеллом. Могло это имя и сохраниться в Поднепровье с готских времен, или, наконец, быть греческим (Сфенел — "сильный", Сфенелид, Свенельд — "сын сильного"). Как видите, определять происхождение человека по имени — непростое дело. Об этом человеке мы поговорим подробнее позже.

Вместе со Свенельдом в Преславе находился и Калокир. Как видим, Святослав относился к своему побратиму с полнейшим доверием. Вот кому уж точно не следовало попадаться в руки соотечественникам живьем. Медный бык Феодосия был бы для Калокира, скорее всего, благодатным прекращением долгих мук. В православной державе умели убивать по-азиатски — мучительно и очень долго.

Запершись во дворце, воины Свенельда и Калокира дали ромеям отчаянный отпор. В конце концов, император, на исходе вторых суток штурма, не желая более терять наемников, приказал закидывать дворец горшками с зажигательной смесью. Когда огромные чертоги царей Болгарии были уже объяты пламенем, главные ворота дворца вдруг со скрежетом распахнулись — и в византийское войско врезался строй русской дружины. Страшным стальным плугом шли русы по железному полю царьградского войска, оставляя за собою кровавую борозду с отвалом из трупов. Они пробились к воротам, и ушли из горящей Преславы. Так страшен был их натиск, что ни устоять против него, ни задержать отчаянных смертников наемники Византии не сумели. К тому же большинство из них погрязли в грабежах захваченного города и уже не слушали ни командиров, ни самого императора, интересуясь только добычей. Войско Свенельда и Калокира вырвалось из кольца и двинулось на соединение с главными силами русов, к Доростолу.

Узнав от Свенельда и Калокира о вероломном нападении Цимисхия и падении Преславы, Святослав пришел в ярость. Лев Диакон рассказывает, что он, "поняв по зрелом размышлении, что если мисяне склонятся к ромеям, дела его закончатся плохо, созвал около трехсот наиболее родовитых и влиятельных из их числа и с бесчеловечной жестокостью расправился с ними — всех их он обезглавил, а многих других заключил в оковы и бросил в тюрьму". Другой византийский Мюнхгаузен, Скилица, присовокупляет, что в тюрьму было брошено двадцать тысяч человек. Наиболее вменяемый из этой компании, Зо-

нара, попросту говорит, что Святослав заточил часть жителей Доростола, "боясь, как бы они не восстали против него". Но и Скилица, и Зонара относят репрессии Святослава уже к более позднему времени, к осаде армией Восточного Рима Доростола. Кого же казнил Святослав, узнав о падении Преславы?

Иоакимовская летопись говорит, что именно в это время князь Святослав казнил своего брата-христианина Глеба, и обрушил кары и казни на бывших в войске христиан. Таковые, преимущественно, могли быть именно знатными болгарами ("наиболее родовитых и влиятельных"). Потом князь, по той же летописи, отправил гонцов в Киев с приказом истребить все церкви. Ранее она упоминает, что именно Святослав уничтожил церковь Николая Угодника на могиле лжекнязя, отступника Оскольда. Это известие Иоакимовской летописи находит два подтверждения — во-первых, археологическое. Главное капище Перуна и четырех других Божеств в Киеве оказывается вымощено обломками штукатурки с остатками христианских фресок, и плитки — плоских кирпичей, использовавшихся при строительстве церквей. Во-вторых, мало обращают внимание на такой факт — придя в Северную Болгарию, войска Цимисхия отчего-то обнаруживают князя с дружиной не в Переяславце, как следовало бы ожидать, а в Доростоле. Доростол же, как я уже говорил, был резиденцией патриарха Болгарского и, соответственно, церковным, христианским центром Болгарии. Что мог там делать князь-язычник? Складывается впечатление, что он прибыл туда лично руководить расправой над служителями Распятого Мертвеца. Иоакимовская летопись как раз и сообщает, что наш герой "наипаче же на презвитеры (священников — Л. П.) яряся, якобы тии чарованием неким людей отврасчают и в вере их утверждают". Надеюсь, самая буйная фантазия не измыслит собственных "пресвитеров" при войске русского князя. Так что летопись здесь проливает свет на причины пребывания Святослава в последние дни его последней войны в Доростоле.

Но... почему же сначала он казнил своего брата-христианина?

Кому Святослав доверил охрану ущелий? Почему православная орда просочилась сквозь них незамеченной? Эти вопросы взаимосвязаны; и ответить на два последних вопроса — означает ответить на первый.

Оправдались зловещие намеки Цимисхия. Нашлись и в стане Святослава свои "германцы".

"Предаст брат брата на смерть, и отец — сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их... Не мир пришел Я принести, но меч; ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее и невестку со свекровью ее. И враги человеку домашние его. Кто любит отца или мать более нежели Меня, недостоин Меня" (Мф, 10: 21, 34-37).

И предал брат брата. И восстал на родителей, на пращуров своих, на Древних Богов. И отрекся от Матери-Руси, от Отца Рода ради Распятого Мертвеца...

И ясными глазами праведника смотрел в лицо преданному. А за его спиной стояли восемь тысяч русов, павших в горячей Преславе. Не надеявшихся на "царствие небесное", на райское блаженство — умиравших за Русь, за государя, за Родных Богов. Стояли, смотрели, беззвучно спрашивали: "Простишь?".

И выла над стенами Переяславца голосом Северного ветра мертвая вельва, оплакивая погибающий мир:

Щадить человек человека не будет,
Родичи близкие в распрях погибнут,

Братья начнут биться друг с другом...

Тягостно в мире!

И казнил брат брата. И презрение к христианству превратилось в его душе в лютую ненависть к ворожбе, разлучающей, превращающей в смертельных врагов ближайших родичей. Тогда он и послал в Киев гонца с указом о разрушении церквей. Тогда и отправился сам в Доростол — выкорчевывать корень сорняка, сносить голову пакостному гаду.

Там и застали его войска Цимисхия.

2. "Освободители".

Они несут на стягах черный крест,

Они крестами небо закрестили...

Н. Рубцов

На руинах захваченной Преславы Цимисхий принял пленного Бориса. Хитроумный армянин оказал пленнику царские почести, именовал его царем мисян — чего от владык Города царей, как вы, читатель, хорошо помните, дождаться было очень трудно. По Скилице, император заявил, что прибыл не для того, чтобы повергнуть болгар в рабство, но чтобы их освободить, и утверждал, что одних только россов он считает врагами и относится к ним по-вражески". В изложении Диакона ложь Цимисхия еще наглее: у него император "заверил, что он явился отомстить за мисян, претерпевших ужасные бедствия от скифов". Не знаю, кому принадлежит эта достойная "Кавказ-центра" наглость: Иоанну или самому Диакону.

А что это была именно ложь, со всею очевидностью показали действия византийцев уже в самой Преславе. Свенельд с Калокиром еще отбивали натиск "бессмертных" гвардейцев Иоанна Цимисхия, сам Иоанн рассыпался в уверениях в дружбе перед пленным Борисом, а византийские наемники уже "рассыпались по узким улицам, убивали врагов и грабили их добро". Вполне естественно, что никаких русов в узких улочках Преславы не было — там убивали и грабили горожан, болгар, "освобождая" их от имущества, а тех, кто сопротивлялся — и от самой жизни. Скилица сообщает, что в тех же "узких проходах" византийские "освободители" захватывали в плен женщин и детей. Нигде, ни у византийцев, ни в русских летописях, не говорится, что на войну русы отправались с семьями. Напротив, Диакон, как мы помним, говорит, что Святослав поднял в поход против Второго Рима "все молодое поколение" русов, то есть холостую молодежь. Таковую же, что уходила в набеги викингов с вендских и скандинавских берегов, в поволье на ушкуях из Ладоги и Новгорода. Так что женщины и дети в Преславе могли быть только болгарские. И именно их захватывали в плен православные "освободители" Преславы. Более того, как я уже говорил, византийское православное воинство разграбило царскую казну Болгарии. Казну, два года пролежавшую в неприкосновенности рядом с "грабителями" и "варварами" Святослава! Впрочем, что казна... православные захватчики не щадили даже православных болгарских церквей!

Иоанн Цимисхий впоследствии переименует взятую столицу Болгарии в

Иоаннополь — скромный человек — а Доростол, в честь своей супруги, в Феодорополь. Славянский Средец, древняя Сердикка, станет Софией. Яхья Антиохийский пишет, что Цимисхий "назначил от себя правителей над этими крепостями. В Иоаннополе останется наместником-стратигом некий Лев по прозвищу Сын Сарацина. Азия торжествовала на Балканах. Задолго до албанской резни в Косово, до янычар и башибузуков, до горького Косова поля, под православными стягами император-армянин назначал в Болгарии наместника сарацина. По дороге к Доростолу, как сообщает Скилица, Цимисхий "отдал на разграбление своему войску захваченные многие города и крепости". По возвращении в Царьград Иоанн Цимисхий устроил триумф, но как символы победы там везли не доспехи и оружие убитых "россов". Впереди триумфаторов на особой повозке ехали снятые с Бориса регалии царя болгар и икона богородицы из разграбленного ромеями православного собора Преславы. Словно ассирийский владыка, везущий в свою столицу "пленных" идолов побежденного народа. Не над язычниками-русами, а над "освобожденными" братьями по вере будет отмечать триумф православный государь Второго Рима. С самого Бориса официально при всем честном народе, на Плакотийской площади, заставят снять с себя корону, багряную мантию и царские сапоги, и разжалуют в "магистры", дабы имеющие уши слышали — славянской Болгарии больше нет, есть новая провинция богоспасаемой Византии.

Итоги подвели двое историков, соотечественник Иоанна Цимисхия и его соплеменник. Лев Диакон пишет, что император "покорил мисян". Армянский историк Стефанос Таронский вообще смотрит на всю войну, как на завоевание империей Болгарии: "потом он (Цимисхий — Л. П.) отправился войною на земли болгар, которые при помощи русов вышли против кир-Жана (Иоанна Цимисхия) и когда завязался в бой, русы обратили в бегство оба крыла греческого войска". Описывая победу Цимисхия, его соплеменник говорит так: "он многих истребил на месте, а остальных разогнал в разные страны, и принудил болгарский народ покориться". Современники заявлениям лукавого армянина-императора не поверили, да и подданные проговаривались — как Диакон.

Понимали ли болгары истинные цели азиатских "освободителей"? Судя по всему, отлично понимали. Еще в Преславе многие из них отчаянно сражались против ромеев. Объяснение этого Львом Диаконом заслуживает приза за самый наглый пропагандистский ход до XX века. Болгары, оказывается, сражались против ромеев вместе с русами, ибо были злы на ромеев за то, что те призывали русов в их страну. Ну как вам, читатель? Не во всякой нынешней газете прочтешь столь беспардонную ложь. До того, оказывается, ненавидели болгары русов за учиненные ими "ужасные бедствия", что даже против войск Второго Рима бок о бок с ними сражались только оттого, что ромеи на них русов натравили. Прямо не знаешь, что сказать. Однако сказать придется: болгары, очевидно, хорошо представляли, кто причинил их стране "ужасные бедствия", а кто — пришел их освободить. По крайней мере, некоторые из них. Те же, кто имел глупость поверить пропаганде завоевателей, и открыть им ворота своих городов, очень быстро об этом пожалели. Вспомните "многие города и крепости", отданные Цимисхием на разграбление своему войску. По дороге к Доростолу несколько болгарских скамаров уничтожили разведотряд византийцев и оставили трупы на дороге. Император велел прочесать окрестности. Убежище скамаров было найдено, они сами захвачены в плен, и изрублены в куски

телохранителями Цимисхия на его глазах.

Еще и на стенах Доростола вместе с русами до последнего оборонялись болгары. Некоторые авторы относят также к примерам болгарского сопротивления сообщение Скилицы, что среди павших под Доростолом русов византийские мародеры находили тела женщин в мужской одежде и доспехах. Это, однако, можно отнести и к русским богатыркам, поленицам наших былин. Славянкам было не чуждо воинское искусство. Так, Саксон Грамматик пишет про славянскую богатырку Визну, потрясавшую даже врагов своей доблестью и ратным умением, погибшую в VII веке в битве при Бравалле.

Большинство же болгар, по всей видимости, сочло войну оконченной после падения державы и захвата в плен их царя. Христианская верхушка городов, в первую очередь — торговых портов на Черном море, посылала к Цимисхию гонцов с изъявлениями верности и открывала ворота его отрядам и наместникам. Что ж, они сами выбрали свою судьбу — судьбу провинции в чужой, иноязычной стране, судьбу рабов чужого бога и полурабов чужеземного цесаря. Мне не жаль их, мне жалко тех, кто до последнего сражался за Богов и свободу своего, согласившегося на рабство народа.

Предвидя мощное и ожесточенное сопротивление славян, способное, самое малое, уравновесить подавляющее численное превосходство его интернациональной орды, Цимисхий и прибег к хитрым мерам вроде заявлений об "освободительной" цели своего похода или приказов отпустить пленных болгар. Кроме того, лукавый император отправил к Святославу послов с новыми требованиями немедленно признать себя побежденным, сложить оружие и покинуть Болгарию.

Численные соотношения войск определить трудно. Порядок количества воинов в византийской армии мы уже определили. Численность войска русов ромейские источники определяют по разному. Лев Диакон, который, как предполагают, не то сам сопровождал, в качестве летописца и духовника императорское войско, не то беседовал с каким-то участником похода, как-то пытается остаться в пределах приличия. Он не скрывает огромного численного превосходства своих соотечественников, а войско русов определяет в шестьдесят тысяч воинов. Цифра, в общем-то, выглядит вполне достоверно, но... она уже встречалась у Льва Диакона, когда он говорит о первом появлении русов в Болгарии. Особенно хорошо то, что Диакон, по-видимому, в отличие от Скилицы, ничего не знал о временном возвращении Святослава на Русь, и получается, что под Доростолом армии Второго Рима противостояло ровно столько же русских воинов, сколько Святослав привел в Болгарию два года назад. Словно не было страшных битв с ромеями, аркадиопольской мясорубки и ловушки в Преславе. Однако, повторяю, он все же придерживается каких-то приличий, чего никак нельзя сказать об обращении с цифрами Иоанна Скилицы. Тут мы встречаем какие-то совершенно уж бесстыжие пересказы фронтовых баек, рассказывал которые ему, по всей видимости, некий Феодор из Мисфии. Во всяком случае, именно он то и дело выступает в качестве "храброго портняжки". Чего, скажем, стоит рассказ об том, как он, с тремя сотнями солдат, обращает в бегство семь тысяч русов! Тут войско Святослава оценивается аж в триста тридцать тысяч воинов! Стоит напомнить, что под Аркадиополем, согласно ему же, полегло около трехсот тысяч русов. Сколько же тогда первоначально было в войске великого князя? А вот отражение одной из вылазок русов —

ромей "многих перебили в этой стычке, и всего более — всадников. Ни один из ромеев не был ранен и только три лошади убиты". Говоря проще, рассматривать эти подсчеты всерьез нет никакой возможности. Не удивляюсь "правдивости" летописцев Второго Рима. Удивляюсь нашим, отечественным историкам, пытающимся на этом материале оспаривать данные русских летописей! Впрочем, не будем чрезмерно осуждать ромейских летописцев. Во-первых, тот же самый Диакон — единственный из авторов Восточного Рима, удосужившийся описать внешний вид, вооружение и обычаи русов. Во-вторых, и Диакон, и Скилица все же были людьми X века, и потому — благороднее наших современников. У того же Скилицы можно встретить фразу о "геройски сражавшемся" вожде русов. Попробуйте представить сводку Совинформбюро: "После героической обороны немецко-фашистские войска вынуждены были сдать Кенигсберг"... про "Кавказ-центр" я вообще молчу. Горько, но факт — мы хуже самых неблагородных и лживых людей X века.

Можно уяснить лишь одно — перед осадой Доростола произошла еще одна битва войска Святослава с армией Цимисхия. Битва длилась целый день, до самого вечера. Перевес клонился то на одну сторону, то на другую, и Скилица даже насчитывает двенадцать переломных моментов, изменявших ход битвы. Конечно, красивое число названо, скорее всего, для красного словца, но одно несомненно — сражение, в котором схлестнулись лучшие воины Севера с самой многочисленной и хорошо оснащенной армией Юга, было, конечно, ожесточенным. К вечеру русы, однако, отступили в Доростол, и поле битвы осталось за их противниками.

Утром Иоанн Цимисхий первым делом отдал приказ возводить против ворот Доростола укрепленный лагерь. Войско расположилось на холме, который обнесли рвом. Земля из рва образовывала насыпь, служившую лагерю дополнительной защитой. Гребень насыпи укрепили "рогатками" из щитов и кольев.

После этого произошла как бы проба сил противников. Ромей сходили на штурм, но русы без труда отбили приступ. После этого осажденные предприняли попытку вылазки. Здесь мы опять сталкиваемся с загадкой — и Диакон, и Скилица сообщают, что в этой вылазке русы в первый раз сражались верхом. Никак нельзя с этим согласиться. Русы действительно не выдерживали сравнения в конном бою с арабскими легкими конниками и их противниками и учениками — византийскими акритами. Но Масуди, когда писал о набеге русов в 912 году на берега Каспия, говорил, что пришедшие на судах северяне "рассылают всадников" по подвергшейся набегу земле. И действительно, на лодьях варягов-вендов, в отличие от норманнских драккаров, всегда было место для нескольких коней. В 920 году отец Святослава нанес сокрушительное поражение ордам печенегов и превратил их в вассалов Руси. Это было бы невозможно сделать, не имея конницы. Военный историк Дмитрий Зенин заметил, что после изобретения стремян, позволивших рубить с седла, стрелять верхом из лука и наносить таранные удары копьем, пехоте атакованной конниками, "оставалось только с честью погибнуть". Ибн Мискавейх, описавший захват русами Бердаа, тоже говорит, что они не умеют сражаться на коне. Однако он не объясняет, как русам при том удалось раз за разом одерживать верх в столкновениях в чистом поле с войсками мусульманского правителя Шемахи. В этих войсках, конечно, было немало отличных всадников, и биться

с ними, не имея своей конницы, было бы невозможно. В промежутке между Бердаа и Доростолом русы разгромили Хазарский каганат, что тоже было бы немисливо без умения хоть какой-то части войска биться верхом. На сама форма русских каролингов с удлиненной рукоятью и скругленным перекрестьем, говорит об их приспособленности именно для верхового боя. Найдены многочисленныя погребения русских воинов тех лет с боевым конем. Наконец, сами Лев Диакон с Иоанном Скилицей в описании первого балканского похода Святослава постоянно говорят о стычках их соплеменников с русскими всадниками. Говоря кратко, трудно объяснить это заявление византийских летописцев. В любом случае, оба автора сходятся на том, что вылазка русов была мгновенно пресечена атакой кавалерии Второго Рима. Русы без больших потерь отступили за стены Доростола, к которым византийские конники не решились последовать за ними, по недавнему штурму помня меткость стрельбы русских лучников.

Но тут произошло событие, превратившее бои у Доростола в затяжную осаду этого города. На Дунае завиднелись многочисленныя паруса византийского флота. Шли огромныя триеры с таранами-рострами под форштевнем. Шли галеры для переброски солдат. Однако страшнее их для русов были небольшие, верткие, словно поджарые охотничьи псы, хеландии. Над их бортами поблескивали трубы огнеметов. Прибыл чудовищный "греческий огонь", кошмар врагов Восточного Рима. Русы отлично помнили его по рассказам стариков о злосчастном походе отца Святослава в 941 году, где русские лоды были сожжены этим огнем. Корабли встали на якорь у противоположного берега Дуная, пресекая возможные попытки русов покинуть крепость по воде. Цимисхий хорошо запомнил прием, использованный воеводой Волком!

Кольцо вокруг города было замкнуто. Началось долгое, трехмесячное Доростольское сидение.

3. Доростольское сидение.

*Мужайтесь, боритесь, о храбрыя друзья!
Как бой ни жесток, ни свирепа борьба.
Над вами — безмолвныя звездныя круги,
Под вами — глухия, немые гроба.
Пускай Олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто, ратуя, пал, побежденный лишь Роком,
Тот вырвал из рук Их победный венец.*

Ф. Тютчев

У каждого народа была своя роковая битва. Роковая в полном смысле слова. Нет, не та, что спасла государство от чужеземного ига, как Грюнвальд для поляков и литовцев, Куликово поле для русских. И не то, с которого началось многовековое иго иноземцев — вроде нашей Калки или сербского Косова по-

ля. Я говорю о битве, начиная с которой народ начинает жить какой-то сугубо человеческой жизнью, покидает мир Богов и Волшебных Народов. О, Их помнят, Их иногда видят, но такие встречи уже воспринимаются как нечто из ряда вон выходящее. Для Тесея или, скажем, Геракла, встреча с Аполлоном или Артемидой почти обыденность, для Перикла или Аристомена — уже чудо. Эти битвы знаменуют конец века Героев — полубогов, Медного века древнегреческих аэдов, Трета-Юги арийских мудрецов-брахманов. Для культуры Индии, Великой Бхараты, то была битва на поле Куру, где погибли величайшие герои и мудрецы, и наступил Черный Век — Кали Юга. Для эллинов это Троянская война, в которой пали Герои, в чьих жилах, пополам с кровью смертных, тек божественный ихор Олимпийцев, ознаменовавшая начало Железного века. Для кельтов — битва при Камланне, где полегли почти все рыцари Круглого Стола во главе с самим королем Артуром. Кончается Эпос, начинается история. Мы, историки, всегда приходим слишком поздно, когда все достойное изучения уже свершилось и сгинуло во тьме бесписьменных или, во всяком случае, безлетописных столетий. Когда Боги, оставляя землю, уже свели на очередном поле Куру Своих лучших потомков, нужных Им для неведомых смертным дел в иных мирах.

Нам, потомкам русов, несколько повезло. Эта битва, пусть и не отразившаяся в нашем эпосе, сохранилась в подробнейших описаниях иноземцев, врагов. Британские историки дорого бы дали за летописи Мордредра времен битвы при Камланне. У нас есть нечто подобное — сочинения Диакона и Скилицы, запечатлевшие Курукшетру, Трою, Камланн языческой Руси.

Описание это, особенно у Диакона, действительно очень подробно. Возвращаясь к затронутой нами в первой части книги теме, надо отметить, что одних данных Диакона достаточно было бы, чтобы раз и навсегда предать, наконец, земле Магометов гроб норманнизма. Однако тот же А. Л. Никитин, чьими предположениями мы пользовались, говоря об апостоле Андрее, Асмунде и Бояне, вдруг заявляет, что воины Святослава, описанные Львом Диаконом, более всего походят на норманнов, а исследователь боевых искусств А. Панченко называет их... шведами. В полную слепоту погружает ученых тень Магометова гроба! Я буду останавливаться на том или ином событии Доростольской эпопеи, служащим лишним подтверждением славянского происхождения Святослава и его воинов.

В первый же дань осады русы вышли в поле, построились в "фалангу" или "стену". Сам этот строй, так часто и подробно описываемый Диаконом, сохранился в русских деревнях до начала XX века именно под именем стены, стенки! Ухватки русского кулачного боя были выработаны именно в таком строю. Отсутствие блоков и уверток, сосредоточение на удерживании строя, работа по корпусу и голове сильными прямыми ударами, почти полное отсутствие работы ног (ограниченной подсечками и затапыванием) — вот наследство, оставленное "стеной" стенке. Все это — память о ровном ряде воинов в тяжелом кольчужном доспехе, защищенных прикрывающими ноги огромными щитами. Зачем блоки, если тело защищено кольчужой и огромным щитом? А для уверток просто нет места в плотно сомкнутом строю кольчужников. Естественно, в таком бою мало возможности развить навыки поединщика, и, возможно, византийцы не так уж ввали, описывая проигранные русами одиночные схватки. Подобная ситуация сохранялась спустя века: никто иной, как А.

В. Суворов говаривал, что один турок одного русского побьет, десять русских десятерым туркам не уступят, а тысяча русских тысячу турок всегда погонят. Между прочим, воины непобедимых легионов настоящего, первого Рима в поединках тоже не были сильны, и им приходилось брать уроки у гладиаторов. Вообще, многие черты варягорусского воинского искусства очень напоминают древнеримское. Наследие рогов — федератов-верингов Великого Рима?

Так что, как поединщики, русские дружинники, и, особенно, ополченцы действительно могли уступать наемникам Восточного Рима. Зато в строю... вспомните прорыв Свенельда с Калокиром из горящего царского дворца Преславы. Вспомнить как раз ко времени — в первом бою трехмесячного Доростольского сидения и был не то убит, не то тяжело ранен Сфангел-Сфенкел... Свенельд? Право, не знаю, что лучше... если то были разные люди, то Сфенкел-Сфангел погиб, как подобало воину-русу. Но если — один, если бы он выжил, то, увы, лучше бы он все же погиб. Ибо на его имя, как мы увидим, упадет черная тень подозрения в предательстве государя и соратников. Но всему свое время.

А пока — обещанное примечание. Как раз скандинавский боевой строй — клин или ромб — предполагал изрядную открытость воинов, идущих первыми. Скандинавские щиты, как о том говорят абсолютно все источники, от изображений на рунных камнях до языка скальдов, называющего оковку щита "кольцом", это небольшие легкие щиты для боя вне строя. И сами норманны очень плохо, судя по сагам, умели держать строй, но зато были отличными поединщиками. Например, заглавный герой саги о Греттире в прыжке так ударил по нижнему краю щита сидящего в седле противника, что щит разбил тому челюсть и разорвал рот. Картина, прямо противоположная созданному Диаконом образу русов! О кольчугах викингов не сохранилось восторженных отзывов, зато сохранился рассказ о знатном вожде, ярле Торире Собаке, что носил вместо доспеха оленьи шкуры. Дело было на исходе X века. А в следующем столетии Харальд Гардрада, тот самый, что учинил в Константинополе резню верингов, во время набега на Англию умудрился оставить кольчугу в ладье. Его дружина, в обороне еще державшая строй, в разгар боя не выдержала и кинулась врассыпную преследовать отступающих англо-саксов. И именно в этот момент на поле боя возникли конные рыцари-кольчужники английского короля. Этот бой стал для истребителя верингов последним, как, впрочем, и для его дружины. А вот у славян еще Маврикий Стратег упоминает "прочные, но труднопереносимые" щиты, немислимые вне строя и сильно сковывающие маневренность владельца. Тот же Панченко подчеркивал принципиальное различие в тактике скандогерманцев, рассыпающей любой бой на поединки, и строевой тактике славян. И как он мог не узнать в описании Диакона ярчайшее проявление этой самой строевой тактики, им же отлично описанной русской "стенки" — ума не приложу! Страшная вещь этот Магометов гроб.

После гибели — или ранения — вождя русы отступили в крепость. Скилица, конечно, пишет, что их поголовно истребили удалые ромеи, но я ему не очень верю. Диакон как-то точнее и честнее своего собрата по перу. А он свидетельствует, что русы не были отрезаны от ворот и истреблены, а благополучно укрылись в Доростоле. Иоанн Цимисхий после каждого боя выплачивал солдатам жалование и устраивал пиры, накачивая наемников вином "для

храбрости".

Святослав же укрепил город вырытым ночью глубоким рвом под его стенами. А через несколько дней лично возглавил "операцию по снабжению". Безлунной дождливой ночью русы во главе со Святославом (Скилица утверждает, что их было две тысячи, в чем я, скажем так, сомневаюсь), и под носом у византийского флота отбыл. Русы "где кто мог" (и наверняка не без помощи сочувствующего местного населения) собрали мешки зернового хлеба, пшеница и прочего припаса, и отплыли в крепость. На обратном пути они высадились на берег и атаковали один из обозов армии Второго Рима, разогнав обозников по кустам и присоединив обозное добро к своей добыче. Эту ночь трудно было назвать приятной и для императора, и для остальных ромеев. Утро было еще менее приятным, особенно для друнгария Льва. Взбешенный Цимисхий наорал на адмирала, пригрозив вздернуть его на мачте одного из кораблей его флотилии, если подобная ночная прогулка еще раз повторится.

Да, если для читателя неясны причины моих сомнений в очередной цифре Скилицы, поясню — дело не в моей предвзятости, и даже не в уже известной нам буйной фантазии этого византийца. По единодушному утверждению Константина Багрянородного и наших летописцев, русская ладья вмещала сорок бойцов. Представляете, какой флот нужен был, чтоб вывезти две тысячи?! Неужели капитаны друнгария Льва были настолько слепы?

Тем временем подошел Василий Ноф с арьергардом армии, в котором находились и стенобойные устройства. Командование над "артиллерией" Иоанн Цимисхий вручил уже знакомому нам родственнику, Иоанну Куркуасу. В крепости же воины, уцелевшие в Преславе, рассказывали князю, на что способна эта деревянная нежить.

На следующий день русы вышли на новую вылазку. Ее целью стала деревянная "батарея" Куркуаса. Строй русов прорвался через ряды ромейских солдат и начал поджигать и рубить деревянных чудищ. Обслуга бросилась враспынную. Иоанн Куркуас, хоть и маялся сильнейшим похмельем, вскочил на коня и поскакал на русов. Увы, похмельная отвага не помогла толстяку-армянину. Он попросту вывалился из седла уже рядом с рядами русов. От похмелья он немедленно был избавлен — вместе с головой. Приняв из-за роскошных позолоченных лат и не менее роскошного плаща (а так же, подозреваю, характерной армянской внешности) Куркуаса за его августейшего родственника, русы снесли ему голову, а жирное тело изрубили в куски и разбросали. Голову они надели на копье и с этим жутковатым трофеем удалились за стены Преславы. На следующий день ее, на том же копье, выставили над стеной крепости и кричали ромеям, что обошлись с их владыкой, словно с жертвенным животным.

Надо сказать, то действительно был ритуал жертвоприношения. У Ибн Фадлана русы, отрубив голову жертвенному животному, насаживают ее на кол в ограде капища. Что-то подобное, по всей видимости, имеет в виду житие Григория Амастридского, обвиняя "россов" в "таврическом избиении чужеземцев". Дикари античного Крыма, тавры, тем и прославились, что, убив чужака, выставляли его голову на колу над оградой жилища. И, может быть, именно поэтому византийские авторы, в первую очередь тот же Диакон, именуют русов "таврами" или "тавроскифами". Уж больно обычаем, скажем так, приметный. Мы уже говорили, что так же поступают с поверженными врагами Илья

Муромец и Алеша Попович, любимцы русских былин. В тех же былинах отрубленные головы врагов украшают ограды дворов, и не только врагов, вроде Маринки Кайдаловны или Соловья Разбойника, но и вполне русского богатыря, Чурилы Пленковича. Говорили и о том, что именно так поступили варяги-ободриты с Иоанном Мекленбургским в 1066 году и поляки со святым Войтехом. Вот о чем мы не упоминали, так это о том, что у скандинавов подобного обычая никогда не было. Ни в отношении людей, ни в отношении животных. Человеческие жертвы там приносили совершенно иным способом — либо повешением, либо — оглушая ударом ярма по голове и выпуская кровь из разрезанной яремной вены. Последний способ был жертвой Тору (первый — Одину), и описан франкским хронистом Дудо Квинтилианским. А голова на шесте упоминается единственный раз... в ритуале насылания порчи знаменитым скальдом, берсерком и колдуном Эгилем сыном Лысого на оскорбившего его короля. И то голову он употребил не человеческую, и даже не жертвенного животного, а просто подобрал лежавший на песке конский череп. Ну не были норманны "охотниками за черепами"! А вот балтийские славяне, варяги — были. О том говорит множество источников, как бы это не шокировало современных славянофилов. Про это говорит не только житие святого Вацлава и "Деяния Гамбургских епископов" Адама Бременского, поведавшие о судьбе епископа Иоанна, но и послание епископа Адельгота (1108) — "отсекая головы на своих нечестивых алтарях" — и, самое главное, археологические источники. Последние приведены в книге Русановой и Тимощука.

Так что, хотя участь Иоанна Куркуаса и восходит еще к арийским представлениям (побежденного врага уподобляют жертве еще в ведическом гимне Индре Громовержцу: "Как жертвенное животное лежит тот, кто мнил себя самым мудрым"), она еще и доказывает нескандинавское происхождение русов. Любопытно, что в одной былине упомянут враждебный русским богатырям "царь Куркас". Уж не злополучного ли армянина вспомнили сказители тысячу лет спустя? Впрочем, кроме имени и царского достоинства (в случае с реальным Куркуасом — мнимого) этих персонажей не объединяет ничего, и вполне возможно, что это лишь случайное созвучие. Сколько таких созвучий смуцало ученых, изучавших былины! Можно (и, наверное, нужно) написать целую книгу о том, как из коренного славянина Тугарина делали "половецкого хана Тугоркана", как... но еще раз скажем — это тема не абзаца, а книги.

Русы добились своей цели лишь отчасти — метательным машинам был нанесен невосполнимый урон, и штурмы города прекратились. Однако жертвы их, судя по всему, Боги не приняли. Не того пожертвовали. Единоверцы же "жертвенного животного" объясняли его участь просто. Иоанн Куркуас имел милое обыкновение грабить... болгарские церкви. Вот, мол, и "наказал господь". Хочется напомнить, что, во-первых, болгары были такими же православными, как и византийцы. А во-вторых, в Болгарии к тому времени третий год стояли войска язычника, ненавистника христиан Святослава, "варвара", "захватчика" и "грабителя". Варвар, язычник пощадил святыни болгарских христиан. А византийские "братья" и "освободители" их грабили! И очень сомнительно, чтобы Куркуас был одинок в этом увлечении. Причем священные сосуды он превращал в личные вещи (даже не хочется думать, как это "жертвенное животное" с Кавказа их использовало — дай бог, чтоб только для вина!). Хорошо вознаградили "братья во Христе" предательство болгарских хри-

стиан! Впрочем, как я уже говорил, такова участь предателей.

Скилица сообщает, что Иоанн Цимисхий пытался вызвать Святослава на поединок, мол, чем губить войско, не лучше ли "решить дело смертью одного мужа; кто победит, тот и будет властелином всего". Практичному, циничному и абсолютно бессовестному армянину подобные романтические порывы были совершенно чужды. Поэтому надо полагать, что речь шла о хитрости, и Цимисхий попросту хотел завлечь врага в ловушку, сыграв на отваге и благородстве князя и обычае русов решать судьбу битвы поединком. Именно так это понял Святослав, попросту велевший передать цесарю, что он, Святослав, в своем уме, и сам знает, чего ему надо, если же императору ромеев нейдет на тот свет, то в его распоряжении множество иных, известных ему способов. Последняя фраза, несомненно, была намеком на грязную историю с убийством Иоанном его друга, брата и вождя Никифора Фоки. Поединок был привилегией, которой удостаивали не всех. Поединок с братоубийцей, вероломным клятвопреступником и законченным лжецом унизил бы князя, даже происходи он по всем правилам. А на это, имея дело со столь скользким типом, как Иоанн Цимисхий, рассчитывать не приходилось. Так Алеша Попович не удостаивает честного боя распутника, нечестивца и колдуна Тугарина.

Вновь потянулись дни осады. В одной из вылазок погиб еще один русский вождь, которого Скилица считает третьим после Святослава и Сфангела, а Диакон — просто вторым среди русов. Оба автора описывают его как великана, но у них что ни рус, то и великан. Может, это и впрямь отражало впечатление сравнительно щуплых греков, армян и арабов от нордического телосложения русов, а может — было домыслом авторов, чтоб победы (подлинные или вымышленные) византийских "храбрых портняжек" выглядели покрасивее. Звали его Икмор, и русская летопись не сохранила никаких сведений о нем. Скилица сообщает, что Икмор пользовался общим уважением среди русов не столько из-за высокого рода или расположения великого князя, сколько из-за его личной доблести. Не знаю, сколько в этом утверждении домыслов Скилицы, а сколько правды. Не знаю и того, откуда он мог почерпнуть такие сведения. Но на правду очень похоже. Дело в том, как погиб отважный Икмор. Его зарубил в поединке араб Анемас, тот самый вождь критского эмира и глава телохранителей Цимисхия. Причем Диакон отмечает, что поединков со знатными русами он стал искать уже после победы над Икмором. А значит, с ним самим сын эмира столкнулся, так сказать, при исполнении обязанностей. Икмор, очевидно, пытался прорубиться к цесарю и окончить войну одним богатырским ударом. Кстати, еще одно доказательство лицемерия вызова Цимисхия, посланного Святославу — он никогда не искал стычки с вождями русов на поле битвы, на глазах у всех. Если бы он и впрямь хотел честной схватки, то незачем было посылать к Святославу гонцов-"секундантов". Буквально в каждой битве вождь русов был, так сказать, к его услугам. Однако же тут Цимисхий даже не пытался искать с ним встречи, отгораживаясь от сечи живою стеной "бессмертных".

Русы чрезвычайно скорбели по Икмору, и шум тризны был слышен далеко за стенами осажденного Доростола. Кстати, про тризну Сфангела-Сфенкела ничего подобного не говорится — лишний довод в пользу того, что он и был Свенельдом русских летописей, не погибшим, а сумевшим выжить после тяжелой раны.

Шел третий месяц Доростольского сидения, второй месяц лета. Приближался столь важный для русов и их вождя праздник — Перунов день.

15. "ПУСТЬ ДЕТИ НАШИ БУДУТ ТАКИМИ, КАК ОН".

*Всех любимее был ты, о сыне родной, Святославе!
И заплакал Словутич, и огненно пали дожди,
Как жемчужную душу — на горе Руси и бесславье -
Изронил ты в ночи из порубанной катом груди.
И пока печенег, до краев наполняя твой череп
Сладким фряжским вином, торжествует, похабен и лют,
Я несую твою душу к Сварогу в блистательный терем,
Там, где Ирия ирисы светло-лилово цветут.
Я несую твою душу в ладонях все выше и выше,
И уходят за нами, уносят тепло очага
Оскорбленные Боги, пророчества страшные слыша:
Мать Сва бьет крылом, возвещая Лжебога века.
Всех любимее был ты, и все ж оступился, великий!
Позабыв, что земля в испытание смертным дана.
И Жар-птица Вселенная никнет главою двуликой,
И в сердцах угасают славянских Богов имена...*

Злата Багряна "Плач Берегини".

1. Перунов день.

*Земли не касаясь, с звездой наравне
Проносится всадник на белом коне,
А слева и справа
Погибшие рати несутся за ним,
И вороны-волки, и клочья, и дым -
Вся вечная слава.*

Ю. Кузнецов.

20 июня 971 года хорошо врезалось в память наблюдавшим за осажденной крепостью ромеям. К вечеру русы вышли из города, но не стали строиться к бою, а принялись собирать трупы павших соплеменников по всему усыпанному телами полю. Затем они относили их к городской стене, под которой возвели огромные погребальные костры. Затем они закололи над ними "множество пленных, мужчин и женщин". Здесь, боюсь, наблюдавшие за языческим обрядом ромеи перепутали два совершенно разных обычая. Женщины сопровождали своих мужей — или господ, если были всего лишь наложницами — в иной мир. Но у нас нет сообщений, чтобы славяне имели обычай укладывать вместе с погибшим на его костер и пленников-рабов. Зато часто сообщают, что славяне — и южные, и восточные, и, в особенности, западные — приносили пленных в жертву своим Богам. И в особенности, конечно, такая жертва была по нраву грозному Богу сражений и бурь, золотоусому Перуну. Для Святослава культ Громовержца, как я уже говорил, имел особое значение. Да, и Волоса, строгого пастуха душ, учителя волхвов, князь, бывший ярим по-

борником древней веры, почитал. Недаром в его договоре Вещий Бог, не почитавший Своим покровительством договор его отца, в коем участвовала "крещеная русь", вновь занимает Свое место. Но Метатель Молний был неизмеримо ближе для князя-воителя. В Его честь князь носил длинные усы ("ус злат") и чуб, такой же, как у изображений Перуна в Радзивилловской летописи. В Его дни начинал свои, подобные ударам Его молний, походы. Несомненно, это именно Его чтит Святослав в ту ночь. Это Ему приносили в жертву пленных врагов. Да и сам обряд погребения — чем он был, как не огненной жертвой? Вот что пишет о погребениях северных словен, тех самых "мужей новгородских от рода варяжска", В.В. Седов: "Иногда на такой насыпи вокруг урны с трупосожжением устраивали кольцо из камней. Это — своеобразная "жертва" Перуну (выделено мною — Л. П.): сородичи, помещая сосуд с остатками умершего в жертвенник (кольцо из камней), как бы обращались к Перуну с просьбой принять душу покойного в загробный мир. Еще в прошлом веке И. Срезневский справедливо указал, что обряд трупосожжения по цели и по содержанию приближается к обряду языческого жертвоприношения". Так что погребальные обряды были вполне уместны в день Перуна, особенно, когда хоронили павших в бою воинов. 20 июня после крещения Руси стал днем Ильи Пророка, и ему вручили власть над громами. Интересно, что христианский Запад, не менее русских чтивший Илью, Громовником его не считал, а молнии отдал в ведомство... Сатаны. По сути дела, Илья Пророк для русских православных мужичков XIX столетия был отнюдь не ветхозаветным поборником культа Иеговы. Иной крестьянин из какого-нибудь Ильинского прихода еще бы и обиделся б смертно, намекни ему кто, что Илья Пророк был евреем. Нет, этот пророк, слившийся в сознании русских людей с былинным Ильей Муромцем, был ездящим на колеснице Громовержцем, преследующим нечисть, дающим дождь на поля; чествовали его не столько молитвой и свечечкой, сколько ритуальными плясками ("попляшу святому Илье!") и забиванием в складчину откормленного бычка в тот самый день, 20 июня. Проще говоря, только имя отличало мужицкого Громовника Илью от древнего Перуна, и только имя сблизало его с ветхозаветным фанатиком. Впрочем, быков (их приносили Громовержцу еще славянские современники Прокопия Кесарийского) в доживавшем третий месяц осады Доростоле не нашлось, и в воды Дуная бросали других, посвященных Громовнику животных — петухов.

Не стоит уж и упоминать, что у скандинавов в эти дни никакого праздника не было.

За строками Льва Диакона, описывающего это таинство, проглядывает напряженное внимание византийских солдат, наблюдавших издали за языческим обрядом. Можно представить себе, как встревожились первыми часовые, заподозрив, что страшные великаны-"россы" вышли на очередную вылазку. Как собирались к ним офицеры и рядовые наемники, как с возрастающим недоумением вглядывались в происходящее. Казалось бы, что мешало воспользоваться столь удачным моментом для нападения? Не постыдился же император в пасху атаковать православную Болгарию. Но... древним страхом повеяло на солдат Второго Рима от огромных костров под стенами Доростола, и что-то в глубине продажных душ наемников и земляно-темных душ крестьянских парней, стратиотов, вдруг откликнулось на непонятные, но грозные слова ритуала, что разносились в окровавленной кострами ночи, глуша

предсмертные вопли пленников и пленниц. Что-то, сильнее привычного благоговения перед православными святынями, не мешавшего воевать в пасху и грабить болгарские церкви, заставляло неметь гортань командиров, приковывало к земле ноги солдат. Молитвы перед родными византийскими образами привычно падали в неизвестность; а над залитыми кровью кострами Перуновой ночи незримо, но пугающе явственно реяло грозное Присутствие. Даже темная византийская солдатня почувствовала его, почувствовала, что в этой ночи творится, решается судьба мира. Змей Вечности изгибался, закладывая очередной виток. Длань Макоши, Норны, Мойры закладывала новый узор в гобелене Судьбы. И не зря не то в сознании самого Диакона, если он присутствовал там, не то беседовавшего с ним византийского офицера ожили грозные, роковые образы Троянской войны. И в нашем герое в ту ночь — он, в силу княжеского сана, должен был стоять у костров — померещился грекам древний Ахилл, неуязвимый, буйный, беспощадный и благородный герой-полубог их собственного, преданного и полузабытого язычества. Иные потом из-за этого сравнения возомнили возможным увидеть "руса" в герое Троянской войны, в том числе и столь почтенный византист, как В. Г. Васильевский. Мы же последуем совету Я. Гримма — будем искать "не историческое в Нибелунгах, но Нибелунгово в истории". Именно "Нибелунгово" присутствие языческого Рока породило в глазах византийцев последнего полубога Руси с последним полубогом Эллады.

Мне почему-то кажется, что в ту ночь в византийском лагере никто не смог заснуть.

На следующее утро Святослав собрал своих воевод на совет. Лев Диякон утверждает, что совет этот назывался "коментом", что причинило немало головной боли и историкам и лингвистам. После многих попыток его истолковать пришли, наконец, к мнению, что это — восточно-романское слово, услышанное ромеями от местного жителя, валаха, и принятое ими за русское. Один мой знакомый профессиональный лингвист, впервые услышав это слово от меня же (за что люблю лингвистов, так это за уровень их знакомства с источниками), немедленно начал бурно фантазировать: мол, сходка — от слова ходить, идти, по-немецки идти — "комм", и так далее. Помнится, детский писатель Борис Житков со товарищи, развлекаясь, "перевели" на немецкий слово поднос таким образом — "под" по-немецки "унтер", "нос" — "назе", следовательно, "поднос" — "унтерназе". Научная ценность обоих языковедческих изысканий совершенно одинакова: поднос по-немецки "таблетт", а все отлично известные историкам названия сходок, советов и прочих вече у германцев и скандинавов даже не созвучны злополучному "комент". Разница лишь в том, что молодые писатели шалили, а почтенный ученый был совершенно серьезен. Именно на подобных "научных" методах держится Магометов гроб норманнизма. Рискну высказать, ни на чем особо не настаивая, свое мнение, хотя и осознаю, что оказываюсь в одном ряду с упомянутыми деятелями. "Комент", на мой взгляд, просто произнесенное с все той же варяжской "носовой гласной" (помните — Ингорь, Свентослав) древнерусское "къмет". Святослав попросту советовался с кметами, с дружиной.

На этом совете одни, по словам Диакона, советовали погрузиться на корабли и тайно уплыть по Дунаю прочь, воспользовавшись безлунными ночами. Возможно, совет этот подал воевода Волк, уже воспользовавшийся таким спо-

собом отступления. Другие, указывая, что после памятной "операции по войсковому снабжению" византийский флот настороже, и попросту спалит из огнеметов любое судно, пытающееся покинуть крепость. Поэтому следовало-де замирииться с ромеями, благо мир этот был бы скорее ничьей, чем проигрышем.

Согласно Диакону, Святослав обратился к соратникам с речью, удивительно напоминающей ту, что наш летописец вкладывает в уста героя, когда он "за малым не дошел Царьграда", то есть не то под Адрианополем, не то под Аркадиополем:

"Погибла слава, которая шествовала вслед за войском россов, легко побеждавшим соседние народы и без кровопролития порабоцавшим целые страны, если мы теперь позорно отступим перед ромеями. Итак, проникнемся мужеством, которое завещали нам наши предки, вспомним о том, что мощь россов до сих пор была несокрушимой, и будем ожесточенно сражаться за свою жизнь. Не пристало нам возвращаться на родину, спасаясь бегством; мы должны либо победить и остаться в живых, либо умереть со славой, совершив подвиги, достойные доблестных мужей".

Интересно, что отстаивают правильность датировки Диаконом этой речи те же ученые, что столь же безоговорочно уверовали в византийскую версию битвы при Аркадиополе (полный разгром русов вкупе с болгарами, мадьярами и печенегам). Как же это совместить с "до сих пор несокрушимой" мощью "россов"? Диакон где-то лукавит, или в описании битвы, или в датировке речи Святослава, а то и в обоих случаях. Лично я считаю именно так. Тем более, что не могу себе представить, откуда стала ему известна эта речь. Под Аркадиополем или Адрианополем источник мог быть какой угодно — от болгарского боярина, стоявшего рядом со Святославом, а позднее попавшего в плен или переметнувшегося, до притаившегося по соседству в кустах, ровно рояль какой, византийского беженца или шпиона. А вот в осажденном Доростоле... если там были византийские шпионы — могли бы и более полезным для родины делом заниматься, чем подслушивать речи русского государя. Попавший в плен рус? Дело очень маловероятное. Во-первых, ни Диакон, ни Скилица о таком диве вовсе не упоминают. Во-вторых, Диакон сразу после речи Святослава сообщает, что между русами принято в случае опасности неминуемого плена закалываться собственным мечом. То же самое говорит Ибн Мискавейх об участии одного молодого руса, которого толпа мусульманских фанатиков настигла в садах Бердаа. И даже в наших былинах, невзирая на тысячелетнюю "цензуру" христианства, не знавшего обстоятельств, оправдывающих самоубийство, сохранились образы положительных героев, в безвыходной ситуации бросающихся на собственный меч. Это богатырь Дунай, о котором мы уже говорили, это Данила Ловчанин из одноименной былины и его молодая жена.

Так что, скорее всего, речь Святослав произносил — а он ее, судя по всему, произносил, уж больно совпадают изложение ее у Диакона и у русского летописца — во время похода на Царьград. А уж потом, или просто перепутав, или из соображений композиции, Лев Диакон перенес ее в Доростол. Очень вероятно, что и прочие подробности "комента" есть домыслы византийского сочинителя. Первое предложение — домыслено с оглядкой на недавнюю ночную прогулку Святослава, второе — из окончания войны. Возможно, кому-то не понравится, что я применяю к "непогрешимым" византийцам те же методы, ко-

торые привыкли применять к нашим летописцам. Отвечу: кое-где сказано "Ибо какою мерою вы мерите, такою и вам отмерено будет". Или попроще, на лесной язычески лад: "Чем аукнется...".

Итак, к вечеру следующего после праздника Громовержца дня русы вновь вышли из крепости. Они построились, как обычно, стеною, выставили копья и ударили на врагов. На сей раз натиск русов был столь страшен, что над многократно превосходящими числом ромеями нависла угроза поражения. Варда Склир с патрицием Романом, внуком императора-адмирала, Романа Лакапина попытались обойти "фалангу россов" с тыла, и, отрезав их от города, истребить. Анемас, глава личной охраны императора, воодушевленный недавней победой над Икмором, жаждал новой славы, и потому отправился в их войске. Поначалу казалось, что армия Второго Рима побеждает, и Анемас даже схватился в поединке со Святославом, который, своей яростью в схватке воодушевлял русских воинов. Как водится у византийских летописцев, Анемас одолел вождя варваров... вот только даже в описании нанесенного крещеным арабом решительного удара соотечественники "победителя" не могут сойтись. Диакон утверждает, что удар был нанесен в ключицу, а Скилица — в "середину шлема" (?!). Оба, однако, сходятся на том, что Святослав упал с коня. Диакон добавляет, что его защитил кольчужный доспех. В любом случае, сын критского эмира недолго радовался своей победе — если она и была. Через недолгое время русы подняли его на копья. Любимец войска, отважный богатырь Икмор был отомщен. Невзирая на падение — или "падение" — Святослава, русы ничуть не были испуганы подвигом Анемаса, скорее — воодушевлены его гибелью. Это говорит, что Святослав, скорее всего, не был даже серьезно ранен в поединке с Анемасом. Во всяком случае, ни Диакон, ни Скилица даже не намекают на смятение и растерянность, подобные тем, которые овладевали-де русами после "гибели" Сфенкела-Свенельда и гибели Икмора. Напротив, русы с новой силой ударили на врага. И даже обратили его в бегство. Только тут на поле боя появился Цимисхий со своей гвардией. Однако даже его пример воодушевил не всех. Византийские авторы говорят, что в этот момент вся огромная армия Второго Рима не могла противиться горстке осажденных. Спасло ее от разгрома под стенами Доростола только чудо.

В решающий момент битвы вдруг в тылу византийцев поднялся страшный ветер, и разразилась настоящая буря, погнавшая облака пыли в глаза наступавшим русам. Плескали им в лицо и струи хлынувшего дождя. А впереди войска ромеев показался воин на белом коне, атаковавший варваров, воодушевивший греков своим примером и увлекший их в атаку. Ряды грозных русов, только что смявших и обративших в бегство солдат Восточного Рима, не могли устоять пред натиском этого одинокого воителя. Русам пришлось вновь отступить. Император долго разыскивал храбреца на белом коне, дабы достойно наградить пред войском. Однако не только не нашел его, но выяснил предельно странные вещи. Никто в армии не видел этого воина ни до, ни после этого сражения, более того, не видели его на поле сражения до начала бури. Даже на осторожных и трезвомыслящих людей Средневековья, не падких в большинстве своем, в отличие от наших современников, на всевозможную дешевую мистику, история с воином произвела впечатление. Лев Диакон говорит с осторожностью, которую не проявлял, расписывая победы ромеев: "впоследствии распространилось твердое убеждение, что это был великомученик

Федор Стратилат". Скилица, в очередной раз показуя свое отношение к фактам, заявляет, что битва произошла в день этого святого (17 февраля), что, мягко говоря, странно, поскольку он же только что говорил, что на дворе стояло 21 июля. В этот день праздновали память других великомучеников — тезки Стратилата и Георгия. В честь победы над русами эту пару, при жизни — сугубо гражданских лиц, стали почитать как воинов и заступников на войне. Федор же Стратилат был в империи, как специальный заступник от русов. Рассказывали, как в день битвы армии Цимисхия с русами, некой девице в Царьграде привиделся сон, в котором богородица — будущая "заступница земли русской" — отправляла Федора Стратилата против "скифов" на помощь Иоанну Цимисхию.

Так, странно и неожиданно, закончился этот роковой бой.

2. Перунья рень.

*Далеко та мель прославлена,
Широка и мрачна слава.
Нынче снова окровавлена
Светлой кровью Святослава*

Велимир Хлебников "Кубок печенежский".

На следующий день к императору явились послы Святослава с предложением мирных переговоров.

Русская летопись объясняет причины, толкнувшие князя на переговоры с врагом, на диво сходно с Иоанном Скилицей.

"Война шла неудачно для варваров, а на помощь не приходилось надеяться. Одноплеменники были далеко, соседние народы, из числа варварских, боясь ромеев, отказывали им в поддержке", пишет хронист Восточного Рима.

"А Русская земля далече, а печенеги с нами ратны, а кто нбам поможет?", говорит наш летописец.

И по летописи, и по Льву Диакону, Цимисхий с величайшей радостью согласился на переговоры. Возможно, цесарь чувствовал, что еще одного такого же удара его войску не выдержать, что силы его войска тают с каждой вылазкой русов. Между тем, за его спиной в городе царей уже зашевелились враги Цимисхия. Лев Фока, дядя недавно поверженного мятежника Варды и брат убитого Цимисхием Никифора, тот самый ненавистный жителям Константинополя хлебный спекулянт, оказался вовсе не ослепленным — палач, подкупленный его сторонниками, лишь обжег ему раскаленным железом веки. Он сбежал из темницы при помощи все тех же друзей, и готовился покинуть город, что могло стать началом еще одного мятежа. Предотвратило такое развитие событий лишь предательство одного из заговорщиков. Он сообщил властям города о бегстве и местонахождении узника, и злополучный Фока был, после недолгой схватки его сторонников с солдатами Цимисхия, схвачен, и ослеплен второй раз — уже на совесть, "без дураков". А сколько еще могло тлеть заговоров за спиной Цимисхия?

На следующий день два государя встретились, возможно, впервые увидев

друг друга Лев Диакон описывает эту встречу, что называется, в красках. По берегу Дуная к месту переговоров подъехала группа "сверкавших золотом всадников", во главе с императором, наверняка облаченным в парадные доспехи, включая традиционный Стефанос — украшенный зубчатым венцом шлем императоров Второго Рима. С другой стороны подгребла русская ладья. В ней сидело сорок дружинников Святослава. В белых рубахах, с бритыми подбородками и головами, они на взгляд византийцев, мало отличались друг от друга. А Святослав греб веслом наравне со всеми. Иоанн, которому наверняка накануне доложили об ударе мечом по ключице русского князя, который успел нанести перед смертью глава его телохранителей, мог разве что дивиться прочности варварского доспеха (и как тут было не вспомнить опять неуязвимого Ахилла?!), либо сетовать на количество вранья, которое приходится выслушивать правителям. Князя отличали от дружинников вовсе уж белоснежная чистота одежд, золотая серьга с рубином и двумя жемчужинами в одном ухе и прядь волос, свисавшая к этому уху от макушки ("признак знатности рода", отмечает Лев Диакон). Среднего роста, курносый, длинноусый, с крепким затылком и широкой грудью, князь сидел на гребной скамье на всем протяжении беседы с повелителем Восточно-Римской империи. Светло-синие глаза угрюмо смотрели из-под кустистых, мохнатых бровей.

Эта встреча, живописный контраст между варварской простотой государя Руси и ромейской раззолоченной пышностью, вдохновили не одно поколение художников. Ромеям в память она врезалась рядом обстоятельств. Во-первых, сама внешность русов, диковатая на взгляд византийцев. Остригать волосы среди подданных Второго Рима было принято разве что по случаю траура или судебного осуждения. Усы часто брили, зато бороды, наоборот, отпускали. Серьги носили среди мужчин только моряки. Я не буду останавливаться на том, что с точки зрения норманна внешность Святослава, чистокровного варяга-руса с обеих сторон, была бы отнюдь не "признаком знатности рода", а скорее "видом довольно жалким" и позорным. Мы уже говорили об этом в свое время. Говорили и о том, что это не могло быть тюркским, печенежским заимствованием, как иногда любят писать. Тюрки заплетали волосы в косы, печенеги же впечатляли бородами даже арабов. Это, конечно, типичный вид славянина-руга. Так же, как типично славянскими являются вооружение, боевое искусство и обряды воинов Святослава, равно как и имя их вождя.

Вторая причина, по которой византийцам должна была запомниться эта встреча — Святослав, как я уже сказал, сидел все время разговора с императором. В то время, как владык Восточного Рима полагалось приветствовать падением ниц — проскинезой. Этот азиатский обычай перейдет на Русь во времена дальнего потомка нашего героя, Ивана III, вместе с титулом царя — до того на Руси так называли правителей Византии и... Золотой Орды (!) — и уродливым двуглавым хищником. Впрочем, до этого не опустилась даже Ольга — в свой визит в Город царей она лишь кланялась Рожденному в Пурпуре, но не более. Ее сын не почтил императора-армянина даже вставанием.

И, наконец, третья — именно так, не выходя на берег из лодки, беседовали дипломаты империи с азиатскими дикарями. Сидя в лодке, говорил с аварским каганом полководец Приск в VI веке. Во времена Святослава именно так беседовали посланцы императоров Восточного Рима с печенегами. Византийской азиатчине в очередной раз указали на место.

Два последних обстоятельства ясно показывают — речь велась не о сдаче, не об условиях капитуляции русов, а о заключении мира.

По договору, добыча русов оставалась при них, и выплачивалась еще и мера зерна, два медимна — около 20 килограмм — на человека. Вернуть требовалось только пленных — тех, что пережили Перунов день в Доростоле. Впрочем, летопись упоминает, что Святослав вел на Русь "полон без числа", однако я склонен предполагать, что под ним скорее следует понимать болгар-язычников, слишком явно отличившихся сотрудничеством с русами, чтобы ожидать чего-то хорошего от крещеных соплеменников и тем более — азиатских оккупантов из Византии.

Итак, условия мира были вполне почетны.

Русы покидали Болгарию.

Но не зря Цимисхий, принимая послов Святослава, заметил, "что обыкновенные ромеев состоит в том, чтобы побеждать неприятелей более благодеяниями, нежели оружием". Он уже хорошо знал, что, пока жив этот человек, ни ему, ни Византии не будет покоя. К печенегам из захваченной Преславы выехало посольство во главе с Феофилом, епископом Евхайтским. Иногда говорят, что император попросту подкупил печенегов через это посольство, науськав их на возвращавшихся из дальнего похода русов. Вряд ли. Я уже говорил, что говорящие о подкупе печенегов недооценивают их дикость. Теперь скажу по-иному — они также недооценивают дипломатическую изоциренность епископа Евхайтского, и многовековой опыт интриганов Второго Рима. Он вполне мог, скрупулезно соблюдая букву договора с русами о мире, заявить в печенежском лагере: "Верный союзник империи Святослав отправляется на Русь. Император требует пропустить своего союзника". Все формальности были бы соблюдены — а враг империи обречен. Ибо ничто так не могло задеть печенегов, как превращение их грозного земного божества в союзника презренных ромеев.

Могут спросить — зачем вообще было прибегать к помощи печенегов? Ведь та же огненосная флотилия легко могла бы спалить суда русов еще в Дунае? Спросить так может человек, не читавший Льва Диакона. После костров Перуновой ночи и нечеловечески мощного натиска русских дружин на следующий вечер северные варвары вызывали у византийцев попросту суеверный ужас. Иоанн Цимисхий более не хотел сталкивать свое войско с этими людьми. Недавно Второй Рим спасло чудо. Но ведь оно может не повториться! Не следовало искушать господ. Древний, как сама империя, принцип — пусть варвары бьют варваров!

По летописи, "сотворив же Святослав мир с греками, пошел в лодьях к порогам. И сказал ему воевода отцов, Свенельд: "обойди, княже, пороги на конях — там стоят печенеги". Роль Свенельда в этой истории в высшей степени сомнительна. Он был со Святославом на Дунае. Но он не погиб вместе с ним и остальным русским войском, а выжил, и оставался влиятельнейшим человеком при сыне нашего героя, Ярополке. Что подразумевает, что вернулся он на Русь не одиноким беглецом, а с некоторым количеством воинов. Уж не сам ли он "обошел пороги на конях"? но тогда отчего он не прислал на выручку Святославу киевское войско? Он там, за Дунаем, должен был вместе с остальной дружиной, клясться: "где твоя голова падет, там и свои положим". Но он пережил князя, не сдержал клятвы. На странное, скажем так, поведение Свенельда

в этом деле обращали внимание еще С. М. Соловьев и Д. И. Иловайский, а в XX веке — Б. А. Рыбаков и И. Я. Фроянов. Это поведение тем более странно, что Свенельду, собственно, не надо было ехать за подмогой в Киев. Согласно первой Новгородской летописи, отец Святослава дал ему "в кормление" дань с уличей, живших не то в Среднем Поднепровье, выше порогов, не то в междуречье Южного Буга и Днестра. Он, по сути, был наместником великих князей киевских в этих землях.

Иоакимовская летопись говорит, что Святослав сам отправил Свенельда степью в Киев. После этого князь с большей частью войска двинулся на ладьях и зазимовал в Белобережье (берег Черного моря между устьем Днестра и Днепра). Зимой русское войско очень быстро съело выданное византийцами припасы хлеба. Под конец зимы воины Святослава стали уже покупать у местных жителей мясо, причем по огромной цене — полгривны за конскую голову. Кстати, еще один штрих к портрету "грабителей" и "хищнической дружины". Они покупали мясо, вместо того, чтобы попросту отобрать его. Наступила весна, за нею — лето. И все яснее становилось ожидавшим помощи воинам — помощь не придет. В Киев придется возвращаться самим.

Русское войско, перенесшее множество битв, все тяготы осады, голодную зиму Белобережья и долгий переход на веслах, встретили на днепровских порогах несметные орды степняков.

И все же — почему? Почему Свенельд, почему Ярополк не послали воинов в помощь государю и отцу? С. М. Соловьев: "но Свенельд волею или неволею мешкал в Киеве". Д. И. Иловайский: "Князь, конечно, поджидал помощи из Киева. Но, очевидно, или в Русской земле в то время дела находились в большом расстройстве, или там не имели точных сведений о положении князя — помощь ниоткуда не приходила". Но ведь именно Свенельд мог — должен был! — предоставить Ярополку и его ближним боярам, конечно, правившим от имени юного государя, "точные сведения о положении князя"! В XX веке целый ряд историков, занимавшихся этим вопросом, от специалистов — Рыбакова, Фроянова, Кузьмина — до дилетантов — Гумилева, Членова — пришли к неутешительному заключению: виновен! Свенельд, бывший с князем на Дунае, добравшийся до Киева первым, не пославший никакой помощи своему князю, и ставший самым влиятельным человеком у престола его наследника, сознательно предал Святослава. Именно так считали, похоже, и современники. Сын Святослава, Олег Древлянский, встретив в своих угодьях охотившегося сына Свенельда, Люта, спросил: кто гонит зверя? Услышав в ответ гордое "Свенелдич", Олег тут же убивает его. Если бы причиной убийства было нарушение охотничьих владений, не было смысла задавать какие-то вопросы, следовало просто покарать нарушителя. Но какие же причины побудили его к этому? Почему он убил, узнав, что перед ним — сын Свенельда? Первое, что напрашивается — месть Святославича за преданного отца. Итак, Свенельд — предатель? Но опять встает все тот же вопрос — почему?

На мой взгляд, как раз здесь верно угадал причину предательства Свенельда не специалист, а дилетант — Л. Н. Гумилев. Это тот редчайший случай, когда с данным автором можно согласиться. Он приходит к выводу, что после ухода самых ревностных сторонников древней веры на Дунай с князем Святославом, в Киеве исподволь возросло влияние христианской общины. Та же Иоакимовская летопись говорит о симпатиях Ярополка к христианам и хри-

стианах в его окружении. Это подтверждают другая, Никоновская, летопись и данные западных хроник. Послы Ярополка в Германию в 973 году, в Кведлинбурге, участвуют в праздновании пасхи, что, конечно, было бы невозможно, будь они язычниками. А то, что именно они представляли в державе Оттона киевского князя, говорит о большой роли этих христиан. Гумилев считает, что описанная Иоакимовской летописью расправа с христианами в войске Святослава, произошла уже после того, как русы оставили Доростол. Свенельд у него — глава уцелевших христиан, которые вместе с ним "бежали степью в Киев", тогда как Святослав с "верными языческими воинами пошел речным путем". Однако, как я уже показал, расправа над христианами скорее всего произошла не после окончания военных действий, а после падения Преславы. Известия о ней дошли в Киев с гонцами, принесшими приказ о разрушении церквей, равно как и угроза поголовного истребления христиан. Святослав обычно исполнял свои угрозы и обещания. Христиане Киева должны были это знать. Поэтому в их жизненных интересах было устроить в Киеве в отсутствие государя и самых ярых его единомышленников тихий переворот. С сохранением княжеского стола за сыном государя, дабы не восстанавливать против себя киевлян. Свенельд мог явиться к уже созревшему заговору со сравнительно небольшим отрядом. Ему предложили участие в нем — и старый воевода согласился. Был ли Свенельд все это время тайным христианином, сказать невозможно. "Варяжское" (вроде бы, хоть летописец нигде не именуется его варягом) имя, и появление его на страницах летописей в то же время, когда Игорь так неудачно пополнил выжженную греческим огнем дружину, дают, вроде бы, возможность дать положительный ответ. Но... как говорил еще Михайло Васильевич Ломоносов: "вероятности отрещись не могу; достоверности не вижу". Могло быть все что угодно, вплоть до отчаянных попыток Свенельда перехитрить заговорщиков и спасти вождя, удавшихся, но, увы — запоздавших. Кроме христиан, в заговор могли войти и столпы городской общины Киева, уязвленные тем, что перенос столицы, расширение державы, задуманное Святославом, отодвигает стольный Киев на второй план, превращая его в глухую провинцию. В поведении приехавших за князем новгородцев и отношении к ним князя столичные мужи вполне могли увидеть собственное будущее — при Святославе. Так что вновь оправдались намеки Цимисхия. "Германцы" нашлись и в окружении Святослава. Интересы христиан Киева и христиан Константинополя сошлись. Как в Болгарии во времена Бориса, христиане не просто вмешались в политику, как было при убийстве Игоря, но пошли об руку с врагами своего племени.

И. Я. Фроянов замечает:

"Причина неприятия киянами Святослава возникла, по-видимому, не на религиозной, а на политической почве".

Хочется процитировать другие слова из той же работы выдающегося историка, сказанные, правда, по другому поводу: *"приведенные выше соображения... базируются на слишком упрощенном, прямолинейном понимании восточнославянской истории, на избыточной вере в способность открыть ее тайны одним лишь ключом материалистического познания. Однако следует отказаться от закоренелых привычек и сделать более разнообразным инструментарий проникновения в секреты прошлого, иначе — подойти к проблеме... не только с материальной, но и с духовной, религиозной точки зрения".* Это

сказано по поводу зарытия кладов. Право, трудно бывает понять и лучших из историков, когда они готовы увидеть духовный смысл в закапывании золота в землю, но не хотят его видеть в столкновении вер, в религиозной войне.

Однако, в истории гибели Святослава есть и еще один слой, еще один подтекст. Этот подтекст, предупрежу сразу, читатель, для тех, кто всерьез готов сменить заржавевший материалистический "инструментарий проникновения в секреты прошлого". Материалисты вольны не читать этот абзац или полагать все сказанное в нем шуткой автора. Помните загадочного всадника на белом коне, явившегося в буре и грозе и обрушившегося на полки русов под Доростолом? Ромеи увидели в нем Федора Стратилата. А кого могли увидеть в нем русы? Кто он, Воин на белом коне, скачущий впереди бури? Уж не сам ли Метатель Молний? В скандинавском эпосе есть немало примеров тому, как Бог — покровитель героя, с оружием в руках встает против него в сражении. И это означает одно — срок, отведенный Пряхой земной жизни героя, окончен. Валгалла, Покой Павших, ждет его. Есть схожий сюжет и в русском эпосе, в сюжете с выразительным названием "Отчего перевелись богатыри на Руси". После страшной, но победоносной битвы с врагами молодые богатыри начинают хвастать, что способны одолеть даже небесную силу. И небесное воинство принимает вызов. Бессильные против воителей небес, богатыри скрываются в пещерах, окаменевают, уходят в монахи — проще говоря, уходят в другой мир. Так не было ли и здесь того же? Может, оттого и идет Святослав в ловушку столь хладнокровно и бесстрашно, что знает — его срок настал? Говорят, герои былых времен знали свою судьбу. Может быть, Святослав уже увидел приближение времени в глазах Всадника под стенами Доростола. И хотел только одного — принять Таинство Смерти из рук честного врага. Не клятвопреступника и братоубийцы. Не раба Распятого Мертвеца. В остальном же ромеи ничем не отличались в глазах русов от степняков.

Смерти князь не боялся. Как скажет одни из его потомков: *"Дивно ли, если муж умер на войне? Умирили так лучшие из предков наших"*. А в те, языческие времена, заветы Высокого — Одина, Волоса русов, изложенные в Старшей Эдде, гласили:

*Гибнут стада,
Родня умирает,
И смертен ты сам;
Но смерти не ведает
Громкая слава
Деяний достойных.*

Деяний же Святослава хватило бы иному не на одну долгую жизнь. Он закрыл дорогу на Русскую землю первопроходцу Drang nach Osten, епископу Адальберту. Он завершил дело предков, добил чудовище Хазарского каганата. Он поверг в трепет Город царей, вселив в сердца его обитателей ужас, какой не удалось пробудить в них никакому иному воителю. Как нам, сегодняшним, поверить — человеку, совершившему все это, в год последней битвы было только тридцать лет?!

И не зря во главе печенегов у порогов оказывается не военный вождь, а Отец Куркут, Куря русской летописи. И не зря местом гибели Святослава ста-

новится Перунья рень — отмель ниже порогов. Та самая, что станет последним приютом киевскому кумиру Перуна в кровавые дни Крещения. Так в последний раз встретятся свергнутый Бог и Его погибший воитель.

3. Наследие и бессмертье

*А братья княжие друг друга корят,
И жадные вороны с кровли глядят,
Усобищу близкую чуя...*

А. К. Толстой "Три побоища"

Так закончилась эта жизнь, которая была, кажется, одной войной. Мы встретились с нашим героем на поле битвы — на поле битвы мы с ним и расстались. Те, кто ценил золото больше оружия, жизнь — дороже чести, могли вздохнуть спокойно. Северный полубог вернулся в те пределы, из которых пришел в наш средний мир. Самый сильный и беззаветный поборник древней Веры погиб, и никто не мог уже всерьез помешать обращению детей Рода в рабов Распятого.

"Тако приа казнь от бога", злорадствует Иоакимовская летопись. Наверно, радовались, услышав о гибели грозного князя, христиане Киева и Константинополя.

Вскоре вслед за ним ушел и тот, кто подарил ему смерть — Куркуте, Куря. Во всяком случае, никто больше не упоминает его ни в летописях, ни в византийских хрониках. Писатели популяризаторы "заставляют" то Владимира, то Ярослава "отмщать" за пращура, побеждая Курю. Но это — домыслы, не более того. Литература. Нигде такого нет, ни в каких источниках. Полно — чтобы прародитель всех шаманов принял смерть от сына или внука хазарской хопки?

Упомянутые литераторы заставляют также "победителей" Кури изымать у "побежденного" череп Святослава. Дело в том, что, по летописи, из отрубленной головы Святослава печенежский "князь" сделал кубок, оправив его в серебро и золото. Летописцы-монахи добавляли, что на этой чаше он сделал надпись "чужих ища, своя погуби". Даже напоследок они старались кольнуть ненавистного Святослава. Для них такой конец был унижением, доказательством всеконечного поражения язычника. Они смаковали его, как смаковали гибель ладей отца Святослава от греческого огня, как смаковали его смерть в Древлянской земле. И для них, и для тех писателей, о которых я говорил, в поступке печенежского вождя было только надругательство над останками русского героя. На самом деле для потомков скифов это был знак величайшего уважения к благородному врагу. Некоторые скифские племена поступали так с умершими родственниками, причем с самыми почитаемыми из них. Уходит этот обычай к седой арийской древности, к обрядовым чашам из людских черепов древних ариев — "капала". Так что это вовсе не изуверская выдумка космоглазых степняков, как почему-то думают. Чаши из черепов упоминаются в скандинавской "Эдде". Не чужды они и славянской традиции. На Руси были песни про ведьму, сделавшую "ендову" — пиршественную чашу — из черепа

молодца. Есть и сказка про то, как некий добрый молодец, неоригинально названный Иваном, взял, так сказать, реванш — одолел девятерых ведьм-Ягинишен и понаделал из их голов "чашек". Да и постоянное сравнение головы врага с "пивным котлом" в русском и болгарском эпосе не на голом месте возникло. Алеша Попович так прямо предлагал князю: "коли нету у тебя пивна котла — так вот тебе Тугаринова буйна голова".

Так что не надругательство это было. Во всяком случае, не большее, чем средневековый обычай расчленять на части мощи святых и делить их между разными соборами и монастырями.

Что до "надписи", сделанной-де печенегами и представляющей своего рода конспект-резюме упреков киевлян своему князю, то это и вовсе выдумка летописцев. Даже не потому, что печенеги сами беспрестанно "чужого искали" и не могли видеть в таком образе жизни ничего плохого. Просто печенеги не умели писать. У тюрков была своя письменность, восходящая к сарматским рунам, но ни одного ее памятника не сохранилось в землях, где кочевали печенеги.

И напоследок, о черепе Святослава. В одном из поздних летописных списков приведена очень любопытная подробность. Чашу эту, оказывается, печенежские князья, использовали в обряде зачатия детей. Перед тем, как лечь на ложе, князь и княгиня поочередно пили из этой чаши, твердя, словно заклятье: "Пусть дети наши будут такими, как Он". Такую деталь придумать невозможно, тем паче чернецу-летописцу. Дело в том, что именно в таких, тантрических обрядах использовали арии свои "капала".

А с Русью после гибели Святослава случилось то же, что было с империей Александра после смерти ее основателя, что с римской республикой, когда погиб Цезарь. Те, кто княжил на Руси, слишком мало видели отца, да и погиб он слишком молодым, чтоб оставить свой отпечаток на их душах. О "Сфенге" мы вообще не знаем ничего кроме краткого сообщения византийских хроник под 1016 годом. Между теми же, кто остался на Руси, честь, воля и ум отца распределились неравномерно. Вспыльчивому Олегу хватало и чести, и воли... но недоставало ума, или, по крайней мере мудрости. Ярополк был честен и даже умен, только вот воли в нем было ничтожно мало, слишком мало для правителя даже Киевского княжества, не говоря уж про всю громаду оставленной отцом Державы. Наконец, на севере, под бдительным оком внимательного и умного хазарина вольноотпущенника, скрывшегося за славянским именем Добрыня, подрастал тот, кому судьба вдосталь отмерила и ума, и воли — вот только начисто обделила честью.

Мальчишки, разбросанные по просторам Державы, не очень ощущали себя одною семьей. Гораздо ближе им были их дядьки-воспитатели, да окружавшая их местная знать. Подвижный "центр" Державы — великий князь со своею дружиной — погиб. Среди же уцелевших сыновей князя не нашлось никого, способного стать главой княжеской семьи. Подчинение отцу объединяло их, теперь, после его гибели, они чувствовали себя равноправными. Такое положение было чревато катастрофой. И она вскоре разразилась.

Я уже говорил, что сын Свенельда Лют заехал, в 974 году, на охоте в Древлянские земли — отделенные от полянских, киевских, только лежащей не так уж далеко от Киева. С ним столкнулся охотившийся там же Олег, и, узнав, что перед ним — сын Свенельда, убил его. Обезумевший от горя отец стал требо-

вать у Ярополка мести за своего сына. Отношения между братьями разладились, и через два года вражда, подогреваемая давней распрей полян и северян с древлянами, вылилась в настоящую войну. Дружина Ярополка, киевское и северское ополчения вкупе с печенегами князя Илдеи опрокинули небольшую дружину Олега и древлянское земельное ополчение. В повальном бегстве сбросили с моста у ворот Вручьего самого Олега — юный князь, очевидно, пытался остановить бегущих. На плечах бегущих дружина Ярополка и печенеги Илдеи ворвались во Вручий. Древляне в панике бросали оружие. Стали искать Олега, не нашли — и тут какой-то древлянин вспомнил, что видел, как князя столкнули с моста. Полдня разбирали чудовищный завал из людских и конских трупов под мостом. К полудню нашли Олега, вынесли, уложили на ковер. Потрясенный Ярополк, заливаясь слезами ужаса, горя, раскаяния, бросил Свенельду: "смотри — этого ты хотел?!". История не сохранила ответа старика воеводы, служившего уже третьему поколению Рюриковичей. Во всяком случае, после гибели Олега Свенельд навсегда покидает страницы летописи. В это же время, убоявшись якобы судьбы Олега, бежит "за море, к варягам" Владимир. Излишне прибавлять, что скандинавские саги ни слова не говорят о пребывании отлично известного им "конунга Вальдемара" в Скандинавии. Скорее всего, Владимир и Добрыня были в землях захваченных немцами полабских славян и вербовали там наемников из перебежчиков и изгоев. С ними они и вернулись на родину через несколько лет, изгнав из Новгорода людей Ярополка, среди коих, наверное, был и знакомый нам склонный к поэзии мечник Полтвец, и захватив город. После этого Владимир посватался к дочери полоцкого князя Рогнеде, нареченной невесте Ярополка, нарвался на отказ, вспылал, ударил на Полоцк, захватил его. Отметил победу тем, что сначала изнасиловал Рогнеду на глазах отца, Рогволода, и двух братьев, а потом приказал убить их на ее глазах. Захватил Киев. Люди Ярополка предали его, и он, согласившись на переговоры, был убит из засады варяжскими наемниками Владимира. Это было первое на Руси братоубийство. Не казнь предателя, как казнил Святослав брата Глеба, не трагическая случайность, как смерть Олега. Хладнокровное убийство побежденного, согласившегося на переговоры родича. Не оправданное ничем, кроме жажды власти, сжигавшей сына хазарки.

Сбывалось пророчество вельвы. Пришел и на Русь "век секир" Эдды, Железный век эллинов, арийская Кали-Юга.

О правлении братоубийцы написано много. Много слепых заблуждений, много бесстыжей лжи. Очень мало правды. Нам, исследующим жизнь и смерть его отца, важно одно. Он был полнейшей противоположностью отцу. Стоит только сравнить их войны...

Мог ли кто-нибудь из соратников Святослава — Асмунд, Икмор, Свенельд или Волк — сказать, к примеру: "Посмотрел я пленных, все в сапогах. Эти дани платить не будут, поищем-ка лапотников!". Разве Олег или Игорь, не говоря уж про Святослава, искали прибыльных и безобидных "лапотников"? А ведь сказал не просто приближенный — воспитатель недостойного Святославича. Чему он мог научить? Это очень заметно по жизни воспитанника, как уроки Асмунда мы читали в жизни нашего героя.

Разве мыслимо представить Святослава, Игоря или Олега — прячущимися от вражеской конницы под мостом или спокойно выслушивающего, принимающего оглушительно наглые условия степного дикаря, вассала, холопа пред-

ков?

Это при нем достались диким кочевникам отвоеванные отцом и дедом черноземы Дона, Донца, нижней Волги. Они могли уже тогда стать житницами Руси — а стали логовами терзающих ее хищников. На пять, а то и на восемь веков!

Он поклонился тому, что попирал его отец, он швырнул в грязь и конский помет Боричева увоза Тех, Кому отец поклонялся. Сознательно или нет — он продолжал дело своих хазарских предков — втоптывал русов и славян, кровь от крови и плоть от плоти синеглазой, белокурой, просто белой Европы в косоглазую грязь Евразии.

Однако наследство его отца, преданное, затоптанное, жило и пробивалось на свет языками торфяного пожара то тут, то там.

В 1071 году пленные волхвы, схваченные князьим воеводой Яном Вышати-чем, кстати, прямым потомком Добрыни Хазарина, будут под пытками дожидаться неминуемой мучительной казни. И, когда их палач глумливо полюбопытствует, что-де сказали им Боги, один из кудесников выдохнет окровавленным, разодранным ртом: "Встать нам пред Святославом!".

Сколько недоразумений породило совпадение — в те годы в Чернигове княжил Святослав Ярославич. Историки тут же решили, что речь о нем, и стали гадать, отчего волхвы добиваются его суда. Да какое дело служителям Древних Богов было до князя-христианина? На что был им его суд? К иному Святославу взывали они. К последнему полубогу Руси, Европы, неукротимому поборнику Древней Веры.

"Слово о полку...", насквозь языческое, полно отсылками ко временам Святослава. И вряд ли случайными.

Потом — термоядерная зима монгольского нашествия. Церковь, об ручку с захватчиками жирующая на руинах. И дальше — века за веками, казалось, забытыми о Святославе. Кому было о нем вспоминать? Татарам? Отатарившейся московской знати? Ненавидевшей его — вспомните характеристики из жития Ольги — христианской церкви? Или обезглавленному, втоптанному в азиатское рабство, задавленному данью народу? Только корабельщики, водившие суда через Днепровские пороги, рассказывали, что грозная и страшная тень по имени Рус поднимается над ними в урочную ночь, и горе тогда и басурманину, и крещеному человеку...

Потом, с появлением русской литературы, когда столица отодвинулась к Варяжскому морю, а в глазах русских вновь мелькнул стальной имперский блеск, о нем начали мало-помалу вспоминать. Все, кто обращал взгляды свои в глубины нашего прошлого, останавливали свои взоры на нем. Он поневоле заметен. Среди предков, мудрецов, творцов, героев, он — Титан. Полубог. Через десять веков звучат в душе каждого русского его слова "Иду на вы" и "Мертвые сраму не имут".

Кажется, уже не подступить к нему. Полевой и Вельтман, Рылеев и Хлебников, Загорный, Скляренко, Пономарев — список можно длить и длить скажу проще: немного сыщешь таких, кто писал о Руси и не писал бы о нем. Однако все видели лишь ноги его — и походы. Руки — и сражения. Мощную грудь — и бьющееся там отважное сердце. Видели полководца и героя — героя в сегодняшнем разумении (становящегося на глазах вчерашним — уже произносим без рвотного рефлекса название пакостной передачи "Последний герой"). То

бишь защитника Отечества, человека беззаветной ратной отваги, но и только.

Да мало ли их у нас? Ими стояла, стоит, и, волею Богов, стоять будет Русь. Мономах и Дмитрий Донской, Ермак и Минин с Пожарским, Шереметев, Суворов, Кутузов, Ермолов, Скобелев, Брусилов, Шаманов — лишь знатнейшие, самые яркие из несметных легионов немеркнущих звезд, имя которым — ратная слава России.

Но как звезды перед солнцем, меркнут они перед ним, скромно отступая в тень того царственного Фарна, той ауры, что окружает одинокого Титана.

Беда писателей — да и ученых — в том, что они не поняли его времени. Будучи христианами и атеистами, они и не могли понять. Они видели начало своей эпохи там, где был конец эпохи его. Они считали его Первым Великим князем Киевским, а он был Последним — последним князем языческой Руси, последним языческим государем Европы. За ним стояла не страна — мир. Уходящий в небытие мир языческого Севера, последнего оплота Великого Пана. Лишь Александр Федорович Вельтман, потомок, как и Даль, датских выселенцев, директор оружейной палаты Кремля, историк и писатель, в романе своем "Райна, королева Болгарская" вымолвил однажды в каком-то мгновенном, вещем озарении: "Святослав был последний представитель быта владетельного рода Руссов — поколения древних земных Богов".

А его страна, его народ погружались все глубже в воды кромешного мира, гордо именуя это прогрессом. И византийских уродцев сменило на башнях Кремля другое чудище торжествующей Евразии — Щит Соломона, венчавший некогда башни каганата.

Но нет худа без добра — на исходе XX века объявились люди, не скажу сумевшие — хотя бы захотевшие понять его, угадать его мысли и чувства по зарницам отблесков в его глазах. Не только друзья — его вспомнили и враги. Я уже писал в самом начале книги об американце Тертлдаве. В его романах "Возвышение Криспа" и "Крисп Видесский" изображен главарь шайки грабителей и убийц с севера, бессмертный колдун, земной наместник Скотоса, Сатаны, выдуманного Тертлдавом мира — Арваш Черный Плащ. В описании его войны с империей Видесс византист Тертлдав почти дословно повторяет Скилицу и Диакона. Что ж, хоть так — все не "просто разбойник" наших надутых и пустых, словно мыльные пузыри, снобов-историков. Но я не про Америку, я про Россию. Вспоминают князя и здесь. В 2002 году в Москве впервые прошло празднование Дней памяти Святослава Игоревича, организованные Фондом развития традиционной культуры и Музея Константина Васильева (единственного художника из известных мне, близкого по духу великому князю). Отчего-то начало этих дней было назначено на 20 апреля. В том же году Общество родноверов Украины учредило Орден Святослава Хороброго. Там же, в Малороссии, поговаривают и о памятнике (давно пора!). Крепкие славянские парни бреют наголо головы, словно дружинники Святослава, татуируют руки, как и они, и называют голубоглазых сынишек в честь последнего полубога Руси. Но до сих пор, кажется, никто не предпринял попытки написания его полной биографии. Жизнеописания великого язычника, написанного не чуждым ему по духу человеком, профессионально изучающим его эпоху. Написать о той далекой эпохе и достоверно, с твердой опорой на источники, и живо. Я попытался. Удалось ли — судить вам, читатель.

Я же закончу свой труд словами печенежского князя, поднимающего кубок

из черепа Полубога:

— Пусть дети наши будут такими, как он!

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ.

1. Азбелев С. Н. Предания о древнейших князьях Руси по записям IX-XX вв. // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып.1. М., 1997.
2. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
3. Беляев Е. А. Арабы, ислам и арабский халифат. М., 1965.
4. Былины. М., 1998.
5. Введение христианства на Руси. М., 1987.
6. "Великая хроника" о Польше, Руси и их соседях XI-XIII вв. М., 1987.
7. Вернадский Г. В. Древняя Русь. Тверь — М., 1996.
8. Веселовский А. Н. Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском. // ИОРЯС, т. XI, кн. 3. СПб., 1906.
9. Вилинбахов В. Б. Об одном аспекте историографии варяжской проблемы.// Скандинавский сборник, вып. VII, 1963.
10. Вилинбахов В. Б. Современная историография о проблеме "Балтийские славяне и Русь"// "Советское славяноведение", 1980, №1.
11. Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Репринтное издание. М., 2000.
12. Гедеонов С. Варяги и Русь. СПб., 1876.
13. Гильфердинг А. Ф. История Балтийских славян. М., 1991.
14. Глазырина Г. В. Исландские викингские саги о Северной Руси: тексты, перевод, комментарий. М., 1996.
15. Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI-XX вв. М., 1991.
16. Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX-XII вв.). М., 1998.
17. Долгов В. В. Очерки истории общественного сознания Древней Руси XI-XIII веков. Ижевск, 1999.
18. Древнерусские предания (XI-XVI века). М., 1982.
19. Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.
20. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учебное пособие для студентов вузов. М., 1999.
21. Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.
22. Ельски А. Татуировка. Минск, 1997.
23. Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен, ч. 1. М., 1908.
24. Иловайский Д. И. Начало Руси. М., Смоленск, 1996.
25. История боевых искусств. Россия и ее соседи. М., 1997.
26. Как была крещена Русь. М., 1989.
27. Карамзин Н. М. История государства российского в 12-ти томах. М., 1989. Т.1.
28. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.
29. Карпов А. Ю. Владимир Святой. М., 1997.
30. Кожинов В. В. История Руси и русского слова. Опыт беспристрастного исследования. М., 2001.
31. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
32. Королев А. С. Загадки первых русских князей. М., 2002.
33. Костомаров Н. И. Раскол: Исторические монографии и исследования. М., 1994.
34. Костомаров Н. И. Русская республика. М., Смоленск, 1994.
35. Кузьмин А. Г. Варяги и Русь на Балтийском море// Вопросы истории, 1970, №10.
36. Кузьмин А. Г. Об этнической природе варягов.// Вопросы истории, 1974, № 11.
37. Кузьмин А. Г. Истоки культурных особенностей западнославянских языческих храмов// Вопросы истории, 1980 № 4.
38. Кузьмин А. Г. Падение Перуна. М., 1988.
39. Кузьмин А. Г. Руги и русы на Дунае.// Средневековая и новая Россия. СПб., 1996.
40. Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988.
41. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.
42. Лев Диакон. История. М., 1988.
43. Литаврин Г. Г. Византия и славяне. СПб., 2001.
44. Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985.
45. Матерь Лада. Божественное родословие славян. Языческий пантеон. М., 2003.
46. Мец А. Мусульманский ренессанс. М., 1966.
47. Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее Средневековье. М., 2002.
48. Младшая Эдда. М., 1994.
49. Наза-

- ренко А. В. О языке восточноевропейских варягов IX-X вв. (*Rod(s) -? — Русь — Rōe — Ruzzi)// Восточная Европа в древности и средневековье. X чтения к 80-летию члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. М., 1998. 50. Нидерле Л. Славянские древности. М., 2000. 51. Никитин А. Л. По следам апостола Андрея// Наука и религия, 1990, № 9-12. 52. Никитин А. Л. Праматерь всех князей русских.// Наука и религия, 1991, № 3. 53. Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М., 2000. 54. Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. 55. Откуда есть пошла Русская земля. Века VI-X. В 2 кн. М., 1986. 56. Перес Ж.-Б. Почему Наполеона никогда не было.// Наука и религия, 1993, № 1. 57. Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX-XI веков. Смоленск — М., 1995. 58. Петрухин В. Я. Славяне. М., 1997. 59. Плетнева С. А. Кочевники средневековья. Поиск исторических закономерностей. М., 1982. 60. Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989. 61. Плетнева С. А. Хазары. М., 1986. 62. Поэзия скальдов. Л., 1979. 63. Прозоров Л. Р. Еще раз о начале Руси.// Государство и общество, 1999, № 3-4. 64. Прозоров Л. Р. Мятажи волхвов в Верхнем Поволжье: индоевропейские параллели.// Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Ижевск, 2002. 65. Прозоров Л. Р. Этническое и расовое самосознание в русском эпосе.// Этнический фактор и политика. История и современность. Ижевск, 2000. 66. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2002. 67. Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 2000. 68. Радзивилловская летопись. (Факсимильное воспроизведение рукописи. Текст. Исследования. Описание миниатюр) В двух томах. СПб., 1994. 69. Рапов О. М. Знаки Рюриковичей и символ сокола // Советская археология, 1968 № 3. 70. Рапов О. М. Русская церковь в IX— первой трети XII вв. Принятие христианства. М., 1988. 71. Розанов В. В. Юдаизм // Тайна Израиля. СПб., 1993. 72. Русанова И. П., Тимощук Б. А. Языческие святилища древних славян. М., 1993. 73. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1993. 74. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 2001. 75. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 2001. 76. Санкина С. Л. Возвращаясь к норманнской проблеме.// Этнографическое обозрение 1998, № 2. 77. Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. М., 1991. 78. Седов В. В. Славяне в древности. М., 1994. 79. Седов В. В. Славяне в раннем Средневековье. М., 1995. 80. Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002. 81. Серяков М. Л. "Голубиная книга" — священное сказание русского народа. М., 2001. 82. Славяне и Русь: проблемы и идеи. М., 1998. 83. Славяне и скандинавы. М., 1986. 84. "Слово о полку Игореве". Древнерусский текст и переводы. М., 1981. 85. Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1995. 86. Старшая Эдда. СПб., 2000. 87. Соловьев С. Н. Сочинения. Кн. 1. М., 1988. 88. Татищев В.Н. История Российская// Собрание сочинений в восьми томах. Т. 1-6. М., 1994-1996. 89. Тимофеев В. П. А все-таки "Людота коваль"! (Названия днепровских порогов — возвращаясь к старой проблеме)// Сборник русского исторического общества. №1 (149). М., 1999. 90. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948. 91. Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI-X вв.). СПб., 1996. 92. Фроянов И. Я., Юдин Ю. И. Былинная история. СПб., 1997. 93. Херрман Й. Полабские и ильменские славяне в раннесредневековой балтийской торговле.// Древняя Русь и славяне. М., 1978. 94. Хлевов А. А. Предвестники викингов. СПб., 2002. 95. Хомяков А. С. Семира-

мида// История, 1997, №3. 96. Честертон Г. К. Вечный Человек. М., 1991. 97. Членов А. М. По следам Добрыни. М., 1986. 98. Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. 99. Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. М., 2002. 100. Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского Средневековья. М., 1956.

Notes

[^^^]